

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА

ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1963 г.

ISSN 2075-7794

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-36765

№ 1, 2011

Выходит 2 раза в год

Главный редактор:

канд. полит. наук *Н. Г. ОЧИРОВА*

Заместители главного редактора:

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева,*

канд. фил. наук *Э. У. Омакаева*

Редакционный совет:

акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель),

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*,

акад. РАН *Г. Г. Гамзатов*, чл.-кор. РАН *В. М. Гацак*, д-р экон. наук *О. В. Иншаков*,

д-р ист. наук *И. Ф. Попова*

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров*, д-р фил. наук *Т. Г. Басангова*,

канд. юр. наук *Л. В. Батиев*, канд. фил. наук *Е. В. Бембеев*,

д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*, д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*,

д-р ист. наук *К. Н. Максимов*, д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*,

канд. фил. наук *В. В. Куканова* (отв. секретарь), д-р ист. наук *У. Б. Очиров*,

д-р фил. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, канд. пед. наук *Б. К. Салаев*,

канд. ист. наук *В. П. Санчиров*, д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*

Адрес редакции и издателя:

358000 Республики Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8;
тел. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; факс (84722) 2-37-84

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com

Сайт: www.kigiran.com

© Учреждение Российской академии наук
Калмыцкий институт гуманитарных
исследований РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-ЛЕТИЮ КИГИ РАН	<i>Очирова Н. Г.</i> Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН: история и современность.....7
ИСТОРИЯ	<i>Санчилов В. П.</i> Анонимное «Сказание о дурбэн-ойратах» как исторический источник19 <i>Трепавлов В. В.</i> Кучумовичи и калмыки: геополитический мезальянс22 <i>Тепкеев В. Т.</i> Хан Аюка: первые годы правления35 <i>Батыров В. В.</i> Этническая группа деед ламин шевнр: из истории шабинеровского сословия Яндыковского улуса в XIX веке42 <i>Максимов К. Н.</i> 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия в военной истории Калмыкии48 <i>Белоусов С. С.</i> Государственная власть и деятельность русской православной церкви на Юге России (1990–2000 гг.)55
АРХЕОЛОГИЯ	<i>Очир-Горяева М. А., К. фон Карнап Борнхейм, Кекеев Э. А., Манджикова Л. Д.</i> Поселение «Башанта» с каменными постройками эпохи Средневековья63 <i>Кекеев Э. А.</i> Анализ археологического материала раскопок курганной группы «Восточный Маныч»70 <i>Буваев Д. А.</i> Материалы исследований курганного могильника «Гашунский»75
ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ	<i>Бакаева Э. П.</i> К проблеме определения шаманства (о современных подходах в религиоведческих исследованиях)81 <i>Шараева Т. И.</i> Обряды включения ребенка в социум отца на первом году жизни84 <i>Балинова Н. В.</i> Структура сельских популяций Икрянинского района Астраханской области (по материалам полевых исследований 2008–2010 гг.)88
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	<i>Команджаев Е. А.</i> Законодательные акты как основа формирования правового сознания калмыков в XVII–XVIII веках93 <i>Гунаев Е. А.</i> Проблемы государственного и общественно-политического развития Республики Калмыкия в начале 1990-х годов в зеркале решений съездов калмыцкого народа и народа Калмыкии97
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	<i>Бадгаев Н. Б.</i> О некоторых особенностях системы вокализма и консонантизма среднемонгольского языка: к проблеме унаследованного и приобретенного (на материале словаря «Мукаддимат ал-Адаб»)103 <i>Бурькин А. А.</i> Эрцес ~ Иртыш. К этимологии эпического и исторического гидронима110 <i>Лиджиев А. Б.</i> Материалы к изучению устаревшей военной лексики калмыцкого языка113 <i>Бембеев Е. В.</i> К вопросу о частицах калмыцкого языка (историко-сравнительный аспект)117

	<i>Омакаева Э. У.</i> Глагол как доминанта в свете модельного описания предложения-высказывания в монгольских языках (проблемы классификации)	123
	<i>Очирова Н. Ч.</i> О деепричастиях и деепричастных оборотах в романе К. Эрендженова «Үалан хадһл» («Береги огонь»)	132
	<i>Мулаева Н. М.</i> Сравнения в произведениях Л. Инджиева «Харалта өдрмүд» («Проклятые дни») и «Большевикүд» («Большевики»)	136
	<i>Куканова В. В.</i> Архитектура метаописания в Национальном корпусе калмыцкого языка	139
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	<i>Музраева Д. Н.</i> «Сутра о мудрости и глупости». Литературная судьба буддийского канонического сочинения в монголо-ойратском мире XVI–XX веков	146
	<i>Кукеев А. Г.</i> О биографии Кункен Жамьян Шадба I	153
	<i>Борлыкова Б. Х.</i> Хальмг амн үгин зокъял Даван һэрэн «Алтма» поэмд (Фольклор в поэме Г. Даваева «Алтма»)	156
	<i>Зумаева Д. Ю.</i> Философская парадигма Востока в современной русскоязычной поэзии Калмыкии (на примере цикла стихов Р. М. Ханиновой «В тени Конфуция»)	162
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	<i>Убушиева Д. В.</i> Песня «О битве богатыря Алого Хонгора с Авланги ханом» в записи от Бадмы Обушинова (к вопросам текстологии)	168
	<i>Селеева Ц. Б.</i> Динамические и статические свойства пространства и времени в калмыцком героическом эпосе «Джангар»	173
	<i>Басангова Т. Г., Манджиева Б. Б.</i> Калмыцкая кумулятивная сказка: проблемы классификации и сохранности текстов	177
	<i>Горяева Б. Б.</i> Национальная специфика калмыцких народных сказок: локальные, контаминированные и обрاملенные сюжеты	182
	<i>Надбитова И. С.</i> Сюжетный фонд калмыцких волшебных сказок	188
	<i>Осорин У.</i> Шинжэнэ өөрднрин домг, домг-үлгүрин болн сидтэ туульсин туск шинжллт (О мифах, легендах и волшебных сказках ойратов Синьцзяна)	193
ЭКОЛОГИЯ	<i>Габуницина Э. Б.</i> Проблемы водоснабжения Северо-Западного Прикаспия	197
	<i>Габуницин С. В.</i> Загрязнение атмосферного воздуха как проблема экологической безопасности (на примере Республики Калмыкия)	200
РЕЦЕНЗИИ	<i>Стецура Ю. А.</i> Судьба Калмыкии и калмыков в монографии К. Н. Максимова «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки»	204
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ		211
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ		214
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ		224

CONTENT

BY 70TH ANNIVERSARY OF KIGI RAS	<i>Ochirova N.</i> Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences: History and Modernity7
HISTORY	<i>Sanchirov V.</i> Anonymous «The Story of Durben-Oirat» as a Historical Source19
	<i>Trepavlov V.</i> Kuchumoviches and Kalmyks: Geopolitical Misalliance35
	<i>Tepkeev V.</i> Ayuka Khan: the First Years of the Reign
	<i>Batyrov V.</i> Ethnic Group Deed Lamin Shevnr: from History Shabinerovsky Estate of the Yandykovsky Ulus in the 19th Century42
	<i>Maksimov K.</i> 110th Separate Kalmyk Cavalry Division in War History of Kalmyks48
	<i>Belousov S.</i> State Authorities and Work of Russian Orthodox Church in the South of Russia (1990–2000)55
ARCHEOLOGY	<i>Ochir-Goryaeva M., C. von Carnap Bornheim, Kekeev E., Mandzhikova L.</i> «Bashanta» Settlement with Stone Buildings of the Middle Ages63
	<i>Kekeev E.</i> Analysis of Archaeological Material of Excavation of the «East Manych» Mound Group70
	<i>Buvaev D.</i> Materials of Studies of «Gashunsky» Burial Mound75
ETHNOLOGY & ANTHROPOLOGY	<i>Bakaeva E.</i> Problem of Definition of Shamanstvo (the current approaches in Religious Studies)81
	<i>Sharaeva T.</i> Ceremonies of Including of Child in the Father's Society for the First Year of Life84
	<i>Balinova N.</i> Structure of Rural Populations of Ikryany District of the Astrakhan Region (based on field studies 2008–2010)88
JURISPRUDENCE	<i>Komandzhaev E.</i> Law Documents as a Basis of Forming the Kalmyk Legal Consciousness in the XVII–XVIII Centuries93
	<i>Gunaev E.</i> Problems of State, Social and Political Development of the Republic of Kalmykia in the Early 1990-s in the Mirror of Decisions of Congresses of the Kalmyk People and the People of Kalmykia97
LINGUISTICS	<i>Badgaev N.</i> Some Features of Vowel and Consonant Systems in Mid-Mongolian Language: towards a Problem of Inherited and Acquired (based on the Dictionary «Mukaddimat Al Adab»)103
	<i>Burykin A.</i> Ertses ~ Irtysh. For the Etymology of the Epic and Historical Hydronym110
	<i>Lidzhiev A.</i> Materials for Study of Outdated Military Vocabulary of the Kalmyk Language113
	<i>Bembeev E.</i> On the Particles of Kalmyk Language (historical and comparative aspect)117

	<i>Omakaeva E.</i> Verb as a Dominant in the Light of the Model Description of the Sentence-Utterance in the Mongolian Languages (classification problems)123	123
	<i>Ochirova N.</i> About Gerunds and Participial Constructions in the K. Erendzhenov's Novel «Galan Khadgl»132	132
	<i>Mulaeva N.</i> Comparative Constructions in the L. Indzhiev's Writings «Haralta ödröd» and «Bolshevikyd»136	136
	<i>Kukanova V.</i> Architecture of Metadescription in the National Corpus of the Kalmyk Language139	139
LITERATURE STUDIES	<i>Muzraeva D.</i> «The Sutra of Wise and Fool». Literal Destiny of Buddhist Canonic Writing in the Mongolian and Oirat World of the XVI–XX Centuries146	146
	<i>Kukeev A.</i> About biography of Kunken Jamyang Shadpa I.....153	153
	<i>Borlykova B.</i> Folklore in the G. Davaev's Poem «Altma»156	156
	<i>Zumaeva D.</i> Philosophical Paradigm of the East in Modern Russian Poetry of Kalmykia (based on the R. M. Haninova's cycle of poems «In the shadow of Confucius»)162	162
FOLKLORISTICS	<i>Ubushieva D.</i> Song «About the Battle of the Epical Hero Ulan Khongr with Avlangi Khan» Recorded from the Don Kalmyk B. D. Obushinov (to issues of textology)168	168
	<i>Seleeva Ts. B.</i> Dynamic and Static Attributes of Space and Time in Kalmyk Heroic Epos «Dzhangar»173	173
	<i>Basangova T., Mandzhieva B.</i> Kalmyk Cumulative Fairy-tale: Problems of Classification and Integrity of Texts177	177
	<i>Goryaeva B.</i> National Peculiarities of the Kalmyk Folk Fairy-tales: Local Plot, Plot Contaminations and Framed Plots182	182
	<i>Nadbitova I.</i> Plot body of the Kalmyk Fairy-tale188	188
	<i>Osorin U.</i> About myths, legends and fairy-tales of Oirats of Xinjiang193	193
ECOLOGY	<i>Gabunshchina E.</i> Problems of Water Supply in the North-Western Caspian Region197	197
	<i>Gabunshchin S.</i> Air Pollution as a Problem of Ecological Safety (based on material of Republic of Kalmykia)200	200
REVIEWS	<i>Stetsura U.</i> The Destiny of Kalmykia and the Kalmyks in the K. Maksimov's monograph «The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks»204	204
SCIENTIFIC LIFE211	211
SUMMARIES214	214
INFORMATION ABOUT AUTHORS224	224

К 70-ЛЕТИЮ
КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

УДК 94(470)
ББК 63.3 (2РОС=КАЛМ)

КАЛМЫЦКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н. Г. Очирова

Институт науки является неотъемлемой частью структуры государства, социально-экономическое положение и развитие которого определяют ее состояние и задачи, а сама наука является показателем развития общества. Эффективное и целенаправленное использование открытий различных научных дисциплин — важнейший фактор развития социума и государства. История развития и организации научной деятельности является одним из интересных направлений в исследованиях философии и истории науки, относительно новой дисциплины, отделившейся в качестве самостоятельной науки в середине прошлого столетия. Данная дисциплина тесно связана с глубоким осмыслением научных процессов, методологии, концепций, что в свою очередь необходимо для повышения эффективности современной науки.

Наука в России развивалась в системе высших учебных заведений, Российской академии наук и региональных исследовательских центрах (или институтах). Важную часть в исследовании ее становления и развития составляет история академической науки. Именно здесь традиционно задаются векторы для последующего развития отечественной (и, шире, зарубежной) научной мысли. Изучение истории академической науки позволяет глубже понять особенности функционирования академических научных учреждений в СССР и России, в частности, влияние фундаментальных и прикладных разработок на развитие научного потенциала региона и страны в целом.

Системе Российской академии наук принадлежит и Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (КИГИ РАН), являющийся правопреемником созданного 31 мая 1941 г. Постановлением СНК Калмыцкой АССР научно-исследовательско-

го института языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ)¹. Создание Института с данным профилем, т. е. гуманитарным, определило дальнейшее его развитие и направления исследований. Директором Института был назначен 33-летний молодой ученый, кандидат филологических наук Иван Кузнецович Илишкин (1908–1983), впоследствии ставший известным деятелем науки и образования Республики Калмыкия, крупным ученым-калмыковедом. Перед Институтом стояли задачи исследования проблем языка, истории, культуры калмыцкого народа и популяризации этих знаний среди широких масс населения².

Создание научно-исследовательского института языка, литературы и истории открыло широкие возможности в выявлении и освоении уникальных духовных и художественных ценностей калмыцкого народа. Это было значительным событием, большим достижением, меняющим социально-культурный и интеллектуальный облик республики. Уже тогда, в 1941 г., появилась возможность не только вести фундаментальные научные исследования в области калмыковедения и предлагать практическое использование их результатов, но и возгла-

¹ Научное учреждение получило название «Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории», затем происходил ряд реорганизаций, вследствие чего менялось и само название. С 1999 г. Институт вступил в систему Российской академии наук, что дало новый толчок в его развитии и укреплении научно-методической и материально-технической базы исследований. Далее в тексте используется или Институт, или его современное название.

² У истоков калмыковедческой науки стояли выдающиеся российские востоковеды П. С. Паллас (1741–1811), Н. Я. Бичурин (о. Иакинф) (1777–1853), А. В. Попов (1808–1880), К. Ф. Голстунский (1831–1899), А. М. Позднеев (1851–1920), Г. И. Рамstedт (1873–1950), В. Л. Котвич (1872–1944), Б. Я. Владимиров (1884–1931) и др.

вить разработку крупных региональных проблем, определять пути теоретических изысканий для других научных и образовательных учреждений. Формирование КИГИ РАН, обусловленное необходимостью сближения научно-исследовательских структур и практических требований калмыцкого общества, стало возможным в связи с кардинальными социально-экономическими преобразованиями в стране, успешным развитием культуры и образования в республике.

Таким образом, 1941 год является точкой отсчета в зарождении академической науки в Калмыкии. Но через 22 дня началась Великая Отечественная война (многие ученые ушли на фронт с оружием в руках защищать свою Родину), а в 1943 г., как известно, весь калмыцкий народ по ложному обвинению подвергся депортации в восточные районы страны, а Калмыцкая АССР была ликвидирована. За небольшой период своей деятельности Институт сумел провести ряд экспедиций по районам республики и собрать значительный фольклорный материал, сведения по этнографии и калмыцкому языку. Однако последующие трагические события в жизни калмыцкого народа привели к утрате этих ценных материалов. Но и в тяжелейших условиях депортации ряд ученых Калмыкии продолжил научную и научно-образовательную деятельность, вопреки сложившимся обстоятельствам доказывая свою научную и профессиональную состоятельность. Они работали учителями в школах, преподавали в вузах Сибири, Казахстана и Средней Азии. Так, например, И. К. Илишкин, первый директор Института, работал учителем и завучем средней школы в Красноярском крае, заведующим кафедрой Хакасского пединститута, научным сотрудником Института усовершенствования учителей, доцентом, заведующим кафедрой русского языка Наманганского учительского и педагогического институтов Узбекской ССР, доцентом Киргизского госуниверситета.

После восстановления Калмыцкой АССР и возвращения калмыцкого народа из незаконной сибирской ссылки в 1957–1958 гг. начинается возрождение академической науки в республике, продолжается ее история. Становление и развитие академической науки Калмыкии происходило во второй половине XX и начале XXI в. Можно условно выделить следующие этапы ее развития: 1) этап становления и формирования основных направлений академического

строительства, в котором выделяются два периода (1950–1960-е гг. и 1970–1980-е гг.); 2) развитие академической науки на рубеже двух столетий. Каждый из этапов имеет свои особенности и тесно связан с историческими реалиями времени. Хрущевская оттепель, период застоя, перестройка и трансформация российского общества наложили свой отпечаток на деятельность Института и обусловили его развитие.

Кратко охарактеризуем первый из этапов.

В начале 1957 г., сразу же после восстановления Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края, калмыки стали возвращаться на родную землю и с воодушевлением приступили к восстановлению народного хозяйства, социальных институтов, культурному и научному строительству. С 12 июня 1957 г. в соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР Институт возобновил свою деятельность. Обязанности директора исполнял известный ученый-востоковед профессор Б. К. Пашков, а с октября 1958 г. директором вновь был назначен И. К. Илишкин.

В первый период работы Института создавались нормативная база научного учреждения, материальная основа для научной деятельности ученых. Национально-культурный подъем в конце 1950-х и начале 1960-х гг. обусловил появление значительного количества работ, фиксирующих историко-культурное наследие калмыцкого этноса. Так, в 1960-е гг. большое внимание уделялось записям и введению в научный оборот памятников устного народного творчества калмыцкого народа (около 10 фундаментальных изданий) [Джангар 1960; Калмыцкие пословицы ... 1960; Седклин күр 1960; Калмыцкие народные сказки 1961; Медноволосая девушка 1964; и др.]. В этот период в калмыцком языкознании стояла насущная задача развития терминологической базы языка, и в 1960-е г. ученые приступили к ее разработке в области математики, биологии и др. [Бюллетени 1960; Краткий справочник ... 1968]. На этом этапе в основном были сформулированы и частично решены практические задачи, связанные, например, с вопросами орфографии [Павлов 1962], графики [Убушаев 1962], переводных словарей [Русско-калмыцкий словарь 1964] и т. д. Это было необходимым шагом для развития образования в Калмыцкой АССР, в частности для обучения и преподавания калмыцкого языка в школах, педагогиче-

ском училище и т. д. Впервые языковедами в эти годы предпринимались поиски путей совершенствования орфографии калмыцкого языка, например обозначение редуцированных гласных. Следует отметить, что, несмотря на предпринимаемые меры, данная проблема все еще не нашла своего окончательного решения и является одной из актуальнейших.

Как и по всей стране, развитие гуманитарных наук в Калмыкии происходило в сложных условиях идеологического диктата, Институту приходилось строить свою деятельность в соответствии с требованиями тоталитарного режима, в силу этого многие актуальные проблемы не находили своего отражения в исследованиях ученых (депортация, история казачества и др.).

В начале 1960-х гг. происходило также становление научных кадров, Институт испытывал так называемый «кадровый голод»: высококвалифицированных специалистов не хватало, единицы имели ученые степени. Диспропорция в кадровом составе обусловила неравномерную разработку проблем калмыковедения. Например, в 1960-е гг. поднимались и решались проблемы истории и археологии: исследовались археологические памятники на территории республики, были созданы труды, посвященные участию калмыков в военной истории России [Беликов 1965], впервые вышел из печати первый том по истории Калмыцкой АССР [Очерки истории 1967]. В меньшей степени разрабатывались вопросы литературного наследия калмыцкого народа, что сказалось на развитии литературоведческого направления в науке Калмыкии. К тому же в первое десятилетие своего существования Институт испытывал трудности из-за слабой материальной базы. Так, например, созданная в 1957 г. научная библиотека стала полноценно функционировать только с 1959 г. с приходом П. Э. Алексеевой, которая стала заниматься пополнением библиотечного фонда, системной каталогизацией имевшейся на тот период научной литературы.

В 1960-е гг. ученые в основном печатали свои труды в периодических журналах локального характера, редко выступали на страницах центральных научных изданий, что, видимо, связано с периодом становления, когда только начиналась разработка актуальных теоретических проблем калмыковедения и решались вопросы в основном прикладного характера. Годы станов-

ления научного академического центра в республике, несмотря на трудности, явились плодотворным периодом в его творческой деятельности: окончательно сформировался основной научный профиль учреждения, появились первые достижения ученых-гуманитариев республики. Фундаментальные научные исследования стали неотъемлемой частью культуры многонационального народа Калмыкии.

Второй период этапа формирования основных направлений академической науки приходится на 1970–1980-е гг., которые отличаются стабильностью и устойчивостью в деятельности и развитии Института. Если предыдущий период был отмечен выдвижением актуальных проблем калмыковедения и, шире, монголистики, сбором материала для исследований, то здесь начинается его теоретическое осмысление. В результате появляется значительное количество работ теоретического плана. В 1970-е гг. сформировался кадровый состав и значительно повысился уровень его научной подготовки. В науку Калмыкии пришла новая когорта молодых ученых, окончивших аспирантуру и защитивших диссертации в академических научных учреждениях в гг. Москвы и Ленинграда (ныне – Санкт-Петербург). Сегодня они являются старшим поколением в Институте, цветом науки Калмыкии.

В эти годы перед республикой стояли сложные экологические проблемы, связанные с опустыниванием. Эксплуатация ресурсов Калмыкии, в частности пастбищных угодий, велась без каких-либо ограничений, что привело, прежде всего, к опустыниванию части территории республики. Вопросам экологической безопасности в то время уделялось мало внимания и, следовательно, исследования по этой проблеме практически не проводились. И только в 1991 г. с открытием в Институте отдела пустынь началось изучение вопросов, связанных с опустыниванием и другими экологическими проблемами в республике.

Период 1970–1980-х гг. отличается своей плодотворностью во всех областях и сферах деятельности Института. Так, например, фундаментальной работой в области лингвистики явился «Калмыцко-русский словарь» [1977], ставший классическим билингвальным словарем в калмыцком языкознании. Также вышел в этот период мультилингвальный словарь трех языков [Калмыцко-монгольско-русский словарь 1986],

необходимый для сравнительно-типологических исследований близкородственных (калмыцкого и монгольского) и неродственных (русского и монгольского/калмыцкого) языков.

В этот же период были созданы первые фундаментальные работы, явившиеся результатом многолетней работы сотрудников Института. Они отражают основные направления их работы: история, литературоведение и языкознание. В 1970 г. вышел второй том «Очерков истории Калмыцкой АССР» [Очерки истории ... 1970]. На протяжении 40 лет это был единственный фундаментальный труд, обобщающий изыскания по истории калмыцкого этноса. Если первый том был посвящен дооктябрьскому периоду, то второй — эпохе социализма, т. е. советскому периоду в истории калмыцкого народа и Калмыкии. Хронологические рамки данной работы ограничены серединой XX в. В 1980–1981 гг. были изданы два тома «Истории калмыцкой литературы» [1980; 1981].

В этот же период была подготовлена и опубликована «Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология» [1983], которая является на настоящий момент единственной нормативной грамматикой калмыцкого языка.

Большой вклад в развитие академической науки этапа 1960–1980-х гг. внесли ученые Ц.-Д. Номинханов, Б. Б. Бадмаев, И. К. Илишкин, С. К. Каляев, Д. А. Павлов, У. Э. Эрдниев, У. У. Очиров, Б. Д. Муниев, Б. Х. Тодаева, А. Ш. Кичиков, М. Л. Кичиков, Н. Ш. Ташнинов и др.³

Таким образом, этот период характеризовался стабильностью в развитии основных направлений деятельности Института, а также фундаментальностью проведенных исследований.

Период развития академической науки в Республике Калмыкия в 1990–2000-е гг. связан с кардинальными изменениями в социально-экономической и политической системе страны. Развитие науки в Калмыкии в постсоветский период определялось сочетанием ряда факторов общероссийского и местного характеров и имело свою специфику. При этом, как правило, весьма значительным является влияние общероссийских тенденций. Например, в постсоветский пе-

³ Их учителями были такие монголоеды, как С. А. Козин, Н. Н. Поппе, А. В. Бурдуков, Б. К. Пашков, Г. Д. Санжеев, Т. А. Бертагаев, именно под их научным руководством сформировалась плеяда калмыцких ученых.

риод наука Калмыкии, как и вся российская наука, освобождается от идеологического диктата, разрушаются старые стереотипы, концепции, формируются новые взгляды на исторические процессы, изменяются подходы и существенно расширяется источниковая база исследований.

Вместе с тем начало рыночных преобразований в экономике привело к резкому сокращению финансирования науки. Таким образом, в этот период цели развития науки Калмыкии были сведены к задаче ее выживания в новых условиях. Заметный ущерб республиканской науке, как и в целом отечественной науке, нанесла так называемая внутренняя «утечка умов»: только в 1992 г. в коммерческие и иные структуры, вплоть до сферы обслуживания, ушло почти 30 % сотрудников. Одной из основных причин массового оттока кадров из этой сферы являлась, в первую очередь, низкая, несвоевременная и нестабильная оплата труда ученых. Так, например, заработная плата снизилась почти в 5–6 раз. В 1993 г. у 56 % сотрудников зарплата была ниже прожиточного минимума.

В этот период в развитии республиканской науки было немало трудностей, проблем и недостатков: значительно сократились объемы исследований почти по всем отраслям знаний, редко выпускались научные издания, медленными темпами шел процесс прироста научных кадров высшей квалификации, практически прекратилось создание и укрепление материально-технической базы, оснащение научных учреждений.

Начиная с 2000-х гг. ситуация в развитии науки Калмыкии стала изменяться в позитивном направлении. Важным явился выход Указа Президента Республики Калмыкия «О 60-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН», в котором были предусмотрены меры по повышению заработной платы сотрудникам, укреплению его материально-технической базы. С 2000 г. Институт стал частично финансироваться из федерального бюджета. Все это благоприятно сказалось на развитии академического учреждения, способствовало привлечению молодых кадров.

Как и любое научное учреждение, КИГИ РАН играет значительную роль не только в становлении и развитии национальной культуры, но и в образовании и подготовке научных кадров академической школы. С 2000 г. в КИГИ РАН впервые была от-

крыта аспирантура по трем специальностям: 07.00.02 — «Отечественная история»; 10.02.02 — «Языки народов Российской Федерации (калмыцкий язык)»; 10.02.22 — «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки и аборигенов Америки и Австралии (монгольские языки)». Подготовка научных кадров осуществлялась в аспирантуре и докторантуре крупнейших научных центров гг. Москвы и Санкт-Петербурга. Подготовка кадров и повышение квалификации работников Института всегда являлось одной из приоритетных задач руководства Института. Так, например, за последние пять лет сотрудниками КИГИ РАН защищены семь докторских и 14 кандидатских диссертаций, что в значительной мере укрепило кадровый состав академического учреждения.

Вторая половина 2000-х гг. также характеризуется участием сотрудников КИГИ РАН в различных конкурсах. Так, в 2006–2007 гг. в номинации «Кандидат наук РАН» Фонда поддержки отечественной науки выиграл гранты У. Б. Очиров (дважды), в номинации «Лучший аспирант РАН» — Б. Б. Оконов. В 2008 г. молодые сотрудники Института также были удостоены грантов Фонда поддержки отечественной науки: в номинации «Кандидат наук РАН» — В. Т. Тепкеев, «Лучший аспирант РАН» — Б. Х. Борлыкова.

КИГИ РАН уделяет большое внимание улучшению условий деятельности молодых ученых. За последние годы при поддержке Российской академии наук приобретены четыре служебные квартиры. В 2008–2010 гг. трое молодых сотрудников получили жилищные сертификаты (450 тыс. руб.).

За плодотворный научный труд многие ученые Института награждены государственными наградами и удостоены почетных званий. Доктору ист. наук, проф. К. Н. Максимова присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», он награжден орденом Почета. Почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия» удостоены д-р фил. наук Р. А. Джамбинова, канд. фил. наук Э. Б. Овалов, канд. ист. наук А. Г. Митиров, д-р фил. наук М. У. Монраев, канд. биол. наук Л. Н. Ташнинова, канд. ист. наук В. П. Санчилов, канд. фил. наук Н. Н. Убушаев, канд. фил. наук Т. Г. Басангова, канд. фил. наук Э. У. Омакаева, канд. полит. наук Н. Г. Очирова, д-р ист.

наук Э. П. Бакаева, канд. ист. наук Е. Н. Бадмаева. Канд. иск. С. Г. Батыревой присвоено звание «Заслуженный деятель искусств Республики Калмыкия». Ветераны Института главный библиограф П. Э. Алексеева и М. Э-Г. Эрдни-Горяев удостоены звания «Почетный гражданин Республики Калмыкия». Почетными грамотами РАН и Профсоюза работников РАН награждены канд. ист. наук В. Ш. Санжиева, С. С. Белоусов, Е. В. Сартикова, д-р филос. наук Б. А. Бичев, канд. фил. наук Д. Н. Музраева и др.

В конце 2000-х гг. вышел из печати ряд фундаментальных трудов, подготовленных сотрудниками Института. Так, например, опубликован трехтомный фундаментальный академический труд «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» [2009], что стало значительным событием в научной и культурной жизни Республики Калмыкия. В его написании использовался широкий круг источников, в частности документы на монгольском и китайском языках, а также рассекреченные архивные документы. В коллективной монографии отражены не только новые факты, касающиеся истории Калмыкии, но и использованы современные научно-методические подходы в описании тех или иных исторических событий.

Одним из основных итогов деятельности Института за последнее десятилетие является подготовка и издание фундаментального коллективного труда — тома «Калмыкии» в серии «Народы и культуры» [2010]. С позиций современной науки исследуются проблемы происхождения калмыков, их этническая история, антропологический облик, вопросы формирования и развития калмыцкого языка, материальная и духовная культура.

Другой коллективной монографией является «История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг.» [2010], посвященная одному из сложных и малоизученных периодов в истории отечественного буддизма. В конце 1980-х гг. началось стремительное возрождение буддийской традиции в регионах ее исторического бытования. Авторы монографии, анализируя обширный фактический материал, уделяют большое внимание не только духовным аспектам жизни буддистов России, но также и особенностям государственной вероисповедной политики на разных этапах истории страны, включая проблемы, связанные с законодательством

в сфере свободы совести в конце 1980-х гг. и в 1990-е гг. на федеральном и региональном уровнях.

К другим наиболее значимым изданиям, подготовленным Институтом за последние пять лет, можно отнести трехтомное издание синьцзян-ойратской версии «Джангара» в переложении на современное калмыцкое письмо [2005; 2006; 2008], «Пословицы и поговорки ойратов Китая и калмыков России» [2007], монография К. Н. Максимова «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки» [2010] и др.

Таким образом, второй этап развития Института характеризуется спадом публикационной активности в 1990-е гг., обусловленным кризисными явлениями в жизни российского общества, и последующим подъемом показателей работы Института в 2000-е гг.

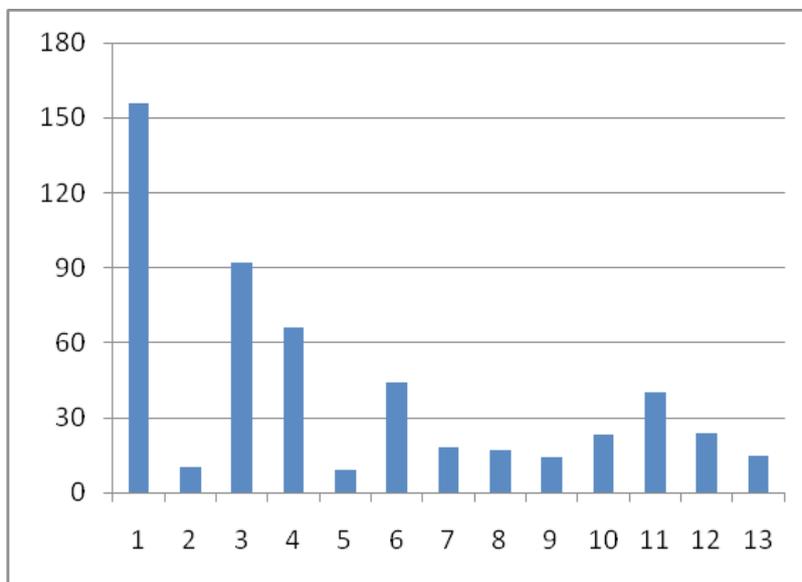
Деятельность КИГИ РАН состоит из важнейших составляющих, которые выражаются в собственно научно-исследовательской, научно-организационной и издательской работах, международном сотрудничестве. Следует отметить, что научная и публикационная активность учреждения РАН является одним из основных критериев

оценки его деятельности и авторитетности, поскольку связана с репрезентацией результатов проведенных в Институте исследований.

За 70-летний период было подготовлено и опубликовано свыше 500 изданий различного характера и направленности, среди которых и монографии, и сборники научных трудов, и материалы конференций и многое другое (см. рис. 1), где представлены количественные данные о публикациях Института. После его восстановления в конце 1950-х гг. были изданы первые работы: труды У. Э. Эрдниева [1956] и Б. С. Санджиева [1959]. В 1960 г. вышел первый выпуск «Записок КНИИЯ-ЛИ», ответственным редактором которого был И. К. Илишкин.

Публикационная деятельность КИГИ РАН носит разнообразный характер и охватывает основные направления гуманитарных исследований, а также различные формы научной активности. За период существования Института выпускались в основном монографии как основная форма апробации результатов исследований, сборники научных трудов и периодические издания. Все эти формы публикаци-

Рис. 1. Издательская деятельность Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

Ряд 1: Монографии

Ряд 2: Коллективные монографии

Ряд 3: Тематические сборники

Ряд 4: Периодические издания

Ряд 5: Серийные издания

Ряд 6: Научно-популярные работы

Ряд 7: Материалы международных конференций

Ряд 8: Материалы всероссийских конференций

Ряд 9: Материалы республиканских конференций

Ряд 10: Словари

Ряд 11: Памятники литературы, фольклора и языка

Ряд 12: Сборники документов и материалов

Ряд 13: Библиографические указатели

онной активности занимают ведущие позиции в научно-исследовательской работе Института. Как видно из рис. 1, количество коллективных монографий и серийных изданий, опубликованных Институтом, немногочисленно, что объясняется периодом накопления результатов. Традиция же издания серийных трудов и коллективных монографий начала закрепляться в Институте в начале 2000-х гг. Анализ показывает, что 1990-е гг. отмечены относительно меньшей активностью издания справочной литературы, словарей и публикаций памятников фольклора на калмыцком языке.

О коммуникативной активности научного учреждения можно судить по числу конференций (симпозиумов, совещаний и т. д.), инициируемых самим Институтом. Первая конференция всесоюзного характера была проведена в 1972 г. и посвящена актуальным проблемам алтаистики и монголоведения [Проблемы алтаистики и монголоведения 1972]. Одна из первых крупных международных научных конференций, посвященная изучению калмыцкого национального эпоса «Джангар» и проблемам эпического творчества, прошла в 1990 г. [«Джангар» ... 1990]. Причиной малого количества проведения международных конференций является «железный занавес». С переменами в общественно-политическом развитии в стране у ученых появилась широкая возможность обмениваться научными достижениями и результатами исследований. Степень активности Института в сфере коммуникативной активности была невысока, что связано с несколькими факторами, в частности с недостаточностью финансирования Института в 1990-е гг. и трудностями общероссийского характера — кризисом политической и социально-экономической системы и с тем, что эти вопросы регулировались вышестоящими органами и Институт не имел воз-

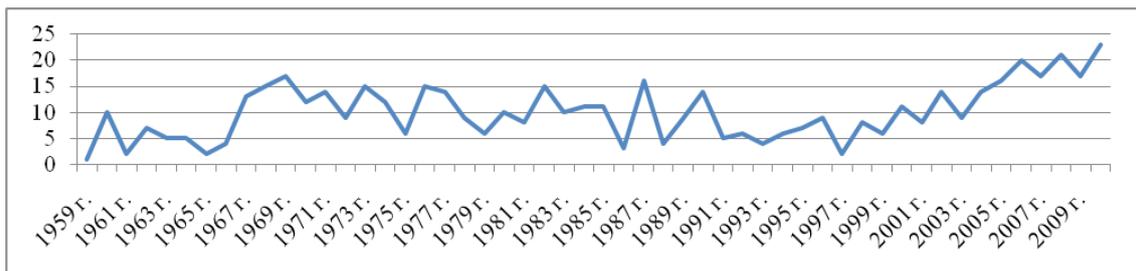
можности проявлять самостоятельность в данных вопросах.

Тематика проводимых в 1990–2000-е гг. Институтом совместно с другими научными учреждениями республики (Калмыцким государственным университетом, КТИ (филиал) ГОУ ВПО «Пятигорский государственный технологический университет» и др.) конференций обусловлена двумя тенденциями, которые носят общероссийский характер. Во-первых, в постперестроечное время в науке происходили переоценка и пересмотр основных концепций. Многие закрытые темы получили свое освещение с рассекречиванием неизвестных ранее источников (см., например, «Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе» [2006]; «Вклад регионов Юга России в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [2010] и др.). Во-вторых, распад СССР и дальнейшие события сопровождалась усилением роли национального фактора, подъемом самосознания народов, ростом их интереса к своим этническим и культурным корням. Процесс этнического возрождения не обошел и Калмыкию (см., например: «Проблемы возрождения калмыцкого языка» [1992]; Калмыкия — субъект Российской Федерации: история и современность» [2005]; «Проблемы развития региона в условиях трансформации общества» [2007]; «Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая» [2008]; «Единая Калмыкия в единой России» [2009] и т. п.).

Рассмотрим публикационную активность Института со времени его восстановления в 1957 г.

В среднем ежегодно выходило из печати около 10 изданий (медиана равна 9,5), в 1959 г. вышла одна брошюра научно-популярного характера, в 2010 г. — уже 23 единицы (см. рис. 2).

Рис. 2. Издательская деятельность Калмыцкого института гуманитарных исследований (1959–2010)

Как видно на рис., первые годы отмечены несколько низкими показателями в выпуске печатной продукции, однако надо помнить, что это был этап возрождения академической науки, происходившего в трудный период восстановления республики. 1970–1980-е гг. прошлого столетия характеризуются спадами и подъемами, что, вероятно, связано с особенностями научной работы: в течение года собирается материал, а затем происходит его анализ и осмысление, результатом которых становятся публикации разного характера, начиная со статей и заканчивая монографиями. На фоне остальных десятилетий достаточно низки показатели 90-х гг. прошлого века, в особенности 1998 г., когда, как известно, произошел де-

фолт в России. Прослеживается тенденция роста количества публикаций в последние десятилетия. Увеличению объема научной продукции способствовали укрепление кадров высококвалифицированными специалистами, применение современных компьютерных технологий, создание Лаборатории научно-технического и информационного обеспечения с мини-типографией, позволившей наладить оперативный выпуск изданий.

Проанализируем публикационную активность Института по десятилетиям, поскольку этот способ представления материала наглядно указывает на трудные или плодотворные годы в деятельности Института (см. таблицу).

Выпуск печатной продукции Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН по десятилетиям

Десятилетия	1960-е гг.	1970-е гг.	1980-е гг.	1990-е гг.	2000-е гг.
Печатная продукция	81	112	97	18	170
Статьи	178	406	623	528	1 909

Как видно из таблицы, все десятилетия, кроме 1990-х гг., отличаются стабильностью в выпуске печатной продукции, что свидетельствует об устойчивом положении Института и поддержке со стороны государства. Заметим, что первый период характеризуется большей степенью результативности работы ученых, несмотря на то, что им пришлось работать в достаточно трудных условиях после возвращения из ссылки. 1970–1980-е гг. также отличаются плодотворностью: более 200 единиц печатной продукции было издано за эти два десятилетия. 1990-е гг. являются самым трудным периодом в развитии академической науки: за десятилетие было выпущено 18 изданий под грифом Института. Снижение публикационной деятельности Института в 1990-е гг. связано напрямую с политическим и экономическим кризисом в стране, отсутствием финансирования. Показатели объема печатной продукции первого и последнего из исследуемых десятилетий увеличились более чем в два раза (81 → 170).

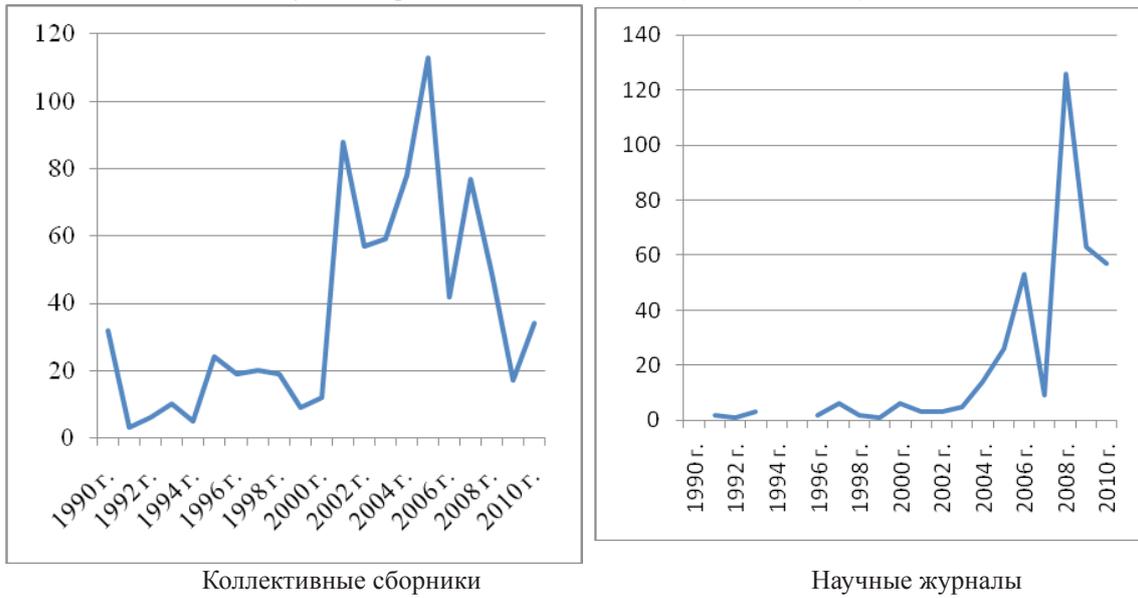
Что касается другой формы репрезентации научных знаний (статей, тезисов докладов), то их число выросло в 9 раз. По сравнению с 1980-ми гг. наблюдается некоторое уменьшение количественных

данных 1990-х гг. За последнее десятилетие почти в 3 раза выросло число научных статей.

Статьи, опубликованные сотрудниками КИГИ РАН в сборниках научных трудов, были традиционной формой представления результатов исследований, начиная со времени восстановления института. Если сравнить с числом статей, опубликованных сотрудниками Института в научных журналах, то наблюдается следующая картина: только начиная с 1990-х гг. ученые Института начинают издавать результаты исследований в научных журналах. 1990-е гг. характеризуются спадом количества опубликованных статей как в коллективных сборниках, так и в научных журналах. Всплеск публикационной активности приходится на вторую половину 2000-х гг., что связано с укреплением кадрового состава, улучшением научной деятельности (см. рис. 3).

Что касается публикаций в материалах конференций (симпозиумов, конгрессов и т. д.), то сотрудники Института стали принимать участие в международных конференциях только после начала «перестройки» в СССР (с 1987 г.). Во всероссийских, или всесоюзных, конференциях ученые Института участвовали с начала 1960-х гг.

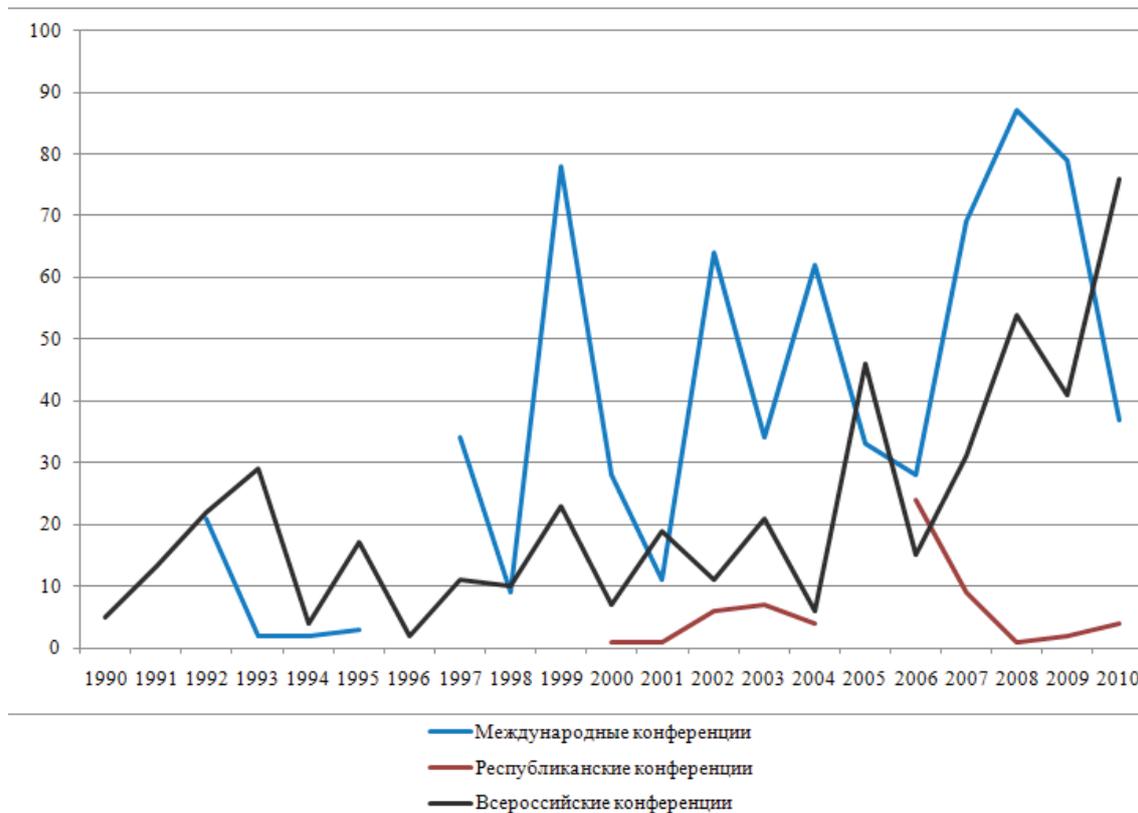
Рис. 3. Публикации статей сотрудников Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (1990–2000-е гг.)

Примерно с 1970-х гг. участие сотрудников во всесоюзных конференциях становится стабильным. Остановимся подробнее на периоде 1990–2000-х гг., так как это время радикальных реформ в российском

обществе, которое наиболее показательно в плане того, что развитие и функционирование науки напрямую зависит от событий, происходящих в обществе в целом (см. рис. 4).

Рис. 4. Коммуникативная активность сотрудников Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

Как видно из рис., 90-е гг. прошлого столетия отмечаются спадом по всем показателям коммуникативной активности научных сотрудников Института. В 1996 г. сотрудники перестали участвовать в конференциях международного формата. 1998 год характеризуется низкими показателями, а в 1999 г. количество сотрудников, участвующих в конференциях разного формата, заметно возрастает. Традиция участвовать во всероссийских конференциях не прерывалась, несмотря на материальные трудности, которые испытывали сотрудники Института в связи со значительным понижением уровня заработной платы. Затем, несмотря на некоторые спады, коммуникативная активность научных сотрудников продолжает расти.

Как видим, масштабы научно-исследовательской деятельности возросли, в особенности в 2000-е гг., несмотря на то, что количество сотрудников изменилось в сторону уменьшения. Результативность ученых увеличилась в несколько раз.

В настоящее время Институт вступил в новую фазу своей деятельности. Этап реформ выдвигает новые, более сложные задачи для российского общества, в частности и для науки, поскольку она является двигателем прогресса. Среди этих задач можно выделить, прежде всего, модернизацию академической структуры в России, ориентацию научных сообществ на инновационные и фундаментальные проекты.

Одной из приоритетных задач в стратегической программе развития Института является разработка электронных ресурсов с материалами конференций, сборников и т. п., а также сайтов по определенной тематике. Материал, размещенный таким образом, получает большую степень ротации и соответственно потенциальную возможность повышения индекса цитируемости как отдельных сотрудников, так и научного учреждения.

Институт также стремится внедрять инновационные методы в исследования определенных областей гуманитарного знания. Так, например, одной из фундаментальных задач является создание Национального корпуса калмыцкого языка, который станет своеобразной информационно-справочной базой данных по лексике и грамматике языка (впоследствии предполагается создать подобную систему для бурятского и монгольского языков совместно

с специалистами из Бурятии и Монголии) [Куканова 2011]. Такая база данных является прекрасным инструментом для организации и моделирования научных исследований, хотя для этого необходимо решить ряд важных задач, в том числе практического характера. В настоящее время сотрудниками Института собираются тексты на калмыцком языке, принадлежащие разным стилям и жанрам, а также различным периодам функционирования языка.

Институт включен в тематический план научного сотрудничества между Российской академией наук и Академией наук Монголии на 2011–2015 гг. по проектам: 1) «Исследование истории, культуры, фольклора и письменного наследия ойратов»; 2) «Буддизм в Монголии, Калмыкии, Бурятии, Тибете: история и современность» (совместно с Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии); 3) «Духовная культура и письменное наследие монгольских народов: создание единой электронной базы данных».

Сегодня Институт является ведущим научным учреждением, который занимается разработкой фундаментальных проблем гуманитарных наук, в том числе изучением, реконструкцией и сохранением историко-культурного наследия монгольских народов и духовно-нравственных ценностей и традиций народов Юга России, Центральной Азии и Сибири и др. Научно-исследовательская работа выполняется в русле современных теоретических и методологических исследований академического уровня с привлечением инновационных компьютерных технологий. Стратегическая программа развития научных учреждений Российской Федерации, координация научно-исследовательской деятельности и реализация межрегиональных и международных проектов позволили ученым Института выйти на совершенно иной уровень в изучении фундаментальных проблем не только по региональным, но и по общероссийским темам.

Таким образом, в ходе анализа семидесятилетней деятельности Института были выделены этапы, каждый из которых по своему сложен, обладает своей собственной спецификой. Разработка ведущих направлений деятельности КИГИ РАН обусловлена, прежде всего, национальной спецификой республики и требованиями современного общества. Как видим, Ин-

ститут прошел нелегкий путь в своей истории, но, несмотря на это, смог выстоять и, более того, динамично развивается в условиях модернизации российского общества.

Источники

Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН).

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

- Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII — начало XIX вв.) / отв. ред. д-р ист. наук, проф. В. А. Романовский. Элиста: Калмгосиздат, 1965. 179 с.
- Бюллетень № 1. Термины по калмыцкому языку / сост. Б. Д. Муниев; КНИИЯЛИ. Элиста, 1960. 15 с.
- Бюллетень № 2. Термины по математике / сост. П. М. Эрдниев; КНИИЯЛИ. Элиста, 1960. 15 с.
- Бюллетень № 3. Термины по географии / сост. З. Б. Кендышев; КНИИЯЛИ. Элиста, 1960. 24 с.
- Бюллетень № 4. Термины по биологии и химии / сост. Е. Б. Мукаева; КНИИЯЛИ. Элиста, 1960. 32 с.
- Взаимодействие культур народов Прикаспия: мат-лы Регион. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения У. Э. Эрдниева (г. Элиста, 17–18 февр. 2011 г.) / КГУ, КИГИ РАН. Элиста: Изд-во КГУ, 2011. 282 с.
- Вклад регионов Юга России в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: мат-лы Рос. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 21–22 апр. 2010 г.) / КГУ, КИГИ РАН. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010. 284 с.
- Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе: мат-лы Рос. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 12–13 янв. 2007 г.) / КГУ, КИГИ РАН, КИСЭПИ. Элиста: Изд-во КГУ, 2006. 262 с.
- Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология / ред. Г. С. Санжеев, Д. А. Павлов, И. К. Илишкин; КНИИИФЭ. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 335 с.
- «Джангар» и проблемы эпического творчества: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 22–24 авг. 1990 г.) / Ин-т яз. и лит. АН МНР, КИОН. Элиста, 1990. 256 с.
- Джангар. Героический эпос калмыцкого народа / обр. Б. Басангова; АН СССР, Ин-т востоковед., КНИИЯЛИ. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 363 с.
- Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов: в 3 тт. / перелож. с ойрат. на совр. калм. письмо Б. Х. Тодаевой; КИГИ РАН. Т. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 856 с. Т. 2. Элиста: АО «АПП «Джангар», 2006. 831 с. Т. 3. Элиста: ЗАОР «НПП» «Джангар», 2008. 839 с.
- Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 13–18 сент. 2009 г.): в 2 ч. Элиста: ЗАОР «АПП «Джангар», 2009. Ч. 1. 445 с. Ч. 2. 648 с.
- История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. / под общ. ред. Н. Г. Очировой / Н. В. Абаев, Э. П. Бакаева, У. П. Бичелдей, Ц. П. Ванчикова, С. Ю. Лепехов, Н. Г. Очирова, Т. М. Садалова. М.: Фонд современ. ист., 2010. 392 с.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. / редкол. К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова и др. Элиста: ГУ «Изд. дом «Герел», 2009. Т. 1. 848 с. Т. 2. 840 с. Т. 3. 752 с.
- История калмыцкой литературы: в 2 тт. Т. 1. До-октябрьский период / отв. ред. Г. И. Михайлов, Р. А. Джамбинова; Ин-т востоковед. АН СССР, КНИИИФЭ. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 335 с.
- История калмыцкой литературы: в 2 тт. Т. 2. Советский период / отв. ред. Л. И. Залесская, Р. А. Джамбинова; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, КНИИИФЭ. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 445 с.
- Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, КИГИ РАН. М.: Наука, 2010. 568 с.
- Калмыкия — субъект Российской Федерации: история и современность: мат-лы Росс. науч. конф. (г. Элиста, 6–7 окт. 2005 г.) / КГУ, КИГИ РАН. Элиста: Изд-во КГУ, 2005. 491 с.
- Калмыцкие народные сказки / под ред. И. К. Илишкина, У. У. Очирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1961. 251 с.
- Калмыцкие пословицы и поговорки / сост. Б. Букшаев, И. Мацаков; КНИИЯЛИ. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960. 295 с.
- Краткий словарь общественно-политических терминов калмыцкого языка / сост. Б. Д. Муниев, Д. А. Павлов, Н. Н. Убушаев и др. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. 87 с.
- Куканова В. В. Общая структура и перспективы использования Национального корпуса калмыцкого языка в свете проблемы репрезентативности // Материалы XL Международной филологической конференции (г. Санкт-Петербург, 21–25 марта 2011 г.). Вып. 24: Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков / отв. ред. А. С. Асиновский, Н. В. Богданова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 125–137.
- Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2007. 2-ое изд. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки / пер., сост. и примеч. М. Ватагина; КНИИЯЛИ. М.: Наука, 1964. 272 с.
- Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 9–14 мая 2007 г.): в 3 ч. Элиста: КИГИ РАН, 2008. Ч. 1. 254 с. Ч. 2. 238 с. Ч. 3. 166 с.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / гл. ред.: Н. В. Устюгов, И. Я. Златкин, Е. Н. Кушева и др. М.: Наука, 1967. 479 с.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма / отв. ред. Д. А. Чугаев. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Павлов Д. А. Орфографический словарь литературного калмыцкого языка / КНИИЯЛИ. Элиста: Калмгосиздат, 1962. 230 с.
- Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост. и пер. Б. Х. Тодаева; КИГИ РАН. Элиста: ЗАОР «АПП «Джангар», 2007. 839 с.
- Проблемы алтаистики и монголоведения: тез. докл. и сообщ. Всесоюзной конф. / ред. П. Ц. Битке-

- ев; АН СССР; Ин-т языкознания; Ин-т языковед. ИМЛИ им. А. М. Горького; КНИЯЛИ. Элиста, 1972. 150 с.
- Проблемы* возрождения калмыцкого языка: мат-лы «Круглого стола» / ред. П. Ц. Биткеев, Л. С. Бурчинова, Б. Б. Манджикова; КИОН РАН. Элиста, 1992. 112 с.
- Проблемы* развития региона в условиях трансформации общества: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / КТИ (филиал) ГОУ ВПО «Пятигорский гос. технол. ун-т», КИГИ РАН, КИСЭПИ. Элиста, 2007. 204 с.
- Санджиев Б. С.* Установление Советской власти в Калмыкии. Элиста: Калмиздат, 1959. 43 с.
- Седклин күр / ясад, барт белдснь Букшан Бадм / КНИИЯЛИ.* Элст: Хальмг дегтр харгач, 1960. 87 х.
- Убушаев Н. Н.* К истории орфографии гласных калмыцкого языка // Вестник института. Вып. 2. Ч. 2. Сер. филологии, философии, экономики и культуры. Элиста: КНИИЯЛИ, 1967. С. 84–92.
- Эрдниева У. Э.* Городище Маяк // Труды науч. конф. Сталинского пед. ин-та. Вып. 1. Кемерово, 1956. С. 157–161.

УДК 930.2
ББК 63.3 (2Рос=Калм)

**АНОНИМНОЕ «СКАЗАНИЕ О ДУРБЭН-ОЙРАТАХ»
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК***

В. П. Санчиров

Из обнаруженных в XX в. ойратских исторических сочинений самым ранним по времени обнаружения и введения в научный оборот является «Сказание (повесть) о дурбэн-ойратах» неизвестного автора. Впервые о его существовании сообщил академик Б. Я. Владимирцов в 1927 г. в своей статье «Монгольские сказания об Амурсане», в которой содержатся небольшие отрывки пересказов на русском языке [Владимирцов 1927: 271–282; 2002: 272–279]. Б. Я. Владимирцов писал: «В бытность свою в 1913 г. в Западной Монголии мне пришлось списать одну небольшую книжку, содержание которой составляет история ойратов и Амурсана. По словам местных грамотеев и любителей старины, поведание это было написано неким Дамбо тайджи хошуна баитского чин-вана, прежнего баитского цзюнь-вана, вероятно, в половине XIX века» [Владимирцов 2002: 274].

Ойратское название этого сочинения — «Дербэн Ойирдийин түүкэй туужу кэмэн (кэмэку) орошибой» [«Сказание (повесть) о дурбэн-ойратах»]. Оно было опубликовано в 1976 г. в Улан-Баторе монгольским ученым Х. Лувсанбалданом в сборнике «Тод үсгийн дурсгалууд» («Памятники на „ясном письме“») [Тод ... 1976]. Данное издание подготовлено на основе трех рукописных списков «Сказания», два из которых хранятся в фонде рукописных книг на «тодо үсэг» Института языка и литературы Монгольской Академии наук, а третий список — в Государственной публичной библиотеке в г. Улан-Баторе. Первый из двух спи-

сков имеет ойратское название и относительно хорошую сохранность текста. Его Х. Лувсанбалдан обозначил литерой А и издал фототипическим способом в оригинале [Тод ... 1976: 331–347] и в латинской транскрипции [Тод ... 1976: 348–377]. Второй список, который Х. Лувсанбалдан обозначил литерой В, сохранился намного хуже, чем первый, однако, несмотря на плохое качество, он содержит больше сведений. Эти пассажи, которые отсутствуют в первом списке, Х. Лувсанбалдан поместил в квадратных скобках в соответствующих местах в латинской транскрипции текста «Сказания» [Тод ... 1976: 13].

Хуже всего сохранился третий список, в котором отсутствует часть текста в конце. Как отмечает современный монгольский исследователь На. Сухбаатар, «во всех этих рукописных списках обнаруживается, что в них при переписке пропущены слова и буквы» [Ойрад ... 2001: 20].

Текст, опубликованный Х. Лувсанбалданом, был переиздан с некоторыми исправлениями и комментариями в КНР в 1985 г. в г. Хух-Хото на старописьменном монгольском языке в сборнике «Ойратские исторические источники» [Oyirad ... 1985]. В 1992 г. этот сборник был перепечатан в Урумчи на ойратском языке [Oyirad ... 1992]. В 2001 г. текст «Сказания» был издан в Улан-Баторе на кириллице На. Сухбаатаром в первом томе трехтомного издания «Источники по истории ойрат-монголов» [Ойрад ... 2001: 19–81].

Автор данного исторического сочинения в нем не назван. В ходе дальнейшего

* Исследование выполнено по проекту «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика» подпрограммы «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг.).

изучения «Сказания» высказанное Б.Я. Владимирцовым мнение о его авторе и о времени его написания не получило подтверждения. Напротив, анализ содержания этого источника и тот факт, что в нем много места отводится рассказу о дербетских князьях и их взаимоотношениях с правителями Джунгарского ханства накануне его крушения, позволяют согласиться с мнением составителей сборника «Ойратские исторические источники» о том, что автором «Сказания о дурбэн-ойратах» является «какой-то ученый лама из дербетов» [Oyirad ... 1985: 288]. В справедливости этой точки зрения убеждает и тот факт, что анонимный автор весьма лояльно относится к маньчжурскому императору, связывая с его правлением установление мира среди ойратов. Известно, что из всех ойратских этнических подразделений именно дербеты, откочевав за пределы Джунгарского ханства, меньше всего пострадали во время цинской экспансии в Центральной Азии в середине XVIII в. Из того факта, что автор сообщает некоторые подтверждаемые другими источниками сведения о событиях 1750-х гг., видно, что он жил в это время и сам был очевидцем некоторых из этих исторических событий. Однако он, будучи дербетом, по-видимому, во время последней ойрато-цинской войны находился вне Джунгарского ханства и поэтому ничего не говорит о военных действиях на его территории. Поэтому вполне обоснованно можно предположить, что «Сказание о дурбэн-ойратах» было написано вскоре после описываемых событий, т. е. в 60–70-е гг. XVIII в.

Что касается содержания «Сказания о дурбэн-ойратах», то оно не имеет четко выраженной структуры и написано без какого-либо определенного плана. О «лоскутном» характере его структуры свидетельствуют многочисленные сюжеты, затронутые достаточно бегло:

- 1) о народах, населяющих, согласно буддийской космологии, четыре материка в мировом океане, и о степени их приверженности учению Будды;
- 2) о том, как «Желтая вера» распространилась в разных местностях;
- 3) о том, как тангуты (тибетцы) удержали у себя объявившегося у ойратов перерожденца-хубилгана по имени Зу-Адиша;
- 4) о том, как ойраты расселились в разных местах;
- 5) о составе ойратов (XVII в.);
- 6) о том, как рабджимба Зая-пандита приехал после учения в Тибете и создал «ясное письмо», о его переводческой деятельности;
- 7) о пользе чтения таких ойратских сочинений, как «Великая пространная история» («Йэке дэлгэр түүкэ»), «Биография Зая-пандиты» («Лунный свет») и других источников;
- 8) о бегстве Кундулэна-Убаши в Россию;
- 9) о происхождении и рождении ойратского князя Амурсаны, возглавившего национально-освободительное движение в Джунгарии в середине XVIII в.;
- 10) о пребывании Амурсаны в России;
- 11) о том, как хана Даваца (Дабачи), когда он боролся с маньчжурами, покинули остальные сподвижники;
- 12) о том, как ойраты дважды ходили войной на Тибет;
- 13) о том, как часть ойратов под предводительством некоего Мокдши покинула родные места и стала кочевать между Россией и Турцией;
- 14) о баитском силаче Бату-Мөнгкэ и о его знакомстве с Амурсаной;
- 15) о том, как маньчжурский военачальник Саруул-джанджин преследовал Амурсану;
- 16) о будущем возвращении на родину Амурсаны;
- 17) о ранних дурбэн-ойратах (XV в.);
- 18) о казахском хане Аблае;
- 19) о силаче (бөк) Тэмээн-Харе;
- 20) о том, как ойраты ходили войной на Тибет, и о том, как укротили приверженцев красношапачной секты;
- 21) о том, как войско Джунгарского ханства напало на Халху в 1731 г.;
- 22) о том, как маньчжурский хан прислал посла;
- 23) о сыне торгутского Аюки-хана Санджабе;
- 24) о составе дурбэн-ойратов (XVI в.);
- 25) о борьбе за трон джунгарского хана в 1740-х гг.;
- 26) о том, как дербеты и баиты договорились откочевать из родных мест и перейти на сторону маньчжуров;
- 27) о предательстве некоторых дербетских и баитских князей;
- 28) о том, как дербеты бедствовали, перейдя на сторону маньчжуров, и кочевали в разных местах, пока не нашли себе кочевья;

- 29) о том, как торгутский Шэрэнг-тайджи изменил и бежал к калмыкам;
- 30) о маньчжурской армии, завоевавшей джунгаров;
- 31) о предательстве Амурсаны и о том, как он поступил с воинами, преследовавшими его;
- 32) об основании города Кобдо и тамошнем амбане;
- 33) о том, как подняли мятеж шесть дербетских тайджи;
- 34) о том, как дербеты обосновались в Улангоме и зажили там в благоденствии, занимаясь хлебопашеством.

Как мы видим, это сочинение, несмотря на свое название, не может быть отнесено к жанру летописей или хроник. Примечательно и полное отсутствие в нем генеалогических списков или родословных, что не характерно для произведений монгольской и ойратской традиционной историографии. В «Сказании о дурбэн-ойратах» причудливо переплелись исторические легенды и предания, устные рассказы о знаменитых ойратских деятелях, силачах и т. д., навеянные воспоминаниями о реальных исторических событиях.

Рассказ о событиях, происшедших до рождения автора, сводится к беглому и довольно невнятному изложению буддийских космологических представлений и истории распространения буддизма в Индии, Тибете и Монголии. Здесь же он приводит некоторые факты из жизни и проповеднической деятельности знаменитого ойратского Заяпандиты (1599–1662). Для более подробного знакомства с описываемыми здесь событиями автор отсылает своего читателя к таким сочинениям, как биография Заяпандиты «Сарын гэрэл» («Лунный свет»), «Йэкэ дэлгэр түүкэ» («Большая пространная история»), «Йэкэ үлгүрийин далай» («Великое море притч»).

Достоверную картину событий в последний период существования Джунгарского ханства (1635–1758) можно найти в отечественных работах, которые написаны на основе сведений, извлеченных из русских архивных документов [Златкин 1964; Моисеев 1991; 1998]. Нам известна китайская официальная версия событий, представленная в цинских исторических сочинениях XVIII–XIX вв. [Санчилов 1990]. В данном же случае мы имеем дело с оценками и взглядом на события рядового члена ойратского общества, сталкиваемся с трансфор-

мацией реальных исторических событий в устной народной традиции. Наш источник был написан вскоре после драматических событий, разыгравшихся в Джунгарском ханстве, и полон трагических предчувствий.

Сопоставление этих трех версий одних и тех же событий может быть полезным при исследовании вопроса о том, как развивались идеи исторического познания у монголов и ойратов, а также при реконструкции событий в судьбоносный период ойратской истории. При этом следует учитывать то обстоятельство, что сведения о какой-либо исторической личности, сохранившиеся в устной народной традиции и в письменных источниках, могут довольно сильно расходиться с исторической реальностью. Так произошло в нашем сочинении с образом героя антиманьчжурской борьбы в 50-х гг. XVIII в. ойратского князя Амурсаны¹.

Амурсана был одним из претендентов на ханский трон в ослабленном феодальными усобицами Джунгарском ханстве в последние годы его существования. Обратившись за помощью к маньчжурскому императору Цяньлуну, он принял подданство Цинской империи в 1755 г. и при поддержке цинских войск сверг с престола своего соперника Даваци. За заслуги перед цинской династией он получил титул цинь-вана и был назначен помощником командующего армией, выступившей на войну с джунгарами. Увидев, что его планы установить единоличную власть в Джунгарском ханстве потерпели крах, Амурсана поднял восстание против маньчжурских завоевателей. К нему примкнули многие ойратские князья, в том числе и те, кто, подобно ему, ранее перешел на сторону цинского императора.

Академик Б. Я. Владимирцов, занимаясь собиранием и изучением ойратского фольклора, использовал легенды и предания об Амурсане, записанные до него некоторыми европейскими путешественниками, а также сказания об этом ойратском князе, собранные им самим от разных лиц во время его пребывания в Западной Монголии в 1908, 1911 и 1913 гг. Он писал: «Народная память сохранила лишь немногие черты истинного Амурсана, ему простили многое: его вероломство, нетвердость и непостоянство во взглядах и симпатиях, его честолюбие; народная память остано-

¹ Богатый документальный материал о князе Амурсане содержится в русских архивохранилищах [Златкин 1958].

вилась на одном моменте его бурной жизни — на борьбе с манджуро-китайцами, она приукрасила поступки своего героя и сделала его последним борцом за независимость, за независимое и славное существование ойратского племени. И Амурсана превратился в идеальный образ, о котором мечтали, которого хотели иметь в прошлом и будущем, хана-вождя народа, вождя славных „четырёх ойратов“» [Владимирцов 2002: 272].

Уже во второй половине XVIII в. предание об Амурсане подверглось литературной обработке и письменной фиксации в «Сказании о дурбэн-ойратах». Примечательно, что обе версии, устная и письменная, как отметил Б. Я. Владимирцов, «с особым вниманием останавливаются не на подвигах своего героя, а на его будущем возвращении к родному народу» [Владимирцов 2002: 276]. Ойраты, пережившие в середине XVIII в. национальную трагедию (гибель своего государства — Джунгарского ханства — и истребление наиболее многочисленной этнической группы джунгаров), не смирились с диктатом чужеземных захватчиков. Они связывали надежды на лучшее будущее с именем Амурсаны. Эта вера поддерживалась в народе полтора столетия и вылилась в 1912 г. в крупное народное движение в Западной Монголии.

Если использовать «Сказание о дурбэн-ойратах» как исторический источник, то оно не восстанавливает фактической канвы

событий, но в своей совокупности помогает взглянуть как бы изнутри на события 30–50-х гг. XVIII в. в Джунгарии, непосредственно предшествовавшие крушению Джунгарского ханства. Следует отметить, что в нем отразились идеализированные оценки отдельных событий и лиц и историческое мышление народа, довольно архаичное и упрощенное.

Литература

- Владимирцов Б. Я.* Монгольские сказания об Амурсане // Восточные записки. Т. 1. Л., 1927. С. 271–282.
- Владимирцов Б. Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
- Златкин И. Я.* Русские архивные материалы об Амурсане // Филология и история монгольских народов. М.: Наука, 1958. С. 289–313.
- Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964. 470 с.
- Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
- Моисеев В. А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерк внешнеполитических отношений). Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. 176 с.
- Санчилов В. П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. 137 с.
- Ойрад* Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – I. Эмхтгэж, тод болон худам монгол бичгээс кирил бичигт буулган, тайлбар хийсэн На. Сухбаатар. Улаанбаатар, 2001. С. 19–81.
- Тод үсгийн дурсгалууд* / ред. проф. Лувсандэндэв. Улаанбаатар, 1976. С. 331–377.
- Oyirad teüken surbulji bičig.* (Серия: Oyirad soyol-un degeji). Öbör Mongol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 1985. X. 267–305.
- Oyirad tüükiyin surbulji bičiq.* Šinjiyang-giyin aradiyin kebleliyin qorõ, 1992. X. 272–313.

УДК 94«04/14»

ББК 63.3 (2Рос=Калм) + (2Рос=Тат)

КУЧУМОВИЧИ И КАЛМЫКИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕЗАЛЬЯНС

В. В. Трепавлов

26 октября 1582 г. сибирского хана Кучума постиг сокрушительный, полный разгром от казачьего отряда Ермака на Чувашском (Чувашевском) мысу, под стенами своей столицы Искера. На протяжении многих лет он скитался в степях, нападая на свои бывшие владения и неоднократно терпя поражения от русских войск. Окончательно он был разбит на р. Оби в августе 1598 г., бежал в Ногайскую Орду, где и умер около 1601 г. Место покойного хана заняло его воинственное потомство. В Западной Сибири,

Башкирии и на севере казахских степей началась эпоха Кучумовичей.

Хотя мечты о возрождении татарской монархии в Сибири никогда не оставляли ханскую семью, она была поставлена в такие условия, что зачастую приходилось думать не столько о вооруженной борьбе с превосходящими силами воевод, сколько о выживании. Жизнь потомков Кучума в степях можно в целом охарактеризовать как «прозябание» в окружении немногочисленных верных подданных и постоянно меняю-

щихся, приходящих и уходящих временных соратников. Они не смогли бы продержаться в своем «казачьем»¹ состоянии на протяжении нескольких десятилетий, если бы судьба не послала им партнеров и союзников. В качестве таковых эпизодически выступали ногаи, гораздо чаще — башкиры, но настоящим тылом и многолетней опорой Кучумовичей стали новые фигуранты сибирской истории XVII в. — калмыки. Именно в альянсе с ними свергнутые татарские династии превратились в постоянный раздражающий военный фактор для русских властей.

Присутствие калмыков (западных монголов-ойратов)² в степях Юго-Западной Сибири начинает ощущаться в конце XVI в. Это были пока первые сигналы широкой миграции, которая развернется в следующем столетии. Связи Кучума с пришельцами из Монголии были, судя по всему, редкими и эпизодическими. К тому же эти связи омрачались воспоминаниями о прежних стычках периода независимого ханства: в описаниях похода Ермака по Иртышу в августе 1584 г. упоминается «городок Куллары, и той опасной краиной Кучумовской *от калмык* [здесь и далее курсив автора — В. Т.], и во всем верх Иртыша крепче его нет» [Сибирские летописи 1907: 342]³. Правда, воеводские отписки иногда сообщают о пребывании свергнутого хана «в собрание со всеми людьми и с колмаки» (однажды названа численность последних — 30 человек) [РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 403; Материа-

лы ... 1932: 297; Миллер 1999: 494], что не исключало конфликтов между сибирцами и калмыками.

В то время нехватка пастбищных территорий, междоусобные распри, неудачи в противостоянии с соседями вынуждали ойратов искать новые земли для поселения и кочевания. До второй половины XVI в. они стремились развернуть экспансию из Западной Монголии в направлении Восточного Туркестана и узбекских ханств для установления контроля над торговыми путями и подчинения земледельческих областей. Одновременно они вели тяжелые войны с восточными монголами (*халха*) за контроль над всей Монголией и с казаками за пастбища. Неоднократные поражения в этих конфликтах вызвали, в частности, изменение в направлении миграций. Вытесненные из Монголии предводители торгутов и дербетов во главе своих соплеменников двинулись севернее, в обход казахских владений, и столкнулись с Ногайской Ордой и Сибирским ханством. Первая до конца XVI в. успешно отбивала их поползновения проникнуть вглубь Дешт-и-Кипчака, второе же пыталось обезопасить свои рубежи. В той ситуации Кучум и возвел крепость Кулары на Иртыше. Ермаку не удалось взять этот городок после пятидневной осады [Сибирские летописи 1907: 342]. Следовательно, он являл собой мощное фортификационное сооружение, надежно охранявшее путь по реке.

После своего поражения в 1598 г. Кучум, по донесениям источников, двинулся в «Колмацкую землю». Там его спутники угнали конский табун и скот, но калмыки настигли похитителей, отняли у них добычу и убили нескольких татар [Сибирские летописи 1907: 80; Полное собрание летописей 1987: 68, 69; Летописи сибирские 1991: 206, 208]. Автор летописи С. У. Ремезов уточняет путь передвижения: «в Каинскую землю к вершинам Иртышу реки на озеро Зайсан-Нор», а калмыки уже настигли его «на Нор-Ишиме у озера Кургальчина» [Сибирские летописи 1907: 352], т. е. Кучум пересек Барабинскую степь и направился вдоль Иртыша к его верхнему течению, к озеру Зайсан, а затем отошел на запад — в верховья Ишима и Нуры. Историк Г. Е. Катанаев сомневался в столь далеком перемещении разгромленных татар, считая, что, натолкнувшись в верховьях Ишима на калмыцкие кочевья, они угнали табун и попы-

¹ Утратив власть, сибирский хан и его потомство в терминологии того времени превратились в *казак*. Этим старинным тюркским словом на Востоке первоначально обозначали людей, которые по разным причинам теряли связь со своим родом или общиной и вели жизнь бесприютных скитальцев, зачастую добывая средства для существования грабежами и разбоями. Позднее понятие «казак» приобрело и другие значения, как, например, в русском языке. Чтобы отличить вольных изгоев-татар от русских служилых казаков, состоявших на государственной-государевой службе, мы будем первых ставить в кавычки. Таким образом, Ермак и его сподвижники, а также соответствующая категория жителей сибирских городов и острогов — это казаки, а Кучум и Кучумовичи — «казаки». В русских источниках XVII в. к ним применяли меткое обозначение «бродячие царевичи». Оно с предельной точностью передает и социальное положение, и образ жизни высококордных изгнанников и изначальное, тюркское, значение понятия «казак».

² Когда речь идет о северо-западной (сибирской) группировке ойратских племен, мы употребляем этнонимы *ойраты* и *калмыки* как синонимы.

³ Возможно, это городище Малые Кулары I в Тевризском районе Омской области (см.: [Палашенков 1979: 88–89]).

тались скрыться в глухих степях верхнего Приишимья [Катанаев 1893: 42, 43]. Неубедительной выглядит и версия царевича Каная б. Кучума о том, что отца заманили «в Колмаки» бухарцы с намерением его убить [Миллер 2000: 197]. Впрочем, в той сумятице, когда следы Кучума затерялись в степях, истинного виновника его смерти было сложно определить.

С начала XVII в. и в течение первой половины столетия наметился довольно тесный альянс отдельных сибирских царевичей с тайшами калмыков, которые в то время активно мигрировали на запад и заселяли степные пространства современного Казахстана, заходя также на территорию Юго-Западной Сибири и Южного Урала.

После разгрома на Оби Кучум исчезает из политической жизни, и на первое место выходит его старший сын Али. 9 декабря 1600 г. тюменские воеводы направили к нему местного авторитетного татарина, хафиза Менглибая, с государевым «жалованным словом», т. е. с прощением провинностей и предложением служить царю. На случай, если Али не захочет служить, надлежало уговаривать его отправить в Тюмень брата, царевича Каная, а если не пожелает его отпускать, то другого брата — Хаджима. Однако через десять дней Менглибай вернулся ни с чем, не сумев отыскать в степях станы Кучумовичей.

Более успешно действовал уфимский воевода М. А. Нагой. Посланные им в сентябре 1600 г. дети боярские и служилые татары разыскали сибирских принцев с поручением звать их «на государево имя». Для этого нужно было ехать в Уфу, на что Али не согласился, но послал брата Ишима. Этого знатного визитера Михаил Нагой, «поив и кормив и государево царское жалованье ему платье и его людем дав», препроводил в Москву [Миллер 1999: 193–195; Русская ... 1875: стб. 275–277]. Детали его пребывания в Москве неизвестны.

Вскоре Ишим был отпущен, потом он воссоединился с братьями, оставшимися в Сибири. Вернувшись, он завязал тесные отношения с новыми соседями сибиряков — калмыками. В 1619–1620 гг. Ишим женился на одной из шести дочерей предводителя ойратского племени торгутов, тайши Хо-Урлюка [Русско-монгольские ... 1959: 105]. Став «калмыцким зятем», он обрел мощную поддержку

со стороны новой родни. Вместе с тем и для его тестя это был выгодный брак. Как верно заметил М. Ходарковский, позиции влиятельного Хо-Урлюка после выдачи дочери за Ишима еще более укрепились [Khodarkovsky 1992: 78]. Ведь предводители торгутов, к которым принадлежал этот тайша, считались не самыми высокородными среди ойратской знати. Только князья хошуттов возводили себя к «золотому роду» *борджигин*, т. е. сородичам Чингис-хана, а именно — к потомкам его младшего брата Хасара [История Калмыкии ... 2009: 301]. Породнение с чингисидскими династиями повышало знатность и аристократический статус торгутского лидера.

В первые годы XVII в. кочевья калмыков вплотную приблизились к районам, на которые распространялась власть тобольских, тюменских и тарских воевод. По подсчетам М. М. Батмаева, к российским рубежам в то время прикочевало около 60 тысяч кибиток, или 240 000 чел. [Батмаев 1993: 26]. Кучумовичи увидели в этих новых пришельцах потенциальных союзников, способных помочь конницей в набегах и предоставлении убежища в случае военных неудач. Правда, для тайшей связи с высокородными «казаками» стояли далеко не на первом месте. Теснимые с востока халха-монголами и единокровными ойратскими племенами, потерпев поражение в войне с казаками, они желали обрести пространство для кочевания главным образом за счет ослабленной и раздробленной Ногайской Орды. К сибирским пределам придвинулась многочисленная группировка владетельных князей, возглавлявшаяся дербетским тайшой Далай-Батыром и торгутским Дзорику [Златкин 1983: 79]. В 1604 г. брат последнего, Хо-Урлюк, отделился от них и самостоятельно кочевал со своим сыном Кирасаном в верховьях Иртыша.

В это время начинаются переговоры тайшей с русскими властями в Сибири о дозволении им кочевать в степях Тарского уезда [История Калмыкии ... 2009: 260]. От 1607 г. имеются данные также об активных связях сибирских принцев с калмыками: «Кучумовы дети Алеи царевич з братьею ссылаютца послы и сватаютца с колмаками и дары меж себя посылают многие, и тем чают вперед у них меж собою одиначества и свойства ближнева» (цитируется отписка тобольского воеводы) [РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 94]. Возможно, победоносные походы

тюменцев в 1607 г. против Кучумовичей на реку Ишим были вызваны в том числе опасением русских властей перед наметившимся татарско-ойратским союзом.

Впрочем, подошедшие вплотную к российским границам в Сибири торгуть и дербеты были в то время настроены в целом лояльно к русским властям края. Их интересовала возможность кочевать на землях, подведомственных тамошним воеводам, — вдали от враждебных восточных монголов и казахов. Об этом свидетельствует детально описанная в историографии эпопея со взаимными визитами послов и гонцов в Москву и в ставки тайшей в 1606–1608 гг. Однако в дальнейшем, одержав несколько побед над названными противниками, предводители сибирской группировки ойратов значительно охладели к сотрудничеству с русскими, хотя и продолжали кочевать в районах, оговоренных в прежних соглашениях с Москвой, и даже пытались организовать ясачный сбор в свою пользу с местного населения.

Здесь нужно отметить один принципиальный момент. По верному замечанию М. М. Батмаева, период 1600–1630-х гг. «был скорее не временем поселения» калмыков в регионе Иртыша, Ишима и Тобола, а «более всего временем интенсивных передвижений, пережидания неблагоприятных обстоятельств, без ясного и очевидного намерения поселиться в пределах России» [Батмаев 1993: 32–33]. Иными словами, в истории этой части ойратского этнополитического сообщества происходил процесс, иногда называемый историками у кочевых народов «обретением родины». Как известно, калмыки в конце концов «обрели родину» далеко от описываемого региона — в степях между Волгой и Кавказом. По наблюдениям В. И. Колесника, в первой половине XVII в. присутствие ойратов «отмечалось на пространстве от оз. Кукунор до Волги в широтном направлении и от рек Тобола и Оми до Аму-Дарьи в меридиональном, что соответственно составляет более 6 000 и более 2 000 км» [Колесник 2003: 41]. Таким образом, их кочевья огромным «языком» протянулись через весь Восточный Дешт-и-Кипчак, где до того безраздельно господствовали ногаи.

Около 1609 г. царевич Али попал в плен и был увезен «на Русь». Главой Кучумова клана в Сибири стал один из его братьев — Ишим. Он не имел почти никакой

опоры и поддержки, кроме калмыцких тайшей, и жил с семьей и немногочисленной свитой в калмыцких кочевьях или неподалеку от них. Соответственно и действовать он вынужден был с оглядкой на своих покровителей. Очевидцы в 1616 г. передавали, что «Ишим царевич живет ныне в Колмацкой земле и кочует с колмаки. А колмацкие люди его почитают. А людей его с ним только... 15 человек». Совместно с ним кочевали улусы двух тайшей с пятью сотнями воинов [Русско-монгольские ... 1959: 53; Материалы ... 1936: 156, 157]. Подчиненное положение царевича иллюстрируется тем обстоятельством, что переговоры о его выдаче русские власти иногда вели с его калмыцкими патронами [Русско-монгольские ... 1959: 71, 138, 139]. Вместе с калмыцкой конницей Ишим ходил воевать с казаками и туркменами [Русская историческая ... 1875: стб. 456; Русско-монгольские ... 1959: 105, 133]. В 1620 г. калмыцкие послы в Уфе шертовали за своих сюзеренов, тайшей Хо-Урлюка и Чохура, — и заодно за Ишима [Русско-монгольские ... 1959: 102, 103]. На протяжении 1616–1623 гг. его местопребывание фиксируется «у Семи Палат», по берегам рек Ишима и Тобола (в семи «днищах» от Тюмени) [Миллер 2000: 348; Русская историческая ... 1875: стб. 454; Русско-монгольские ... 1959: 123], т. е. в тогдашней области торгутских кочевий.

Иногда между ним и тайшами происходили ссоры (прежде всего из-за нежелания последних участвовать в борьбе за возвращение царевичу его исконных подданных из-под власти «неверных»), и он обиженно откочевывал прочь (см.: [РГАДА. Ф. 214. Стб. 5. Л. 267; Миллер 2000: 350; Русско-монгольские ... 1959: 119; Материалы ... 1936: 158])⁴. В такие моменты он тяготился своим положением фактического приживалы у новых хозяев степей и подумывал о переселении в Россию вслед за несколькими своими братьями. Однажды он откровенно заявил присланному из Уфы толмачу: «А мое... житье видишь ты сам, здесь бы... лег, а при государской бы... милости встал...» [Русско-монгольские ... 1959: 105]. Однако

⁴ В 1623 г. тайши объясняли свой отказ от нападения на Уфимский уезд натиском со стороны враждебных монголов-чахаров. Однако на отношении тайшей к царевичу сказывались и разногласия с ним. В том же году один из них шертовал на том, чтобы «унимать Ишима» от набегов, а если «от того не уймаца», то поймать его и выдать воеводам [Русско-монгольские ... 1959: 125].

проходило время, и мысли выехать в Московское государство оставляли его.

Ишима удерживали «в Колмаках», кроме прочего, и родственные связи. Выше упоминалось, что за него выдал дочь предводитель торгутов Хо-Урлюк. Но через несколько лет, во время отсутствия царевича, «та... ево жона покинула да шла без нево замуж» [Русско-монгольские ... 1959: 105]⁵. Тогда Ишим взял в жены сестру владетельных князей из другого ойратского племени — хошутов, Чохура и Байбагаса⁶. Новые родичи служили ему в общем надежной опорой. В лагере Чохура он жил, и тот отказывался удерживать его от набегов, Байбагас же дарил ему пленных, добытых в походах [Русско-монгольские ... 1959: 105, 138, 139; Русская историческая библиотека 1884: стб. 437]. Как докладывал в отписке на государево имя тобольский воевода в 1634–1635 гг., «Кучюмовы внучата поженились в колмаках у болших тайшей на ближнем племени». При этом из калмыцких кочевий шли вести, что «Кучюмовым внучат[ам] колмацкие тайши людьми подмогут. А Кучюмовы де внучата называют Сибирское государство своею землею и [хотят] де однолично сибирские города разорить без остатка» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 600–601]. Родство и близкие отношения с хошутскими братьями-тайшами были выгодными для сибирских царевичей еще и потому, что Байбагас в то время занимал должность *чулган-дарги* — председателя общеойратского съезда князей.

Еще одним стимулом для Ишима сотрудничать с калмыками была их военная сила, позволявшая как поживиться в набегах, так и напомнить окрестным народам, кто является их исконными, изначальными правителями. Часто такие «напоминания» адресовались башкирам. Ведь по убеждению Ишима, исходя из сказанного им посланцу из Тобольска о сибирских и уфимских волостях, «тех волостей люди его холопи» [Цит.

⁵ Как отмечает М. М. Батмаев, «разводы не были редкостью в калмыцком обществе XVII–XVIII вв. и могли вызываться различными причинами: от бездетности или длительной болезни одного из супругов до тривиального «не сошлись характерами». Инициатива ... чаще всего исходила от мужей и реже от жен. Некоторые супруги расставались со своей половиной без всяких видимых причин и объяснений» [Батмаев 1993: 58].

⁶ Истинная племенная принадлежность этих тайшей недавно установлена Д. Мияваки [История Калмыкии ... 2009: 286]. Ранее они считались сыновьями могущественного правителя чоросов Хара-Хулы.

по: Устюгов 1947: 46]. Особенно это касалось башкир родоплеменного объединения табын, которые некогда имели тесные отношения с Кучумом. От имени Ишима один из тайшей требовал себе ясак с башкир-сынрянцев Катайской волости, а иначе «вас... Ишим царевичь учнет воевати, а ныне... Ишим пошел в Уфинские волости старых своих людей табынцов сыскивати» [Русская историческая ... 1875: стб. 446–447]. Правда, царевич в объяснениях с русской стороны пробовал приписать набеги и требования ясака с башкир самовольству калмыков и своей зависимостью от них («Приходят на башкирские волости воевать колмацкие люди моим именем, и яз... с ними приходил на башкирские волости одно да и то неволею» [Русско-монгольские ... 1959: 105]). Но вся история отношений Кучумовичей с башкирами свидетельствует о неискренности этих отговорок. Нащупывая слабые места в обороне пограничных уездов, сибирские царевичи предпринимали попытки объяснить местное население.

Жертвой нападений стала и угасающая Ногайская Орда. В 1622 г. калмыцкая рать числом восемьсот всадников под командованием Ишима и хошутского тайши Дюргэчи-Кундулена-Убаши («Тленчя»), брата Байбагаса, ворвалась в район бывшей ногайской столицы Сарайчука, которая уже сорок лет лежала в развалинах, и «погромила» тамошних оседлых жителей (так называемых *тумаков*) [История Казахстана ... 2005: 283]. Впрочем, к тому времени ногайского населения в тех местах почти не осталось.

Память об утраченном юрте взывала сибирцев к отвоеванию прежде всего собственно сибирских местностей. В отношении их Ишим также предъяснял притязания на вполне понятных основаниях («а татар... называл отца своего и своими природными холопи и говорил, как бы ему мочно своей вотчины доступити» [Материалы ... 1936: 89]). Здесь еще нужно учитывать соображения мести Кучумовичей русским: «сибирские де казаки отца его Кучюма извели, братью его, Алия и Азия, тюменские служилые люди разорили, ему де, Ишиму, приходити за то на государевы города войною» [Русская историческая ... 1875: стб. 456]. Но при этом участие в степных военных кампаниях ойратов сулило царевичам большие гарантии успеха и большие трофеи, чем в рискованных столкновениях

с русскими крепостными гарнизонами. Показательно, что свои только что процитированные реваншистские замыслы Ишим сформулировал в разговоре с воинами тайши Далай-Батыра во время совместного похода на туркмен в 1624 г.

В военных экспедициях 1610–1620-х гг. калмыки составляли основную ударную силу царевича (изредка упоминаются также ногай). В ответ из Тобольска и Тары снаряжались успешные военные экспедиции (об этих конфликтах см.: [РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 165, 167 об., 168, 193; стб. 5. Л. 267; Миллер 2000: 43, 300; Русско-монгольские ... 1959: 76, 77; Дополнения ... 1882: стб. 427]). Служилые настигали нападавших, сурово расправлялись с ними, порой врывались в калмыцкие стойбища и угоняли людей и скот (лошадей и верблюдов).

Заметим, что сами предводители калмыков в то время не проявляли особенной агрессивности по отношению к российским подданным. Тогдашний глава сибирской группировки ойратов дербетский Далай-Батыр-тайша обменивался с русскими дружественными посольствами, договаривался о беспрепятственной торговле с Москвией, видя главную опасность в традиционных неприятелях ойратов — в казахах и восточных монголах (государстве Алтын-хана). Кроме того, среди тайшей то и дело вспыхивали междоусобные раздоры, отвлекавшие их энергию от внешнеполитических предприятий.

Но нужно учитывать, что миролюбие по отношению к русским не было присуще многим «младшим» тайшам, которые, случалось, предпринимали набеги на «сибирскую украину» без ведома вышестоящих предводителей. К тому же в 1620 г. в степи между Иртышом, Ишимом и Яиком, к рубежам Уфимского и Тарского уездов, прикочевала с юго-востока очередная многолюдная группировка ойратов-хошутов во главе с Байбагасом и Чохуром, с которыми, как говорилось выше, вскоре породнился царевич Ишим. Причины этой миграции оставались прежние: разногласия среди ойратских аристократов и поражения от врагов (на сей раз от казахского хана).

При всех сложностях во взаимоотношениях русские власти не оставляли стараний склонить Ишима к примирению и покорности, о чем к воеводам регулярно шли призывы из Москвы. В 1616 г. царевич, каза-

лось, уже был готов подчиниться царю, но затем из-за давления калмыков передумал. В 1620 г. его посол вместе с эмиссарами торгутского Хо-Урлюка и хошутского Чохура давал в Уфе торжественное обещание (шертовал) не нападать на башкир и перейти «под государеву руку». Зная переменчивость Ишима, воевода отпустил восвояси калмыков, но задержал его посла, направив московскому начальству запрос о дальнейших действиях. Этот посол был фактически заложником в течении трех лет. Внятных рекомендаций из столицы почему-то не поступало (об этой ситуации см.: [Материалы ... 1936: 158, 159; Миллер 2000: 350; Русско-монгольские ... 1959: 119, 120]). Ишим подумывал о нападении на уфимские места в отместку за эту проволочку и злился на своих новых ойратских родичей за их безучастное отношение к унижительному положению, в котором он оказался.

Судя по всему, в таком нервном и неопределенном состоянии царевич закончил свои дни. В августе 1624 г. в Тобольск поступило известие от служилых, будто «Ишим царевич умер в прошлом в 132-м году [1623–1624]». То же подтвердили затем калмыцкие послы. Вдова Ишима с тремя сыновьями: Аблаем (Аблагиримом, Аблагиреем, т. е. Абулай-Гиреем), Тауке (Тявкой, т. е. Таваккулом) и Исламом — осталась жить в улусе своего брата, хошутского тайши Чохура [РГАДА. Ф. 214. Кн. 6. Л. 94 об., 95 об., 96]. Эти трое Кучумовичей в младенчестве находились при матери-ойратке, а теперь и обосновались в ойратских кочевьях.

С конца 1620-х гг. они включились в активную политику. Самым заметным был Аблай, который, вероятно являлся (или считался) старшим в поколении Кучумовых внуков в то время. Он женился и после этого по степным обычаям отделился от родительского стойбища — «учал кочевать о себе», взяв на содержание подростка Ислама [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 503, 504]. Его ставка обычно располагалась в трех неделях пути от Тюмени, «за рекою за Ишимом... на озере на Енкылы» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 525. Л. 16]. «Казачествующие» в степях удалцы из ближних и дальних краев тянулись к смелому принцу-воину, который самоотверженно боролся с завоевателями его родины, не боялся крови, добывал в походах трофеи и полон, да еще и пользовался покровительством могущественных гегемонов той части Центральной Азии — ойратов.

Это покровительство часто выражалось в предоставлении тайшами своих воинов царевичам для набегов на сибирские волости. В документах отмечена численность Аблаева воинства в 1634 г. в пятьсот человек, и столько же находилось под его началом калмыков [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 90, 517]. Впрочем, очевидцы порой отмечали гораздо меньшую численность жителей его улуса: «а с ними [семьей Аблая] немногие люди, бойцов толко человек здесять» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 500]⁷. Но здесь могли сказываться как превратности «казачьей» жизни (зависимость от успехов и поражений), так и особенности кочевничества (номадного образа жизни, когда для собственного прокормления и выпаса скота семьям-хозяйствам было целесообразно держаться порознь).

Кроме того, в Барабинской степи, в трех острожках на озере Икуль и речке Карагат, проживали 50 семей местных татар, признававших верховенство Аблая и тайшей [РГАДА. Ф. 214. Стб. 31. Л. 608]⁸. Часто вместе с Аблаем действовал его двоюродный брат Девлет-Гирей. Военные и дипломатические предприятия этих царевичей неразрывно были связаны с ойратским племенным сообществом в целом, а не только с сибирскими калмыками, т. к. иногда в набегах принимали участие джунгары (чоросы, или «черные калмыки» в русской терминологии того времени). Как и при царевиче Ишиме, ойратская конница составляла костяк отрядов, нападавших на российское пограничье в Юго-Западной Сибири. Патронами Аблая были тайши Хо-Урлюк торгутский и Байбагас хошутский, некогда тесно связанные с его отцом Ишимом.

Поколение Кучумовых внуков, оставшихся в Сибири, представляло собой своего рода этнокультурный сплав. Будучи по происхождению татарами, они воспитывались и вырастали в калмыцких кочевых ставках, впитывая от матерей и воспитателей⁹ нормы жизненного уклада

⁷ Впрочем, цитируемый рассказ беглых полоняников описывает стойбище без хозяина, который отсутствовал: скорее всего, ушел в поход с основной массой подданных.

⁸ В 1630 г. эти острожки были разорены казачьим отрядом, посланным томским воеводой.

⁹ По широко распространенному среди многих народов обычаю, отпрыски знатных семей у калмыков поручались после рождения заботам мамок-кормилиц и дядек-воспитателей, причем переходили жить в кибитки последних. Как правило, такие воспитатели находились в ранге *зайсангов* – управляющих

ойратов. Как известно, принадлежность к династическому дому чингисидов возносила царевичей над всеми тюркскими и монгольскими племенами. Поэтому они не испытывали никакой рефлексии по поводу отсутствия формальной родовой солидарности ни с тюркскими кланами, ни с племенными подразделениями ойратов. Однако исторические обстоятельства складывались таким образом, что потомки Кучума во втором колене на деле оказывались уже полутатарами-полукалмыками. Впрочем, это не мешало им помнить о своем царственном происхождении и в дальнейшем время от времени служить знаменем борьбы за освобождение местных народов от российской власти.

Характерно, что в роде Кучума немногие царевичи носили арабские (мусульманские) имена. Большинство было наречено именами тюркскими, т. е. условно говоря, «языческими» — неисламскими. Сохранение верности религии, принятой предками, едва ли служило препятствием для сближения «казаков» с окружавшими их калмыками. Приверженность исламу подпитывала в них тюрко-татарскую идентичность (а заодно и солидарность с единоверцами, оказавшимися во власти «неверных»). И все же иная культурная среда не могла не накладывать отпечаток на их личность и поведение. Так, в 1632 г. при походе к реке Исети (притоку Тобола) Аблай обещал местным татарам не убивать их, ограничившись сбором одежды и саадаков, и при этом «им по калматцкой вере шертовал: стрелу лизал и на темя железцом ставил» [Миллер 2000: 463]¹⁰. Здесь вкратце описан обряд традиционной монгольской присяги-*шахан*, который впоследствии претерпел у калмыков изменения под влиянием буддизма.

В ноябре 1629 г. Аблай с войском татар, барабинцев и джунгар три дня осаждал Чатский городок (с русским гарнизоном из 20 чел.), пока его не отогнали томские служилые [Миллер 2000: 116, 117, 419–421; РГАДА. Ф. 214. Стб. 31. Л. 322, 323; стб. 84. Л. 189, 190, 192]. Аблай напал на ясачные волости, угонял пленных и лошадей и в последующие годы. Эти раз-

¹⁰ «Калматцкую веру» здесь иллюстрирует древний обряд, не связанный с буддизмом. Хотя буддизм стал широко распространяться среди ойратов уже с середины 1610-х гг.

рения зафиксированы довольно подробно, т. к. служили для местного населения предлогом, чтобы просить у властей льгот по налогообложению из-за убытков, нанесенных царевичем (см., напр.: [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 370, 371]). Крупнейшей военной акцией можно считать осаду калмыками Тары в 1634 г., в которой участвовал и Аблай [Миллер 2000: 11]. Вскоре после этого, в июне 1635 г., он вместе с братом Тауке двинулся на Уфу. Навстречу им выступили служилые люди городского гарнизона. На расстоянии около 15 верст от крепости произошел жестокий бой, где обе стороны понесли большие потери. Царевичи в течение десяти дней оборонялись в близлежащем лесу (который с тех пор стал называться Аблаевым), но были взяты в плен и доставлены в Уфу вместе с 54 пленными калмыками [Рычков 1999: 52].

Могущественный хошутский тайша, чулган-дарга Туру Байху Гуши (Куйша русских текстов) требовал освободить Кучумовых внуков, обещая в противном случае разорить сибирские уезды. Ведь он состоял с ними в родстве: их мать, жена покойного Ишима, была, как показывали на допросе в Тобольске пленные татары, «Куише тайше родная племянница» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 506]¹¹. Но эти угрозы не возымели действия. Царевичей увезли «на Русь» и в 1641 г. сослали в северные города (Аблая — в Белоозеро, Тауке — в Каргополь).

Еще в 1627 г. ясачные барабинцы, разозленные обидами от воеводы Ю. И. Шаховского, намеревались сжечь город Тару. В 1628 г. возмущение тарских и томских татар (аялынцеv, барабинцев, чатов) стало принимать уже открытые формы. В историографии это их движение принято называть восстанием. Его причинам и ходу, а также участию в нем Кучумовичей посвящена статья К. В. Волковой [Волкова 1965: 112–127] (см. также: [Уманский 1973: 112–119]). Оно началось без участия Кучумовичей. Тарские ясачные татары, обозленные требованиями непосильного ясака, «юрты свои пожгли и откочевали с своих вотчин прочь» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 3. Л. 354]. Предводители та-

тар, барабинский «князец» Когутай, Кочаш Танатаров и Наврус Евгаштин, вступили в переговоры с Аблаем, Девлет-Гиреем и Тауке. В начале 1629 г. 400 тарских татар собрались на берегу озера Чаны, куда пригласили и Аблая. Было заключено соглашение о совместных действиях, а Аблай, как утверждает К. В. Волкова, принял ханский титул [Волкова 1965: 121] (упоминаний об этом мне в источниках не встретилось). При этом мятежники сознавали, что реальной силой обладают вовсе не Кучумовы «внучата», а калмыцкие тайши. Поэтому в анонимной «Повести о городах Таре и Тюмени», написанной примерно в конце 1630-х гг., говорится, будто К. Танатаров переселился «в землю Колмацкую» и уговорил напасть на Тару одного из тайшей [Сперанский 1932: 27]. Но «внучата» своим присутствием в рядах восставших придавали династическую легитимность движению.

К лету 1629 г. Аблай уехал в свои кочевья, чем воспользовались тобольские и тарские наместники. Внезапным ударом, не дав мятежникам оповестить нового «хана», стрельцы разгромили их становище у Чан. В ответ Аблай решил напасть на Томск. В преддверии нашествия чатские мирзы начали грабить волости Томского уезда. Но позднее планы кампании изменились. Аблай вступил в альянс с влиятельным чатским мирзой Тарлавом, посетив его в августе в Чатском городке во главе отряда из 130 татар и калмыков. К нему сходились единомышленники, и вскоре под его началом собралось около 1 тыс. чел. [РГАДА. Ф. 214. Стб. 3. Л. 494; Русская историческая... 1884: стб. 672]. Теперь чаты и Аблай намеревались совместными силами захватить Тару. Не дожидаясь, пока противник соберется с силами, зимой 1629–1630 гг. томские стрельцы, казаки и служилые татары взяли три острожка отложившихся татар-тарцев. Те раскололись: одни примкнули к калмыкам, другие (включая Танатарова) ушли к Аблаю, третьи решили прекратить борьбу и выехали «на государство имя». Татарин-информатор докладывал, что тарские татары, барабинцы, чаты и калмыки «от Ишимова сына отъезжают для кормов на старые свои места» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 3. Л. 494], так что дополнительной причиной угасания мятежа была невозможность для тысячи воинов прокормиться, находясь постоянно в совместном кочевании.

¹¹ Кажется, информаторы ошиблись в определении степени родства: Туру Байху Гуши был младшим братом Байбагаса и Чокура, на сестре которых Ишим женился (см. выше). Хотя в данном случае племянничество могло означать вообще нахождение в близком родстве («в ближнем племяни», как говорили в XVII в.).

Союз с главой бунтарей-чатов Тарлавом не принес царевичам никаких успехов. В 1630 г. в результате нескольких походов из Томска силы «изменника Тарлавки» были рассеяны, сам он погиб, а Аблай удалился на безопасное расстояние от русских (подробно см.: [РГАДА. Ф. 214. Стб. 31. Л. 322, 323, 595; Уманский 1973: 121–129; Бояршинова 1950: 112]). На этом восстание в целом прекратилось.

В те же годы против русской власти в Сибири активно выступил тесть Тарлава, телеутский князь Абак. Причина антироссийского настроения Абака и других вождей телеутов заключалась в ясачном обложении воеводами шорцев и прочих племен Северного Алтая, которых телеутские предводители считали своими исконными данниками (*кыштымами*). Телеуты («белые калмыки») получили от Аблая предложение присоединиться к союзу калмыков и татар в июне 1629 г. Это было мощное пополнение (550 всадников). Правда, жителей алтайских предгорий мало интересовали походы к далеким Таре и Тюмени, главным объектом их нападений суждено было стать Томску и Кузнецку. Кроме того, Абак рассчитывал распространить свое влияние на Барабу. Однако силы Кучумовичей были слишком малы, чтобы помочь ему воплотить в жизнь эти планы, да Аблай и не собирался делиться с телеутами доходами с барабинцев, с которых он собирал ясак в пользу свою и тайшей. Не желал он и направлять своих подданных против Томска — главного объекта воинственных замыслов Абака.

А. П. Уманский считал последнего «опытным дирижером» всего повстанческого движения на юге Сибири рубежа 1620–1630-х гг. Сходной точки зрения придерживался одно время Л. П. Потапов, видя в Кучумовичах «вдохновителей и организаторов восстаний» [Потапов 1953: 171]. Но впоследствии подход этого исследователя изменился: сибирские царевичи («разбежавшиеся князья из ханского дома Кучума») являлись, по его мнению, марионетками в руках «некоторых ойратских феодалов», стремившихся захватить пастбища в регионе [Потапов 1969: 97]. Хотя принимать Кучумовичей за абсолютных марионеток при тайшах кажется преувеличением их зависимости, в целом я солидарен с позднейшей интерпретацией Л. П. Потапова. Известные мне источники (как, кстати, и данные, приводимые А. П. Уманским) обнаруживают ничтож-

ность собственных сибирско-татарских сил под началом царевичей. Они были окружены воинами-ойратами и отрядами местных племен с собственными предводителями, каждый из которых был волен привести и увести своих сородичей, участвовать в очередном походе или переждать. В политике постоянного лавирования чатских, барабинских и телеутских лидеров между русскими и ойратами представители «ханского дома Кучума» занимали далеко не первое место.

Вся картина мятежей, пожалуй, не позволяет считать их какой-то цельной кампанией, руководимой из единого центра. Все-таки главной военно-политической силой в регионе являлись в то время ойраты (калмыки и джунгары). Без опоры на них невозможно было рассчитывать на успех в борьбе с русскими гарнизонами новых сибирских крепостей. Абак же, судя по источникам, практически не имел активных контактов со своими ойратскими соседями. К тому же ойратам в то время было не до татарско-телеутских воинственных планов: чоросы во главе с Хара-Хулой вели тяжелые бои с казахами и монгольским Алтын-ханом, дербеты Далай-Батыра вступили в конфликт с торгутами Хо-Урлюка. В конце концов царевичи и Абак разочаровались друг в друге, и весной 1631 г. их союз распался (см. подробно: [Уманский 1973: 106–111; 1980: 46, 47]).

Девлет-Гирей часто жил вместе с братом Аблаем или с кем-то из тайшей в верховьях Ишима или в озерном краю между Тоболом и Миассом. Из высокородных калмыков наиболее близки ему были дербетский Далай-Батыр и его вассалы. Но иногда царевич кочевал и самостоятельно. Состав «подданных» обоих царевичей был неоднородным. В их кочевьях обретались представители разных тюркских народов и калмыки: у Девлет-Гирея — «тарские юртовские татарове... да колмацкие люди и трухменцы и Казачьи Орды люди, а всех... их человек с полтора ста»; у Аблая видели «колмаков и трухменцов и Казачьи Орды и тем, что иманы в Уфинском и Тюменском уезде [башкир и татар], человек с шездесят или с семьдесят» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 511–512] (в другом документе — «человек с пятьдесят или с шездесят» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 505]).

Вместе с разноплеменным «казачьим» сообществом соратников они старались держаться подальше от объектов своих регулярных нападений: ясачных волостей

Южного Урала и Юго-Западной Сибири. Заслоном от ответных походов служилых являлись для них калмыцкие кочевья. В воеводских отписках отмечается, что, совершив набег «ис колмацких улусов», царевичи спешно удаляются «через Тобол... и через Ишим реки в степь за колмацкие ж улусы» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 37. Л. 268]. В ответ на упреки русских в пособничестве тайши оправдывались, что «Кучумовы внучата... кочуют собою, своим улусом» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 37. Л. 269], т. е. якобы независимо от своих калмыцких покровителей и союзников. На самом же деле время от времени, особенно после очередного набега на российские провинции, братья присоединялись к ойратским кочевым общинам, «боясь воины от русских людей» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 506], пытаясь спрятаться за спинами калмыков.

Нападения «внучат» на ясачных плательщиков, угон и сманивание ими жителей пограничных местностей не могли не вызывать напряженности в русско-калмыцких отношениях. Власти понимали реальный расклад сил и старались утихомирить воинственный пыл царевичей, воздействуя на них через тайшей. Калмыцким предводителям в налаживании контактов с пограничными воеводами тоже мешало набеговое буйство Кучумовичей. Неоднократно последним объявлялся строгий запрет на грабительские рейды. Весной 1634 г. царевичи Аблай и Девлет-Гирей перезвали к себе некоторое число тарских ясачных татар. Тайши Турген и Батур вызвали их на съезд ойратской знати, где царевичам было объявлено, что своими бесчинствами они вносят раскол между московским государем и могущественным Далай-Батыром. Им приказали вернуть весь полон и распустить по домам «людей четырех городов — тоболских и тюменских и тарских и уфинских», которые обретаются в их кочевьях. В противном случае освобождением пленных и беглых займется сам Далай-Батыр [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 498]. Впрочем, миролюбие и готовность к переговорам в политике тайшей часто чередовались с их воинственностью и агрессивностью. Те годы отмечены нападениями на пограничные уезды, в том числе и калмыков, к которым с готовностью присоединялись Кучумовичи.

Патронат над беспокойными «казаками» приносил тайшам пользу в виде не только военного подкрепления (весьма незначи-

тельного) во время конфликтов с казаками и русскими, но и некоторого материального пополнения. Ведь смысл сманивания российских ясачных в степные стойбища состоял в увеличении плательщиков ясака в пользу как царевичей, так и тайшей. Известны случаи доставления ясака Девлет-Гиреем к его калмыцким покровителям (см., напр.: [Русско-монгольские ... 1974, с. 177]). Последние справедливо расценивались им и его родичами как наиболее могущественная сила в Дешт-и-Кипчаке. Громя раздробленных и отступающих ногаев, калмыки все более уверенно занимали степи между Иртышом и Волгой, одновременно не оставляя попыток захватить пастбища в Юго-Западной Сибири и на Южном Урале.

Русские власти с переменным успехом старались остановить ойратскую экспансию в направлении российских владений и защитить государевых подданных-«иноземцев» — прежде всего башкир. На степном пограничье увеличивали численность и оснащенность крепостных гарнизонов, на службу туда направляли стрельцов и служилых из западных районов Московского царства. Это было необходимо в условиях, когда тайши претендовали на часть башкирских земель. Их притязания и набеги, равно как и усиление российского военного присутствия в регионе, предотвратили массовый переход башкирских родов на сторону ойратов. Надежный тыл в лице русских войск, гарантия охраны ими вотчинных прав, дарованных московскими царями, послужили причиной верности большинства башкир российскому подданству.

Как говорилось выше, в 1635 г. Аблай и Тауке попали в плен к уфимцам. Девлет-Гирей был полон решимости любой ценой вернуть братьев. Он то нападал на южноуральские волости (особенно активно в первой половине 1640-х гг.), то вступал с воеводами в переговоры. Воинство его состояло в основном из «государевых изменников», тюменских и тарских татар, выехавших из-под власти воевод. С калмыками он по-прежнему находился в союзе, но иногда держался особняком от них (хотя какое-то количество калмыков проживало в его улусе — в источниках упоминаются «царевичевы калмыцкие люди»). В 1635 г. джунгарский правитель Батур-хунтайджи писал в Москву, что «царевич кочует от меня далече на своей земле» [Миллер 2005: 23]. Эта «своя зем-

ля» в 1640–1650-х гг. обычно находилась в степях по берегам Ишима и Тургая. Под началом царевича постоянно находилось около двухсот человек [Миллер 2005: 31, 357, 361]¹².

Хотя представители Девлет-Гирея и прибывали в русские города в составе калмыцких посольств, но требовали для себя отдельного от них постоя, а при переговорах всячески обличали тайшей, обвиняя их в неискреннем миролюбии, клевете на царевича, который на самом-то деле только и стремится-де «царьскому величеству служить и прямити» [Русско-монгольские ... 1974: 325]. Впрочем, никакой разрыв с калмыками был для Девлет-Гирея невозможен, и в источниках появляются упоминания о его близком соседстве или иногда все-таки совместном кочевании то с одним, то с другим тайшой.

Вероятно, в определенные моменты он действительно склонялся к мысли смириться с верховенством «неверных» и даже перейти в российское подданство. Но разнообразные обстоятельства всякий раз препятствовали этому. Так, в 1648 г. один из ойратских аристократов предложил царевичу присоединиться к набегу на русские города. Тот отказался, сославшись на перспективу замирения с московским государем. В ответ тайша пригрозил забрать его в поход силой [Русско-монгольские ... 1974: 328]. Другой тайша, Даян-Омбо, держал Девлет-Гирея при себе «за холопа место» [Васьков 1999: 17]¹³, так что особенного почтения к нему калмыцкие предводители не испытывали. Несмотря на царственное происхождение Кучумовичей, тайши все менее считались с ними и с их интересами.

Между царевичами и тайшами порой возникали разногласия по поводу целесообразности набегов. То одна, то другая сторона пыталась наладить контакты с русскими властями и потому старалась помешать партнерам испортить эти отношения. Выше приводился факт несогласия Девлет-Гирея с агрессивными действиями калмыков. А в 1653 г. уже калмыцкая аристократка, вдова

хошутского Туру Байху Гуши, с которым царевич состоял в родстве, обещала через своего посла в Тобольске для умирения воинственного Кучумовича «поймать и держать ево у себя в крепких местех» [Русско-монгольские ... 1974: 394]. Правда, внезапная смерть помешала ей исполнить задуманное.

От набегов Девлет-Гирея в основном страдали Тюменский и Уфимский уезды. По заведенному ранее порядку, походы совершались в период, когда можно было поживиться не только награбленным имуществом, но и урожаем с полей, а также собранным ясаком. Поэтому Кучумовичи (Девлет-Гирей с братом Абугаем и племянником Кучуком) седлали коней «в то время как русские люди учнут сена косить и жать хлеб», «на сноп и по заморозу, и в ясашное время, как государев ясак збирают». От таких нападений страдали и промысловые угодья сибиряков [Миллер 2005: 314, 327, 381]. Как правило, рейды происходили вместе с калмыцкими отрядами и часто по инициативе тайшей. Хотя иногда и сами царевичи загорались идеей отправиться в набег и звали калмыцких предводителей присоединиться. Такие объединенные силы, случалось, насчитывали до трех тысяч человек [Миллер 2005: 417], но обычно отряды состояли из нескольких десятков или сотен воинов.

Ответные удары из Тары, Тюмени и Уфы заставляли Кучумовичей держаться ближе к тайшам. В документах рубежа 1650–1660-х гг. снова отмечается их совместное или соседское кочевание, чаще всего по Иртышу, вместе с сыном торгутского Хо-Урлюка, Лоузаном, и хошутским Кундуленом. Причем тайши заботились о безопасности сибирских династов. В 1660 г. посланники хошутского тайши Аблая «забрали» всех царевичей из становищ Лоузана и перевезли далеко на юг, во владения Аблая, чтобы сделать их недосягаемыми для возмездия русских за набеги [Миллер 2005: 432]. В целом бесспорное численное, да и военное превосходство калмыков заставляло Кучумовых «внучат» держаться в русле их политики, в том числе зачастую и по отношению к России. Они были вынуждены освободить часть полоняников, когда этого требовали (не от них, а от торгутских тайшей!) грозные правители Джунгарии, заинтересованные в мирном сосуществовании в регионе с Московским государством, а

¹² Очевидно, это число только боеспособных мужчин, т. к. такая же цифра названа информаторами при оценках численности отряда Девлет-Гирея, собравшегося в набег на сибирские города [Миллер 2005: 30, 347].

¹³ При этом Девлет-Гирей и Даян-Омбо вместе мобилизовали «калмыцких многих людей» для нападения на сибирские города и слободы [Миллер 2005: 370].

также в том, чтобы не отпугивать барабинских двоеданцев, которые платили подати джунгарам [Миллер 2005: 38, 430, 432]¹⁴. Нужно отметить, что верховный правитель ойратов, джунгарский Батур-хунтайджи за все время своего правления в Джунгарском ханстве (1635–1653 гг.) ни разу не выступил враждебно против России и отклонял предложения тайшей и Кучумовичей о совместных действиях против русских.

Современники, окрестные наблюдатели порой уже воспринимали Кучумовичей как часть калмыцкой этнополитической общности. Так, отъезд башкирских и татарских семей из улусов Аbugая в 1661–1662 гг. трактовался тобольскими воеводами как откочевка «ис Калмык от Бугая царевича» [Материалы ... 1936: 92, 93]. Дополнительный стимул для «симбиоза» калмыцкой знати и Кучумовичей заключался в сравнительно регулярном добывании последними трофеев в набегах. Добычей царевичи делились со своими покровителями («царевичи сподобляют Урлюковых людей конми и запасы» [Материалы ... 1936: 416]), чем помогали им пережить нередкие ситуации голода и оскудения.

Во время башкирского восстания 1662–1664 гг. повстанцы существенно пополнили рать царевича Кучума. Но его основной военной опорой по-прежнему оставались калмыки, особенно после неудач в сражениях с русскими войсками. У тайшей он «просил людей идти войною на государевы города и слободы» [Дмитриев 1900: 80]; одного из главных ойратских аристократов, торгутского Дайчина (сына Хо-Урлюка), он в своем ярлыке называл отцом (*атам*), в пользу которого башкирам надлежало выделять провиант [Материалы ... 1936: 180]. Русские власти понимали степень влияния тайшей на Кучука и именно к ним обращались с просьбами «унять» его от беспрестанных набегов. Тайши же вновь то заявляли, что не имеют с ним общих дел и отказывались разделить ответственность за эти нападения (Кучук «не нашево... улусу. А я... никакой силы ему не прибавлю. Он, Кучюк, от нас збежал и тепере от нас далеко живет»), то посылали к царевичу приказы «с угрозою» прекратить воевать и освободить полоняников [Русско-монголь-

ские ... 1996: 213, 394] (и иногда это действовало на него!).

К концу 1660-х гг. провал всех мечтаний о реставрации Сибирского юрта и тщетные попытки противостояния со все усиливающимися русскими в Сибири и на Южном Урале привели к тому, что у царевичей опустились руки. Единственную и вынужденную опору они видели в ойратских политических объединениях. Но внимание и интересы традиционных партнеров Кучумовичей — торгутских и части хошутских тайшей¹⁵ — все более обращались в западном направлении. Громя остатки Ногайской Орды, их отряды уходили в глубокие разведывательные рейды за Эмбу и Яик (есть данные об участии в таких походах и Кучумовичей [Богоявленский 1939: 61]). В течение 1630–1650-х гг. основная масса калмыков постепенно переместилась из сибирских пределов и с территории современного Казахстана на Волгу. Там образовалось вассальное Калмыцкое ханство, подчиненное Московскому государству. Откочевал на юго-запад и давний, надежный партнер Кучумовичей Хо-Урлюк с сыновьями. Уход калмыков, кстати, наглядно отразился на сужении ассортимента их товаров на сибирских рынках: с 20 наименований в 1639–1640 гг. до 4 наименований в 1670–1671 гг. [Вилков 1967: 173].

И хотя давние связи прервались не сразу (в 1678 г. некий «салтан Кучюма хана внук» разбил лагерь в верховьях Ишима вместе со своим тестем — калмыцким тайшой [Дополнения ... 1862: 35]), царевичам «казакам» оставались связи с той ветвью ойратов, которая оказалась теперь ближайшей к ним, — с джунгарами (чоросами). Так, по неизвестным обстоятельствам царевич Дюдюбак б. Аbugай оказался в джунгарском плену. Осенью 1678 г. тобольский воевода П. В. Меньшой Шереметев сообщил своему верхотурскому коллеге И. Ф. Пушкину со слов местных татар (которые передавали, в свою очередь, вести от калмыков и бухарцев), будто правитель Джунгарии, хунтайджи Галдан-Бошокту-хан, отпустил Кучумовича из плена в кочевья тайши Малая. Но это не было простым дарованием свободы: Дюдюбаку надлежало «быть надо

¹⁴ Впрочем, старались отпускать домой только ту часть «ясыря», что являлась обузой, — стариков и малолетних, «которые государю в яsak старые не годятся, а молодые в яsak не поспели».

¹⁵ Большинство хошуты во главе с Гуши-ханом (упоминавшимся выше Туру Байху Гуши) еще в 1630-х гг. откочевало район озера Кукунор (северо-восточнее Тибета) и образовало там самостоятельное ханство.

всеми дурбечкиными тайшами владетелем, и во всем им, тайшам, царевичу быть послушным...». Своеобразная инвеститура сопровождалась указанием на место жительства освобожденного: «И кочевать ему на старинных ево кочевьях по Ишиму реке, где кочевали дед и отец ево». Кроме того, хунтайджи якобы приказал облеченному полномочиями Дюдюбаку (и, очевидно, отныне подчиненным ему ойратам-дербетам) начать военные действия против башкир [Русско-монгольские ... 1996: 321].

Эти новости стали известны в Москве. Первому же прибывшему туда джунгарскому посольству на приеме в Посольском приказе был задан вопрос, правда ли, что Дюдюбак выпущен на волю Галдан-Бошоктуханом и поставлен главой над дербетами с кочевьями по Ишиму. Посланец хунтайджи отвечал, что, насколько ему известно, действительно, «Бугая де царевича сын Дюдюбака у Галдана-тайши в полону есть». Хотя и могли произойти изменения за те тринадцать месяцев, что посольство провело в пути, но «однако ж он [посол] того не чаёт, чтоб того Дюдюку Галдан, из неволи слободя, владельцем учинил» [Русско-монгольские ... 1996: 324]. Мне это тоже представляется маловероятным. Да и поставленная перед царевичем задача нападать на башкир, российских подданных, в тех обстоятельствах сомнительна, т. к. Галдан-Бошокту избегал любых осложнений в отношениях с Московским государством. В межойратских политических распрях и интригах фигура «природного» династа-чингисида могла бы иметь привлекательность для хунтайджи, который не желал терять своего влияния на отколовшихся и растекшихся по огромным пространствам группировкам ойратов. Однако ни о каких последствиях интриги с Дюдюбакой не известно. Кучумовичи с тех пор исчезают со страниц документов. Они не заметны ни в сибирских и уральских степях, ни в ставках калмыцких тайшей.

Список источников

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

- Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.
- Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыцкого народа в первой половине XVII века // Исторические записки. Т. 5. М., 1939. С. 48–101.
- Бояришинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государ-

- ственного университета им. В. В. Куйбышева. Т. 112. Серия историко-филологическая. Томск: Изд-во ТГУ, 1950. С. 23–210.
- Васьков Д. А. Сибирский царь Девлет-Гирей // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв.: Мат-лы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1999. С. 17–19.
- Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967. 323 с.
- Волкова К. В. Восстание татар Тарского уезда 1628–1631 гг. // Сибирь периода феодализма. Вып. 2. Новосибирск: Наука, Сибир. отд-ние, 1965. С. 111–127.
- Дмитриев А. Пермская старина: Сб. ист. ст. и материалов, преимущественно о Пермском крае. Вып. VIII. Пермь, 1900. 172 с.
- Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 8. СПб., 1862. 350 с.
- Дополнения к Дворцовым разрядам. Ч. 1. М., 1882. 476 с.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. М.: Наука, 1983. 332 с.
- История Казахстана в русских источниках. Том I. Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.). Алматы, 2005. 721 с.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. I. Элиста: ГУ Издательский дом «Герел», 2009. 848 с.
- Катанаев Г. Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. 14. Вып. 1. Омск, 1893. С. 1–72.
- Колесник В. И. Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 286 с.
- Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 631 с.
- Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Л.: АН СССР, 1932. 504 с.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. М.: Вост. лит., 1999. 630 с.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. II. М.: Вост. лит., 2000. 796 с.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. III. М.: Вост. лит., 2005. 598 с.
- Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. 272 с.
- Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омской области // История, археология и этнография Сибири. Томск: Том. ун-т, 1979. С. 85–95.
- Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи / предисл. Н. Н. Покровского, Е. К. Ромодановской. М.: Наука, 1987. 381 с.
- Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 444 с.
- Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев / отв. ред. А. П. Окладников. Л.: Наука, 1969. 239 с.
- Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. II. СПб., 1875. 654 с.
- Русская историческая библиотека, издаваемая Ар-

- географической комиссией. Т. VIII. СПб., 1884. 639 с.
- Русско-монгольские отношения. 1607–1636.* Сборник документов / сост. Л. М. Гагаулина и др. М., 1959. 350 с.
- Русско-монгольские отношения. 1636–1654.* Сборник документов / сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М., 1974. 469 с.
- Русско-монгольские отношения. 1654–1685.* Сборник документов / сост. Г. И. Слесарчук. М., 1996. 560 с.
- Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 312 с.
- Сибирские летописи.* СПб.: Импер. Археографическая комиссия, 1907. 464 с.
- Сперанский М. Н.* Повесть о городах Таре и Тюмени // Труды Комиссии по древнерусской литературе. Т. I. Л.: АН СССР, 1932. С. 101–132.
- Уманский А. П.* Телеуты и сибирские татары в XVII веке (очерк внешнеполитических отношений) // Ученые записки Барнаульского государственного педагогического института. Т. 18. Барнаул, 1973. С. 106–130.
- Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.
- Устогов Н. В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Т. 24. М., 1947. С. 30–110.
- Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca; London, 1992. 279 p.

УДК 94(470)

ББК 63.3 (2)46

ХАН АЮКА: ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ

В. Т. Тепкеев

Личность хана Аюки занимает особое место в истории калмыцкого народа. Политическая деятельность и личные качества получили Аюки весьма высокую, но вместе с тем противоречивую оценку в историографии. Его первые самостоятельные шаги происходили в условиях сложной внутри- и внешнеполитической обстановки того времени.

В историографии можно найти отрывочные сведения об этом периоде его жизни¹. В данной работе дается наиболее полная историческая картина первых шагов Аюки в качестве правителя формирующегося Калмыцкого ханства, в хронологической последовательности на основе уже известных и недавно открытых архивных материалов.

¹ Впервые имя Аюки в русских документах встречается в начале 1660-х гг., и связано это было с заключением шерты в декабре 1661 г., когда главными действующими лицами этого русско-калмыцкого соглашения выступили астраханский воевода князь Григорий Сунчалеевич Черкасский и торгутский тайша Мончак (Пунцуг). Своего рода гарантией заключенного договора, особенно в условиях продолжавшейся Русско-польской войны 1654–1667 гг., должен был послужить брак между Обелханой Муцаловной Черкасской, племянницей Г. С. Черкасского, и Аюкой, сыном Мончака. Однако в течение 1660-х гг. имя Аюки уже не встречается в русских документах: скорее всего, он находился в тени своего отца и поэтому практически не имел никакого политического веса. Жизнь Аюки кардинальным образом изменилась именно со смертью Мончака, что повлекло за собой в первую очередь изменение политической обстановки в ойратском сообществе.

Калмыцкое общество, наряду с российским государством, на рубеже 1660–1670-х гг. также переживало внутренний политический кризис. Потерпев поражение в борьбе за верховенство в хошутском доме, тайша Аблай со своим улусом вслед за дядей Кунделен-Убаши откочевал с территории Среднего Прииртышья в западном направлении. В историографии устоялось мнение, что целью хошутского тайши было добиться возвращения торгутов на их старые кочевья на территории Юго-Западной Сибири. Но в случае с Аблаем имеет место настоящая экспансия хошутов, их наступление на позиции торгутов в Северном Прикаспии. Перед Аблаем, видимо, стояла вполне определенная задача: подчинить и захватить кочевья волжских калмыков [Тепкеев 2008: 32].

Сведения о вспыхнувшем на юге России восстании Степана Разина, вероятно, дали Аблаю основание считать, что царское правительство, занятое своими проблемами, не будет активно вмешиваться во внутрикалмыцкие дела. Примерно во второй половине 1669 г. происходит объединение двух ойратских групп: улусов хошутского Кунделена-Убаши с дербетскими, откочевавшими из Юго-Западной Сибири в степи Северного Прикаспия еще в начале 1660-х гг., и новоприбывшего со своим улусом хошутского тайши Аблая. Первой жертвой их совместного нападения стал улус дербетского тайши Даян-Омбо, видимо, из-за отказа от участия в коалиции. Далее удар объединен-

ных сил чакарцев был уже нанесен непосредственно по торгутским улусам на Яике [Раднабхадра 1999: 92; Норбо 1999: 107].

Смерть Мончака, по всей вероятности, произошла в результате этих событий, но при каких обстоятельствах, к сожалению, в русских и калмыцких источниках подробные сведения отсутствуют. Совсем немного их дополняют сообщения П. С. Палласа, имевшего возможность непосредственного общения с калмыками в XVIII в. Со слов калмыцких информантов ему стало известно, что Аблай захватил в плен отца Аюки, Мончака, в районе яйцких степей [Pallas 1776: 28]. Неизвестно, погиб ли Мончак в бою или плену и имел ли к этому отношение Аблай, но нахождение в живых предводителя волжских калмыков не способствовало укреплению власти самого хошутского правителя в Северном Прикаспии.

Данные о вышеизложенных событиях в некоторой мере дополняют и недавно выявленные сведения из русских архивных документов. Примерно на рубеже 1670 и 1671 гг. в Москву от Аюки и Солом-Церена прибыл калмыцкий посланец Юмай-дархан. Именно из его показаний стало известно, что на момент вторжения Аблая на территорию торгутских кочевий Дайчин совместно со своим внуком Назар-Мамутом (сыном покойного Нима-Церена) кочевал на Яике выше Индерских гор. Ориентировочно зимой 1670–1671 гг. в этот район и вторгся Аблай, «а с ним кошоуцкие и дербенские тайши» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 1. Л. 56]. Общая численность объединенного хошутско-дербетского войска, по сведениям Юмай-дархана, составляла 40 тыс. человек. Поскольку в это время основные силы волжских калмыков под командованием Аюки и Солом-Церена находились в военном походе против ногайского Ямгурчи-мирзы, который незадолго до этого увел к себе на Кубань значительное число калмыцких ногаев, то это позволило создать ситуацию, когда вторгшиеся на территорию волжских калмыков хошуты и дербеты «Дайчина со всеми улусы загнали к себе без бою» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 1. Л. 57]. Узнав о приходе войска Аблая, Аюка срочно привел все свои имеющиеся военные силы к Волге, где ожидал нового прихода хошутского войска, вероятно, для решающего сражения. Но поскольку Аблай не явился в назначенное место, Аюка и Солом-Церен увели свои улусы

в степи Придонья, в район рек Иловли и Юлы. Юмай-дархан от лица Аюки просил царское правительство предоставить военную помощь против Аблая, а также жалование, «что давано было отцу иво [Аюки], давать матери иво» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 1. Л. 58].

Аблай со своей стороны также предпринял энергичные шаги на дипломатическом поприще, отправив в Москву уже своего посла с письменным извещением о том, что он с сыном Цаганом и Эрке-ламой захватил улусы Дайчина и Назар-Мамута, а Аюка, якобы, «с малыми людьми» бежал на правый берег Волги. Хошутский тайша требовал присылать из Москвы жалование, ранее выдаваемое Дайчину и Мончаку, только ему [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 1. Л. 59]. Надо отметить, что послы Аюки и Аблая в одно и то же время находились в Москве и вели друг против друга закулисную игру, чтобы заручиться поддержкой царского правительства в пользу своих владельцев. О примирении сторон, на чем настаивала Москва, не могло быть и речи: в Северном Прикаспии в этот момент происходила постепенная смена власти торгутского правящего дома на хошутский.

Указанные события повлекли за собой новый всплеск вынужденных миграций, внутренних усобиц, и, как отмечали многочисленные свидетели того времени, у калмыков происходили «межусобье и бои великие и сеча большая» [Крестьянская война ... 1954: 213–214]. Кризис в правящем торгутском доме, последовавший после смерти Мончака и пленения Дайчина, поднял и вопрос преемственности. Кандидатура молодого и амбициозного Аюки, видимо, устраивала далеко не всех старших тайшей. По мнению В. И. Колесника, не все были согласны с автоматическим наследованием по прямой нисходящей линии от Мончака к Аюке [Колесник 2003: 96].

Калмыцкий историк XVIII в. Габан Шараб упоминает в своей летописи, правда без подробностей и указаний на дату, о враждебных действиях против Аюки бывших соратников его отца — Солом-Церена и Батура [Габан Шараб 2003: 103]. Русские документы конца XVII в. показывают отдельные моменты из взаимоотношений Аюки с дербетским Солом-Цереном за указанный период. В 1699 г. Мунко-Темир, второй сын Солом-Церена, в своем письме в Москву сообщал о времени, когда хошутский Аблай «Мунчака

тайшу разорил». Именно после этого события Аюка и Солом-Церен ушли со своими улусами кочевать на Дон, где между ними, видимо, и произошел тот самый конфликт, на который указывает в своей летописи Габан Шараб. Суть его заключалась в том, что Аюка после погрома Аблаем торгутских улусов замыслил уйти в крымские владения, по всей видимости, к уже находившемуся там с 1664 г. двоюродному дяде Дугару. Но Солом-Церен начал его отговаривать от такой идеи, предлагая взамен и дальше верно служить московскому государю. Со слов Мунко-Темира, именно за это Аюка, «сложась с сыном иво Солом Сереневым, ево Солом Сереня разорил»² [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 6. Л. 8–9].

Ранней весной 1670 г. к Дугару под Азов от Аюки откочевал и его брат тайша Бок. Причиной ухода, как стало известно из сведений, полученных казаками, послужило убийство им некоего «свойственника» Мончака. Общая численность сил двух тайшей под Азовом составила около 10 тыс. калмыков и ногаев [Крестьянская война ... 1954: 206; РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). Оп. 1. 1669 г. Д. 12. Л. 72; Новосельский 1994: 104].

Несмотря на внутренние неурядицы, волжские калмыки оставались верны договоренностям с царским правительством. Летом 1670 г. Аюка и Батур с 20-тысячным войском по государеву указу двинулись на повстанцев Разина. 2-тысячный отряд дербетского тайши Даши контролировал окрестности мятежного Царицына. Перед дербетским отрядом, находившимся на заставе между Царицыным и Паншиным, стояла задача: не пропустить казаков, направлявшихся с Дона на соединение к Разину. Но их успешные действия продолжались до тех пор, пока 7 июля здесь не появилось 4-тысячное войско мятежных тайшей Дугара и Бока (совместно с азовцами и крымцами), направлявшееся по левобережью Дона в набег на южные окраины России. В результате неравного боя в районе между Царицыным

² Под сыном Солом-Церена здесь имеется в виду его старший сын Даши. Таким образом, мы видим, что Аюка и Даши, как люди одного молодого поколения, воспользовались сложившимся политическим кризисом и попытались отодвинуть на второй план представителей старшего поколения, захватив власть в собственных владениях. Однако в случае Даши попытка окончательного захвата власти в дербетском улусе не получилась, поскольку он вскоре погиб летом 1670 г. в одном из сражений на Дону с крымско-калмыцким отрядом Дугара.

и Пятиизбенской дербетская застава была полностью разбита, погибли Даши и полторы тысячи его людей. Остальные смогли уйти через Волгу к реке Камышинке и вернуться к Солом-Церену [Крестьянская война ... 1954: 185, 213–214, 232, 234]. Действия Дугара и Бока летом 1670 г. на Дону невольно помогли повстанцам в расширении района своих действий и пополнении из числа донского казачества.

В июле 1670 г. Аюка со своим войском находился в 60 верстах ниже Черного Яра на луговой стороне Волги. В разговоре со стрелецким сотником Гурием Ломакиным Аюка сообщил об измене астраханского отряда, с которым калмыки шли на соединение для совместного удара по повстанцам. Переход на сторону С. Разина астраханских стрельцов и выдача ими воеводы Семена Львова фактически оставили калмыков один на один с повстанцами. Аюка просил Москву о том, чтобы прислали новые войсковые подкрепления, и наметил общий сбор на урочище Ураков Караул в 20 верстах выше от реки Камышинка. Тайша еще раз заверил, что «вопче с твоими великого государя ратными людьми служить и радеть и над богоотступным вором, над Стенькою Разиным, всякими промыслы промышлять рад» [Крестьянская война ... 1954: 225–226].

Во время подавления правительственными войсками разинского восстания Аюка попытался все же урегулировать свои сильно подорванные на тот момент отношения с донскими казаками. Весной 1671 г. калмыцкий тайша с улусами кочевал вверх по Дону в районе казачьего городка Курман Яр, откуда дважды отправлял к атаманам своих представителей. В результате переговоров стороны заключили шертъ, подтвердив прежние договоренности и предопределив возможные последующие действия: «А которые их калмыцкие люди, прикочевав, похотят у них жить на Дону, и за тех людей не стоять и у них, казаков, назад не просить. И живучи, им меж собою никаких обид не чинить, а если кому какая обида учинитца, и им про то на обе стороны разыскивать вправду» [Цит. по: Шовунов 1992: 33]. Данное соглашение также свидетельствует и о появлении с этого времени первых калмыцких поселенцев в составе донского казачества.

Калмыцкая «оппозиция» в лице тайшей Дугара и Бока, кочевавших со своими улусами в междуречье Кагальника и Маныча, отправила посланцев к Аюке и Батуре с

просьбой, что «хотят великому государю служить же с ними вместе». Причиной смены их антироссийских настроений послужило возникшее недоверие к ним турков, подозревавших их в постоянных контактах с другими тайшами и на этом основании не пускавших калмыков в Азов. Объединение тайшей (как показали дальнейшие события, оно носило только временный характер) было направлено, в первую очередь, на возвращение 40 тыс. ногаев, ушедших от калмыков на Кубань. Неоднократные обращения Аюки, Солом-Церена и Батура к донским атаманам за военной помощью в итоге получили поддержку, и 300 казаков совместно с калмыками Аюки, Дугара и Бока направились в «Ногайские горы» на Кубани, расположенные в двух неделях пути от Дона. В результате совместного похода летом ногайские улусы с пятью мирзами были возвращены с Кубани в калмыцкие кочевья. Тайши, как отмечали очевидцы, находились между собой летом 1671 г. «все в дружбе» и располагались кочевьями по рекам Маныч, Егорлык и Калаус [Тепкеев 2008: 34].

Ситуация между двумя враждующими калмыцкими группами в волго-яицком междуречье зимой 1671–1672 гг. накалялась, о чем не преминул сообщить в своем донесении боярин И. Б. Милославский³. Сын Аблая, Чаган, с 30-тысячным войском подошел к реке Ахтубе в трех днях пути от Астрахани с целью окончательно разгромить силы Аюки. Из расспросов астраханских станичников было известно, что Аюка также вышел из улусов с войском и находился в районе Нарын-песков [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 5. Л. 62]. Консолидовав оставшиеся после разгрома улусы и помирившись с Дугаром и Боком, Аюка решил взять реванш у Аблая. Во многом эту задачу ему упростило и то обстоятельство, что недавние союзники Аблая отошли от него и вернулись на свои старые кочевья на востоке. В «Биографии Зая-пандиты» прямо указывается, что во время зимовки на Яике у Аблая произошел конфликт с сыновьями Кунделен-Убаши и дербетскими тайшами, которые были недовольны, по их мнению,

³ Царское правительство во время подавления восстания С. Разина на юге России не могло в полной мере вмешаться во внутрикалмыцкие дела. В архивных документах впервые удалось обнаружить сведения об официальной реакции царских властей на последние события среди калмыков, последовавшей уже после подавления разинского выступления. Они, несомненно, представляют огромный интерес.

несправедливым разделом имущества, захваченного у торгутов [Норбо 1999: 107].

В январе 1672 г. из Москвы через Эрке-ламу был прислан письменный ответ хошутским тайшам Аблаю и Чагану, где, в частности, сообщалось: «Ведомо великому государю его царскому величеству учинилось, что Аблая тайши сын, Чаган, идет войною на подданных его царского величества на калмыцких на Аюкая, и на Солом Сереня, и на иных тайшей, а те тайши великому государю его царскому величеству служат и во всем его государское повеленье исполняют и кочуют под его государскою самодержавною рукою. И они б, Аблай и сын ево Чаган тайши, на подданных царского величества на калмыцких Аюкая и на Солом Сереня, и на иных тайшей войною не ходили и жили б с ними в миру и в совете» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 5. Л. 63]. Далее в письме хошутским тайшам предлагалось со своими войсками совместно с Аюкой направиться на войну против крымского хана, который, по сведениям царского правительства, вышел с территории полуострова и находился с армией на Кубани. Примерно такой же царский ответ был доставлен и Аюке. Реакция послов Аюки на подобное предложение нам неизвестна, но посол Аблая согласился с мирной инициативой Москвы, и, как он сам ответил, «на крымского хана войною [хошуты] итти ради» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 5. Л. 64–65].

В отдельной инструкции на имя только что назначенного в Астрахань воеводой кн. Якова Никитича Одоевского указывалось, что в случае, если тайша Аблай и дальше будет упорствовать в решении территориального вопроса, всячески его убеждать кочевать на дальних кочевьях между Яиком и Тоболом, поскольку в районе Астрахани у его улусных людей могли бы возникнуть ссоры с русским населением [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 5. Л. 68]. Из вышеизложенных сведений видно, что Москва не стремилась однозначно принять сторону своих подданных, Аюки и Солом-Церена, в их конфликте с хошутскими тайшами, пытаясь использовать военный потенциал обеих сторон в свою пользу. Данное обстоятельство толкало Аюку к принятию собственного решения, особо не рассчитывая на помощь царского правительства.

Другой противник Аблая, хошутский Очирту, воспользовался ситуацией и из Джунгарии совершил молниеносный рейд

на север, разгромив и подчинив себе улусы Кунделен-Убаши, Доржи и дербетских тайшей. В числе захваченных оказался и его дядя по матери — торгутский тайша Дайчин [Норбо 1999: 107]. В результате одержанной громкой победы Очирту стал именоваться новым титулом *Цецен-хан*, которым он именуется себя в своих письмах русскому царю в сентябре 1673 г. [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1674 г. Д. 2. Л. 7]. Поскольку Очирту Цецен-хан приходился тестем Аюке, который был женат на его дочери Эренцен, то можно предположить, что военные действия Цецен-хана были направлены на то, чтобы в какой-то мере оказать помощь своему молодому зятю.

В начале 1672 г., в месяц Цаган сар, Аюка со своим войском и союзниками, в числе которых был и его свояк, князь Каспулат Черкасский с кабардинцами, совершил поход на Яик, полностью разгромив войско Аблая. Хошутский тайша с семьей был пленен и первое время содержался под арестом на Тереке под присмотром кабардинских родственников Аюки. В 1672 г. пленники были переданы в Астрахань. Дальнейшая судьба Аблая в русских источниках противоречива. Г. Ф. Миллер сообщает, что тайша в Астрахани, «сидя в тюрьме городской стене в башне, умер» [Материалы ... 1996: 245]. По другим данным, хошутский тайша вместе с семьей был отправлен в Москву, где скончался в 1674 г. В августе 1672 г. послы Очирту Цецен-хана официально обращались к властям в Tobольске с требованием выдать ему Аблая [Материалы ... 1996: 445]. П. С. Паллас, основываясь на преданиях калмыков XVIII в., в своей работе утверждает, что Аблай скончался в калмыцком плену на р. Сал, одном из притоков Дона⁴.

После победы над Аблаем⁵ среди торгутских тайшей по неизвестным причинам вспыхнул новый конфликт. Весной 1672 г.

⁴ Причем, до того как попасть в плен в руки торгутов, он находился на горе *Чир-Тумер-ула*, которая, по мнению П. С. Палласа, возможно, являлась частью Мугоджарских гор [Pallas 1776: 28].

⁵ Аблай сохранился в калмыцкой исторической памяти как тайша, потерявший свой улус «за умножившуюся в нем зависть» [Габан Шараб 2003: 96]. Что касается сына Аблая Цагана, то из новых сведений стало известно, что он не был выдан торгутами русским властям, а получил возможность уйти со своим улусом к Очирту Цецен-хану. В 1673 г. дербетский тайша Дондук сообщал в Tobольске о ссоре Цагана с Цецен-ханом и об уходе его к хану Тевке (Тауке) в Казахскую орду, где он вскоре скончался [Дополнения к Актам ... 1857: 282].

Аюка сообщал царицынскому воеводе Д. Свищову, что Дугар «великому государю изменил» и направляется к крымскому хану [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1671 г. Д. 1. Л. 115–116]. На этом основании он просил казаков не пропускать ушедших калмыков через Дон. Причем у Дугара находилось в подчинении примерно 15 тыс. улусных людей, в том числе и люди умершего к тому времени Бока. Когда же летом Дугар прикочевал на Дон, то он дважды отправлял своих послов к атаманам с предложением «быть у великого государя под рукою» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1672 г. Д. 11. Л. 4–5], ходить войной на Крым и Азов. Когда же донские казаки предложили Дугару совместный поход под Азов, то тайша отказался и со своими калмыками и ногаями ушел в горы [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1672 г. Д. 9. Л. 15, 17].

В июне 1672 г. Аюка с другими тайшами кочевал на луговой стороне Волги возле Саратова и активно торговал с местными жителями, как отмечали очевидцы, «а дурна от них никакова нет» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 13]. Но под Черным Яром у его калмыков произошел конфликт с местными жителями, о чем он сообщил на Дон. Тайша, несмотря на возникшие внутрикалмыцкие неурядицы, продолжал придерживаться договоренностей с московским правительством⁶, заключенных его покойным отцом.

Но для восстановления полноценных русско-калмыцких отношений требовались более серьезные шаги. Толчком к возобновлению этих самых отношений послужил приезд летом 1672 г. в Москву калмыцких послов во главе с Юмай-дарханом. В царской грамоте калмыцким тайшам от

⁶ Международная ситуация в Восточной Европе продолжала оставаться сложной, и у Московского государства после подавления восстания С. Разина все еще существовала напряженность на границе с Крымским ханством. Поэтому для Москвы оставалась актуальной проблемой организация новых совместных походов казаков и калмыков против татар. Еще весной 1672 г. тайша отправил к Перекопу 260 калмыков для захвата «языков». Затем в июне они же совместно с казаками совершили еще один поход под Калачинские башни для захвата малибашских татар, ранее находившихся в подчинении у покойного тайши Бока и направившихся к крымскому хану. 29 октября на Дон от Аюки пришел отряд в 200 человек под командой Будачери. Совместно с казаками атамана Корнилы Яковлева они совершили поход под Азов, побив множество азовцев и захватив в плен 48 человек [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1671 г. Д. 1. Л. 113–115; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1672 г. Д. 11. Л. 5, 7–8; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 13].

6 июля поощрялась их дальнейшая служба государю, а Аюке была обещана всемерная поддержка со стороны царского правительства [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 1–4]. Аюка, кочевавший в это время со своими улусами близ Царицына в верховьях реки Сарпы и озера Цаган-нур, в письме подтвердил желание и дальше верно служить государю, как и его дед Дайчин и отец Мончак, «а будет де он не годен, и он де, Аюка тайша, с калмыцкими своими людьми учнет кочевать о себе» [Посольские книги ... 2003: 12]. Но, по мнению тайши, русско-калмыцким отношениям должным образом мешали развивавшиеся продолжающиеся инциденты. Например, ехавший из Астрахани с отрядом боярин и воевода И. Б. Милославский между Черным Яром и Царицыным разгромил один из калмыцких улусов, захватив 15 человек и 50 голов скота. Аюка не без основания интересовался, «по государеву указу это сделано» или нет, поскольку «никакова дурна с калмыцкими своими людьми не учинил» [Посольские книги ... 2003: 12–13]. Тайша просил правительство выслать к нему его годовое жалование «против прежнего», в противном случае «он де, Аюка тайша, не ваш» [Посольские книги ... 2003: 13]. Письмо Аюки на калмыцком языке, адресованное государю, и его перевод затем были отправлены воеводами в Москву. Однако тайша категорически был против, чтобы в работе предстоящего русско-калмыцкого съезда обсуждались вопросы только материального характера, поскольку рассматривал будущее мероприятие как возможность заключить военно-политическое соглашение [Посольские книги ... 2003: 14].

В это время калмыки совершили крупный военный поход на Северный Кавказ для укрепления своих пошатнувшихся здесь позиций и возвращения ушедших сюда калмыцких ногаев. Мирзы обязаны были теперь кочевать совместно с калмыками, а с крымским ханом «не ссылатися», в чем и дали шерть [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 12]. Казыевские мирзы Арсланбек и другие отдали калмыкам в аманаты своих детей (5 человек), кабардинские князья по договору обязались «впредь ему Аюкаю тайше с них имати на год по 15 девок» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 13]. Отсюда Аюка планировал по просьбе донских казаков совершить военный поход под Крым

и Азов, а затем вернуться к Астрахани на предстоящий русско-калмыцкий съезд, обещая, что он «и прежнюю шерть отца своего Мончака тайши подкрепит и в совете и в любви... быть душою своею рад» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 14]. Бежавший в крымские владения Дугар вернулся обратно к калмыкам, но, как доносил Аюка, только «для проведыванья вестей и для обману и воровства» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 14–15]. При попытке к бегству мятежный тайша был арестован и вместе с хошутским Аблаем и крымским послом находился под арестом [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 12–15].

Со своей стороны К. М. Черкасский также предпринял активные политические шаги, когда 20 января князь встретился с Аюкой на реке Кизляр, всячески убеждая тайшу прибыть на встречу с царскими представителями для заключения возле Астрахани соглашения. Именно К. М. Черкасскому пришла идея предложить Аюке взять сначала жалованье за 1673 г. и уже на предстоящем съезде договариваться о выплате жалованья за предыдущие годы. Подобное предложение вызвало одобрение со стороны Аюки, о чем К. М. Черкасский письменно дал знать астраханским воеводам. И, действительно, вскоре после получения письма от князя в калмыцкие улусы были отправлены с жалованьем за 1673 г. казанец М. Бараков, подьячий и толмач в сопровождении 20 стрельцов и служилых татар. Посланцы также привезли Аюке от воевод письмо, в котором вновь предлагалось встретиться возле Астрахани для подтверждения прежней шерти его отца Мончака [Посольские книги ... 2003: 30–31]. Все эти меры позволили сдвинуть переговорный процесс в положительную сторону и преодолеть существовавшее на тот момент обоюдное недоверие сторон.

Аюка заверил царских представителей в незыблемости прежних договоренностей, заключенных его дедом Дайчином и отцом Мончаком. В подтверждение своих слов Аюка в присутствии боярина и воевод, взяв в руки *бурхан*, *четки* и *бичик*, от лица всех калмыцких владельцев еще раз устно шертовал в вечной верности государю и его детям. Тайша также обязался выставить войска против Крыма [Посольские книги ... 2003: 41–46].

Переговоры касались многих вопросов русско-калмыцких отношений, и практиче-

ски все они решились положительно. Затем последовала непосредственно сама процедура подписания тайшами шерти. Аюка, вынув саблю из ножен и приложив ее к своей голове и горлу, сказал: «будет де шерть прежнюю и нынешнюю чем нарушим, и та де сабля буди на мне и на моих братьях, и на племянниках, и на всех наших улусных людях» [Посольские книги ... 2003: 57]. На этом все присутствующие тайши и их родственные и владетельные люди приложили свои руки к шертной записи⁷ [Посольские книги ... 2003: 57].

В обстановке надвигавшейся русско-турецкой войны калмыцкий тайша принимал на себя обязательство участвовать по царскому указу в военных походах против Крымского ханства и иных «государевых непослушников» [Посольские книги ... 2003: 61]. Но Аюка, перед тем как выступить на Крым, планировал весной отправить войска против кумыкских владельцев за их «многие неправды», о чем были поставлены в известность и царские представители [Посольские книги ... 2003: 62].

Шерть 1673 г. подкреплялась клятвой Аюки следующими словами: «...а у него, великого государя, в послушанье быть не учнем и шерть свою и утверждение прежнее и нынешнее чем-нибудь нарушим, и на нас, тайшах, и на наших детях, и на мурзах, и на их детях, и на всех улусных людей буди божий гнев и огненный меч, и тою саблею, которую я, Аюка тайша, выняв из ножен, на голову и к горлу прикладывал, от неприятеля своего буду я зарезан по горлу своему, и будем мы прокляты по своей калмыцкой вере в сем веце [веке] и в будущем» [Посольские книги ... 2003: 63].

⁷ Шерть начиналась словами: «Яз, Аюка тайша Мончаков, даю шерть великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу...» [Посольские книги ... 2003: 57–58]. Аюка в присутствии своих двоюродных братьев Назар-Мамута и Мелеша единолично выступает от лица всего калмыцкого народа, а также кочевавших с ним совместно едисанских, джемболукских, малибашских и келечинских мирз. Аюка лично не подписывался под шертью, за него это сделали его представители: двоюродный брат Назар-Мамут и Цецен-Запсан-бакши. Официальная процедура подписания шерти завершилась торжественным обедом, устроенным астраханскими воеводами. Начальная формулировка шерти ясно показывала единоличное правление Аюки как продолжение политики его отца Мончака. Во многом шерть от 27 февраля 1673 г. повторяла условия предыдущей шерти от 9 декабря 1661 г., когда Мончак также единолично шертовал за весь свой подвластный народ на верность московскому царю.

На следующий день, 28 февраля, из Астрахани к тайшам отправили дьяка П. Самойлова с государевым жалованьем, состоящим из продуктов (вино, мед, пиво, хлеб, калачи), табака, шуб и шапок, для ближних их владетельных людей предназначались сукно, меха выдры и кожа. 1 марта воеводы отправили Аюке уже денежное жалованье в 580 руб. за предыдущий 1672 г. Уже 2 марта калмыцкая делегация выехала на реку Кума, где оставались их улусы [Посольские книги ... 2003: 66–67]. Следующая шерть была дана Аюкой в 1677 г., и связана она со смертью в 1676 г. царя Алексея Михайловича и восшествием на престол его сына Федора Алексеевича.

В правительственных кругах серьезно восприняли такой поворот событий, и в документальных актах сохранились царские грамоты от 19 марта, 5 и 20 мая, 17 июня в адрес астраханского воеводы Я. Н. Одоевского, которому указывалось всячески призывать Аюку и других калмыцких тайшей переходить с улусами ближе к Дону, куда уже прибыл с войском воевода И. С. Хитрово. Планировался совместный русско-калмыцкий поход на Крым, где Аюке предлагалось, чтобы он «над турскими войски и над Крымом и над крымскими юрты всякой промысл и поиск чинил» [Акты исторические ... 1842: 504].

Летом 1673 г. калмыцкие улусы кочевали в районе реки Медведица в 130 верстах от Саратова. 29 июня Саратов прибыл из калмыцких улусов представитель К. М. Черкасского, уздень Шахсаур Амралиев, сообщивший, что ориентировочно с конца весны и начала лета 1673 г. Аюка отправил на войну против Крыма 10-тысячное войско, причем в его состав входили и ногайские части мирз Ислама и Бегиша Ямгурчиева [Посольские книги ... 2003: 71–72]. 5 августа воевода И. С. Хитрово, под командой которого находилось примерно 5 тыс. стрельцов и 5 тыс. казаков, начал военные действия с осады и штурма двух башен-каланчей, запиравших вход в устье Дона, но туркам удалось отстоять башни [Загоровский 1980: 83]. Не достигнув видимых результатов, русское командование завершило военные действия 1673 г. на азовском направлении, а калмыки вернулись в свои улусы.

Таким образом, мы видим, что Аюке в конечном итоге удалось ликвидировать все

препятствия на пути преодоления политического кризиса в калмыцком обществе. Успешное подавление сопротивления внутренней оппозиции и внешних врагов помогло ему привлечь симпатии калмыцкого народа, особенно старших тайшей, поначалу относившихся к нему с недоверием. Укрепление русско-калмыцких отношений стало своего рода продолжением политики Дайчина и Мончака, видевших в этом главную гарантию безопасности калмыцких кочевий.

Шерть 1673 г. открыла новый этап в истории русско-калмыцких отношений XVII в. Она во многом по характеру и содержанию не отличалась от предыдущих подобных документов, но обе стороны после непродолжительного политического кризиса на юге России и в калмыцком обществе смогли достичь соглашения, используя уже накопленный опыт предыдущих поколений. Следование традиции взаимной поддержки в условиях сложной международной ситуации в Восточной Европе предопределило укрепление позиции России в этом регионе, а калмыцкое общество обрело на некоторое время внутреннюю стабильность.

Список источников

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 4. 1645–1676. СПб., 1842.

Габан Шараб. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) // Лунный свет: Калмыцкие историко-

литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. С. 80–107.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 6. СПб., 1857.

Загоровский В. П. Изюмская черта. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1980. 239 с.

Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 285 с.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 1. 1666 — июнь 1670 гг. / сост. Е. А. Швецова. М.: Наука, 1954. 323 с.

Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685: сб. документов / сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 1996. 360 с.

Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М.: Наука, 1994. 223 с.

Норбо Ш. Зая-Пандита (материалы к биографии) / пер. со старомонг. яз. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.

Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672–1675 гг. / сост. Н. М. Рогожин, М. М. Батмаев. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 315 с.

Раднабхадра. «Лунный свет»: История рабджам Заяпандиты / пер. с ойрат. яз. Г. Н. Румынцева и А. Г. Сазыкина. СПб.: Петербург. Востоковед., 1999. 176 с.

Теплеев В. Т. Политический кризис в калмыцком обществе в конце 60-х и в начале 70-х гг. XVII века // Вестник КИГИ РАН. № 2. Элиста, 2008. 138 с.

Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 191 с.

Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. Т. 1. SPb., 1776. 222 с.

УДК 323.3.01/.06 + 323.39

ББК 63.5

ЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА ДЕЕД ЛАМИН ШЕВНР: ИЗ ИСТОРИИ ШАБИНЕРОВСКОГО СОСЛОВИЯ ЯНДЫКОВСКОГО УЛУСА В XIX ВЕКЕ*

В. В. Батыров

В конце XVIII в. калмыцкое общество подразделялось на три основных сословия: привилегированное сословие нойонов и зайсангов (калм. *цаһан ясн* 'белая кость'), буддийское духовенство и сословие зависимых

от них калмыков-простолюдинов. Последнее сословие в свою очередь подразделялось на албату, кетченеров и шабинеров, которые составляли низший социальный слой калмыцкого общества (калм. *хар ясн* 'чер-

* Исследование выполнено по проекту «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика» подпрограммы «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг.).

ная кость'). Шабинеры условно делились на две группы: переданные в подчинение хурулам и переданные в услужение священнослужителям.

Специальные исследования, посвященные истории шабинерского сословия Калмыкии в указанный период, появились в основном в советское и постсоветское время. Из трудов, написанных по истории шабинеров, в первую очередь можно выделить работы таких исследователей, как А. И. Карагодин [1977], Г. О. Авляев [1974], Г. Ш. Дорджиева [1995], А. Г. Митиров [2003], Э. П. Бакаева [2007] и др. Тем не менее исследуемая в данной работе этническая группа *деед ламин шевнр*¹ оказалась за рамками внимания указанных выше авторов.

Наименование *шабинер* (калм. *шевнр*) происходит от слова *шаби/шав* 'ученик в буддийском монастыре'. В более поздние периоды шабинерами стали называться семьи простолюдинов, которые передавались владельцами улусов в виде дара или пожертвования отдельным буддийским священнослужителям или монастырям (хурулам). Эти люди становились собственностью буддийской церкви и назывались шабинерами, к XIX в. они находились почти во всех улусах. Шабинеры несли подати и повинности в пользу буддийского духовенства. Их окончательное оформление как сословия произошло в 1825 г., когда Комиссия калмыцких дел предписала калмыцкому духовенству передать шабинеров или их родственников, не имевших «духовного звания», в собственность хурулов [Дорджиева 1995: 52], в результате чего все шабинеры стали собственностью духовенства.

В дореволюционный период авторы, которые упоминали в своих работах шабинеров, не касались вопроса об определении их социальной и этнической принадлежности, воспринимая их как данность. Так, в начале XIX в. Н. Страхов указывал, что «для обеспечения праздной жизни духовенства, лженабожные Калмыцкие Владельцы в прислугу и для доходов Хурулам (монастырям) отдают на вечное владение целые хотоны, по нашему целые рода или отделения подвластных» [Страхов 1810: 25]. Позже другой исследователь Н. Нефедьев одним из первых отметил, что шабинеры «подразделяются еще на два разряда: 1. Ламаин-Ша-

бинеров и 2. Хурульских шабинеров, т. е. на зависящих от ламы и хурулов, коим они издавна пожертвованы владельцами, точно как некогда были приписываемы крестьяне к монастырям в России» [Нефедьев 1834: 100]. П. Небольсин свидетельствовал, что «„шабинеры“ суть такие из простых калмыков, право на управление которыми передано владельцами, вместе с правом на личные послуги, хурулам» [Небольсин 1852: 20].

А. Г. Митиров приводит в пример сообщение неизвестного нам бодокчея, который в 1746 г. писал: «При Аюке хане, при Дарме Бале и Галдан Данжине не токмо какие поборы з бурхановых шабинеров брать ни одной копейки никогда не бралось, и никаких дел, кроме отправления духовных служб у них, шабинеров не имелось» [Цит. по: Митиров 2003: 262]. Поскольку шабинеры не несли повинностей и не платили податей в пользу нойона-улусовладельца, то положение шабинеров в отличие от албату было более привилегированным, поэтому при любой возможности представители албату старались избежать всех этих тягот. Так, например, в начале XVIII в., после смерти хана Аюки, появилось много подложных увольнительных писем, полученных обходными путями. М. М. Батмаев, приводя в доказательство письмо наместника Калмыцкого ханства Убаши на имя В. Н. Татищева от 30 ноября 1742 г., отмечает, что после смерти Аюки «шабинеров ... весьма умножилось» [Батмаев 2002: 192].

Необходимо заметить, что в дореволюционной литературе шабинерские группы обычно указывались как рода (этнические группы), но в советский период преобладала точка зрения о том, что шабинеры больше являются социальной группой, объединенной общим происхождением. Необходимыми условиями для существования социальной группы² являются: «во-первых, фактическое закрепление ... за агентами, из которых складывается группа ... всех

¹ В переводе с калмыцкого языка *деед* означает «высокопочтимый», а *деед ламин шевнр* — «шабинеры высокопочтимого ламы».

² Категория «социальная группа» является одной из самых трудных для понимания в силу значительного расхождения с обыденными представлениями. Это не просто совокупность людей, объединенных по формальным или неформальным признакам, а групповая социальная позиция, которую занимают люди [Качанов 1996: 94]. Понятие же «этническая группа» включает в себя версию об общем происхождении, общую историческую память, особую территорию, а также чувство групповой солидарности [Тишков 2003: 212] (ср.: «Этническая группа — внутреннее подразделение этноса, обладающее самосознанием» [Бромлей 1983: 15]).

видов, выступающих в данном контексте в качестве средств производства; во-вторых, «привязка» (посредством многообразных процессов разных уровней: интериоризации, социализации, воспитания, внушения и т. д.) этих агентов к некоему габитусу (понимаемому, ... как система устойчивых, переносимых из одной сферы действия в другую практических схем или диспозиций, которая выполняет функцию производящего базиса практик) и к стилю жизни. <...> Третьим важнейшим условием указанной выше возможности выступает бытие социальной группы в качестве практической (мобилизованной для совместных действий) группы — приведенной в деятельное состояние группы-для-себя, готовой к борьбе за сохранение и/или развитие своей социальной позиции» [Качанов 1996: 95]. Соответственно большинство исследователей признавали тот факт, что шабинеры несли подати и повинности в пользу буддийского духовенства. Они были обязаны подчиняться руководству хурула, пасти хурульный скот и выполнять различные подсобные работы (заготавливали корма, топливо, домашние работы и пр.) [Батыров 2006: 32].

Исходя из нескольких признаков этой группы (происхождения, их неопределенного статуса и сложного состава), многие историки считали, что шабинеры относятся не к этническим, а социальным группам [Бромлей 1983: 129]. Одним из первых это отметил историк Г. О. Авляев, который в одной из своих работ писал, что этноним *шабинеры* отражает особые пожалования отдельным монастырям в виде шабинеров — особых социальных групп кочевников, находившихся в распоряжении монастырей или отдельных священников [Авляев 1973: 130]. Поэтому в дальнейшем Г. О. Авляев указывал, что упоминание о группах шабинеров в XIX в. в составе дербетских и торгутских улусов как об этнических группах «рода» является ошибкой, поскольку эти группы являлись социальными и их появление было связано с распространением буддизма среди ойратов в XVII в. [Авляев 1974: 142].

Однако позже при более внимательном изучении социально-экономического положения шабинеров ученый А. И. Карагодин сообщал, что указанные повинности относились не ко всем шабинерам, и в доказательство приводил характеристику шабинеров, данную хошутским нойоном Тюменем, отмечавшим, что «не все жертвуемые хуру-

лами люди были заняты служением в оных» [Цит. по: Карагодин 1977: 34]. Данный факт отчасти опровергает факт определения шабинеров только как социальных групп.

После ухода калмыков в Джунгарию и последовавшей за тем ликвидацией Калмыцкого ханства в улусах стала проводиться целенаправленная политика по ограничению и лишению автономных начал в управлении калмыками на фоне роста их подчиненности администрации. В 1834 г. было учреждено Ламайское духовное правление, в положении которого указывалось, что «прежние времена приписанные кибитки калмыков к каждому храму назывались шабинерами и были в управлении хурулов, а ныне вошли оные в состав людей, отбывающих всякие государственные повинности, оставя лишь одно название монастырских» [Цит. по: Митиров 2003: 268].

Рассматривая историю изучения указанного сословия, можно предположить, что неопределенность в статусе шабинеров и их роли в обществе связана с тем фактом, что шабинеры Калмыкии на протяжении первой половины XIX в. прошли сложный и долгий путь трансформации из социальных групп в этнические. Причин отрицать потенциальную возможность трансформации социальных групп в этнические нет, в истории Калмыкии такие прецеденты уже отмечались (например, кетченеры и пр.) [Авляев 2002: 98].

В фондах Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК) хранятся дела, которые проливают свет на вопросы появления шабинеровых родов и их преобразования в этнические группы из социальных. Одно из таких дел посвящено урегулированию социального статуса рода деед ламин шевнр Яндыковского улуса [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32].

В материалах дела указано, что 31 мая 1844 г. помощник попечителя Яндыковского улуса Протопопов³ представил в Совет калмыцкого управления прошение старшины Окин Манзурукаева «рода» деед ламин шевнр об «освобождении 10 кибиток от платежа денег, „следующих в доход владельческий...“». В нем можно найти также сведения о том, что от этой повинности они были освобождены с «давних лет владельцами торгутовских улусов по родству их с ламой Лузанг джамбою, и только лишь употреблялись на службу при хурулах, со-

³ Имя и отчество не указано в документе.

ставляя прислугу хурульную» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 1]. Надо сказать, что в 1844 г. упомянутые выше 10 кибиток и составляли весь состав деед ламин шабинеров [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 3].

В списке прошения «Лузанг джамбы, ламы Шабинерова рода старшины Дед Ламин Шабинерова рода Окина Манзурукаева, на имя управляющего Яндыковским улусом г. помощника Протопопова» указывалось, что «хотя мы и находимся под управлением владельческим», но «72 года тому назад <...> бывшие в те времена владельцы по родству дедов моих Санжи, Аджу и Нохо в трех кибитках [передали указанных калмыков в услужение (здесь и далее комментарий автора — В. Б.)] состоявших поясненному ламе Лузанг Джамбы податей с рода нашего не брали и от всех повинностей улусных были свободны употребляясь только единственно на службу Ламинскую, после того по прошествии 52 лет были куплены для ламы нашего 7 кибиток крестьян, которых тогдашний Владелец на таких же правах оставил при Ламе на каких находились мы и так с тех времен и до сего времени все Владельцы управлявшие улусом нашим не изменяли сего установления, а что мы действительно находились на сих правах, то обо всем этом известно нашего улуса восьми хурулов начальниками всему обществу, сверх того известно также и хошоутовскому Владельцу полковнику Тюменеву» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 2. 2 об.].

Соответственно из обстоятельств дела выясняется, что деед ламин шабинеры появились в 1772 г. из калмыцких семей, которые были переданы в услужение «деед ламе» Лузанг Джамбе Яндыковского улуса, причем переданные в услужение три семьи были родственниками вышеуказанного ламы. Не имея возможности указать сведения о степени распространенности практики передачи в сословие шабинеров родственников духовных лиц, утверждаем, что образование социальной группы было связано с личностью священнослужителя Лузанг Джамбы, который, очевидно, являлся выходцем из податного сословия. Сами шабинеры называли основателя рода Лузанг Джамбу высокочтимым ламой (*деед лама*), но небольшое количество подаренных шабинеров позволяет сделать предположение, что он не являлся одним из высших буддийских иерархов Яндыковского улуса.

А. И. Карагодин сообщал, что указанные 7 кибиток были куплены у надворного советника Воронина [Карагодин 1977: 40].

После 1771 г. российская администрация в целях обеспечения контроля за деятельностью буддийской церкви в Калмыкии разработала и провела в жизнь ряд мероприятий по ограничению ее самостоятельности. Данное решение губернатора П. Е. Чистякова стало одной из последних причин по сближению социально-экономического положения шабинеров с остальными податными группами и соответственно дальнейшему размыванию их особого привилегированного статуса в калмыцком обществе. Понятно, что отсутствие различий в социальном статусе между шабинерами и албату послужило одной из причин трансформации шабинеров из социальных групп в этнические. Исследователь А. И. Карагодин выделял в истории института шабинеров три этапа развития. В третий период, который, по мнению А. И. Карагодина, начинался со второй трети XIX в., шабинеры превратились в обычное податное сословие [Карагодин 1977: 47–48]. Как писала Э. П. Бакаева, «окончательный контроль над церковной организацией со стороны царской администрации установился с принятием „Положения...“ 1847 г.» [Бакаева 1994: 39].

В дальнейшем при выяснении социального статуса деед ламин шабинеров были обнаружены сведения буддийского духовенства Яндыковского улуса. Так, от лица приведенных в качестве свидетелей улусного духовенства выступил бакши Яндыковского улуса Лузанг Цюрюм, который в своем письме в Ламайское духовное правление от 6 августа 1844 г. сообщал, что «означенные 10-ти кибиток калмыки никаких польз для хурульских потребностей не приносят. В протчем, когда был Лама, тогда они обще с духовенством, владельцем и протчими калмыками улуса Яндыковского все повинности ламайские отправляли надлежащим порядком да и после смерти ламы таким же самым порядком отправляют они только да сего времени по обряду нашему нужные потребности в память покойного Ламы, находясь при его столе и неотбывают они албана и кардона» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 4].

Из содержания письма становится понятно, что упомянутые шабинеры находились в благоприятном положении: они не несли повинностей ни в пользу хурула, ни

в пользу улусного владельца (в том числе не несли кордонной службы), а также не платили как общеулусных, так и хурульных податей. Единственной обязанностью, которую они постоянно отбывали, было проведение различных обрядов в память покойного своего ламы Лузанг Джамбы.

Возникшая путаница в вопросе о социальном статусе шабинерских родов Калмыкии побудила Совет Астраханского калмыцкого управления в лице товарища⁴ Главного попечителя Николаева сделать запрос в Ламайское духовное правление от 5 декабря 1844 г. В запросе указывалось, что «г. Вице-губернатор полагая, что кроме означенных просителей есть еще в других улусах подобного рода калмыки: т. е. шабинеры, которые в последствии могут ходатайствовать о том же... предлагает Совету собрать верные и полные сведения: в каких улусах, при каких хурулах и сколько находится калмыков-шабинеров, которые по прежним правам и обычаям в калмыцком народе избавляются от платежа денежных податей и натуральных повинностей, которые несут вообще калмыки по силе означенного положения (1834 г.), и на каких актах таковое избавление может быть основано при чем просит не упустить из виду предложение его от 25 мая сего года за № 3 690 по просьбе зайсанга Наран Доржаева о шабинерах его» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 7]. Основываясь на этих данных, Совет запрашивал сведения о шабинерах и в Ламайском духовном правлении [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 6 об.]. Более того, Совет определил «предписать всем улусным попечителям и помощнику Протопопову, собрать полные сведения о калмыцких шебенерах» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32. Л. 7].

Решение вопроса о статусе деед ламин шабинеров было принято только в 1846 г., когда Совет Астраханского калмыцкого управления 1 марта уведомил Ламайское духовное правление о том, что «Совет калмыцкого управления от 2 мая 1845 г. за № 1 232 представлял на разрешение г. Исправляющему должность Астраханского военного губернатора об избавлении некоторых калмык шабинерова рода от платежа албана, определенного ... (Положением от 24 ноября 1834 г.). На это ... г. Контр-адмирал Чистяков от 16 января 1846 г. За № 377 уведо-

⁴ Чиновник, который занимал должность заместителя.

мил Совет, что он входил с мнением своим по сему предмету к г. Управляющему Министерством государственных имуществ... 17 августа (1846 г.) <...> на которое получил предписание... Министра государственных имуществ, что ... его сиятельство и с своей стороны, согласно с мнением его находит, что те из шебенов, кои проживают в казенных улусах не имеют прав ни на какие изъятия в отправлении повинностей, а должны исправлять оныя наравне с другими калмыками казенного ведомства... то Совет ... просил разрешения ... (Чистякова) воспретить ли употребление шебенов для услуг хурульных и духовенству или оставить при оных с обязанием духовенство вносить от хурулов своих за тех шебенов казенную повинность» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 35. Л. 1, 1 об.].

В конечном итоге военный губернатор Астраханской губернии контр-адмирал Петр Егорович Чистяков 18 февраля 1846 г. уведомил Совет, что «шебены, принадлежащие к казенным улусам, не имеют права ни на какие изъятия в отправлении повинностей, а должны исправлять оныя наравне с другими калмыками казенного ведомства (а хурулы должны оплачивать им работу) ибо только лица из состоящих при хурулах их имеют от исполнения улусных повинностей, кои входят в состав хурульных штатов, высшим начальством утвержденным» [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 35. Л. 1, 2]. На основе данного решения Советом было составлено уведомление для управляющих Багацохуровским, Харахусовским и Яндыковским улусами [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 35. Л. 2 об.].

Соответственно, когда в 1846 г. шабинеры казенных улусов были поставлены в такое же положение, что и прочие податные группы калмыков, это стало причиной последовавшей затем утраты части специфичных привилегий и дисфункции социального института шабинеров. Следует заметить, что уход из жизни ламы Лузанг Джамбы привел к тому, что деед ламин шабинеры уже не выполняли к тому времени возложенных на них обязанностей. Это вызывает вопросы по их дальнейшему определению как социальной группы при отсутствии необходимых условий для ее функционирования.

Несомненно, что в дальнейшем после смерти ламы Лузанг Джамбы обособленное

и постоянное проживание на территории Яндыковского улуса шабинеров, связанных между собой общим происхождением с остальным населением улуса, которое принадлежало к субэтносу *торгутов*, а также объединенных друг с другом общей историей, обычаями и осознающих себя как единое целое, привело к формированию их этнической идентичности. В. А. Тишков считает, что версия об общем происхождении, общая историческая память, особая территория и чувство групповой солидарности являются признаками этнической общности [Тишков 2003: 212]. Появление у деед ламин шабинеров специфических черт этнической группы приводит нас к выводу о выделении указанной группы из социального сословия шабинеров. Как отмечал А. И. Карагодин, «с последней трети XVIII в. начала появляться значительная группа шабинеров, обозначаемая своим обычным родовым названием, поскольку находилась в тех же отношениях к калмыцким феодалам, что и другое податное население Калмыкии» [Карагодин 1977: 39]. Можно привести в пример и тот факт, что старшина деед ламин шабинеров называет свою группу не иначе как «род». Следовательно, с начала XIX в. в результате группового самовыделения деед ламин шабинеров из среды остальных шабинеров можно рассматривать их не только как социальную группу, но и этническую.

Дальнейшую судьбу этнической группы деед ламин шевнр проследить довольно трудно, т. к. в последующие периоды название *деед ламин шевнр* в архивных документах не встречается. Однако известно, что в середине XIX в. в Яндыковском улусе существовала небольшая группа ламин шабинеров численностью в 7 кибиток [НА КИГИ РАН. Ф. 6. Оп. 2. Д. 366. Л. 101–108]. Указанные шабинеры кочевали вместе с Яндыковским большим хурулом [НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58. Л. 23]. Можно только предположить, что данная этническая группа в силу своей малочисленности вошла в состав хурульных шабинеров и частично изменила свое название.

Таким образом, в результате разных причин, в частности отсутствия различий в социальном статусе между шабинерами и албату, социальная группа шабинеров трансформировалась в этническую. Появившаяся в 1772 г. социальную группу шабинеров, оформленную как находящуюся в услуже-

нии у ламы Лузанг Джамбы, на протяжении XIX в. можно одновременно определять и как этническую группу.

Список источников

- Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 32.
НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58; Ф. 42. Оп. 1. Д. 35.
НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58. Л. 23.
Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований (НА КИГИ РАН). Ф. 6. Оп. 2. Д. 366.

Литература

- Авляев Г. О. К вопросу о «шебенерах» и «кетчинерах» в составе калмыцких улусов Астраханской губернии // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. № 9. Сер.: История. Элиста, 1974. С. 139–154.
Авляев Г. О. Опыт классификации калмыцких этнонимов (в порядке постановки проблемы) // Этнографические вести. № 3. Элиста, 1973. С. 127–135.
Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX — I четверть XVIII вв.). 2-ое изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 248 с.
Бакаева Э. П. Богдо Далай-ламин хурул и этническая группа калмыков «богдоин шабинеры» // Восточные исследования в Калмыкии: сб. науч. тр. Элиста: КГУ, 2007. Вып. 2. С. 56–62.
Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.
Батыров В. В. Социальная структура калмыков // Научная мысль Кавказа. № 3. 2006. С. 30–36.
Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
Дорджиева Г. Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII — начало XX вв.). Элиста: Джангар, 1995. 126 с.
Карагодин А. И. К истории шабинерского сословия Приволжских калмыков (XVIII — первая половина XIX вв.) // Ламаизм в Калмыкии. Элиста, 1977. С. 34–49.
Качанов Ю. Л., Шматко Н. А. Проблема реальности в социологии: как возможна социальная группа? // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 90–105.
Митиров А. Г. Шабинеры // Вестник КИГИ РАН (Вып. 18). Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 259–273.
Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: тип. Карла Крайа, 1852. 189 с.
Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках собранные на месте Н. Нефедьевым. С.-Петербург, 1834. 314 с.
Страхов Н. Нынешнее состояние калмыков. С привоскуплением Калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их Веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин. СПб., 1810. 174 с.
Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

УДК 94(470)

ББК 63.3 (2Рос=Калм)

110-Я ОТДЕЛЬНАЯ КАЛМЫЦКАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ ДИВИЗИЯ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ КАЛМЫКИИ

К. Н. Максимов

Верховное германское командование в развитие директивы № 41 от 5 апреля 1942 г. на летний период 1942 г. группе армий «А» ставило задачу окружить и уничтожить советские войска, отступающие через Дон, в районе к югу и юго-востоку от Ростова, перерезать железнодорожную линию Тихорецк — Сталинград, а затем овладеть всем восточным побережьем Черного моря, захватить города Майкоп и Армавир, районы Грозного и Баку [Штеменко 2005: 86].

Немецкая группа армий «В» должна была наступать на Сталинград и занять его к 25 июля, а Астрахань — к 5 августа 1942 г. В соответствии с этими планами фашистские войска, захватив стратегическую инициативу и подведя свежие резервы, в середине июля 1942 г. перешли в мощное наступление на кавказском и сталинградском направлениях. Советские войска Южного фронта вынуждены были отойти к нижнему течению Дона, а Юго-Западного — за Дон, к Сталинграду [Штеменко 2005: 87].

Обстановка на юге страны летом 1942 г. была чрезвычайно сложная. Об этом пишет генерал С. М. Штеменко¹: «Серьезно обострилась обстановка и на Южном фронте. Гитлеровское командование нанесло мощный удар по правифланговым 37-й и 12-й армиям. Наступала лавина танков и мотопехоты 1-й танковой армии генерал-полковника Э. Клейста, в состав которой, кроме двух армейских, входили три танковых корпуса. С воздуха их поддерживала сильная авиация... Враг здесь обладал превосходством над нашими войсками в танках и авиации, а, следовательно, в подвижности и маневренности. Никаких серьезных, подготовленных к бою оборонительных рубежей южнее Ростова у нас не было» [Штеменко 2005: 89].

12 июля 1942 г. И. В. Сталин во время переговоров по прямому проводу с командованием Южного фронта (Р. Я. Малиновским) указывал: «В нынешней обстановке немцы имеют главную задачу — выйти на Сталинград, перерезать единственную оставшуюся железнодорожную линию Сталинград — Тихорецк, связывающую се-

вер с югом, разрезать таким образом весь советский фронт надвое и прервать связь между севером и тремя южными фронтами, а именно: Юго-Западным, Южным и Северо-Кавказским. Это теперь самая большая опасность...» [Куманев 2007: 46]. В этой ситуации Ставка Верховного Главнокомандования приняла ряд мер по отводу войск Южного фронта и организации эшелонированной обороны сталинградского направления. Наряду с развертыванием отступающих войск Юго-Западного фронта на рубеже от Павловска до Серафимовича в срочном порядке стали укреплять свежими армиями рубеж Клетская, Суровикино, Суворовская, Верхне-Курмоярская. 16 июля А. М. Василевский по указанию Ставки ВГК информировал командующего Северо-Кавказским фронтом [С. М. Буденного], что «Южный фронт в ближайшие дни начинает отход с занимаемого фронта на рубеж южного берега р. Дон от Верхне-Курмоярской и далее по Ростовскому укрепрайону». Ответственность за удержание рубежа реки Дон оставалась за Северо-Кавказским фронтом. Далее С. М. Штеменко писал: «Начинались Сталинградская эпопея и героическая оборона Кавказа» [Штеменко 2005: 95].

В эту самую трудную в военно-стратегическом отношении летнюю кампанию 1942 г. на Дону 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия (далее — ОККД) в составе слабо укомплектованной 51-й армии Северо-Кавказского фронта приняла первое боевое крещение. Несмотря на то, что она не имела боевого опыта, с честью выдержала двухнедельные кровопролитные сражения (15–27 июля) и выполнила боевую задачу.

В настоящее время существует достаточно заметное количество мемуарной и научной литературы, статей о 110-й ОККД. Но они в основном посвящены описанию боевых действий [В боях за Дон 1969; В годы суровых испытаний 2003; Кичиков 1970; Убушаев 2010; Очиров 2010; Белоусов 2010]. В них не затрагиваются вопросы о ее роли и значении в сражении на Дону и бытующие мнения в оценке боевого вклада во-

¹ Там, где это возможно, указываются инициалы.

инов дивизии в битву лета 1942 г. на важном оперативно-стратегическом направлении.

Неудачи советских войск в летне-осенней кампании 1941 г. потребовали создания новых воинских формирований и пополнения частей и соединений действующей армии, в том числе и кавалерийскими соединениями, которые накануне войны значительно были сокращены (например, кавдивизии с 29 до 13). Советское военное руководство, планируя стратегический эшелон сил на рубеже от Дона и Волги до Астрахани, приступило к подготовке новых армий и корпусов. В число последних, учитывая их маневренность, предполагалось включить создаваемые в соответствии с решением ГКО от 13 ноября 1941 г. за № 894 «С» национальные добровольческие кавалерийские дивизии ряда республик Поволжья, Средней Азии, Северного Кавказа, в том числе две дивизии Калмыцкой АССР.

Для Калмыкии решение ГКО СССР не явилось неожиданностью, поскольку еще в связи с обращением в августе 1941 г. генерал-инспектора кавалерии Красной Армии генерал-полковника О. И. Городовикова к парткомам ВКП(б) краев, областей, республик Северного Кавказа о своевременной подготовке кавалерийских частей этот вопрос уже рассматривался на пленуме Калмыцкого обкома ВКП(б), состоявшемся в том же месяце.

На основании постановления ГКО от 13 ноября командование Северо-Кавказского военного округа (командующий генерал-лейтенант Сергеев, член Военного совета полковой комиссар Чохов, начальник штаба, полковник Бармин) 15 ноября 1941 г. подписало приказ № 00494 «О формировании национальных кавалерийских дивизий». В нем предусматривалось сформировать на территории Северо-Кавказского военного округа (к этому времени в Красной Армии числилось 6 кавкорпусов с 24 дивизиями, из них 2 корпуса с 13 дивизиями находились в составе войск Южного фронта) национальные соединения: в Калмыцкой АССР — 110-ю и 111-ю кавалерийские дивизии, в Чечено-Ингушской АССР — 114-ю кавалерийскую дивизию, в Кабардино-Балкарской АССР — 115-ю кавалерийскую дивизию [Боевой и численный состав..., II 1994: 9]. Численность каждой дивизии устанавливалась по 3 500 человек, партийно-комсомольская прослойка должна была составлять не менее 25 %. Предлагалось стро-

евые подразделения комплектовать бойцами в возрасте до 35 лет, тыловые — до 35–40 лет. В составе новобранцев призывники 1922 г. не должны были превышать 50 % от общего количества [Боевой и численный..., II 1994: 84].

В структуру кавалерийской дивизии предполагалось включить: управление дивизии, три кавалерийских полка, отдельный эскадрон химзащиты, отдельный бронетанковый эскадрон. В приказе указывалось, что формируемые дивизии обеспечиваются «обмундированием, людским и конским снаряжением, седлами, продфуражом и прочим довольствием, конским составом, холодным огнестрельным оружием (шашками кавказскими, кинжалами, винтовками, револьверами, пистолетами, пулеметами)» [Боевой и численный состав..., III 1994: 11] за счет местных ресурсов автономных республик. Перед обкомами ВКП(б) и правительствами республик ставилась задача подготовить дивизии к январю 1942 г. [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 616. Л. 72–74].

Калмыцкий обком ВКП(б), переоценив возможности республики и руководствуясь партийной традицией брать завышенные обязательства, решил перевыполнить задание ГКО СССР. В соответствии с приказом СКВО Калмыцким обкомом партии и Совнаркомом республики 26 ноября 1941 г. было принято совместное постановление о формировании кавалерийских частей в каждом улусе, в колхозах, за исключением рыболовецких, и совхозах путем мобилизации военнообязанных в возрасте от 18 до 40 лет, и указано, что снаряжение произвести за их счет. Каждому призываемому в кавалерийскую часть приказывалось привести подготовленную к службе лошадь, иметь при себе две пары белья, из них одну теплую, пару сапог, пару валенок, полушубок, ватную фуфайку, теплые брюки, шинель кавалерийского образца, рукавицы, теплую калмыцкую шапку, летнюю гимнастерку и брюки, клинок и ногайку. В случае если семья, например родители мобилизованного или добровольца, были не в состоянии все это приобрести, предусматривалась возможность его снаряжения по месту работы — предприятиями, учреждениями, колхозами, совхозами [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 599. Л. 6, 7].

Однако намеченные меры по комплектованию конных частей в колхозах и совхозах оказались нереальными. Поэтому

вскоре от идеи «за свой счет» Калмобком ВКП(б) и Совнарком отказались и приступили к формированию двух полноценных кавалерийских дивизий за счет материальных и финансовых ресурсов Калмыцкой АССР. Но и одновременное, и в ускоренном порядке комплектование двух дивизий в составе шести полков явилось трудновыполнимой задачей для республики. К тому же в связи с введением в 1942 г. новой структуры в кавалерийском соединении требовалось увеличить численность обеих формируемых дивизий с 7 до 9 тыс. бойцов. Поэтому на конец февраля дефицит в личном составе дивизий оказался в 1 767 человек (в том числе 1 133 старшин и сержантов), в конском — 5 362 лошади. Помимо того, усложнившаяся оперативная обстановка, изменения в тактике применения конницы привели к расформированию 111-й дивизии и к форсированному комплектованию 110-й.

Учитывая, что действующие на фронтах² и частично вновь формируемые кавалерийские дивизии находились в большом некомплекте, Ставка Верховного Главнокомандования 3 марта 1942 г. приказом № 0043 поручила Военным советам ряда фронтов и округов переформировать кавалерийские соединения. С целью быстрее пополнения действующих и доукомплектования вновь создаваемых кавалерийских дивизий Ставка приказала «расформировать двадцать дивизий. Из них 11 — из числа действующих армий, но имеющих большой некомплект, и 9 — из числа вновь формируемых национальных кавалерийских дивизий... Из числа вновь формируемых национальных кавалерийских дивизий расформировать: ... 111-ю Калмыцкую кавалерийскую дивизию и обратить их на пополнение 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии» [Великая Отечественная война 1999: 116].

В соответствии с директивой Ставки от 3 марта и приказом Наркомата обороны СССР № 7 644/111 от 4 марта 1942 г. командующий войсками Сталинградского военного округа 5 марта 1942 г. приказал к 15 марта 1942 г. расформировать 111-ю кавалерийскую дивизию [Великая Отечественная война 1999: 117], а ее личный состав, лошадей, повозки, материальную часть и вооружение передать на доукомплектование 110-й кавди-

визии, оставшиеся начальствующий, младший начальствующий и рядовой состав обратить на укомплектование 17-го запасного кавалерийского полка. 110-я кавдивизия из расформируемой 111-й получила 1 368 человек, 2 613 лошадей, значительную часть материального имущества и вооружение (193 винтовки, 1 станковый и 3 ручных пулемета, 13 минометов). Остальной личный состав был распределен: около 2 тыс. калмыков — в 17-й запасной кавалерийский полк (г. Ворошиловск), 1 000 русских — в 16-ю стрелковую бригаду (г. Котельниково), 241 офицер и сержант — в различные военные части, 61 боец (больные и командированные) — в Западный райвоенкомат Калмыцкой АССР [Калмыкия ... 2005: 74; НА РК. Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 74. Л. 14].

К началу марта 1942 г. 110-я ОККД уже была сформирована, и на приобретение обмундирования и снаряжения Правительство России распоряжением от 5 февраля 1942 г. выделило из бюджета РСФСР 2 млн руб. [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 74. Л. 14]. С 20 апреля дивизия полностью перешла на государственное содержание — бюджет Наркомата обороны СССР. Ее структура состояла из:

- трех кавалерийских полков;
- конноартиллерийского дивизиона;
- артиллерийского парка;
- разведывательного кавалерийского эскадрона;
- полуэскадрона связи;
- медико-санитарного эскадрона;
- эскадрона химической защиты;
- дивизионного лазарета;
- полевой почтовой станции;
- ветеринарной службы [Боевой и численный состав..., IV 1995: 11].

В условиях трудностей войны дивизия не получила вооружения по штатному расписанию (артиллерийские и зенитные орудия, танки) и необходимого количества транспорта и технических средств связи.

Командиром 110-й ОККД был назначен бывший старший преподаватель тактики в Военной академии им. М. В. Фрунзе полковник В. П. Панин, его заместителем — полковник В. А. Хомутников, комиссаром — полковой комиссар С. Ф. Заярный, начальником штаба — подполковник М. Т. Бимбаев, — все они являлись участниками Гражданской войны, начальником политотдела — старший батальонный комиссар А. И. Заднепрук [В годы ... 2003: 54].

² К этому времени в Красной Армии уже числилось 7 кавкорпусов с 32 дивизиями, из них в составе Южного фронта — 2 кавкорпуса с 12 дивизиями.

В марте–апреле 1942 г. (в Красной Армии находилось 14 кавкорпусов с 59 дивизиями, в войсках Южного фронта — 1 кавкорпус с 3 дивизиями) личный состав 110-й ОККД насчитывал 4 642 человека (основной ее костяк составляли калмыки — 63 %), конский — 4 762 лошади, из них 3 912 верховых и 850 артиллерийских и обозных [В годы ... 2003: 50]. Калмыцкий обком ВКП(б) уделил серьезное внимание комплектованию эскадронов, полков коммунистами, комсомольцами, рассматривая их как основу морального духа, стойкости бойцов и командиров. По этому критерию дивизия имела по тому времени значительный морально-политический капитал — почти 40 % членов ВКП(б) и ВЛКСМ [В годы ... 2003: 54].

Окончательное комплектование дивизии личным составом, лошадьми, вооружением и боевой техникой к маю 1942 г. в основном завершилось. Командование провело большую работу по укреплению дисциплины и повышению боевой подготовки, морально-го состояния воинов дивизии.

В соответствии с приказом Сталинградского военного округа 14 мая 1942 г. дивизия выступила поближе к фронту: в район Зимовники — Куберле Ростовской области. Пройдя 325 км маршем, она 26 мая прибыла в станицу Кутейниковскую, а затем перешла в междуречье Сал-Маньчский канал, где была введена в состав Отдельного кавалерийского корпуса 51-й армии. После краткосрочного отдыха 31 мая дивизия по приказу командира корпуса генерал-майора Б. А. Погребова передислоцировалась в район боевого рубежа и 5 июня заняла позицию на левом берегу Дона между станицами Семикаракорской и Багаевской. Согласно боевому плану армии, 110-й ОККД приказывалось занять оборону на участке протяженностью до 80 км и глубиной до 40 км. Ей вместе с другими соединениями и частями ставилась задача прикрыть отступающие войска. Советское Верховное командование, сделав выводы из опыта летне-осенней кампании 1941 г., отдало 13 июля приказ всем армиям, корпусам, дивизиям, пока еще находившимся западнее Дона, как можно быстрее оставить местность, переправиться за Дон и затем сосредоточиться под Сталинградом [Хаупт Вернер 2006: 168].

К началу боевых действий (15 июля) на указанном оборонительном рубеже 110-я дивизия имела 4 579 человек (63 человека

находились на курсах младших командиров) и 4 825 лошадей. Полкам дивизии пришлось вести оборонительные бои в чрезвычайно сложных и трудных условиях. На широком фронте общей протяженностью до 400 км танковым и моторизованным частям и соединениям 52-го корпуса 17-й танковой армии (затем 3-го танкового корпуса 1-й танковой армии генерала Э. фон Макензена) противостояли всего пять стрелковых и две кавалерийские дивизии. Пропустив на этом донском участке отступающие соединения и части Южного фронта, солдаты и офицеры 110-й дивизии, соблюдая порядок, дисциплину, проявляя организованность, еще с большей решимостью вступили в схватку с врагом не только с целью удержать оборонительные позиции, но и дать возможность отступающим частям и соединениям сорганизоваться и укрепиться на новых рубежах [Очиров 2010].

О занятой важной оперативной позиции и выполняемой боевой задаче 110-й ОККД было упомянуто в докладе Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину командованием Южного фронта (с 21 июня подчинен непосредственно Ставке ВГК) 22 июля 1942 г. при переговорах по прямому проводу с 18 час. до 19 час. 30 мин. Командующий Р. Я. Малиновский, докладывая Сталину об общей обстановке на Южном фронте, отметил: «...противник занял Мелиховскую и пытался форсировать реку Дон, но его атаки отбиты. Штаб 37-й армии в Калинин, под прикрытием 110-й кавдивизии, занимающей оборону по Дону от Семикаракорской до Багаевской...» [Великая Отечественная война 1999: 318].

В тяжелых оборонительных боях на Дону и Маньче, длившихся почти две недели (с 15 по 27 июля 1942 г.), дивизия на отведенном участке выполнила боевую задачу по задержанию противника на переправе и прикрытию отхода частей и соединений Южного фронта. Косвенно это подтверждается и в воспоминаниях бывшего командира 3-го танкового корпуса 1-й танковой армии генерала Э. фон Макензена: на подступах к хутору Соленому³ Ростовской области оборону держали два полка 110-й национальной дивизии, а также успевшие переправиться через Дон южнее Мелиховской 74-я, 230-я и 295-я стрелковые дивизии 37-й армии, которые понесли большие потери при форсировании Дона. 27 июля 1942 г. северный берег

³ В настоящее время Верхне-Нижне-Сальский.

Маньича наконец был очищен от противника и создан прочный плацдарм южнее хутора Новоселовка [Макензен 2004: 326–328].

110-я ОККД в кровопролитных двухнедельных сражениях потеряла безвозвратно до тысячи солдат и командиров (из них свыше 600 погибли, 200 пропали без вести: большинство утонули) и ранеными 700 человек. Общие ее потери составили 37 % личного состава, т. е. в среднем в сутки — 2,33 %. Для сравнения отметим, что Южный фронт в летней 1942 г. (28 июня – 24 июля) оборонительной позиции потерял 193 213 (37 %, т. е. в среднем в сутки — 1,37 %) солдат и офицеров [Гречко 1971: 58]. Впоследствии Маршал Советского Союза А. А. Гречко в своих мемуарах, описывая состояние 51-й армии (названа и 110-я кавдивизия) на 28 июля 1942 г., отмечал: «Все дивизии 51-й армии были сильно ослаблены предыдущими боями, не хватало боеприпасов» [Великая Отечественная война ... 2010: 106].

Подвиг бойцов и командиров 110-й ОККД был высоко оценен командованием 37-й армии (в период боев ей была переподчинена дивизия в оперативном отношении), в составе которой она выполняла поставленную боевую задачу. За ратные подвиги в боях трудной летней кампании 1942 г. на Южном фронте многие бойцы и командиры 110-й кавдивизии были награждены и представлены к орденам и медалям, а командир отделения ПТР сержант Э. Т. Деликов посмертно удостоен высокого звания Героя Советского Союза [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 211. Тетрадь 3-я. С. 88]. Его подвиг, совершенный в самый трудный период войны на Дону, предсмертные слова «Возьмите мое ружье и бейте фашистов. Пусть знают, что наши не отступают!» — высочайшее проявление духа, любви к Отчизне, родной земле. Точно и емко выразил эту суть духа бойца в своем произведении еще в годы войны писатель Борис Горбатов, писавший, что солдата поднимала в смертельную атаку не власть комиссара, а поведение, пример человека, прежде всего, «власть родной земли, пахнувшей полынью» [Горбатов, III 1988: 88].

После донских сражений, участвуя в тяжелых оборонительных боях на Кавказе в составе Северной группы войск Закавказского фронта, 110-я ОККД в июле–сентябре 1942 г. понесла еще большие потери. Ей, расчлененной на несколько групп в со-

ставе других частей, пришлось по приказу командующего 37-й армии отходить с боями в направлении Сальск — Башанта, Ворошиловск — Моздок. К сентябрю из первоначального личного состава дивизия в ходе оборонительных боев на Северном Кавказе потеряла убитыми и ранеными более 3 тыс. человек, т. е. две трети, а из 4 825 лошадей осталось всего 20 %. В связи с тем, что 30-я Краснознаменная кавдивизия 4-го гвардейского Кубанского казачьего корпуса, в состав которой входила и 110-я ОККД, испытывала большой некомплект, Военный совет Северной группы войск Закавказского фронта распоряжением от 28 сентября 1942 г. передал оставшийся личный состав основного ядра 110-й ОККД (дислокация около Моздока) — 1 329 бойцов и командиров, — а также вооружение (860 карабинов и винтовок, 81 пулемет, 49 пушек различного калибра, 16 пулеметных тачанок), 14 автомашин, 1 011 лошадей на доукомплектование 30-й кавдивизии [НА КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 211. Тетрадь 3-я. С. 16; НА РК. Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 86. Л. 82].

Штаб, командир и службы 110-й ОККД решением Военного совета Северной группы войск от 30 сентября 1942 г. с целью сохранения имеющих боевой опыт органов управления были направлены в Калмыцкую АССР на доформирование ее как самостоятельной боевой единицы за счет мобилизации в республике и Кизлярском округе Орджоникидзевского края призывников 1925 г. р. и добровольцев. По распоряжению И. В. Тюленева и члена Военного совета Л. М. Кагановича 10 октября 1942 г. В. А. Хомутников, предварительно письмом от 6 сентября поставив в известность СНК КАСР и Калмобком ВКП(б), прибыл в Астрахань по вопросу мобилизации граждан Калмыцкой АССР, Кизлярского округа и отбора конского состава для дивизии [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 743. Л. 105]. В это время по неизвестно кому принадлежащему умыслу (не исключено, может быть, и фашистов) усиленно стали распространяться на бытовом уровне слухи о том, что 110-я ОККД под командованием В. А. Хомутникова якобы самовольно покинула боевые позиции и нелегально «действует по указанию национальной политической партии» Калмыкии [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 743. Л. 105].

Благодаря энергичным действиям нового командира дивизии полковника В. А. Хомутникова и большой помощи партийных и

государственных органов Калмыкии к середине ноября, несмотря на то, что в это время республика принимала участие в комплектовании частей 28-й армии, личный состав вновь формируемой дивизии был доведен до 2 719 человек (калмыки — 30 %, русские и украинцы — 37 %, представители других народов — 33 %), лошадей до 1 540 [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 94. Л. 243]. Ко времени ведения наступательных боев (12 декабря) в составе 4-го гвардейского кавкорпуса 110-я ОККД была обновлена и имела полностью обмундированных в теплую одежду 2 838 человек (кроме них, в 1942 г. на фронт были призваны 14 042 уроженца КАССР), 1 500 лошадей и 300 верблюдов [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 718. Л. 1, 4–6]. Хотя по штатному расписанию в ней должно было быть 5 104 человека и 5 812 лошадей. С. М. Штеменко, анализируя положение войск Северной группы армии по состоянию на ноябрь–декабрь 1942 г., писал: «Наши конные корпуса были очень ослаблены. В 10-й гвардейской кавдивизии, например, к началу преследования в строю насчитывалось: людей — менее двух тысяч, орудий 76 мм калибра — два, 45 мм калибра — четыре, станковых пулеметов — четыре. 9-я гвардейская кавдивизия имела в строю 2 317 человек, орудий разных — семь, станковых пулеметов — восемь. Чуть лучше выглядели в этом отношении и другие дивизии. А конский состав везде был истощен настолько, что не выдерживал переходов более 20–25 километров в сутки» [Штеменко 2005: 126].

110-я ОККД в труднейших летней и осенне-зимней кампаниях 1942–1943 гг. преодолела с боями более 1,5 тыс. км, из них в наступательных — свыше 600 км, освободив сотни населенных пунктов Дагестанской АССР, Орджоникидзевского края (ныне Ставропольского), Калмыцкой АССР и Ростовской области. Несмотря на кратковременный период боевых действий (июль 1942 — январь 1943 г.), 110-я дивизия имени Маршала Советского Союза С. М. Буденного прошла славный боевой путь и с честью выдержала суровые испытания. С первых же дней она активно включилась в боевые сражения на Северном Кавказе, выдержала кровопролитные бои на реках Дон и Маныч. По приказу командующего Закавказским фронтом генерала армии И. В. Тюленева дивизия, войдя в подчинение 44-й армии, выполнила боевую

задачу по обороне и задержанию наступления вражеских войск к железнодорожной линии Кизляр — Астрахань, имевшей тогда важнейшее военно-стратегическое значение. «Защищая Кавказ, воины Северо-Кавказского фронта, а вместе с ними конники 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии, — позднее писал генерал армии И. В. Тюленев, — верили в победу... Воины дивизии, как и других соединений, выстояли потому, что каждый из них понимал: здесь, на этих рубежах, решается судьба не только Северного Кавказа, но и всей нашей Родины» [В годы ... 2003: 24–25].

В отличие от указанных выше мнений командований Южного и Северо-Кавказского фронтов о боевых действиях дивизии, неопровержимого факта массового проявления героизма, в том числе сержанта дивизии Э. Т. Деликова на Дону (сообщение Совинформбюро от 30 июля 1942 г., указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 г. о посмертном присвоении звания Героя Советского Союза), начальник Отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР А. Леонтьев в докладной записке от 30 августа 1944 г. на имя зам. наркома НКВД СССР С. Н. Круглова «О результатах борьбы с бандитизмом, дезертирством и уклонением от службы в Красной Армии в СССР за 3 года войны (с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1944 г.)» по неизвестным нам причинам решил, ничем не обосновав, написать, что «в районе Ростова на Дону 110-я калмыцкая национальная кавалерийская дивизия проявила неустойчивость. В частях дивизии началось массовое дезертирство» [ГА РФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 55].

Судя по авторитетным историческим источникам, у командований указанных фронтов и Генерального штаба Красной Армии не было после летних донских и осенне-зимних сражений негативных мнений о 110-й ОККД. Это подтверждает еще один важный факт (октябрь–ноябрь 1942 г.). «Однажды ночью Ф. Е. Боков, — пишет С. М. Штеменко, — вызвал меня к себе и приказал доложить соображения относительно создания на Северном Кавказе конной армии. — Интересуется Сталин, — добавил он. Предложение о преобразовании 4-го гвардейского кавкорпуса в конную армию исходило от командующего Закавказским фронтом И. В. Тюленева. Организационно объединить в ней предполагалось семь кавалерийских дивизий: 9-ю и 10-ю Ку-

банские гвардейские, 11-ю и 12-ю Донские гвардейские, 30-ю, 63-ю и 110-ю. Сталин отнесся к этому с повышенным вниманием. — А и в самом деле, не создать ли нам конармию? — спросил он Бокова и тут же приказал проанализировать вопрос в Генштабе... Все это было взвешено при рассмотрении вопроса о создании конной армии. И в конце концов Генеральный штаб дал на сей счет отрицательное заключение, полагая, что эта громоздкая организация будет чрезвычайно уязвима с воздуха и не оправдывает возлагаемых на нее надежд. Верховный Главнокомандующий с нашими соображениями согласился» [Штеменко 2005: 121–122]. Как видим, нигде в указанных весьма авторитетных источниках, авторы которых были непосредственными руководителями и участниками боевых сражений на Дону летом 1942 г., а также владели ситуацией на фронтах, в каждой армии, дивизии, не говорится о «проявлении неустойчивости» 110-й кавалерийской дивизии.

Летние 1942 г. ожесточенные сражения советских войск на Дону, когда немецкие танковые и моторизованные части были измотаны и задержаны на оборонительном участке на две недели, сыграли исключительно важную роль в окружении и уничтожении 6-й армии Паулюса в Сталинграде, организации защиты астраханского направления. Упорное сопротивление, стойкость бойцов и командиров сражавшихся соединений на Дону, в том числе и 110-й ОККД, приостановили наступление вражеских войск и позволили выиграть, хотя непродолжительное, но драгоценное, очень важное в стратегическом отношении время. Не будь этого донского кровопролитного рубежа, нацисты значительно продвинулись бы в сталинградском направлении, а также на две недели раньше (в конце июля) вторглись бы на территорию Калмыцкой АССР, и возникла бы реальная угроза продвижения немцев на астраханском направлении. Ставка Верховного Главнокомандования, как известно, стала принимать спешные меры по укреплению астраханского направления со стороны Элисты лишь (после 10–11 августа) с подходом немецких войск к селам Дивному и Приютному.

По праву можно считать, что беспримерный ратный подвиг всех воинов, сражавшихся на берегах Дона летом 1942 г., явился существенным вкладом в коренной перелом Великой Отечественной войны под Сталинградом. Оценивая заключительный

этап сталинградского сражения, Маршал Советского Союза А. И. Еременко в своих мемуарах писал: «...по незнанию обстановки того времени или по иным причинам в нашей печати стремились превозносить конечный результат и значение заключительных этапов того или иного сражения, принося в связи с этим все то, что им предшествовало, и чем они в сущности были обусловлены... В действительности судьба окруженных была, повторяю, предрешена всем ходом сражения в предыдущие периоды» [Еременко 2006: 455]. Поэтому правы военные историки, которые полагают, что битва за Сталинград началась уже с первых дней отражения наступления германских войск, действовавших по плану главной операции летней кампании 1942 г.

История участия калмыков в войнах России, защите Отечества своими корнями уходит в далекое прошлое, которое определяется не одним столетием. Уже в 40-х гг. XVII в. калмыки активно включились вместе с донскими казаками в борьбу с недругами российского государства. С середины XVII в. калмыки постоянно участвовали во всех войнах России, которые ей пришлось вести на протяжении длительного времени [Максимов 2010]. Кроме того, в XVII–XVIII вв. калмыки вместе с донскими казаками несли службу по защите южных рубежей страны. Калмыцкие воины в первой четверти XVIII в. в составе русской армии участвовали в крупных баталиях со шведами, ставших судьбоносными для России. Весомый вклад в борьбу России за укрепление южных государственных границ, как справедливо отмечали историки, внесли калмыки в период русско-персидской войны (1722–1723 гг.). Приумножили свою боевую славу калмыцкие воины, участвуя со всеми народами России в борьбе с армией Наполеона и его союзников в Отечественной войне 1812 г. [1812. Бородинская битва 2009; Коленкур 2002; ГА РО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 681]. Помимо трех калмыцких полков (Ставропольского калмыцкого, 1-го Калмыцкого и 2-го Калмыцкого), в Отечественной войне 1812 г. против французов воевали донские калмыки-казачки (более 1,5 тыс.) в составе 42 строевых и свыше 1 200 человек в 22 казачьих ополченских полках. Калмыцкие воины участвовали в самом масштабном и в одном из решающих событий Отечественной войны 1812 г. — Бородинском сражении.

Славные боевые традиции российского народа, складывавшиеся в многовековой совместной борьбе с внешними врагами по защите Отечества, наиболее ярко проявились в годы Великой Отечественной войны. В этой битве с немецкими захватчиками достойную героическую страницу вписали в военную историю Калмыкии бойцы и командиры 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии, личный состав которой представлял многонациональное население Калмыцкой АССР.

Список источников

Государственный архив Ростовской области (ГА РО).
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (НА КИГИ РАН).

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

Белусов С. С. Оборонительные бои на Нижнем Дону весной — летом 1942 г. по воспоминаниям военнослужащих 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Материалы международной научной конференции (28–29 апреля 2010 г.). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2010. С. 225–231.

Боевой и численный состав Вооруженных Сил в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): стат. сб. М., 1994–1995. Стат. сб. № 2. М., 1994. 228 с.

Боевой и численный состав Вооруженных Сил в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): стат. сб. М., 1994–1995. Стат. сб. № 3. М., 1994. 231 с.

Боевой и численный состав Вооруженных Сил в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): стат. сб. М., 1994–1995. Стат. сб. № 4. М., 1995. 230 с.

В боях за Дон. Воспоминания воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 180 с.

В годы суровых испытаний: боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. 3-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 238 с.

Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь: новейшее справочное издание новейшее справочное издание / сост. Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин. М.: Вече, 2010. 384 с.

Великая Отечественная война: Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942. Т. 16. (5–2). М.: ТЕРРА, 1999. 368 с.

Гречко А. А. Битва за Кавказ. 2-ое изд., доп. М.: Воениздат, 1971. 494 с.

Еременко А. И. Сталинград: Участникам великой битвы под Сталинградом посвящается. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 555 с.

Калмыкия в годы Великой Отечественной войны. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 780 с.

Кичиков М. Л. Во имя победы над фашизмом. Очерки истории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны. Элиста: Калмиздат, 1970. 208 с.

Коленкур А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию / пер. с фр. М. Жуковского. М.: Кучково поле, 2002. 589 с.

Куманев Г. А. Сталинградская битва (Краткий военно-исторический очерк, документы, материалы). М.: МППА «БИМПА», 2007. 832 с.

Макензен Э. От Буга до Кавказа // От Буга до Кавказа / пер. с нем. Е. Первушиной; коммент. В. Гончарова. М.: Издательство АСТ: ООО Транзиткнига, 2004. С. 326–328.

Максимов К. Н. Военная интеграция калмыков с донскими казаками в первой четверти XVIII века // Вестник КИГИ РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2010. № 2. С. 5–10.

Очиров У. Б. Вклад калмыцкого народа в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вклад репрессированных народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2010. С. 208–214.

1812. Бородинская битва. М.: Эксмо, 2009. 320 с.

Убушаев В. Б. Боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии: защита донских рубежей // Вклад регионов Юга России в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Материалы Российской научно-практической конференции. 20–22 апреля 2010 г. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010. С. 10–13.

Хаупт Вернер. Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта / пер. с нем. С. Липатова. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 448 с.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. М.: Издател. группа АСТ, 2005. 752 с.

УДК 21.009:322 + 211.5(091) + 23/28

ББК 86.372

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ЮГЕ РОССИИ (1990–2000 гг.)

С. С. Белусов

В постсоветский период религия стала играть заметную роль в общественно-политической жизни России. Этого не может не учитывать государство, поскольку церковь

оказывает существенное влияние на настроения населения и активно участвует в формировании общественного мнения. Среди россиян преобладает позитивная оцен-

ка религии, и, как свидетельствуют большинство исследований, рейтинг доверия к церкви превышает 50 %. Среди действующих на территории Российской Федерации религиозных конфессий наибольшее число последователей и религиозных организаций имеет Русская православная церковь (далее — РПЦ). Не является исключением в этом плане и Южный Федеральный округ (далее — ЮФО). По состоянию на 1 января 2008 г. в ЮФО функционировало около 3 300 религиозных организаций, зарегистрированных территориальными органами Минюста России, из числа которых насчитывается 1 206 (37 %) организаций РПЦ, 71 (2,2 %) других православных церквей и старообрядцев [Митрохин 1998: 54]. На территории Юга России православные приходы размещены неравномерно: большинство их расположено в областях, краях и в Республике Северная Осетия-Алания, в ряде других национальных республик их численность незначительна или намного уступает мусульманским организациям.

Возрождение РПЦ было обусловлено процессами демократизации общества, начавшимися с политики «перестройки» во второй половине 80-х гг. прошлого столетия. После крушения СССР и падения коммунистической идеологии этот процесс пошел быстрыми темпами. Разочарование в прежних идеалах и неспособность новой российской власти предложить альтернативную, более привлекательную идеологическую и нравственную основы духовной жизни побудили многих обратиться к религии.

В южнороссийском регионе в 1990-е гг., как и по всей стране, наблюдался массовый приток новых верующих в ряды РПЦ, что обусловило появление задачи организационного оформления церковной жизни. В эти годы резко увеличилось количество новых приходов, что привело к созданию новых епархий, образовавшихся путем выделения из крупных церковно-административных округов. Особенно высокие темпы церковного строительства были отмечены в 1988–1994 гг., когда количество открывающихся за год храмов в южнороссийских регионах составляло 20–30 % от общего их количества в епархии, с 1995 г. наметилась тенденция снижения открытия храмов до 10 храмов в год на одну епархию [Митрохин 1998: 54].

Открытие новых приходов и оживление церковной жизни вызвали изменения в ад-

министративном делении епархий. В 1990-е гг. из Саратовской епархии выделилась Волгоградская епархия, из Екатериноградской и Кубанской — Майкопская и Адыгейская, из Ставропольской и Владикавказской — Элистинская и Калмыцкая епархия, в 1998 г. была восстановлена Бакинско-Прикаспийская епархия.

К началу XXI в. создание православной инфраструктуры Московского патриархата на Юге России практически завершилось. К этому времени уменьшились и поток желающих приобщиться к православию, и темпы открытия новых приходов (как следствие первого).

Сформированная в 1990-е гг. церковная инфраструктура РПЦ, а также усиление акцента в сторону православия в религиозной политике государства на рубеже веков создали благоприятную ситуацию для усиления ее позиций в российском обществе. В первое десятилетие XXI в. отношения между властью и РПЦ значительно упрочились, при этом каждая из сторон имела свой интерес. Для власти важным было использовать возросший авторитет РПЦ для укрепления своих политических позиций, а РПЦ в свою очередь стремилась с помощью государственных структур усилить свое влияние на российское общество и потеснить своих конкурентов в лице протестантов и представителей новых сект. На Юге России данная тенденция проявилась в регионах с преобладанием русского населения и практически не обозначилась в национальных республиках с доминированием мусульманского населения.

В Волгоградской области русские и украинцы в своей совокупности составляют около 90 % ее населения, поэтому здесь доминирующей конфессией является православие. На начало 2009 г. удельный вес православных организаций в общем числе зарегистрированных религиозных структур составлял 61 % [Карапетов 2011]. Они играют в местной политической жизни достаточно весомую роль, которая, как правило, возрастает в период избирательных кампаний. Главные претенденты на выборные должности, рассчитывающие завоевать значительную часть регионального электората, не могут не учитывать этот фактор в своей предвыборной кампании.

До конца 1990-х гг. «фактор православия» в политической жизни Волгоградской области активно использовался в период

предвыборных кампаний представителями русских национальных организаций и отдельными кандидатами, позиционировавшими себя в качестве государственников. Деятельность такого характера, как правило, ограничивалась символическим участием некоторых кандидатов на выборные должности в церковных праздниках и встречами с руководством Волгоградской епархии. Эти факты и благожелательные высказывания священнослужителей по отношению к таким кандидатам всячески тиражировались лояльными СМИ.

Наиболее активно «фактор православия» использовал в своей предвыборной борьбе предприниматель Е. П. Ищенко. До своего избрания на пост мэра г. Волгограда он пожертвовал крупные суммы на строительство храмов и другие церковные нужды. В ответ руководство Волгоградской епархии практически открыто поддержало его в ходе предвыборных кампаний 1999 и 2003 гг., несмотря на недовольство других кандидатов.

После ареста Е. П. Ищенко 30 мая 2006 г. по обвинению в незаконном предпринимательстве руководство епархии активно выступило в его защиту. Митрополит Волгоградский и Камышинский Герман предложил отпустить Е. П. Ищенко под залог, выразив готовность быть его поручителем, с его благословения был организован ряд акций в защиту арестованного, включая службы за освобождение «невинно обогнанного раба Божьего Евгения», молитвенные стояния. Поддержка Е. П. Ищенко со стороны руководства Волгоградской епархии даже привела к конфликту с правоохранительными органами. 18 декабря 2006 г. милиция прекратила организованное с благословения митрополита молитвенное стояние верующих у расположенной в самом центре города часовни Александра Невского, конфисковав хоругви, плакаты и отпечатанные молитвы об освобождении Е. П. Ищенко.

«Фактор православия» использовался политиками и в выборах нового мэра г. Волгограда. В той или иной степени свою приверженность православным ценностям в ходе предвыборной кампании высказывали кандидаты на пост мэра Р. Т. Херианов (и. о. мэра г. Волгограда), В. И. Галушкин (кандидат от «Единой России»), Р. Г. Гребенников (депутат областной думы) О. Л. Михеев (президент группы компаний «Диамант»),

С. В. Терентьев («Русская община — Союз русского народа») [Голунов 2011].

Если не считать некоторого противостояния, имевшего место между областными и епархиальными властями в деле Е. П. Ищенко, отношения между ними в целом развиваются в духе сотрудничества. Так, в 2006 г. руководству епархии удалось добиться одобрения Волгоградской областной Думой проекта закона о передаче в собственность религиозным организациям земли, до этого принадлежавшей им на правах бессрочного пользования [Поляков 2011].

Областное руководство поддержало инициативы епархиальной власти по созданию при храмах детских садов и введению преподавания в средней школе предмета «Основы православной культуры». В Волгоградском государственном педагогическом университете под руководством профессора В. И. Супруна налажена подготовка преподавателей по предмету «Православная культура». В настоящее время в нескольких районах области создано более десяти центров православной культуры и образования.

Волгоградским отделением «Единой России» в областной Думе разработана «Концепция образовательной политики в восстановлении духовного и культурно-исторического наследия РПЦ при администрациях муниципальных образований Волгоградской области», согласно которой Главам муниципальных районов и городских округов рекомендовано создавать Советы по восстановлению духовного и культурно-исторического наследия РПЦ. Такие Советы будут заниматься организацией факультативного курса «Основы Православной культуры» в средних и высших учебных заведениях, церковно-приходских школ, созданием творческих групп и ансамблей [За духовность ... 2011].

В другом нижеволжском регионе — в Астраханской области — русское население тоже составляет большинство населения (70 %), хотя и не столь внушительное, как в Волгоградской области. Этот факт, а также наличие в Астраханской области мусульманского населения накладывает определенный отпечаток на государственно-церковные отношения. В 2009 г. из 193 зарегистрированных религиозных объединений области православными были 68 (35,2 %), протестантскими — 49 (25,4 %), мусульманскими — 43 (22,2 %) [Лукин 2011]. При губернаторе А. П. Гужвине (1991–2004) об-

ластным руководством проводилась «политика баланса» между религиозными организациями. Власть старалась обеспечивать равные «стартовые возможности» для развития традиционных религий, к которым она относила православие, ислам, старообрядчество, католицизм, лютеранство, баптизм и пятидесятничество, и ограничивать деятельность новых религиозных течений. С приходом нового губернатора А. А. Жилкина областная власть стала считать традиционными только православие и ислам и приняла меры по ограничению миссионерской деятельности религиозных организаций, относившихся ранее к числу традиционных. Вместе с тем необходимо отметить, что и сближения руководства области с астраханскими епархиальными властями не произошло. Как отмечает исследователь Р. Н. Лункин, «смена ориентиров в чиновничьей среде никак не отразилась на реальной поддержке общественной деятельности епархии» и характерное для федеральной власти «стремление придать православию большее значение» в Астраханской области «так и остается некоторой формальностью» [Лукин 2011].

Помощь местных властей РПЦ оказывается в реставрации памятников церковной архитектуры и в строительстве храмов и кафедральных соборов, имеющих особое значение. Однако местное руководство не приветствует участия религиозных организаций в политической деятельности, не оказывает РПЦ поддержки в социальной работе и в иных сферах деятельности.

Поскольку в граничащей с Астраханской и Волгоградской областями Республике Калмыкия пропорционально соотносимыми по численности этносами являются калмыки и русские, большое внимание руководство республики уделяет и буддизму, и православию, способствуя оптимизации межконфессиональных отношений. В своей политике органы власти всячески подчеркивают свое уважительное отношение к РПЦ, способствуют ее деятельности на территории и оказывают ей организационную помощь.

На территории Калмыкии число православных организаций за последние двадцать лет увеличилось с 2 до 16. В первой половине 1990-х гг. в г. Элисте были построены кафедральный Казанский собор и церковь в селе Приютное. Они возводились за счет личных пожертвований, в том

числе большой вклад в строительство внес первый Президент Республики Калмыкия К. Н. Илюмжинов. Увеличение числа прихожан, открытие новых приходов и строительство церквей, а также существовавшая в эти годы в административной жизни РПЦ тенденция к разукрупнению епархий способствовали преобразованию в октябре 1995 г. православного благочиния в Элистинскую и Калмыцкую епархию. Принятию решения РПЦ об организации Элистинской и Калмыцкой епархий способствовало руководство республики. Вновь организованную епархию возглавил возведенный в сан архиепископа настоятель православных приходов Калмыкии Зосима (В. М. Остапенко).

В приходах действуют воскресные школы, ведется благотворительная работа среди пожилых людей и в малообеспеченных семьях. С 1997 г. в епархии выпускается газета «Преображение», которая с 2002 г. стала называться «Православная Калмыкия». При кафедральном соборе создан состоящий из профессиональных певцов архиерейский хор под руководством А. О. Талицкого.

Епархия успешно взаимодействует с органами исполнительной власти и местного самоуправления в области укрепления духовно-нравственных основ народов Калмыкии. В рамках этого направления проводятся образовательные, культурные и миссионерские мероприятия. Епархиальное руководство при поддержке органов государственной власти ежегодно организует в республике празднование «Рождества Христова», «Масленицы», «Пасхи», проводит Кирилло-Мефодиевские чтения. Сотрудники епархии организуют различные конкурсы, фестивали и выставки. Руководство Элистинской и Калмыцкой епархий поддерживает связи с Ватиканом, организует паломничество к общехристианским и православным святыням. В организации паломничества к священным местам большое содействие в 1990-х гг. оказывало общественное движение «Уралан, Калмыкия!».

В Ростовской области православие играет весомую роль в жизни общества: здесь действуют 253 зарегистрированные в органах юстиции религиозные организации РПЦ (53,6 % от общего количества религиозных организаций в области). В области функционируют Ростовский филиал Московского Свято-Тихоновского гуманитарного университета (на пяти курсах обучается 209 чел.), Ростовское духовное

училище миссионерской направленности при Ростовской епархии (30 чел.), более 60 воскресных школ и несколько духовных центров. В епархии издаются газета «Церковный вестник» и ежемесячный детский журнал «Свечечка», кроме этого, 7 благочиний выпускают небольшие газеты тиражом в несколько сотен экземпляров. Ростовская епархия имеет интернет-сайт, собственные типографию и телестудию «Православный Дон», размещая свои материалы на различных телеканалах. Свои интернет-сайты создали также 6 благочиний Ростовской области [Ростовская-на-Дону Епархия 2011].

Администрация области на протяжении ряда лет оказывает поддержку и помощь в восстановлении православных храмов, в проведении миссионерской деятельности, в работе с молодежью. Только в 2003 г. на эти цели было выделено из бюджета около миллиона рублей. Главам всех муниципальных образований рекомендовано создавать в городах и районах попечительские советы, оказывать помощь православным организациям по вопросам, имеющим общественную и государственную значимость. Благожелательную позицию руководство Ростовской области занимает и в вопросе введения преподавания предмета «Основы православной культуры». Этот предмет в 2008 г. изучался в 200 школах области [Почти в 200 школах ... 2011].

Власти епархии также сотрудничают с областным руководством в вопросах благотворительности и попечительства. Из самых известных совместных акций в этом направлении в последние годы следует выделить проект «Православная деревня», который реализуется совместными усилиями администрации области, епархиальным управлением и благотворительным фондом «Покровский». Всего планируется построить 7 домов площадью 150–200 м² для семей, взявших на воспитание по 5–6 детей, родители которых лишены родительских прав. Первые пять домов этой деревни были торжественно открыты в присутствии губернатора В. Ф. Чуба и архиепископа Ростовского и Новочеркасского Пантелеймона в августе 2009 г. в с. Петровка Мясниковского района. В своем выступлении губернатор отметил: «Если бы нам иметь подобные деревни в каждом районе и городе, наверное, счастливы были бы не только дети, но и все мы, взрослые. Это огромный пример, рожденный нашими строителями,

благотворителями и предпринимателями, которые и средства выделили, и людей организовали. Это огромное богоугодное дело. Я буду всячески содействовать и пропагандировать, чтобы подобные Православные деревни возникали у нас везде на территории области. Причем это гораздо выгоднее для государства, для нас всех с вами, налогоплательщиков, в финансовом плане. Ну, а если брать моральную сторону — человек, выросший в семье, конечно, отличается от того, кто рос в детском доме. За таким воспитанием будущее» [В Ростовской области ... 2011].

Среди южнороссийских регионов по степени влияния РПЦ на общественно-политическую ситуацию и по количеству верующих выделяется Краснодарский край. Согласно статистическим данным Федеральной Регистрационной службы, по количеству действующих организаций РПЦ Краснодарский край занимает третье место в России после Московской и Нижегородской областей. РПЦ имеет на Кубани 359 организаций, что составляет 52 % от числа зарегистрированных религиозных организаций на территории Краснодарского края. Руководством Екатеринодарской и Кубанской епархии учреждены и действуют 6 монастырей, в 2006 г. в г. Краснодаре открыта духовная семинария, издается ежемесячная газета «Православный голос Кубани». В большинстве приходов РПЦ организованы воскресные школы для детей и взрослых, издается духовная литература. Ежегодно проводятся традиционные Всекубанские духовно-образовательные Кирилло-Мефодиевские чтения. На уровне местного самоуправления организуются ежегодные зональные духовные чтения, в которых принимают участие благочинные и главы администраций нескольких районов края. К чтениям обычно приурочивается заключение соглашений епархии с различными органами власти [Григорова 2011].

Русское православие на Кубани неотъемлемо связано с казачеством. Духовенство является активным участником всех казачьих и светских мероприятий, преподаются «Основы православной культуры» в школах, в кадетском казачьем корпусе. Со своей стороны Всекубанское казачье войско оказывает епархии политическую поддержку, лоббирует ее интересы в законодательных и исполнительных структурах власти. При политической и финансовой поддержке

казачества в ряде станиц были построены церкви.

В религиозной жизни Краснодарского края роль казачества значительна по сравнению с другими регионами. Во-первых, оно привносит свое более анархичное и демократическое понимание православия и одновременно более жесткое по отношению к иноверцам. Во-вторых, казачья тема занимает важное место в идейных установках епархии [Григорова 2011].

В последние годы на Кубани возникла определенная православно-казачья идеология «героического православия». Ее сформулировал духовник Всекубанского казачьего войска священник Сергей Овчинников. Русское православие, по его мнению, всегда тяготело к смирению, аскетизму и мистицизму, в то время как церковный организм нуждается в дополнении к этому и в так называемом «героическом исповедании», без которого оно погибает. «Героическое исповедание» подразумевает защиту православного отечества как форму христианского служения. Смерть за православие автоматически обеспечивает попадание в рай. По убеждению С. Овчинникова, казаки принципиально отличаются от других православных тем, что и лично, и коллективно открыто декларируют свою принадлежность РПЦ. В отличие от православных центральной и северной России, считает С. Овчинников, казачество не признает идеала Святой Руси. Для него характерно представление о некоем «освященном пространстве Кубани», где господствуют запорожские обычаи [Григорова 2011].

Идеологии своеобразного казачьего патриотизма и духовности противостоит часть православной общественности и духовенства во главе с протоиереем Алексием Касатиковым, духовником миссионерского центра. По его мнению, нельзя выделять некое особое казачье православие, так как казаки не являются отдельным этносом, хотя и чувствуют свою обособленность и от России, и от Украины.

Определенную опасность для Екатеринодарской и Кубанской епархий, по мнению главы епархии митрополита Исидора, представляет сепаратизм украинцев и греков. Самую большую угрозу для Московского Патриархата (МП) Исидор видит в попытках Украинской Православной Церкви создать свои приходы на Кубани, так как значительная часть, если не большинство жите-

лей края, имеют украинские корни. Исидор, опасаясь украинского сепаратизма в церкви, не принимает в епархию священников-украинцев и в 1993 г. с помощью властей пресек попытку создать в г. Ейске приход Украинской автокефальной церкви Киевского патриархата [Григорова 2011].

Исследователи и священники епархии отмечают: несмотря на то, что кубанское казачество играет в жизни епархии большую политическую и идеологическую роль, его участие непосредственно в церковной жизни невелико, практикующих казаков мало. Их участие в основном ограничивается почетным караулом во время архиерейских богослужений. Формальных признаков религиозности у казаков почти нет: они не посещают богослужения и вообще редко ходят в храм.

Успехи православного строительства на Кубани стали возможны во многом благодаря администрации края. В отличие от других регионов России здесь политика государственной поддержки православия утвердилась еще с начала 1990-х гг. По свидетельству бывшей заведующей сектором по связям с религиозными организациями в администрации Краснодарского края Л. А. Зуб, суть проводимой религиозной политики краевой администрации заключалась в «соблюдении закона при негласном приоритете РПЦ МП» [Григорова 2011].

С 1997 г. в крае получила распространение практика выделения на развитие епархии средств из местного бюджета (например, в 1997 г. 1 млрд. 200 тыс. рублей), ей были переданы практически все церковные здания. Краевая администрация участвует в строительстве церквей, а также помогает РПЦ осуществлять благотворительные проекты. Законодательным собранием Краснодарского края было принято постановление «Об утверждении краевой целевой программы поддержки предприятий строительного комплекса и других организаций, участвующих в строительстве, восстановлении и реставрации православных храмов в Краснодарском крае на 2005–2010 годы». Эта программа предусматривает финансирование строительных и реставрационных работ в 18 храмах [Краснодар ... 2011].

Весной 1997 г. между администрацией Краснодарского края и епархией было заключено «Долгосрочное соглашение о сотрудничестве в целях духовного возрождения Кубани», которое предусматрива-

ет сотрудничество в области образования, культуры, здравоохранения, социальной сферы, учреждение Координационного совета сотрудничества и экспертизы в области религиозного просвещения, создание на базе медицинских учреждений православных сестричеств, организацию совместной комиссии по сохранению православных памятников, духовной подготовке молодежи к службе в армии и др.

Большое значение в реализации религиозной политики играют также личные связи чиновников с православным духовенством. Губернатор А. Н. Ткачев регулярно приглашает митрополита Исидора на конфиденциальные беседы и сам живо откликается на просьбы Исидора о встрече.

Екатеринодарская епархия заключила договоры о сотрудничестве с МВД, Минюстом, ГУИН, налоговой службой, с департаментом по делам образования, молодежи, с Госнарконтролем и др.

При участии губернатора была разработана совместная программа РПЦ и администрации об обязательном внедрении преподавания в школах в качестве факультатива «Основ православной культуры». В 2002 г. на Всекубанских Кирилло-Мефодиевских чтениях А. Н. Ткачев, в частности, заявил о необходимости ввести во всех общеобразовательных школах преподавание Закона Божьего [Филатов, Лункин 2011]. В публичных выступлениях А. Н. Ткачев неоднократно говорил об особом значении православной веры, которая была всегда на первом месте на Кубани [Григорова 2011].

В субъектах Северо-Кавказского региона, ныне выделенного из ЮФО в самостоятельный округ, положение РПЦ и ее влияние на местную общественную и политическую жизнь напрямую зависят от этнического состава и административного статуса субъекта. В Ставропольском крае, где доминирует славянское население, РПЦ имеет прочные позиции и пользуется поддержкой властей. Администрация оказывает помощь в передаче РПЦ культовых сооружений, согласно местному законодательству. Краевой Думой принят закон, освободивший православные приходы Ставрополья от уплаты земельного налога.

Как и в других «русских» регионах Юга России, православие в Ставропольском крае поддерживается казачеством. Казаки всячески декларируют свою приверженность православию, строят храмы, выбирают себе

духовников из числа православных священников, участвуют во всех крупных мероприятиях, проводимых РПЦ. Однако на Ставрополье казачество в массе своей не посещает регулярно храмы, не исполняет христианских таинств, что ставит под сомнение его воцерковленность¹, по терминологии духовенства. Казаки также порой пытаются навязать духовенству свое понимание церковных вопросов и вмешиваться в дела церкви.

В северокавказских республиках с преобладанием мусульманского населения сложилась иная ситуация: позиции РПЦ в них весьма слабые. Руководство республик декларирует свое уважительное отношение к православию, однако не проявляет достаточного интереса к проблемам православных. Средства на строительство храмов не выделяются, закрытые в годы советской власти храмы передаются крайне неохотно, духовенство почти не имеет доступа на территорию государственных учреждений. По этой причине влияние РПЦ на общественно-политическую жизнь республик с мусульманским населением крайне незначительно.

Завершая обзор деятельности православных организаций на Юге России, отметим, что, несмотря на явные успехи православного возрождения в последние двадцать лет и рост авторитета РПЦ, клерикализации общества не произошло. Обращение к православию части населения было вызвано, прежде всего, разочарованием в коммунистической идеологии и ее нравственными ценностями, а не глубинными процессами формирования религиозного сознания. В результате восприятие православия для большинства оказалось поверхностным, внешним и настоящего воцерковления не произошло. Созданная в постсоветский период православная инфраструктура значительно повысила возможности церкви в борьбе за умы людей, однако в целом она не в состоянии в корне изменить ситуацию в духовной сфере в настоящий момент. Ведущаяся в

¹ Воцерковленные — церковный термин, который используется в практике Русской Православной Церкви и в околоцерковных кругах, а также в других религиозных организациях. Это наименование православных, не просто крещенных в православной церкви, но и соблюдающих обрядовую сторону религии — пытающихся жить по-православному. Воцерковленным считается тот, кто регулярно причащается и регулярно посещает службы; обычно он поддерживает также социальные отношения в пределах своей церковной общины [Воцерковленный 2011].

российском обществе массированная пропаганда не свойственных традиционному обществу потребительских ценностей, присущих современному западноевропейскому обществу, фактически перекрывает возможности РПЦ для популяризации своих идеалов и ценностей.

Будущее русского православия на Юге России зависит от ряда факторов (прежде всего демографического). Так как этническую основу православия составляют восточнославянские народы, сфера влияния РПЦ, в том числе на политическую и общественную ситуации в регионах Юга России, находится в прямой зависимости от миграционных и демографических условий. Миссионерская деятельность в национальных республиках ограничена, поэтому не предвидится массового пополнения верующих за счет неславянских народов. В регионах с преобладанием русского населения православие будет сохранять свои доминирующие позиции и оказывать заметное влияние на общественно-политическую обстановку.

Литература

- Воцерковленный* [материал из Свободной энциклопедии «Википедия»] // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Воцерковленный> (дата обращения: 2.03.2011).
- В Ростовской области открылась «Православная деревня»* [Электронный ресурс] // URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-south/society/1193679.html> (дата обращения: 19.03.2011)
- Голунов С. В.* Православие как фактор региональной политической жизни [Электронный ресурс] // URL: http://eawarn.ru/pub/Bull/WebHome/72_22.htm (дата обращения: 29.03.2011).
- Григорова Н. А.* Анализ религиозной ситуации в Краснодарском крае [Электронный ресурс] // URL: http://www.leningradskaya.org/f/index.php?s_howtopic=1039&mode=threaded&pid=21405 (дата обращения: 10.03.2011).
- За духовность и нравственность / Общественная приемная Председателя партии «Единая Россия» Владимира Путина в Волгоградской области* [Электронный ресурс] // URL: <http://www.edin-gos34.ru/articles/59/> (дата обращения: 22.03.2011).
- Каранетов А.* Все люди — братья! [Электронный ресурс] // URL: <http://www.molodoi-gazeta.ru/article-5402.html> (дата обращения: 19.03.2011).
- Краснодар Православный.* 2008. 26 сентября [Электронный ресурс] // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/465784.html> (дата обращения: 02.03.2011).
- Лункин Р. Н.* Астрахань: между «федеральной традиционностью» и религиозным балансом [Электронный ресурс] // URL: http://damir26.ya.ru/replies.xml?item_no=352 (дата обращения: 23.03.2011).
- Митрохин Н. А.* Православие на Северном Кавказе // Факторы этно-конфессиональной идентичности в постсоветском обществе. М.: Carnegie Endowment for International Peace, 1998. С. 1–80.
- Поляков А.* Депутаты Волгоградской областной думы передали Церкви земли, принадлежавшие ей до революции [Электронный ресурс] // URL: <http://www.messia.ru/novosti/2006/2.htm> (дата обращения: 20.03.2011).
- Почти в 200 школах Ростовской области начали преподавать православную культуру* [Электронный ресурс] // URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=27335> (дата обращения: 21.03.2011).
- Ростовская-на-Дону епархия* [Электронный ресурс] // URL: <http://drevo-info.ru/articles/3515.html> (дата обращения: 19.03.2011).
- Филатов С. Б., Лункин Р. Н.* Краснодарский край. Атлас современной религиозной жизни России [Электронный ресурс] // URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1673> (дата обращения: 19.03.2011).

УДК 902.26
ББК 63.4 (2Рос=Калм)

**ПОСЕЛЕНИЕ «БАШАНТА» С КАМЕННЫМИ ПОСТРОЙКАМИ
ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

*М. А. Очир-Горяева, Клаус фон Карнап Борнхейм,
Э. А. Кекеев, Л. Д. Манджикова*

В сентябре 2010 г. было проведено первичное изучение поселения эпохи Средневековья, названного «Башанта» по имени протекающей вблизи речки, в ходе совместной археологической экспедиции Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Россия, г. Элиста) и Археологического Ландесамта земли Гольштайн (Германия, г. Шлезвиг) на территории Городовиковского района Республики Калмыкия в рамках совместного проекта «Поселения в степи — изучение образа жизни и типа хозяйства в преисторическое и средневековое время в волго-маньчских степях» [Ochir-Goryaeva, Vornheim 2010].

Памятник был открыт в 2008 г. директором Городовиковского филиала Национального музея Республики Калмыкия Л. Д. Манжиковой и археологической экспедицией под руководством М. А. Очир-Горяевой. После прорыва дамбы весной 2008 г. в обрыве и на дне вдоль берега Чапаевского озера с северной стороны обнажились скопления тесаных камней и многочисленные фрагменты красноглиняной гончарной керамики и черепицы. С восточной стороны в озеро впадает канал от речки Башанта (протяженностью около 500 м). Вдоль канала были обнаружены такие же обтесанные камни-ракушечники, как и на поселении, и, скорее всего, канал является частью памятника. Камень-ракушечник добывался в 150–200 км от озера и был доставлен сюда, вероятно, водным путем.

Проведена комплексная работа по изучению архивных и литературных источников, опросу местного населения, совершен облет памятника на легкомоторном самолете, были составлены подробный топографический план памятника, охватывающий площадь более чем 4 га в масштабе 1:500 см, а также база данных поверхностных на-

ходок (обтесанных блоков из ракушечника, фрагментов керамики и черепицы). По концентрации находок на поверхности были выявлены примерные границы памятника (рис. 1). Керамика из шурфов и подъемный материал датируются домонгольским временем. Были заложены разведочные шурфы, среди которых наиболее информативным оказался шурф 1.

Шурф 1 был заложен в центральной части восточной бухты. В насыпном грунте дамбы вдоль всей длины «пляжа» просматриваются камни ракушечника прямоугольной формы, а также фрагменты камней различных форм. Длинная ось шурфа была ориентирована по линии Север-Юг с небольшим отклонением на запад. Северная стена шурфа 1 служила срезом дамбы. Северная стена шурфа — 2 м, восточная стена шурфа — 5,10 м.

Поверхность земли в месте закладки шурфа 1 была незадернована, покрыта мелкими и крупными камнями и состояла из илистой глины почти черного цвета. Место закладки шурфа было занивелировано (рис. 2). За условный ноль взят репер +10 м над уровнем мирового океана, установленный в процессе работы над топографическим планом. Перепад высот от северного края к южному составляет с восточной стороны 64 см и с западной стороны 56 см. Вдоль побережья земля была покрыта засохшим слоем водорослей желтого цвета, оставленных после отхода весенней воды. У восточного края раскопа на поверхности лежал крупный камень с углублением правильной квадратной формы (53x28x25 см, размер углубления — 6x6 см, глубина — 4,5 см). Весной этот участок побережья полностью затапливается, а осенью вода отходит южнее в глубину озера.

Рис. 1. Башанта-2010. Топографический план. Справа — бухта, слева — мыс

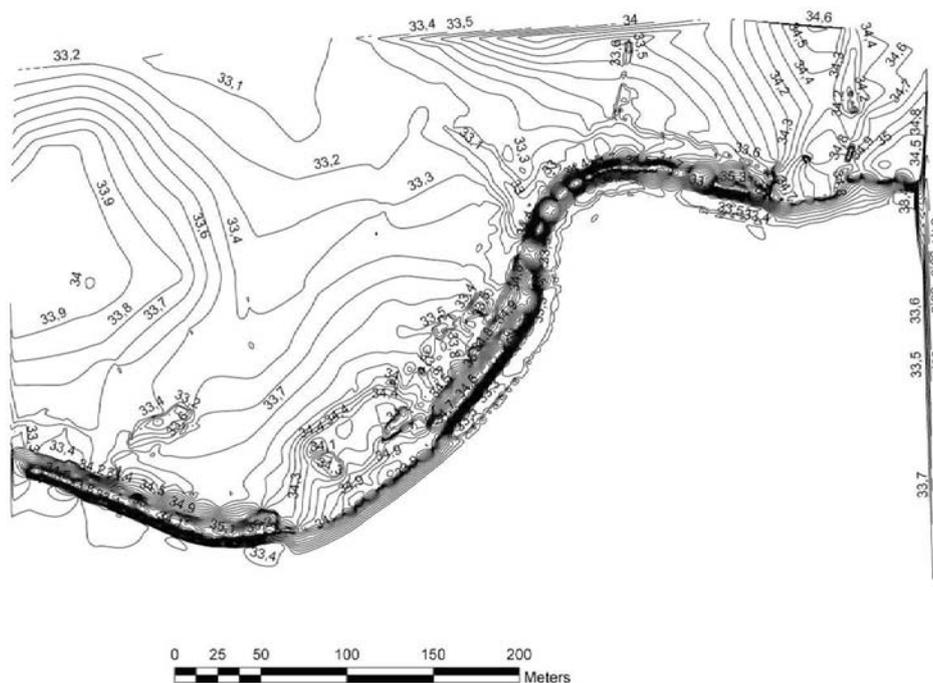

Рис. 2. Башанта-2010. Шурф 1.
План нивелировка поверхности до раскопок

921 квадрат 1	917 квадрат 2	913 квадрат 3	909
895 квадрат 4	897 квадрат 5	899 квадрат 4	905
890 квадрат 7	890 квадрат 8	885 квадрат 9	880
877 квадрат 10	878 квадрат 11	875 квадрат 12	895
865 квадрат 13	864 квадрат 14	860 квадрат 15	855
855	853	850	845

Уровень 1. Выборка грунта из шурфа была затруднена большим количеством мелкого камня. Почва была илистой и влажной, вследствие чего прилипала к лопате. На первом штыке в широкой части шурфа, т. е. в его центре были зачищены четыре крупных камня. Первый камень квадратной формы лежал по диагонали от северо-восточного угла раскопа плашмя.

Размеры камня № 1: 32x30x10 см. Глубина залегания камня — 874 см от репера. Три камня углами находили друг на друга, образуя ряд. Самый крупный камень (2) почти квадратной формы лежал в створе с камнем 1, по диагонали раскопа, плашмя, с небольшим завалом на север.

Размеры камня № 2: 50x40x12 см. Глубина залегания камня № 2: северный край — 861 см от репера, южный край — 914 см от репера. Камни 3 и 4 лежали поверх камня 2, образуя второй слой. Оба они имели почти одинаковую форму в виде бруска и приблизительно одинаковые размеры.

Камень № 3 (22x12x10 см) был в лучшем состоянии. Камень № 4 был плохой сохранности, его грани и углы были разрушены. Но по своему общему облику он был аналогичен камню № 3. Глубина залегания камней №№ 3 и 4 — 874 и 880 см от репера соответственно.

Крупные камни были оставлены на цоколе, и шурф был углублен дальше. В его заполнении на различной глубине были найдены многочисленные фрагменты керамики, черепицы и костей. Фрагменты керамики были расположены неравномерно по площади раскопа, основная часть находок была сделана в узкой части шурфа от северо-восточного угла и далее на юг до конца раскопа. Всего 4 фрагмента керамики были найдены в широкой части шурфа, которые находились ближе к южной стене раскопа. Всего в засыпи шурфа без учета фрагментов керамики из культурного слоя было найдено 43 фрагмента керамики, один фрагмент тазовой кости овцы или козы (у южной стенки раскопа на глубине — 795 см от репера), два фрагмента плечевой кости овцы или козы¹ и 1 фрагмент черепицы. Наибольшее количество находок было осуществлено на глубине от 805 до 780 см от репера (рис. 4). При проверке было обнаружено еще 9 фрагментов керамики и один крупный фрагмент черепицы в отвале раскопа. Вокруг раскопа в пределах 5 м с каждой стороны были найдены еще 33 фрагмента керамики, в том числе один фрагмент венчика с волнистым орнаментом, один фрагмент плечика кувшина с зонным линейным орнаментом в виде двух поясков, один фрагмент с двумя рядами каннелюр, а также два фрагмента черепицы. Находки вокруг раскопа обнаруживались после каждого дождя.

Уровень 2. При дальнейшем углублении мелкие камни встречались реже, но на глубине 789–794 см появился плотно уложенный слой камней естественной формы. Регулярный слой камней был зачищен настолько, насколько позволяли илистый и липучий слои глины. У северной стены раскопа были зачищены три крупных камня, лежавших плотно друг к другу и образовавших скопление. Наиболее крупный камень ромбической формы (13x10x10 см на глубине 794 см от репера) лежал плашмя и острым углом упирался в северную стену раскопа. Второй камень из этого скопления, лежавший на глубине 785 см от репера также плашмя с западной стороны, имел ромбическую форму и примерно те же размеры. С восточной стороны расположено несколько мелких камней, расположенных частично друг на друге, но ниже первых двух более крупных

камней. На глубине 760 см от репера в 40 см на восток от первого большого камня был найден крупный фрагмент черепицы (Находка № 19). На глубине 786 см от репера найден фрагмент керамики (Находка № 20). На глубине 785 см от репера в 40 см на юго-восток от черепицы на той же самой глубине, т. е. на дне раскопа, были найдены два фрагмента красноглиняной гончарной керамики (Находки №№ 21а и 21б).

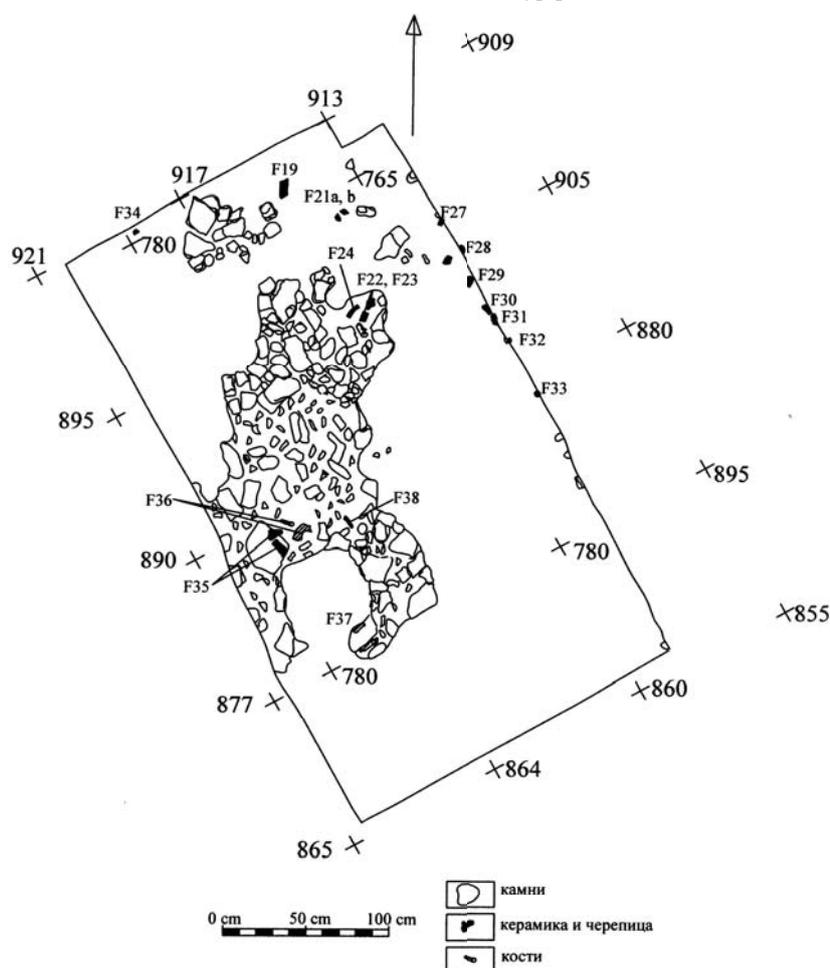
В центре широкой части раскопа было обнаружено более крупное скопление камней в виде широкой полосы до 80 см, длинная сторона которой была ориентирована по линии Север-Юг диагонально к северо-восточному углу шурфа. Южный конец широкой полосы камней уходил в южную стену шурфа в его широкой части. Зачищенная часть имеет 240 см регулярного плотного слоя и 3 м до камней в северном углу раскопа. В западной стене узкой части шурфа отчетливо видно, что слой камней тянется в виде непрерывной линии дальше строго на юг. Получается, что скопление трех крупных камней было расположено именно на углу широкой полосы камней.

С внешней восточной стороны среди камней широкой полосы были найдены три крупных фрагмента красноглиняной керамики на глубине 794, 789 и 789 см от репера (Находки №№ 22, 23 и 24). В самом углу раскопа на глубине 827 см от репера в стене раскопа был замечен вертикально стоящий фрагмент дна сосуда, трехцветный в изломе (Находка № 25).

Пока шурф углублялся до материковой породы, все стены шурфа не только просохли, но образовали вертикальные блоки, которые по мере просыхания начали отделяться от стены. Поэтому было решено после того, как шурф будет доведен до дна, еще раз зачистить наиболее протяженный восточный профиль. Был сделан отступ в 0,4 м, профиль был зачищен по всей длине и глубине. В процессе зачистки восточного профиля на разных глубинах были найдены 8 фрагментов керамики. Зачищенный восточный профиль содержал весьма интересную стратиграфию (рис. 3). В связи с этим было принято решение расширить шурф до правильной прямоугольной формы. Поэтому выступ был убран таким образом, чтобы можно было зачистить всю длину западного и южного профилей. В процессе раскопок был найден один фрагмент керамики на глубине 854 см. После снятия «выступа» было

¹ Принадлежность определена заведующим палеозоологической лабораторией Евразийского Отделения Германского археологического института.

Рис. 3. Баианта-2010. Шурф 1. План

зачищено продолжение широкой полосы камней, которая осталась в том же виде, как и раньше; полоса камней просматривалась в профиле строго на юг, сохраняя свою ширину, интенсивность и плотность в неизменном виде. Создается впечатление, что скопления камней представляют собой угол каменной кладки, скорее всего, фундамента строения. Поскольку в профилях шурфа были прослежены саманные кирпичи, то, скорее всего, стены были построены из них, а кладка из камней (длина — 2,60 м, ширина в наиболее узкой части — 0,80 м, в самой широкой части — 1,20 м) была фундаментом. В двух метрах от северной стены и в 0,4 м от западной стены раскопа среди камней на глубине 783 см от репера были найдены два фрагмента керамики (Находка № 35) и на глубине 790 см два фрагмента костей (трубчатой кости² и тазовой кости коровы³). В 0,40 м

на юго-восток от этих находок на глубине 794 см от репера найден еще один фрагмент керамики (Находка № 38). На самом конце каменной кладки на глубине 795 см от репера был найден фрагмент трубчатой кости, возможно, крупного рогатого скота⁴ (Находка № 37). Массивность каменной кладки колеблется в пределах 15–35 см.

Описание восточной стены (профиля) шурфа 1. Длина профиля — 3,80 м, его глубина у северной стены — 1,40 м, у южной стены — 1 м. Ось профиля проходила на уровне 8,50 м от репера. Его верхний слой по всей своей длине составляет наносный слой илистой глины с большим содержанием мелких камней. Мощность слоя от 10–20 см. Он состоит из плотной темной, почти черной, глины с горизонтальной структурой, насыщенной мелкими фрагментами ракушечного камня. Все фрагменты не были сильно обкатаны.

² Вид животного не определен.

³ Принадлежность определена заведующим палеозоологической лабораторией Евразийского Отделения Германского археологического института.

⁴ Принадлежность определена заведующим палеозоологической лабораторией Евразийского Отделения Германского археологического института.

От северного угла профиля до отметки 190 см ОЮ верхний наносный слой подстилался мощным слоем глины желтого цвета с большим содержанием песка, с мощностью на отметках 0 и 64 ОЮ 38 см. Затем мощность ее резко сокращается до 18 см и на отметке 190 см ОЮ сходит на нет. Слой глины, плотный, желтого цвета и с горизонтальной структурой, имеет такой же цвет и однородную структуру, как и саманные кирпичи, прослеженные в этом профиле ниже. Возможно, этот слой состоит из размытых саманных кирпичей. Материковая глина на дне шурфа в отличие от слоя желтой глины имеет более блеклый желтый цвет и отличается большей вязкостью. Гипотеза о происхождении слоя желтой глины как размытом самане объясняет то, почему этот слой на коротком отрезке в 64 см имеет мощность в 38 см, которая затем резко снижается до нуля.

С отметки 40 см ОЮ до отметки 80 см ОЮ в слое глины просматривается абрис прямоугольной формы (40x16 см) с нарушенной нижней линией более однородной структуры, чем окружающая глина. Создается впечатление, что это полуразмытый контур саманного кирпича.

Далее в слое наносной темной глины прослеживаются еще два фрагментарно сохранившихся саманных кирпича на отметках 122–142 см ОЮ (18x12 см). Он расположен под углом с наклоном в северную сторону. Таково расположение абриса от второго саманного кирпича (18x10 см), находившегося на отметках 160–180 см ОЮ.

Следующий слой отличается смешанностью черной илистой глины с глиной желтого цвета. Этот слой наиболее мощный в данном профиле. Именно в нем зафиксированы абрисы 12 саманных кирпичей. В северном углу профиля был зафиксирован хорошо сохранившийся саманный кирпич. Он был расположен с некоторым наклоном на север, его торцовая часть отчетливо прослеживалась в торцовой стене уже северного профиля. Это первый саманный кирпич, который был виден столь отчетливо, что не оставляло никаких сомнений в правильности интерпретации других абрисов плохо сохранившихся кирпичей. Ввиду его хорошей сохранности после изучения профиля была предпринята попытка вырезать этот кирпич из профиля, однако глина была просохшей только первые несколько сантиметров, далее она была очень влажной и липкой. Препарировать целый кирпич не удалось, но

был взят образец-фрагмент для анализа. Кроме того, место расположения кирпича дало возможность измерить не только длину и ширину, но и толщину кирпича. С учетом того, что кирпич был срезан при зачистке профиля, можно предположить, что ширина его была несколько больше. Размеры кирпича по нашим замерам: 40x15x15 см.

Далее на юг прослеживались абрисы еще четырех саманных кирпичей, расположенных горизонтально почти на одинаковой глубине (843–810 см от репера) на отметках: 100–140 см ОЮ (38x12 см); 120–176 см ОЮ (57x14 см); 244–282 см ОЮ (40x12 см); 362–370 см ОЮ (10x12 см). Один кирпич был расположен вертикально на отметках 220–230 см ОЮ (24x12 см). Другой кирпич (28x10 см) находился под наклоном на север на отметках 320–350 см.

Под слоем саманных кирпичей по длине всего профиля прослеживается слой черной вязкой илистой глины. Именно в этом слое было обнаружено большинство находок керамики и костей. Наряду с находками в этом слое встречались камни-ракушечники небольшого размера естественной формы. Все находки сделаны в северной половине профиля, почти на уровне материка. Слой бледножелтой формы материковой глины прослежен на глубине 770–790 см от репера. Примерно на отметке 140 см ОЮ уровень материка поднимается на 24 см.

В слое илистой глины также прослежены остатки одного саманного кирпича. Он был расположен на отметках 224–306 см ОЮ. Сохранился абрис южного угла кирпича, но его верхняя часть разрушилась и расплзлась в виде линзы длиной 80 см и максимальной шириной 8 см. Все находки⁵ были расположены в одну линию на протяжении 140 см, от отметки 40 см до отметки 180 см ОЮ, и находились на глубине от 769–787 см. Таким образом, можно сделать вывод, что в данном профиле прослеживаются остатки саманной стены, погребшей под собой слой находок, которые находились у стены постройки.

Описание западной стены (профиля) шурфа 1. Длина профиля — 390 см, его глубина у северной стены — 140 см, у южной стены — 80 см. Ось профиля проходила на уровне 8,50 м от репера. Верхний слой профиля по всей его длине составляет на-

⁵ Находка № 26 — фрагмент трубчатой кости овцы (на глубине 787 см), остальные находки № 27–33 — фрагменты керамики.

носный слой илистой глины с большим содержанием мелких камешков (с мощностью слоя от 10–30 см). Он состоит из плотной темной, почти черной, глины горизонтальной структуры, насыщенной мелкими фрагментами ракушечного камня, которые не были сильно обкатаны.

От северного угла профиля до отметки 60 см ОЮ верхний наносный слой находился под мощным слоем глины желтого цвета с большим содержанием песка, имевшим форму линзы, максимальная мощность которой находилась на середине и достигала 30 см. Вторая линза глины желтого цвета была прослежена на отметках 380–170 см ОЮ с максимальной мощностью в ее середине в 20 см. Линза на юге начиналась с поверхности профиля на нулевой отметке и с отметки 250 см ОЮ, плавно опускалась вниз до глубины 850 см от репера. В этой точке были зафиксированы абрисы двух плохо сохранившихся саманных кирпичей, расположенных наклонно на север, один за другим на одной линии. Первый верхний кирпич был расположен на отметках 120–1720 см ОЮ, размеры: 50x14 см. На расстоянии 26 см от верхнего кирпича находился второй кирпич в таком же наклонном положении на отметках 50–110 см ОЮ (60x12 см).

Под первыми двумя наносными слоями (черной и желтой глины) залегал более массивный смешанный слой, который начинался на отметке 0 и доходил до материка в северной части профиля до отметки 50 см ОЮ, далее на юг он поднимался под углом. Именно на этом «склоне» и находился второй саманный кирпич, описанный выше. После первого кирпича на отметке 130 см ОЮ смешанный слой тянулся в виде мощной линзы от нижнего края верхнего кирпича, расположенного наклонно, до отметки 330 см ОЮ.

На протяжении всего профиля, исключая небольшой участок на отметках 0–50 см ОЮ, смешанный слой находился под черной илистой глиной. В этом слое илистой глины прослежены абрисы восьми фрагментарно сохранившихся саманных кирпичей. В нижней части этого слоя и на небольшом участке на отметках 0–50 см ОЮ прослеживался ряд мелких камней, на отметках 160–290 см ОЮ он был представлен каменной кладкой из плотно уложенных камней, которая уходила в глубину профиля строго по линии Север-Юг. Тот факт, что слой мелких камней проходил без изменений в слое

перемешанной глины и залегающем ниже слое илистой глины, свидетельствует о том, что принципиальной разницы между этими слоями нет (наверху слой более смешан, а внизу менее).

Описание северной стены (профиля) шурфа 1. Северной стеной (профилем) шурфа 1 служил срез дамбы, углубленный до материка. Поверхность дамбы была задернована и находилась на отметках 980 см от репера. Дамба состояла из черной илистой глины мощностью до 60 см. Иногда в ее составе встречались пятна желтой глины, которые при их исследовании оказались абрисами саманных кирпичей. В данном профиле имеется одно пятно желтой глины в восточной части, сразу под вегетационным слоем. Длина профиля составляла 2 м, материк находился на глубине 770 см от репера.

Верхний слой профиля по всей его длине являлся наносным слоем илистой глины с большим содержанием мелких камней с мощностью слоя от 15–20 см. Он состоял из плотной темной, почти черной, глины горизонтальной структуры, насыщенной мелкими ракушечными камнями, которые не были сильно обкатаны. В западной половине профиля отчетливо прослеживались три плоских прямоугольника толщиной до 5 см из плотной желтой глины и длиной от 10 до 20 см. Один такой же конгломерат (10x5 см) отчетливо просматривался на верхнем краю наносного слоя в середине профиля (на отметке 1 м). Второй такой же конгломерат просматривался в восточной части профиля на отметке 150 см размерами 18x8 см. Последний был настолько плотной структуры, что в процессе раскопок шурфа до зачистки профиля он выступал из профиля примерно на 10 см.

Вполне возможно, что эти конгломераты из плотной желтой глины являются фрагментами саманных кирпичей. Верхний наносный слой находился под мощным слоем глины желтого цвета с большим содержанием песка и с мощностью до 25–30 см по всей длине профиля. Этот слой также отличается горизонтальной структурой, что является, вероятно, указывает на то, что он намывался водой.

Ниже него вплоть до материка располагался перемешанный слой. В 60 см от западного угла шурфа в этом слое прослеживался поперечный абрис (20x10 см) саманного кирпича, расположенного вертикально и четко отделявшегося на общем фоне темной глины.

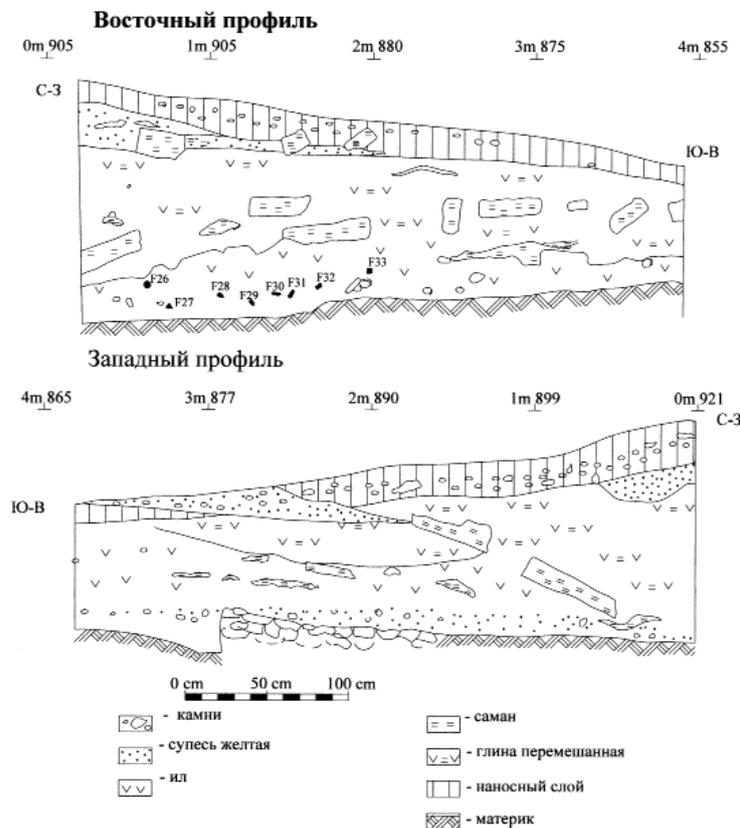
В 44 см от западного угла раскопа на глубине 805 см от репера в северном профиле был зафиксирован фрагмент красноглиняной гончарной керамики (Находка № 34). На глубине 790–780 см от репера в профиле прослеживался слой мелких камней. Слой шел беспрерывной линией от угла раскопа до скопления камней с массивностью в 10–20 см, которые находились на глубине 795 см от репера на отметках 70–100 см от западного угла. Материк в этом профиле расположен на глубине 780 см от репера в западной половине, а в восточной половине профиля материк расположен несколько ниже (770 см от репера).

Описание южной стены (профиля) шурфа 1. Южная стена раскопа находилась вплотную к траншее, оставленной на дне озера земснарядом и тянувшейся параллельно береговой линии. Ширина траншеи около 3 м. Первоначально длина шурфа была запланирована до 4 м, которую пришлось сократить до 380 см: вода из траншеи земснаряда затекала в шурф. Поэтому в восточной части профиля остался «зубчик». Длина южной стены шурфа 1 была 220 см. Глубина профиля — 80 см. Поверхность южного профиля не была задернована и находилась

на глубине 870 см от репера. Весь южный профиль состоял из черной илистой глины. Бледно-желтая материковая глина появилась в этом профиле на глубине 790 см. В западном углу профиля на глубине 795 см прослежен слой мелких камней протяженностью 25 см и мощностью в 10 см. В западной части профиля на уровне 850 см от репера зафиксированы четыре камня средней величины.

Таким образом, можно констатировать, что в шурфе 1 были обнаружены остатки северо-восточного угла постройки. Расположение крупных камней на уровне № 1 по диагонали длинной стороны шурфа, по всей видимости, было не случайным, так как они в плане располагались именно в угловой части каменной кладки на дне шурфа, восточная стена которой была ориентирована строго по линии Север-Юг. От северной стенки постройки прослежено только небольшое скопление камней. О том, что зафиксирован северо-восточный угол постройки, ориентированной по линии Север-Юг, т. е. по диагонали раскопа, свидетельствует тот факт, что кладка фундамента «уходила» в западную стену шурфа (рис. 4). В западной и северной стенах

Рис. 4. Башанта-2010. Шурф 1. Профиль восточный, профиль западный

шурфа был прослежен непрерывный слой камней, который полностью отсутствует в восточной стене. В южной стене шурфа прослежен небольшой фрагмент (до 20 см) слоя мелких камней непосредственно в западном углу (рис. 3, 4). Основная часть находок в заполнении шурфа и на его дне была сделана вдоль восточной стены шурфа, что, вероятно, следует понимать как следы человеческой жизнедеятельности, которые маркируют место вокруг стен постройки. В заполнении над кладкой фундамента было сделано всего несколько находок (рис. 3). Расположение в виде линии саманных кирпичей в стенах шурфа также свидетельствует о том, что речь идет не о случайных брошенных в яму саманных кирпичях. В западном профиле прослеживается нижний ряд саманных кирпичей, расположенный горизонтально, и верхний ряд кирпичей, которые упали позднее и находились под углом. То же самое можно сказать о ряде кирпичей из восточного профиля шурфа. Получается, что саманные кирпичи падали не по одному, а рядами, что обычно происходит, когда падает кладка из кирпичей.

Нижний ряд саманных кирпичей из западного профиля, упавших первыми и поэтому образовавших ряд в виде горизонтальной линии, по размерам намного изящнее, чем саманные кирпичи из верхнего ряда западного и восточного профилей. Гипотетически это может быть связано с процессом разрушения кирпичей в почве или с тем, что верхний ряд массивных кирпичей относился к внешним стенам, а нижний ряд более изящных кирпичей — к внутренней стене.

Керамика и черепица из шурфов аналогичны подъемному материалу, что свидетельствует об однослойности памятника. Подобная Башантинской черепица известна из раскопок Правобережного Цимлянского городища (см. рис. 1–2 в работе: [Флеров 2001]). Аналогии ей имеются и в Крыму, в средневековом Херсонесе, и на горных крепостях–исарах (см. рис. 22, 31 в монографии: [Якобсон 1964: 66, 93]). Керамика поселения «Башанта» была изготовлена на гончарном круге быстрого вращения и отличалась высоким качеством лепки и обжига, что предполагает наличие на памятнике или в окрестностях обжиговых печей–горнов. Аналогии по технологическому приему формовки горловин амфор отмечены в керамическом производстве ранних болгар [Генинг, Халиков 1964: 34]. В результате проведенных в 2010 г. работ можно констатировать, что в местечке Башанта на Чапаевском озере открыт до настоящего момента неизвестный средневековый памятник с остатками каменных построек, скорее всего, городского типа.

Литература

- Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964. 196 с.
- Флеров В. С. Черепица крымского образца в Хазарии // АВЛ. Вып. 15. 2001. С. 76–81.
- Якобсон А. Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л.: Наука, 1964. 232 с.
- Ochir-Goryaeva M., Bornheim C. von Carnap, Clausen I. Forschungsprojekt «Siedlungen in der Steppe. Studien zu Lebensformen und zur Wirtschaftsweise in Prähistorischer und Mittelalterlicher Zeit zwischen Wolga und Manych» // Немецкий акцент: Германия в истории и культуре Калмыкии. Мат-лы науч.-практ. конф. (г. Элиста, 30 сентября 2010 г.). Элиста: КГУ, 2010. С. 122–130.

УДК 902.26

ББК 63.4 (2Рос=Калм)

АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА РАСКОПОК КУРГАННОЙ ГРУППЫ «ВОСТОЧНЫЙ МАНЫЧ»

Э. А. Кекеев

Статья является продолжением работы по изучению сохранности археологического материала спасательных раскопок курганной группы Восточный Маныч в 1965 г. Ранее были получены первые результаты по

курганным группам Лола I и II, показавшие важность работы в данном направлении [Кекеев 2009].

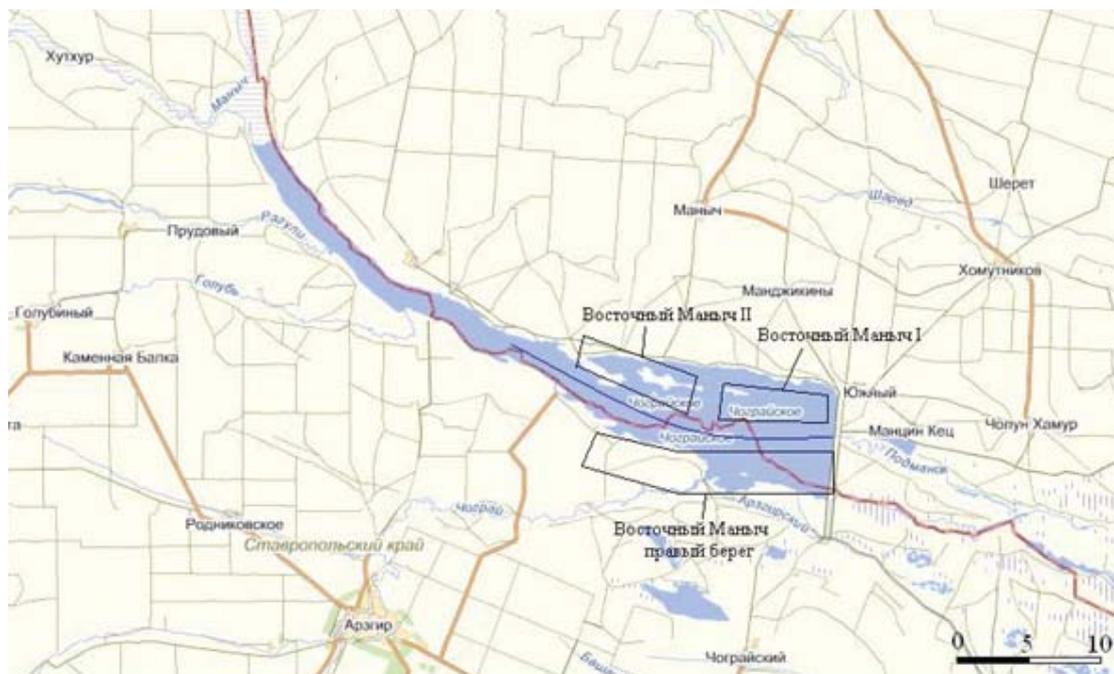
Спасательные раскопки в районе сооружения Чограйского водохранилища велись

под руководством У. Э. Эрдниева и И. В. Сеницына в течение трех лет (1965–1967 гг.). В настоящей работе рассматриваются материалы курганных групп «Восточный Маныч правый берег», «Восточный Маныч I и II», полученные в ходе археологических работ 1965 г.

В публикациях, посвященных результатам раскопок данных археологических

памятников, отсутствуют картосхемы курганных групп, которые были впоследствии отмечены только на карте Чограйского водохранилища (см. рис. 1). Курганная группа «Восточный Маныч правый берег» расположена в зоне затопления и начинается у строящейся плотины и непрерывной цепью тянется вдоль берега с востока на запад, уходя в возвышенные места степи.

Рис. 1. Карта расположения курганных групп «Восточный Маныч»

Первая группа курганов «Восточный Маныч» находится на левом берегу озера и начинается непосредственно около строившейся плотины Чограйского водохранилища. Курганы тянутся вдоль берега цепочкой, идущей с запада с незначительными перерывами, местами образуя две параллельные линии. К западу от первой группы, вдоль левого берега оз. Маныча, находится непрерывная цепь курганов длиной 3–4 км. Курганы, находившиеся рядом с мостом через оз. Маныч, условно обозначены второй группой («Восточный Маныч II»).

Археологические памятники на данной территории до строительства Чограйского водохранилища недостаточно исследованы (см.: [Сеницын 1978; 1987; Очир-Горяева 2008]).

Сравнительная информация по трем курганным группам представлена в табли-

це 1, составленной на основе исследований, проведенных М. А. Очир-Горяевой [Очир-Горяева 2008: 249]). Всего 1965 г. в трех курганных группах было раскопано 134 кургана с 606 погребениями, где преобладает доля погребений эпохи бронзы:

- Восточный Маныч I — 211 из 237;
- Восточный Маныч II — 198 из 223;
- Восточный Маныч правый берег — 132 из 146.

В итоговом расчете соотношение выглядит следующим образом: из 606 погребений 541 (89,7 %) принадлежит бронзовому веку. За всю историю археологических работ обнаружено 3 885 погребений, из них 2 510 (64,6%) датированы эпохой бронзы. На примере группы Восточный Маныч 1965 г. было доказано преобладание доли курганов бронзового века по сравнению с курганами других эпох на территории Республики Калмыкия [Очир-Горяева 2008: 144–150].

Таблица 1. Общая характеристика курганного могильника «Восточный Маныч»

Могильник	Курганов	Погребений	Бронзовый век				Ранний железный век	Средние века
			Ямная культура	Катакомбная культура	Срубная культура	Итого:		
Восточный Маныч I	61	237	42	169	0	211	23	3
Восточный Маныч II	44	223	72	125	1	198	17	8
Восточный Маныч (пр. берег)	29	146	49	83	0	132	11	3
Итого:	134	606	163	377	1	541	51	14

Преобладание погребений эпохи бронзы над погребениями остальных эпох (раннего железного века, эпохи средневековья) наблюдается на всей территории Волго-Манычских степей. Например, среди памятников, раскопанных в 1929–1997 гг. на территории Республики Калмыкия, основная часть датирована эпохой бронзы. Судя по всему, Кумо-Манычская впадина была интенсивно заселена в эпоху бронзового века. К этому историческому периоду относятся ямная, катакомбная и срубная культуры. По мнению У. Э. Эрдниева и И. В. Синицына, к позднему бронзовому веку (срубной культуре) относится лишь одно погребение, принадлежащее группе Восточный Маныч II. Наименьшим количеством представлены погребения кочевников: ранний железный век (51 погребение/8,4 % от общего количества погребений) и погребения эпохи средневековья (14/2,3 %).

Таким образом, выявленные закономерности культурно-хронологической принадлежности характерны почти для всех погребений. Самый высокий процент в определении времени захоронений наблюдается в курганных группах, где преобладают комплексы бронзового века (на основе анализа позы захороненного и инвентаря погребений). Совсем иначе обстоит дело с кочевническими захоронениями (раннего железного века и средневековья), среди которых чаще встречаются безынвентарные погребения в насыпи. Отсутствие инвен-

таря и стратиграфических данных затрудняет их точную датировку [Очир-Горяева 2008: 144].

Для изучения сохранности археологического материала из курганных групп «Восточный Маныч-1965» была составлена коллекционная опись находок в виде сводной таблицы в программе MS Excel. Находки были охарактеризованы по семи позициям: наименование предмета, материал, название могильника, год раскопок, номер кургана, номер погребения и музейный шифр, при этом каждой находке присваивался уникальный идентификационный номер. Наименование предмета и материал даны по тексту публикации [Синицын 1978]. Сводная таблица курганной группы «Восточный Маныч правый берег» содержит информацию о 91 находке, «Восточный Маныч I» — 202 находках, «Восточный Маныч II» — 160 находках. Все данные были сведены в общую таблицу, в которой отображены 453 находки.

Рассмотрим в качестве примера погребение № 1 кургана № 61 (см. таблицу 2).

Курган № 61 являлся последним в линии расположения курганной группы Восточный Маныч I (d = 10 м, с = 0,70 м). Под его насыпью в центре было открыто одно погребение. На дне входной ямы в центре находились узкогорлая амфора и песчаниковая плита, а также каменный пест. Около каменной плитки стоял глиняный сосуд небольших размеров с выпуклым туловом.

Таблица 2. *Опись находок. Фрагмент сводной таблицы («Восточный Маныч», 1965 г. курган № 61)*

№	Наим-ние предмета	Материал	Погребение	Музейный шифр
113	амфора	глина	1	
114	плитка	камень	1	
115	пест	камень	1	
116	сосуд	глина	1	
117	кувшин	глина	1	
118	сосуд	глина	1	7745/358
119	сосуд	глина	1	
120	сосуд	глина	1	
121	миска	глина	1	
122	курильница	глина	1	3557/751
123	нож	железо	1	

В подбое находился скелет женщины (на спине, вытянуто, головой на восток, руки вытянуты вдоль туловища). В голове захороненной женщины находилось несколько предметов: сероглиняный кувшин, красноглиняный сосуд, лепной сосуд темно-серого цвета с округлыми боками, сосуд небольших размеров, вылепленный из плохо перемешанной глины темно-серого цвета, красноглиняная миска. С левой стороны погребенной около плеча была

обнаружена сероглиняная курильница четырехугольной формы, а также железный однолезвийный нож. Погребение, судя по ритуалу и инвентарю, относится к сарматской культуре III в. н. э. [Синицын 1978: 62–63].

Полученный в результате описи материал был также проанализирован в зависимости от типа находки (см. таблицу 3), что позволило говорить о преобладании того или иного инвентаря.

Таблица 3. *Погребальный инвентарь курганный группы «Восточный Маныч»*

Тип находки	Кол-во находок, штук	Кол-во ед. хр. в фондохранилище	%
Сосуд	221	68	30,8 %
Курильница	68	13	19,1 %
Шило бронзовое	11	0	–
Нож бронзовый	18	0	–
Другие изделия из бронзы: подвески, наконечники стрел и др.	14	2	14,3 %
Булавка костяная	32	0	–
Кольцо костяное	14	0	–
Другие изделия из кости: трубочки костяные, проколки и др.	15	0	–
Каменные орудия труда: песты, выпрямители древков стрел и др.	24	6	25,0 %
Нож, меч, клинок железный	11	1	9,1 %
Другие изделия из железа: элементы обмундирования, наконечники стрел и др.	10	1	10,0 %
Бусы бронзовые, пастовые, стеклянные и др.	15	–	–
Итого:	453	91	100 %

Находки из раскопок 1965 г. были переданы в три музея: Национальный музей Республики Калмыкия, Краеведческий музей г. Саратова и Государственный исторический музей. Из 453 находок в хранилище фондов музеев находится всего 91 единица (20,1 %). Была выделена группа сосудов (30,8 %) и каменных орудий труда (25 %) по хорошей качественной сохранности. Как видно из таблицы, вещи из категории бронзовые ножи и шилья, изделия из кости и различные виды бус отсутствуют полностью.

На данном этапе необходимы дальнейшая оценка фондов и сбор информации по остальным могильникам. Ведется работа по созданию каталога находок: фотографирование, зарисовка и т. д. (рис. 2, 3). Подобную работу необходимо осуществить как для последующих исследований, так и для сохранения¹ культурного наследия народов, населявших некогда территорию современной Калмыкии.

Большинство археологических находок из раскопок могильников «Восточный Маныч 1965 г.» изготовлены из прочных материалов, по несложной технологии. Для их хранения требуются просторные помещения с полками или шкафами, поскольку недопустимо укладывать находки друг на друга: может произойти их деформация или разрушение.

Фондохранилище Национального музея Республики Калмыкия имеет две комнаты, приспособленные для хранения археологических находок. Судя по упаковкам и биркам, находки из раскопок 1965 г. не подвергались переупаковке и в принципе находятся в хорошем состоянии. Бирки у находок сделаны качественно, некоторые из них покрыты лаком. Однако все же можно обнаружить небольшое количество находок, хранящихся без упаковок.

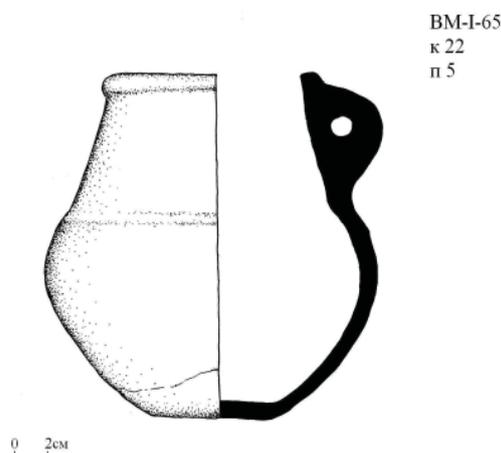
Таким образом, в результате анализа археологических памятников курганной группы «Восточный Маныч» выявлено, что на протяжении ряда десятилетий не проведен комплексный учет предметов, обнаруженных в ходе раскопок 1965 г. Каталогизацию и оценку качественной сохранности находок необходимо провести в ближайшем будущем, поскольку этого требует методика работы с археологическим материалом.

¹ Как известно, предъявляются различные требования к хранению в зависимости от материала, из которого создан предмет, технологии его изготовления и состояния на момент принятия.

Рис. 2. Сосуд. Восточный Маныч I, 1965 г., курган № 22, погребение № 5

Рис. 3. Сосуд. Восточный Маныч правый берег, 1965 г. курган № 2, погребение № 3

Литература

- Кекеев Э. А. О материалах археологических раскопок могильных групп Лола I и II, хранящихся в фондах национального музея Республики Калмыкия (1961—1963 гг.) // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13—18 сентября 2009 г.). В 2-х частях. Ч. 1. Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 165—174.
- Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929—1997 гг.) / вступ. ст. А. С. Скрипкина, Г. Парцингер. Элиста: ГУ «Издатель. дом «Герел», 2008. 299 с.
- Синицын И. В. Древние памятники Восточного Маныча: в 2-х ч. Саратов: Сар. гос. ун-т, 1978. Ч. 1. 130 с. Ч. 2. 117 с.
- Синицын И. В. Древности Восточного Маныча / И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 174 с.

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА «ГАШУНСКИЙ»

Д. А. Буваев

В 1971 г. профессором Калмыцкого государственного университета (КГУ), заведующим сектором антропологии и этнографии Калмыцкого научно-исследовательского института истории, языка и литературы Урюбджуром Эрдниевичем Эрдниевым были проведены охранные раскопки Гашунского курганного могильника, расположенного на северо-восточной окраине г. Элисты. Курганная группа в 1971 г. находилась в зоне строительства складских помещений железнодорожной станции. За полевой сезон 1971 г. У. Э. Эрдниевым было исследовано 11 курганов, в том числе вскрыто 8 курганов.

В 2008 г. в ходе инвентаризации археологических памятников, находящихся в черте г. Элисты, были проведены археологические разведки курганного могильника «Гашунский». Исследования могильника выполнены на основании Открытого листа № 1 365 от 01 сентября 2008 г. (форма № 3), выданного Институтом археологии РАН на имя Буваева Дмитрия Алексеевича.

Основными **задачами** археологических разведок 2008 г. являлись:

- исследование современного состояния курганного могильника «Гашунский», расположенного в зоне активной хозяйственной деятельности;
- составление археологической карты курганного могильника с включением как ранее обследованных курганов, так и вновь выявленных археологических объектов;
- описание технического состояния ранее исследованных и вновь выявленных курганов.

Географическая характеристика территории курганного могильника «Гашунский». Курганный могильник «Гашунский» расположен на северо-восточной окраине г. Элисты, на одном из водораздельных хребтов Ергеней, вытянутом по линии Восток-Запад и ограниченном с юга балкой Элиста, а с севера балкой Гашун. С южного склона хребта берет начало река Элиста; с северного склона — речка Гашун-Сала. Водораздельное плато является одной из самых высоких точек Калмыкии,

на отметках 180–190 м (система высот Балтийская). Северная часть водораздела хребта плавно понижается к балке Гашун на протяжении 2–3 км; южная часть — к югу, в долину р. Элисты. Могильник расположен на гребне водораздела. С места его расположения открывается обзор на балки Элиста и Гашун, а также соседние хребты Ергенинской возвышенности. Долины балок с древности были плотно заселены, о чем свидетельствуют многочисленные окружающие ее курганные могильники, одним из которых и является «Гашунский».

Результаты охранно-археологических исследований курганного могильника «Гашунский» в 1971 г. Охранно-археологические исследования курганного могильника «Гашунский» проводились У. Э. Эрдниевым в 1971 г. в связи со строительством складских помещений железнодорожной станции в г. Элисте, их инфраструктуры, производственных и перерабатывающих комплексов, создавших прямую угрозу разрушения курганной группы. Археологические раскопки являлись полевой практикой студентов исторического отделения филологического факультета КГУ. Результаты раскопок были опубликованы в 1981 г. [Эрдниев 1981]. У. Э. Эрдниевым была изучена часть гребня возвышенности между речкой Элистой и балкой Гашун. За полевой сезон 1971 г. было раскопано 8 курганов в основном вручную и частично бульдозером. В раскопанных курганах было обнаружено 10 разновременных погребений. Пять из них относятся к бронзовому веку и принадлежат носителям ямной и катакомбной культуры предкавказского варианта, 3 — скифо-сарматской культуре, 2 — поздним кочевникам.

Всего было зафиксировано 11 курганов «небольших размеров» [Эрдниев 1981: 70], нумерация которым была дана с запада на восток. Не был раскопан курган № 1, т. к. находился в зоне разгруженных строительных материалов, а также курганы №№ 6 и 9 — из-за глубоких ям в самом центре, которые по своему строению напоминали минометные позиции, созданные,

видимо, во время Великой Отечественной войны. Аналогичные раскопы в центре курганов встречаются обычно в местах интенсивных боев, при этом расположенные ря-

дом крупные курганы чаще всего использовались в качестве наблюдательных пунктов. Общий план курганной группы в работе У. Э. Эрдниева отсутствует.

Таблица 1. Результаты полевых исследований Гашунского могильника 1971 г.

№ кургана п/п.	Диаметр, (м)	Высота, (м)	Техническое состояние до раскопок	Кол-во погребений	Культурная принадлежность погребений
1	Нет данных		Не описано	Не исследованы	
2	13,5	1,7	Задернован	1	Позднекочевое
3	10	0,6	Задернован	1	Сарматское
4	33	2,6	Задернован	3	Древнеямное, катакомбное, сарматское
5	22	1,2	Задернован	1	Древнеямное
6	Нет данных		Раскоп в центре	Не исследованы	
7	27	1,0	Задернован	1	Не указана, вероятно, позднекочевое
8	27	0,8	Задернован	1	Древнеямное
9	Нет данных		Раскоп в центре	Не исследованы	
10	22	0,8	Задернован	1	Катакомбное
11	14	0,5	Задернован, рабительский лаз	1	Сарматское

Курганы №№ 4, 5, 7, 8, 10 нельзя отнести к «курганам небольших размеров». Из отчета видно, что курганы раскапывались, но не полностью, а лишь частично вскрывались (в основном их центральная часть).

При раскопках был осуществлен постепенный снос насыпи кургана бульдозером с перемещением грунта в отвал за пределы территории памятника. Центральная бровка при данной методике не оставлялась, что подтверждается ее отсутствием на чертежах и на фотографиях. При раскопках вручную, т. н. «колодцем», оставались недообследованными внутренние профили бровок курганов и прикурганые ровики, заваленные грунтом из центральной части.

Таким образом, методика раскопок Гашунского могильника в 1971 г. аналогична примененной ранее методике исследования Элистинского курганного могильника в 1964 г. [Синицын, Эрдниев 1971; Буваев 2009].

В результате археологических работ 1971 г. часть курганов Гашунского могильника подверглась охранным раскопкам, часть сохранилась до настоящего времени. Насыпи всех уцелевших курганов так или иначе повреждены, некоторые наполовину срезаны (курганы¹ №№ 6, 9 и курганы² №№ 12, 13, 15, 17).

На наш взгляд, графические материалы результатов разведок и раскопок [Эрдниев 1981] и методика археологических исследований 1971 г. не в полной мере соответствуют современному уровню [Методика ... 1989; Положение ... 2006]. Например, выборочность раскопок, при которой часть курганов не была охвачена охранными исследованиями, а также снятие насыпи не во всех случаях. В нераскопанных краевых сегментах насыпей могла сохраниться та или иная часть археологи-

¹ По нумерации 1971 г.

² По нумерации 2008 г.

ческого материала. Наличие курганных насыпей в восточной части Гашунского могильника (восточнее кургана № 11) также не нашло отражения в статье при описании результатов археологических исследований 1971 г., хотя они были отмечены на крупномасштабных топографических картах.

Степень антропогенной нагрузки за последние 30 лет и оценка технического состояния курганного могильника «Гашунский». Курганный могильник «Гашунский» расположен в восточной промышленной зоне г. Элисты. В настоящее время вдоль северной части могильника проходит асфальтовая обьездная дорога «Волгоград — Астрахань», которая примыкает к федеральной автодороге А-154 «Ставрополь — Астрахань» на восточном выезде из г. Элисты. С востока могильник граничит с карьером, созданным в 1980-е гг. В настоящее время размеры карьера увеличиваются, создавая реальную угрозу восточной части могильника.

С южной стороны могильника по линии Восток–Запад параллельно направлению курганных насыпей сооружены железнодорожные пути и автомобильные дороги (асфальтовые и грунтовые), обслуживающие промышленные предприятия города (мясокомбинат «Элистинский», силикатный завод, базу стройматериалов «Восток»). Корпусы мясокомбината, построенные в середине 1970-х гг., пересекают курганный могильник на две части. Общая протяженность огороженного участка мясокомбината с запада на восток около 700 м. Археологические объекты на его территории обнаружить уже невозможно. В 1993–1994 гг. с северной стороны от мясокомбината, вплотную к нему, т. е. в центральной части могильника, построено предприятие по переработке шерсти (в настоящее время — комплекс «Степной оазис»). Все вышеперечисленные промышленные объекты входили в число основных градообразующих комплексов и интенсивно функционировали до начала 1990-х гг. В связи со спадом в производящей и перерабатывающей промышленности и сокращением аграрного сектора практически все промышленные комплексы (за исключением «Степного оазиса») в настоящее время не работают. Часть железнодорожных путей была демонтирована, корпуса заводов и складов были разобраны на стройматериалы и металлолом. Количество грунтовых дорог увеличилось в несколько раз, вся территория могильника покрыта несанкционированными

свалками строительных и бытовых отходов, нарушена карьерами и ямами.

Таким образом, с 1970-х гг. курганный могильник «Гашунский» оказался в зоне активной хозяйственной деятельности различной интенсивности по воздействию на сохранность насыпей. Наиболее пострадала западная часть могильника. Часть раскопов 1971 г. курганных насыпей полностью уничтожена. Уцелели только курганы №№ 6 и 9. Курган № 1, не раскопанный в 1971 г., не сохранился, т. к. расположен на территории складирования сыпучих строительных материалов (щебень, гравий), полностью преобразованной за 30-летний период эксплуатации. Центральная часть могильника утрачена. Восточная часть (курганы №№ 12–22) сохранилась, хотя некоторые насыпи сильно повреждены полевыми дорогами, несанкционированными свалками и земляными работами. Естественный рельеф территории расположения Гашунского курганного могильника в значительной степени преобразован в промышленный ландшафт с дорогами и разветвленной системой коммуникаций.

Современное состояние могильника следует признать в целом аварийным, и в ближайшем будущем может быть безвозвратно утрачена большая часть сохранившихся, не раскопанных в 1971 г. курганов могильника «Гашунский».

Методика и технология археологической разведки курганного могильника «Гашунский», использованная в 2008 г., состояла в следующем:

1) изучение архивных материалов и публикаций результатов охранно-археологического исследования сезона 1971 г. курганного могильника «Гашунский»;

2) камеральное тематическое дешифрирование материалов дистанционного зондирования Земли (далее — ДЗЗ), привязка растровой топографической основы, составление карты полевых работ;

3) полевые разведки: сплошное обследование территории расположения курганного могильника Гашунский с опорой на результаты дешифрирования материалов ДЗЗ и привязку объектов на местности с помощью глобальной навигационной системы (GPS);

4) сопоставление описания Гашунского могильника 1971 г. с планом полевых работ в едином масштабе для определения местоположения курганов, отмеченных в работе У. Э. Эрдниева [Эрдниев 1981], но отсутствующих в настоящее время;

5) составление текстовой части отчета по результатам разведок с корректировкой результатов камерального дешифрирования материалов ДЗЗ и картографического раздела с учетом привязки археологических объектов в Международной картографической проекции WGS-84.

Результаты археологической разведки курганного могильника «Гашунский»

в 2008 г. Нумерация восьми раскопанных У.Э. Эрднеевым в 1971 г. курганов начинается с первого номера, расположенного в западной части курганного могильника. К востоку от него расположены курганы №№ 2–11. Нумерация курганов, обследованных во время археологической разведки 2008 г., продолжается по направлению с запада на восток, т. е. с № 12 и далее до № 22.

Таблица 2. Результаты полевых исследований курганного могильника «Гашунский» в 2008 г.

№ курганов п/п.	Диаметр, (м)	Высота, (м)	Координаты центра кургана (система координат WGS-84)		Техническое состояние на момент обследования (2008 г.)
1	В зоне разгрузки стройматериалов, не сохранился				
2	Раскопан в 1971 г., не сохранился				
3	Раскопан в 1971 г., не сохранился				
4	Раскопан в 1971 г., не сохранился				
5	Раскопан в 1971 г., не сохранился				
6	12	1,4	44° 18' 06.3»	46° 19' 31.9»	Большой раскоп в центральной части
7	Раскопан в 1971 г., не сохранился				
8	Раскопан в 1971 г., не сохранился				
9	14 x 16	2,0	44° 18' 10.3»	46° 19' 30.9»	Большой раскоп в центральной части
10	Не сохранился				
11	Не сохранился				
12	16	0,8	44° 18' 54.4»	46° 19' 22.7»	Полуразрушен грунтовой дорогой
13	30	1,5	44° 19' 04.8»	46° 19' 19.6»	Полуразрушен
14	40	3,5	44° 19' 12.2»	46° 19' 17.9»	Задернован
15	~ 30		44° 19' 20.6»	46° 19' 12.8»	Разрушен, устроен слив нефтепродуктов в центральной части
16	24	0,6	44° 19' 26.0»	46° 19' 08.9»	Задернован
17	12	1,0	44° 19' 28.0»	46° 19' 08.7»	Задернован
18	25	1,7	44° 19' 31.9»	46° 19' 07.3»	Задернован
19	18	1,5	44° 19' 34.4»	46° 19' 07.2»	Задернован
20	25	1,1	44° 19' 36.7»	46° 19' 03.6»	Задернован
21	12	0,4–0,8	44° 19' 39.5»	46° 19' 01.5»	Частично раскопан в 1997 г.
22	11	0,4–0,6	44° 19' 42.8»	46° 19' 0.8»	Частично раскопан в 1997 г.

В результате проведенных разведок определены местоположение курганов, подвергшихся охранному раскопкам 1971 г., их современное состояние и, кроме того, выявлены дополнительно 11 курганов, не отмеченных при раскопках 1971 г. Из них один курган (№ 16) выявлен при дешифрировании материалов ДЗЗ, т. к. он практически не выражен в рельефе местности.

Из 11 курганных насыпей в западной части могильника, охваченных охранными раскопками 1971 г., по положению поврежденных курганов №№ 6 и 9 удалось определить примерное местонахождение раскопанных курганов. Таким образом, первоначальное общее количество памятников в составе курганного могильника «Гашунский» до охранных раскопок 1971 г. составляло не менее 22 курганов, из них:

- 8 курганов, раскопанных в 1971 г.;
- 3 кургана, не раскопанных в 1971 г.;
- 11 курганов, выявленных в 2008 г. и находящихся в различной степени сохранности. Из них 2 кургана (№№ 21 и 22) подверглись охранным раскопкам в 1997 г. [Очир-Горяева 2004].

На 2008 г. в составе курганного могильника «Гашунский» сохранилось 13 курганов:

- 2 кургана, не охваченные охранными раскопками 1971 г., но отмеченные в тот период;
- 11 курганов, не охваченных охранными раскопками 1971 г., не включенных в реестр историко-культурного наследия и находящихся в различной степени сохранности.

Заключение. Курганный могильник «Гашунский» расположен на стыке степной номадической и северо-кавказской оседло-земледельческой цивилизаций. Первоначальное количество курганов и расположение могильника «Гашунский» свидетельствуют о высокой плотности проживания древнего населения в этом месте, обусловленной благоприятными физико-географическими природными условиями и выгодным местоположением.

Идентифицированные с исследованными в 1971 г., а также вновь выявленные в 2008 г. курганы представляют собой разновременные и разнокультурные погребальные объекты эпохи неолита (III тыс. до н. э.), эпохи раннего и развитого бронзового века (II–нач. I тыс. до н. э.), эпохи раннего железного века (7–6 вв. до н. э. и 4–5 вв. н. э.), эпохи позднего средневековья (X–XIV вв.). По культурной принадлежности могильни-

ки принадлежат носителям ямной и катакомбной культур предкавказского варианта, скифо-сарматским племенам, а также народам, входившим в золотоордынскую общность. Эти выводы сделаны по фактическому материалу, выявленному в результате охранных раскопок 1971 г.

В результате археологических работ, проведенных в 1971 г., часть курганов могильника подверглась охранным раскопкам, часть насыпей сохранилась до настоящего времени. Хотя в 1971 г. был получен обильный вещевой материал, методика раскопок, графической фиксации и картирования того периода не позволила в полной мере исследовать и зафиксировать археологические объекты. Часть археологического материала, видимо, осталась в нераскопанных боковых секторах курганов. Не менее ценными объектами, не подвергшимся изучению в 1971 г., являются участки погребенного почвенно-растительного горизонта, перекрытые участками курганных насыпей, которые не были раскопаны на снос. Наличие курганов в восточной части курганного могильника «Гашунский» (восточнее кургана № 11) также не нашло отражения в публикации по итогам исследований 1971 г. [Эрдниев 1981].

Методика дешифрирования материалов ДЗЗ высокого разрешения и крупномасштабных топографических карт с применением ГИС-технологий позволила более детально и в краткие сроки провести полевые исследования в 2008 г. Составлена археологическая карта курганного могильника «Гашунский» с учетом как уже утраченных, так и вновь выявленных курганов (см. рис. 1–2). Данная методика, позволяющая реконструировать местоположение утраченных в настоящее время археологических памятников, основана на комплексном дешифрировании материалов ДЗЗ (аэрофото- и космических снимков высокого разрешения) и совмещением с крупномасштабными топографическими картами.

В настоящее время курганный могильник «Гашунский» расположен в городской черте, в зоне активной хозяйственной деятельности различной интенсивности и воздействия, что способствует дальнейшему разрушению сохранившихся археологических объектов. При таком положении может быть безвозвратно утрачена часть сохранившихся курганов могильника «Гашунский». Целесообразно на основе материалов разведок 2008 г. предусмо-

треть составление учетной документации на курганный могильник «Гашунский» и проектирование охранных зон могильника.

Литература

Буваев Д. А. Современное состояние курганного могильника «Элистинский» // Вестник КИГИ РАН. Элиста: КИГИ РАН. 2009. № 1. С. 2–10.
 Методика полевых археологических исследований // Институт археологии РАН. Л.: Наука, 1989. 104 с.
 Очир-Горяева М. А. Погребения кочевников из окрестностей города Элисты // Материалы археологии волго-донских степей. Вып. 2. 2004. С. 251–263.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации // Институт археологии РАН. М.: Институт археологии РАН, 2006. 32 с.

Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года) // КНИИЯЛИ и Республиканский краеведческий музей. Труды. Вып. 3. Элиста, 1971. 143 с.
 Эрдниева У. Э. Гашунский могильник (раскопки 1971 года) // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981. С. 70–77.

Рис. 1. Карта сохранившихся и утраченных насыпей и раскопок курганного могильника «Гашунский»

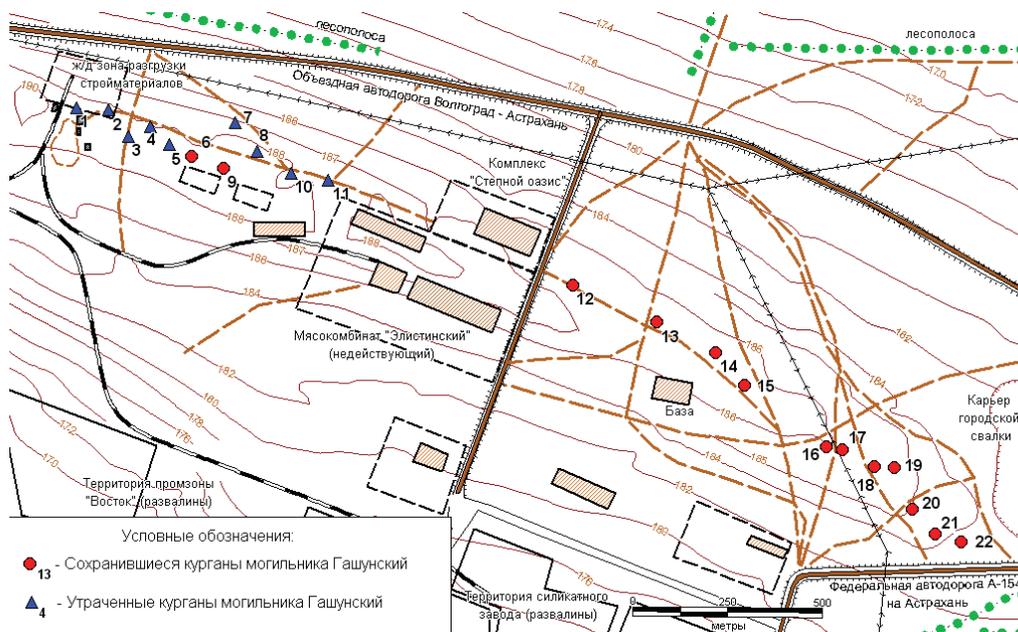
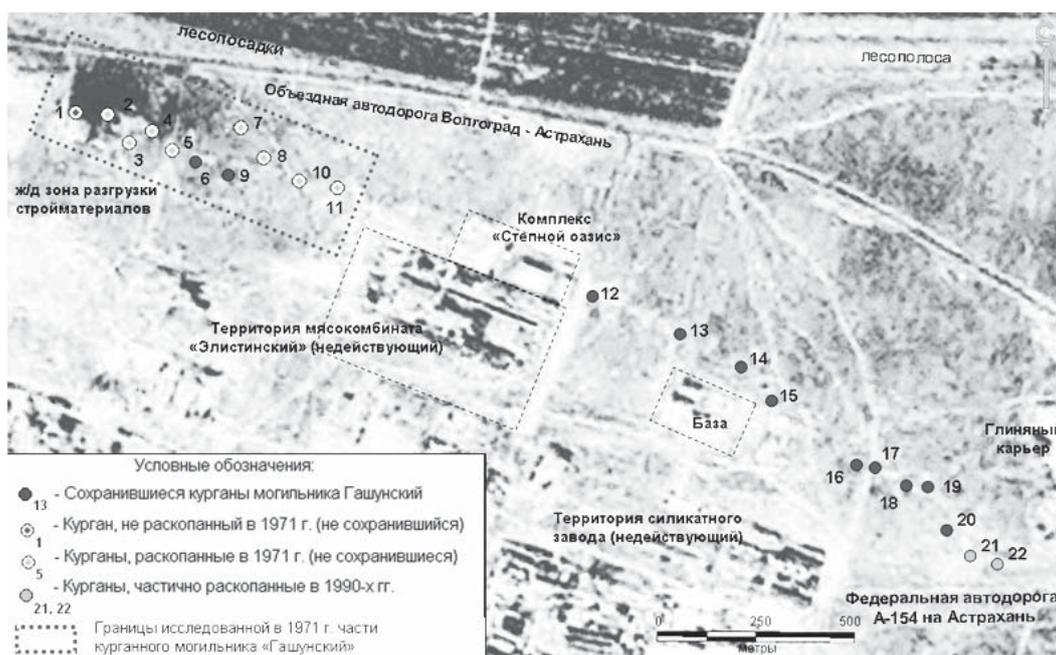

Рис. 2. Космический снимок, совмещенный с картой курганного могильника «Гашунский»

УДК 39
ББК 86.33

**К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ШАМАНСТВА
(о современных подходах в религиоведческих исследованиях)***

Э. П. Бакаева

Постперестроечный период в России отмечен возрождением в духовной жизни народов, которое особенно активно проявилось в религиозной жизни и повлияло на положение религиозных институтов в обществе. В Калмыкии, где до 1988 г. не было ни одного буддийского храма или общины, в настоящее время наблюдается подлинный расцвет буддийской культуры, и республика стала одним из мировых центров буддизма. Сходные процессы привели в разных регионах и к восстановлению утраченных во многих этнических культурах традиций, связанных с избранничеством. В ряде сибирских регионов наблюдалось возрождение шаманских верований и появление неошаманства. В связи с данной ситуацией приобрели особую актуальность исследования по шаманству, прежде всего теоретического и методологического характера.

Под шаманством в отечественной историографии обычно понимали одну из ранних форм религии либо культ, в котором центральной идеей является вера в необходимость посредников между человеческим коллективом и духами (божествами). Этих медиаторов избирают и наделяют особыми свойствами духи, посредством которых и через служение которым избранники выполняют функцию защиты родового коллектива. В. Н. Басилов в статье «Шаманство» в «Своде этнографических понятий и терминов» отмечает, что характеристиками шаманов также являются способность общения с духами во время экстаза; обладание сверхъестественными силами, которые обеспечивают способность «обеспечивать удачный промысел, предсказывать будущее, отвращать несчастья, находить пропажи, узнавать причины болезней, лечить больных и т. д.; возможность сопровождения душ умерших в загробный мир. Для шаманов также характерна так называемая «шаманская

болезнь», связанная с верой в похищение души избранного стать шаманом человека [Басилов 1993: 221–225].

Широко распространенная точка зрения на содержание понятия шаманства не является общепринятой. Так, согласно мнению отдельных исследователей, шаманы не служат духам, а повелевают ими [Бурькин 2007]. А. А. Бурькин, исследуя проблему генезиса шаманства, обратил внимание на акцентирование социальной природы религии, в связи с которым определяющими характеристиками шаманства считаются зависимость людей от духов, представления об иерархии сверхъестественных существ, корреляция между социальными различиями в обществе и дифференциацией духов. Таким образом, шаманство с данной точки зрения является религиозным институтом, зародившимся в условиях распада общества, то есть на стадии распада родового строя. Однако с историко-типологической точки зрения шаманство, по мнению А. А. Бурькина, необходимо рассматривать как трансформированную, или «свернутую», форму нагуализма — такой разновидности религиозных представлений и культов, при которой собственный дух-покровитель имеется у каждого члена сообщества, вследствие чего религиозный опыт каждого человека является глубоко индивидуальным, а коллективная обрядовая практика сведена к минимуму [Бурькин 2007].

Данная точка зрения основана на анализе материалов по культурам народов Сибири и находит подтверждение и в высказываниях некоторых других исследователей, которые в целом разделяли более широко распространенное мнение о процессе сложения шаманских верований в эпоху разложения родового строя. К примеру, известный бурятский религиовед Т. М. Михайлов считал, что согласно самой общей схеме эволюции

* Работа выполнена при поддержке подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» программы «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез».

отправители культа утган (калм. *удһн*) являются самыми ранними представителями жречества: «утган в матриархате — хөгшөд-өвгөд в переходный период — шаманы в патриархате», в то же время «появление шаманов не заменило утган и хөгшөд-өвгөд, а расширило круг служителей культа, явилось еще одним актом усилившейся специализации общественно-духовной жизни» [Михайлов 1980: 116]. Таким образом, по мнению Т. М. Михайлова, шаманству предшествовали два этапа, на раннем из которых (в «матриархате»¹) функцию посредников в обществе выполняли утган, а на втором — старейшины или старики. Подобная схема соответствует материалам, на основе которых А. А. Бурькин делает вывод о зарождении шаманства как смены верований типа нагуализма на веру в избранность отдельных представителей общества, что отвечает схеме социального разделения родового общества и общим закономерностям перехода от родового к классовому строю. Приведенный пример показывает различие в выводах, сделанных на основе однотипных источников, поскольку с точки зрения Т. М. Михайлова зарождение шаманства (ученый использовал термин «шаманизм») связано с разложением родового общества, социальным расслоением и выделением из среды общинников личностей шаманов: «появление шаманов не заменило утган и хөгшөд-өвгөд, а расширило круг служителей культа, явилось еще одним актом усилившейся специализации общественно-духовной жизни» [Михайлов 1980: 116]. Мнение Т. М. Михайлова согласуется и с его заключением о специфике фигуры эпических героев: «герои эпоса далеко не шаманы, они — явление более раннее, чем шаманы-профессионалы, другого социального предназначения» [Михайлов 1980: 118].

В определенной степени соответствует предположению А. А. Бурькина и мнение Т. А. Бертагаева о содержании термина «хөгшөд-өвгөд»: рассматривая его значение, исследователь Т. А. Бертагаев пришел к выводу, что он означал и старейшин, и служителей культа неба, и корень первого слова следует связывать со словом «көке» как символом неба [Бертагаев 1971: 100–101].

Проблема определения периода возникновения шаманства и его статуса рассматри-

¹ По мнению ведущих отечественных историков первобытного общества, достаточно аргументированных свидетельств в пользу теории матриархата нет, и периода тотального господства женщин в истории не было — см. [Думанов, Першиц 2000: 621–627].

вается иначе в работах В. И. Харитоновой, для которой методологически значимым является определение шаманов как суперсенситивно и экстрасенсорно развитых личностей, которым типологически соответствуют группы людей, называемых в иных культурах колдунами, знахарями и т. д. и обладающих свойствами, определенными спецификой функционирования сознания и неизвестными пока качествами мира. Подобное понимание личности шамана подразумевает, что свойства шамана могут появляться в разных обществах и в различные исторические периоды [Харитоновна 2006].

У разных народов мира шаманство имело свои особенности, и потому отдельные ученые говорят о расплывчатом характере данного понятия. К тому же существует проблема разделения либо синонимичности терминов шаманство и шаманизм (см. [Бакаева: 2004]).

По В. Н. Басилову, шаманское мировоззрение отличается одушевлением окружающего мира, населенного духами; представлениями о взаимосвязи в природе, равнозначности человека и других форм жизни, тесной взаимосвязи человека и космоса; верой в возможность осуществления человеком контактов с мирами, населенными духами (божествами), в охрану ими человеческого коллектива [Басилов 1997: 3–16]. Для шаманства характерны посредническая роль шамана, представление о трех мирах и путешествиях шамана в подземный и небесный миры, осуществление им определенных функций.

По мнению Н. Л. Жуковской, главными чертами шаманского мировоззрения являются наличие развитых анимистических представлений, вера в духов, восприятие человека как части природы, отсутствие непреодолимой границы между миром живых и миром мертвых [Жуковская 1998: 149–150].

В связи с изучением шаманских верований в культуре калмыков актуален выбор научных методик и подходов к исследованию. В частности, остается недостаточно исследованным вопрос о статусе лиц, называвшихся *бө* и *удһн*, а также представителей современного института «знающих».

В отличие от данных современного «Калмыцко-русского словаря», трактующего слово *бө* как «шаман», а слово *удһн* как «шаманка», ученые отмечали, что «те, кого калмыки называли «бөо» и «удган», не являлись шаманами и шаманками, служителями

«черной веры», камланием не занимались, а выступали в роли гадателей и знахарей. Пропала, скажем, лошадь у калмыка, отправлялся он к боо или удган. Гадатель при помощи специальной палочки определял, где искать пропавшее животное» [Михайлов 1975:93]. В целом данная позиция соответствует мнению Г. И. Михайлова о том, что культуре калмыков не было присуще шаманство, так как их предки восприняли буддизм, будучи приверженцами «древних верований» [Михайлов 1974: 117]. Однако этот тезис оказывается взаимосвязанным с решением вопроса о генезисе шаманства, которое появилось на стадии разложения родового строя как результат социальной стратификации общества, либо через выделение в социуме избранников духов, либо через отказ от осуществления посреднической роли большинством социума.

Что касается определения сущности института «медлгчи» («знающих»), то и в этом случае методологически значимым является выбор методики исследования. Так, А. О. Булатовым, предпринявшим исследование шаманских практик в современной культуре народов Дагестана, предложена концепция, согласно которой шаманство — форма избранничества, являющаяся преобладающей или основной на ранних этапах развития человеческого общества, связываемая с низшими или средними уровнями иерархии сверхъестественного мира, имеющая широкий диапазон функций, среди которых главная — поддержание гармонии в отношениях человека и среды; шаманизм — вариант наиболее полной реализации шаманства на определенном уровне развития общества (родоплеменном, раннеклассовом), система взаимосвязанных представлений и культовых действий (в шаманизме, как правило, полно проявляются вторичные свойства: формы измененного сознания и способы вхождения в него, шаманская атрибутика и связанные с ними представления, специальный костюм и др.). Собственно шаманство, по мнению А. О. Булатова, изначально древнее шаманизма. И чем меньше сохраняются вторичные признаки шаманства, тем четче проявляются его главные, определяющие черты, универсальные свойства, неизменные при любых трансформациях внешней среды: дуалистическое мировоззрение, избранничество на уровне базовых социальных единиц, функциональная направленность на восстановление нарушенного равновесия

между мирами духов и людей, осуществление шаманских функций в измененном состоянии сознания [Булатов 2004: 120–124].

Исследование института современных «знающих» в Калмыкии показывает, что в нем сохраняются как наследие древних верований традиция избранничества, функция охраны родового коллектива, представления о возможности взаимодействия с миром духов. Однако представления о духах-покровителях претерпели трансформацию, и в качестве покровителей в подавляющем большинстве выступают буддийские божества, в том числе и канонизированный буддизмом Белый старец (калм. *Цаһан аав*); функция обеспечения контактов со сверхъестественным миром осуществляется через «высший» уровень его иерархии. Таким образом, даже широкий подход к определению шаманства не позволяет отнести «знающих» к представителям шаманской традиции. Концепции, предлагаемые другими учеными, выделяют в качестве главной, определяющей черты шаманства (или, в некоторых вариантах, шаманизма) наличие аффективного способа вхождения шамана в измененное состояние сознания. Применение подобных концепций при изучении практики «знающих» также не позволяет связать их с шаманской традицией.

Таким образом, концепции современного шамановедения по-разному определяют понятие шаманства и шамана. Широкий подход к их определению позволяет связывать с шаманством традиции, присущие обществам, находящимся на разных уровнях развития. При этом теоретическое осмысление конкретных материалов дает возможность углубленного анализа традиций, связанных с институтом современных «знающих» в Калмыкии, которые невозможно определить как шаманские даже при самом широком подходе. Данный вывод актуален в аспекте распространенного общественного мнения о якобы шаманском содержании практики «медлгчи» в Калмыкии.

Литература

- Бакаева Э. П. Добуддийские верования калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 358 с.
- Басилов В. Н. Шаманство // Свод этнографических Понтий и терминов. Религиозные верования. М., 1993. С. 221–225.
- Басилов В. Н. Что такое шаманство? // Этнографическое обозрение. 1997. № 5. С. 3–16.
- Бертагаев Т. А. Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках // Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971. С. 90–109.

- Булатов А. О. Шаманско-магические практики у народов Дагестана в конце XIX–XX вв. Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2004. 144 с.
- Бурыкин А. А. Шаманы: те, кому служат духи. СПб.: Азбука-Классика; Петербург. востоковед., 2007. 287 с.
- Думанов Х. М., Першиц А. И. Матриархат: новый взгляд на старую проблему // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70. № 7. С. 621–627.
- Жуковская Н. Л. Шаманизм: Религия? Мировоззрение? Практика? // Наука и жизнь. 1998. № 8. С. 144–151.
- Михайлов Г. И. Актуальные проблемы изучения литературы монгольских народов // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 1. Элиста, 1974. С. 116–122.
- Михайлов Г. И. Некоторые замечания о словах боо и удган // Вестник института КНИИЯЛИ. № 12. Элиста, 1975. С. 92–96.
- Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
- Харитонова В. И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М.: Наука, 2006. 372 с.

УДК 392.12

ББК 63.5

ОБРЯДЫ ВКЛЮЧЕНИЯ РЕБЕНКА В СОЦИУМ ОТЦА НА ПЕРВОМ ГОДУ ЖИЗНИ

Т. И. Шараева

Появление ребенка, затем поэтапное его включение в жизнь социума оформляются в рамках традиционных представлений о возрастной периодизации, социальной иерархии, гендерной принадлежности и родственных отношений, «основанных на браке или кровном родстве, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, моральной и правовой ответственностью» [Харчев 1976: 244]. По мнению В. В. Головина, «младенец — существо новое в этом мире: требуется введение его в „свое“ пространство и организация его пространства, построенного по принятым моделям» [Головин 2001: 32]. Для ребенка — это лишь начальный этап обрядов перехода в жизненном цикле.

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении обрядов включения ребенка в социум на первом году жизни у калмыков. Тематика социализации детей в калмыцком обществе недостаточно изучена, хотя отдельные ее аспекты нашли отражение в работах таких исследователей быта калмыков в XIX — начале XX в., как Б. Бергманн [1991], И. В. Бентковский [1869], И. А. Житецкий [1893], П. И. Небольсин [1852], Н. А. Нефедьев [1834], П. Смирнов [1999] и т. д. Этнографические материалы по детскому циклу, в том числе по социализации детей, встречаются в работах У. Д. Душана [1976], У. Э. Эрдниева [1970], Д. Д. Шалхакова [1982], В. П. Дарбаковой [1976], П. Э. Алексеевой [2002]. Ценными источниками по этнографии детства у калмыков являются работы Е. Э. Хабуновой [2005],

Э. У. Омакаевой [1998; 2010], С. З. Ользеевой [2003]. Однако в последних работах не указана последовательность этапов процесса социализации детей с момента рождения до достижения подросткового периода¹.

В прошлом ребенка «не причисляли» к числу людей до прохождения процедур социализации в соответствии с традиционной картиной мира (т. е. биологически он присутствует, но социально его еще нет). Они обычно проводились после отпадения пуповины и очистительного купания, окончательно снимавших с ребенка признаки внутриутробного развития как черты «инаковости», принадлежности к «природному» миру. При этом во время купания совершались действия, которые символически можно приравнять к тому, что тело ребенка словно «лепили» руками, «придавая человеческий облик» (см. также [Шантаев 2008]).

Очистительное купание проводили по-разному. Ребенка могла купать его мать со старшими женщинами семьи в *чуугин усн* — в воде с добавлением молока, благовоний и соли. Иногда отец ребенка отвозил *чуугин усн* в хурул для освящения. Если ребенка купали в простой воде, то в нее предварительно клали три черных камня, произнося вербальный заговор: «Пусть твой дух будет крепким, как эти камни» (см. также [Басангова 2008]). Символика этих камней аналогична символике очажных камней у монголов, воспринимающихся медиатора-

¹ Возрастные категории и их символика в традиционной культуре калмыков рассмотрены в работе Э. П. Бакаевой [Бакаева 2011].

ми мощи родной земли, семейного/родового благополучия новорожденному, так как «очаг — связующее звено между предками и потомками, символ преемственности поколений» [Жуковская 1988: 18]. Необходимо отметить, что в фольклорных произведениях у калмыков черный камень, фиксирующий границы родовой территории, используется для перерезания пуповины новорожденного богатыря [Хабунова 2005: 123]. По данным информантов, в воду для купания ребенка могли также добавить соль или крепкую чайную заварку [ПМА: 1].

В настоящее время первое купание ребенка совершается дома в присутствии старших родных после выписки из родильного дома. Часто оно совмещает ритуальное купание и необходимую гигиеническую процедуру. По традиции в воду для купания могут добавить немного молока, горсть соли или чайную заварку. Обмыв этой водой ребенка, его моют уже с использованием различных гигиенических средств для купания новорожденных. Современные калмыки придают большое значение первому купанию ребенка в домашних условиях, что указывает на сохранение представлений об его очистительных функциях.

Следующим этапом в интеграции ребенка в социум близких родственников в традиционной обрядности было проведение обряда *герт орулһн* (букв. «ввод в дом») — первого посещения жилища родителей отца ребенка и поклонения семейным божествам. Для этого мать ребенка брала с собой «три домбо калмыцкого чаю, три тавыка боорцук... несколько бортого арзы и целого барана, сваренного со всем, с головой, с ногами и с внутренностями» [Небольсин 1852: 86]. После получения разрешения на вход в кибитку от родителей мужа женщина ставила «лубок»² с ребенком в вертикальном положении возле шеста (на котором ставилась жертвенная чашечка), установленного в алтарной части кибитки [Небольсин 1852: 86]. Поклонение семейным божествам совершалось совместно всеми членами семьи. Одним из главных моментов обрядовых действий было кормление ребенка вареным сердцем жертвенного барана, специально заколотого в тот же день. По завершении всех обрядовых действий мать с ребенком получали право свободного нахождения в родительской кибитке.

Как известно, имя человека позволяет идентифицировать его в социуме. Оно отражает особенности культуры народа, а также имеет определенную символику. К примеру, традиционно выбор имени маркировал обстоятельства рождения или должен был «программировать» его дальнейшую жизнь. Так, девочку, рожденную в день, когда проходила свадьба, могли назвать Хюрюмтя (букв. «со свадьбой»), а мальчика, которому желали долгой жизни, — Ут Насн (букв. «долгий возраст»). У калмыков сохраняется право выбора имени ребенка старшими членами семьи, но родители могут выбрать имя и самостоятельно. В традиционной родильной обрядности имянаречение происходило по-разному: выбрать имя младенцу могли родители отца сразу после его рождения или во время проведения обряда приобщения; сам отец во время ритуального подношения *усн арз* при появлении первого молозива у матери ребенка; а также буддийский священнослужитель. По сведениям Т. Г. Борджановой (Басанговой), мальчику имя трижды произносили в правое ухо, а девочке — в левое [Борджанова 1999: 174].

В описаниях исследователей быта калмыков в XIX в. отмечалось, что калмыки «не ломают головы, когда приходится дать имя ребенку» [Бентковский 1869: 101], «немедленно выходят из кибитки, и первый предмет, какой встречается их глазам, служит названием для новорожденного» [Нефедьев 1834: 188]. Однако калмыцкая антропонимическая система носит весьма сложный характер. Имена, которыми нарекали детей священнослужители, были в основном тибетского и санскритского происхождения, а имена, выбранные членами семьи, чаще обозначали личные положительные качества или исторических персонажей. В антропонимической системе калмыков также особая роль отводилась именам-оберегам. Главной целью подобного наречения была защита ребенка от возможного вредоносного влияния, поэтому детей называли по названиям различных животных *Кермен* (белка), *Чон* (волк); словами или словосочетаниями, несущими негативную коннотацию, *Му Кёвюн* (плохой мальчик), *Сошту* (пьяный), *Му Кююкен* (плохая девочка); именами, заимствованными из антропонимикона других народов — Ахмед, Иван (Яван). Если имя не оказывало охранного действия, его меняли на другое. По одним данным информантов, выбор имени, созвуч-

² Дощечка полуметровой длины и вогнутой формы.

ного имени здравствующего родственника, был запрещен, поскольку считалось плохой приметой. По другим, нельзя было давать имена усопших родственников, особенно прямых предков [ПМА: 3; Бакаева, Гучинова 1992].

Согласно материалам исследования М. У. Монраева, происходящие в последнее время процессы в калмыцкой антропонимической системе характеризуются следующими особенностями: возрождением тибето-санскритских имен, снижением роли антропонимов, образованных от этнонимов и названий животных, разграничением мужских и женских антропонимов в результате столкновения двух антропонимических систем (калмыцкой и русской), значительным обновлением именника за счет русского языка и редким употреблением сложных имен [Монраев 1998: 81].

Если имя ребенка маркировало его в социуме, то колыбель определяла его пространственное местонахождение. В колыбель ребенка укладывали в месячном возрасте. До достижения данного возраста его содержали в «лубке» [Алексеева 2002: 102], имевшей три шнурка, фиксировавших лежащего в ней ребенка (ниже плеч, на поясе, у щиколоток), и пеленали «...довольно крепко, привязывая к доске» [Житецкий 1893: 27]. Информанты указали, что благодаря такому приспособлению женщины кормили ребенка практически в вертикальном положении [ПМА: 2]. Такой способ кормления описан П. Смирновым в записках о быте калмыков: «Расплававшегося ребенка мать обыкновенно берет на руки вместе с коробкою и, не развязывая оной, дает ему грудь, чем и успокаивает малютку» [Смирнов 1999: 77]. Во время перекочевки мать могла взять ребенка с собой в седло, пристегнуть к себе спереди поясом, закрыв его полкой верхней одежды [Алексеева 2002: 102]. Заботясь о гигиене ребенка, калмыки дополнительно подкладывали под него гигроскопическую подстилку из золы, завернутой в старое белье. Хорошим средством в качестве присыпки служили ковыль и полынь [Научный архив КИГИ РАН. Ф. 6. Оп. 2 Д. 335 Л. 7]. Их собирали, сушили, раскатывали скалкой, а потом прокаливали. В случае появления опрелостей пользовались присыпкой, изготовленной из спор грибов *теңгрин ки* (букв. «дыхание неба»), измельченных чаинок, которые оставались после распиливания чайного брикета или из перепревшего конского

навоза, пережженного и растертого в порошок [ПМА: 1; Шараева 2009а].

Колыбель *өлгә* у калмыков представляла собой короб прямоугольной формы, состоящий из рамок, скрепленных между собой распорками. В ножной его части устанавливалась поперечная дощечка с отверстием для мочеотводной трубки *цорһ*, а над головной — дуга, к которой подвешивали «...в виде игрушек, раковинки, тоненькие бараньи косточки и лоскут меху» [Небольсин 1852: 90]. У изголовья колыбели ставился треножник *цах* из трех тонких жердочек, с помощью которого колыбель накрывали тканью, чтобы защитить ребенка от мух и солнечных лучей. Перед укладыванием ребенка в колыбель ее окуривали благовониями (*арүслһн*). При этом колыбель не устанавливали «поперек входа» в жилище, т. е. в направлении Запад — Восток, изголовье должно было быть направленным на север. Если по какой-либо причине кровать оставалась пустой, то в нее клали острые предметы, например ножницы или нож. Налагался запрет на раскачивание пустой колыбели. Ее передавали из поколения в поколение, но если в семье часто умирали дети, то колыбель сжигали и изготавливали новую.

В настоящее время к выписке ребенка, если он первенец, родные покупают новую кровать. После установки окуривают благовониями или обводят вокруг горящими спичками, что связано с сохранением представлений об очистительных функциях огня. В дальнейшем кровать хранят дома для последующих детей либо могут временно передавать близким родственникам, у которых появился ребенок. Необходимо отметить, что сейчас сохраняются запреты на раскачивание пустой кровати, расположение ее в направлении «поперек двери», оставление ее пустой без острых предметов на время, когда в ней нет ребенка. Приведенные сведения указывают на сохранение традиционного отношения калмыков к детской кровати как колыбели.

В традиционной обрядности одним из основных этапов включения ребенка в родовое сообщество отца был праздник *мелләһн*. Родители, извещая заранее, приглашали «родственников, однохотонцев, соседей и устраивали большое угощение» [Эрдниева 1970: 203]. Гости приходили с подарками как для новорожденного, так и для его родителей, которых одаривали, например, мужским поясом, плеткой, отрезом ткани и

т. д. Самыми почетными гостями на празднике были повитуха и дядя по материнской линии *наһцх*. Угощение, подносимое повитухе, зависело от пола ребенка (крестец *ууц*, если мальчик, грудинка *өвцун*, если девочка), ей также дарили подарки. На празднике по случаю рождения ребенка близкие родственники дарили ему молодняк скота *мал заах* (букв. «указать скот»), что должно было гарантировать в будущем вступление во взрослую жизнь со своим хозяйством. Новорожденному дарили также серебряные монеты и раковины каури, называвшиеся калмыками «змеиные головки» *моһан толһа*. Как отмечал И. А. Житецкий, калмыки «такие раковины „змеиные головки“ вплетали в волосы детям в качестве оберега» [Житецкий 1893: 27]. Обычно ребенку дарили серебряный рубль или 20 копеек серебром (согласно калмыцкому счету, 20 копеек соответствуют 70 «деньгам»), символизировавших возрастной рубеж в 70 лет, который считался у калмыков возрастом глубокой старости [Бакаева 2009]. Одаривание монетой «означало пожелание долгой жизни». Из серебряных монет делали амулеты, которые носили на шее или на кистях рук, поскольку серебро, по представлениям калмыков, обладает способностью охранять от нечистой силы [Шараева 2009б].

На празднестве *меллэлһн* близкие родственники дарили также детскую рубашку *бэрнэ* или отрез ткани белого цвета на ее пошив, привязав к одному из концов медную и серебряную монеты, как символы пожелания долгой жизни [Хабунова 2005: 35; Борджанова 1999: 181]. Как отмечал А. К. Байбурин, «надевание новой одежды есть универсальный символ получения нового статуса» [Байбурин 1993: 45], поэтому у калмыков одежду с воротом на ребенка надевали по достижении им месячного возраста, так как до этого срока он считался еще не вполне оформившимся человеком. Но у детской рубашки ворот больше был похож на имитацию, так как его делали из треугольного выреза для головы, который пришивали к спинке. К особенностям кроя детской рубашки также относились укороченные рукава и отсутствие застежек. Одаривание одеждой с воротом на *меллэлһн* символизировало покровительство членов семьи и рода на сакральном уровне.

В настоящее время родители с новорожденным первый раз посещают близких родственников (родителей отца ребенка)

либо сразу после выписки из родильного дома, либо, что бывает чаще, по достижении ребенком месячного возраста. Праздник по случаю рождения ребенка проводят сейчас по-разному, но стараются выдержать семидневный или месячный срок после выписки матери и ребенка из родильного дома. Приглашенные родственники, друзья, соседи обязательно приходят с подарками. По сохранившейся традиции, ребенку дарят одежду, игрушки, коляску или кроватку, так как у калмыков до сих пор не принято заблаговременно приобретать их. Если дарят бумажные деньги, то обязательно добавляют монеты, «белую и красную», любого достоинства, произнося благопожелания ребенку. В сельской местности частично сохранилась традиция дарения молодняка домашнего скота.

Таким образом, можно отметить, что в современных обрядах включения ребенка в социум отца сохраняется практика наделения его такими атрибутами нового статуса как имя, одежда (младенческая рубашка), имущество (подарки членов семьи и рода), жилище (колыбель) и хозяйство (молодняк домашнего скота), что связано с патрилинейным счетом родства у калмыков. Трансформационные процессы в них связаны с современными реалиями жизни социума. Сохраняются представления о возможности неблагоприятного воздействия предварительных приготовлений.

Полевые материалы автора

1. Окнеева Зинаида Павловна, 1936 г. р., ульдючин, осахн.
2. Гойдикова Джукля Натыровна, 1920 г. р., баг цохур, тьякяхн, борлгуд.
3. Хейчиев Боова Найминович, 1932 г. р., дунд хурла, тутгн шемнр.

Литература и архивные источники

- Алексеева П. Э.* Женщина-мать и ее роль в калмыцкой семье // *Altaica VI*: Сб. ст. и мат-лов. М.: ИВ РАН, 2002. С. 101–108.
- Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
- Бакаева Э. П.* Возрастные категории и символика в традиционной культуре калмыков // Взаимодействие культур народов Прикаспия: мат-лы Регион. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения профессора У. Э. Эрдниева (17–18 февраля 2011 г.). Элиста: Изд-во КГУ, 2011. С. 39–42.
- Бакаева Э. П.* 20 копеек — это 70 денег // *Этнографическое обозрение*. 2009. № 2. С. 13–16.
- Бакаева Э. П., Гучинова Э.-Б. М.* Магия в обрядах родинного ритуала калмыков // *Традиционная обрядность монгольских народов*. Новосибирск: Наука, 1992. С. 89–100.
- Басангова (Борджанова) Т. Г.* Вербальный компонент

- в детской обрядности калмыков // Научная мысль Кавказа. 2008. № 4. С. 54–59.
- Бентковский И. В.* Женщина-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальных отношениях // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1869. Вып. 3. С. 141–167.
- Бергманн Б.* Воспитание детей у калмыков // Теегин герл. 1991. № 5. С. 24–35.
- Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.
- Головин В. В.* Организация пространства новорожденного // Родины, дети, повитухи в традициях и народной культуре. М., 2001. С. 31–42.
- Дарбакова В. П.* Старое и новое в семейной обрядности калмыков // Теегин герл. 1976. № 2. С. 31–35.
- Душан У. Д.* Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Элиста, 1976. Вып. 1. С. 5–89.
- Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков (этнографические наблюдения 1884–1886 гг.). М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 75 с.
- Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 196 с.
- Монраев М. У.* Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста: АПП «Джангар», 1998. 188 с.
- Научный архив КИГИ.* Ф. 6. Оп. 2. Д. 335. Л. 7
- Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошеутовского хурула. СПб., 1852. 190 с.
- Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб., 1834. 286 с.
- Ользева С. З.* Калмыцкие обычаи и традиции. Элиста, 2003. 256 с.
- Омакаева Э. У.* Магия и астрология в калмыцких обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка и первым годом его жизни // Altaica. М., 1998. Вып. 2. С. 101–106
- Омакаева Э. У.* Родильная обрядность у калмыков // Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. Сер.: Народы и культуры. М., 2010. С. 229–249.
- Смирнов П.* Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 248 с.
- Хабунова Е. Э.* Очаг (обряды и обрядовый фольклор жизненного цикла калмыков). Элиста: АПП «Джангар», 2005. 206 с.
- Харчев А. Г.* Семья // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 23. М.: Совет. энцикл., 1976. 640 с.
- Шалхаков Д. Д.* Семья и брак у калмыков (XIX — начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Элиста: Калм. кн. из-во, 1982. 86 с.
- Шантаев Б. А.* Родильные обряды и методы лечения детей в традиционной культуре калмыков // Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы. Элиста, 2005. С. 117–153.
- Шараева Т. И.* Детская медицина: иррациональные способы лечения детей у калмыков // VIII Конгресс этнографов и антропологов России. Оренбург, 2009а. С. 483–484.
- Шараева Т. И.* Обереги в детском цикле у калмыков // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2009б. № 4/3 (64/3). С. 259–262.
- Шараева Т. И.* Родильный обряд в традиционной культуре у калмыков // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития: мат-лы Междунар. научн. конф. Элиста, 2008. Ч. 2. С. 94–100.
- Эрдниева У. Э.* Калмыки (конец XIX — начало XX вв.). Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 311 с.

УДК 572

ББК 60.7 (2Рос=Калм)

СТРУКТУРА СЕЛЬСКИХ ПОПУЛЯЦИЙ ИКРЯНИНСКОГО РАЙОНА АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ (по материалам полевых исследований 2008-2010 гг.)*

Н. В. Балинова

Одной из задач популяционно-генетических исследований является определение структуры генофонда, его дифференциации, степени родства тех или иных этносов, что позволяет объективно сформировать выборку для изучения популяций методами «маркерной» генетики. Кроме того, методы демографической генетики дают уникальную возможность прогнозирования дальнейших тенденций динамики развития генофондов населения, генетической и демографиче-

ской структуры будущих поколений [Курбатова, Победоносцева 2006].

На современном этапе развития генетических исследований необходимо учитывать влияние экологических и социально-экономических факторов на развитие популяционно-демографических тенденций в этногенетических процессах. В условиях европеизации и, шире, глобализации новое поколение постепенно утрачивает родо-племенную идентичность, что создает слож-

* Исследование выполнено по проекту «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика» подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» Программы «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг.).

ность для определения исторических корней, этногенетических связей и этнических маркеров.

В рамках выполнения научно-исследовательской работы «Проблемы этногенеза калмыков в антропогенетическом аспекте (на примере родов багузов, керядов, цатанов)» были проведены экспедиции в 2008–2010 гг. и собран генетико-демографический материал в четырех сельских населенных пунктах Икрянинского района Астраханской области, где исторически компактно проживали представители керядов, а также в Лаганском районе Республике Калмыкия, где проживают цатаны и багуды. Генетический материал собирался исключительно у респондентов, имеющих принадлежность к данным субэтническим группам. Анализируемый в этой статье материал представлен в виде списков проживающих на территории указанных ниже населенных пунктов, списков хозяйств и базы данных по национальному составу изученных популяций.

Национальный состав анализируемых популяций приводится в таблице 1: по Икрянинскому району использовались данные сельских муниципальных образований, приведенные по состоянию на ноябрь 2009 г., по Лаганскому району — данные переписи 2002 г. [Калмыкия в цифрах 2004].

Таблица 1. Национальный состав изученных популяций

Этнос	Кол-во	Процент, %
с. Джемба, Икрянинский район Астраханской области		
Калмыки	69	69,7
Русские	26	26,3
Ногайцы	3	3,0
Казахи	1	1,0
Итого:	99	100
с. Восточное, Икрянинский район Астраханской области		
Русские	546	67,6
Калмыки	145	18,0
Казахи	52	6,5
Татары	32	4,0
Табасаранцы	8	1,0
Лезгины	4	0,5
Узбеки	4	0,5
Чеченцы	8	1,0
Аварцы	2	0,2

Немцы	2	0,2
Украинцы	1	0,1
Лаосцы	1	0,1
Корейцы	1	0,1
Мордовцы	1	0,1
Хакасы	1	0,1
Итого:	808	100
Озерное СМО, Икрянинский район Астраханской области		
Русские	482	39,0
Казахи	398	32,2
Не указавшие	119	9,6
Калмыки	112	9,1
Авары	25	2,0
Румыны	21	1,7
Даргинцы	16	1,3
Татары	16	1,3
Чеченцы	16	1,3
Кабардинцы	7	0,6
Мордовцы	5	0,4
Украинцы	5	0,4
Немцы	4	0,3
Осетины	4	0,3
Абхазцы	2	0,2
Армяне	1	0,1
Китайцы	1	0,1
Кумыки	1	0,1
Ногайцы	1	0,1
Татары Крымские	1	0,1
Итого:	1 237	100
Лаганский район Республики Калмыкия		
Калмыки	12 090	51,3
Русские	7 651	32,4
Казахи	1 480	6,3
Не указавшие	837	3,5
Татары	440	1,9
Чеченцы	348	1,5
Даргинцы	224	0,9
Авары	201	0,8
Украинцы	113	0,5
Кумыки	98	0,4
Белорусы	42	0,2
Корейцы	41	0,2
Немцы	13	0,1
Итого:	23 578	100

Одной из важнейших характеристик демографической структуры популяции является ее объем, сильно варьирующий у разных народов [Saugstad 1977; Ferak, Krourova 1976; Schull 1972; Брук 1986; Фогель, Мотульски 1990]. Кроме того, репродуктивный объем популяции, или объем размножающейся группы (N_r), также тесно связан с ее генетической структурой. Данную характеристику нельзя рассматривать в отрыве от возрастной структуры и от общего размера популяции, так как формирование генофонда следующего поколения напрямую связа-

но лишь с частью генов, носители которых находятся в репродуктивном возрасте. Однако не все лица репродуктивного возраста вносят свой вклад в генофонд нового поколения: существует целый ряд причин социальной и биологической природы, которые способствуют сокращению репродуктивного объема популяции, что находит отражение в количественных данных эффективно-репродуктивного объема. Величина общего (N_t), репродуктивного (N_r) и эффективно-репродуктивного (N_e) объемов в изученных популяциях рассмотрена в таблице 2.

Таблица 2. Структура сельских популяций Калмыкии

Популяции	Nt	Число семей	Nr	\bar{K}	σ^2_k	Ne	Ne/Nt
			♀ / ♂				
Лаганский район Республики Калмыкия							
с. Улан Хол	1 465	287	402–317	1,6456	1,0602	709	0,4908
с. Красинское	1 134	181	317–220	1,5801	1,456	519	0,4577
с. Джалыково	1 138	184	336–207	1,2826	0,9798	512	0,4499
Икрянинский район Астраханской области							
с. Восточное	808	262	167–209	1,0859	0,9138	371	0,4838
с. Джамба	99	32	17–23	1,1147	1,1033	39	0,4041
с. Озерное	681	201	160–180	1,2951	1,1825	339	0,4408
п. Карабулак	306	78	72–80	1,9795	1,4691	152	0,5045

Примечание: N_t — тотальный объем популяции (человек); N_r — репродуктивный объем; N_e — эффективно-репродуктивный объем (определен с учетом неравенства лиц репродуктивного объема разного пола); \bar{K} — среднее число детей, приходящихся на одну женщину; σ^2_k — дисперсия показателя \bar{K} .

Как видно из таблицы 2, анализируемые сельские группы представлены популяциями средней и малой численности. Популяции малой численности отмечены в с. Джамба (99 чел.) и пос. Карабулак (306 чел.); к популяциям среднего размера можно отнести с. Озерное (681 чел.), с. Восточное (808 чел.); большой численности — пос. Улан Хол (1 465 чел.), с. Красинское (1 134 чел.) и с. Джалыково (1 138 чел.). Число семей колеблется от 32 (с. Джамба) до 287 (пос. Улан Хол). Репродуктивный объем изученных популяций (N_e) достаточно высок и варьирует в пределах от 0,4041 до 0,5045, составляя в среднем 46 % от тотального объема. При этом необходимо отметить, что в группах Лаганского района превалирует число женщин репродуктивного возраста, в группах Икрянинского района — наоборот [Ли 1978].

Более высокие показатели, по данным Н. Х. Спицыной, отмечались, например, в

популяциях бурят [Спицына, Балинова и др. 2007]. Группы варьируются по общей численности (N_t) от 138 человек (с. Баянгазуй) до 1 832 (пос. Судунтуй), а число семей — от 40 до 446 соответственно. Заметим, что наблюдается довольно большие пропорции репродуктивного объема. Отношение репродуктивного объема (N_r) к тотальной численности (N_t) выражается соотношением популяций:

- Судунтуй — 0,50;
- Сахюрта — 0,52;
- Гаханы — 0,56;
- Байтог — 0,54;
- Муромцовка — 0,57;
- Хабаровск — 0,54;
- Ново-Николаевск — 0,57;
- Харазаргай — 0,52;
- Ахины — 0,51;
- Кукунут — 0,54;
- Баянгазуй — 0,60;
- Ольхон — 0,53 [Спицына, Балинова 2006].

Более низкие значения репродуктивного объема (34,6 %) были получены Ф. А. Лузиной [1987] в популяциях Горного Алтая. Нганасаны, по данным Т. В. Гольцовой, характеризуются еще меньшим объемом репродуктивной группы (23 %) [Гольцова, Сукерник 1979].

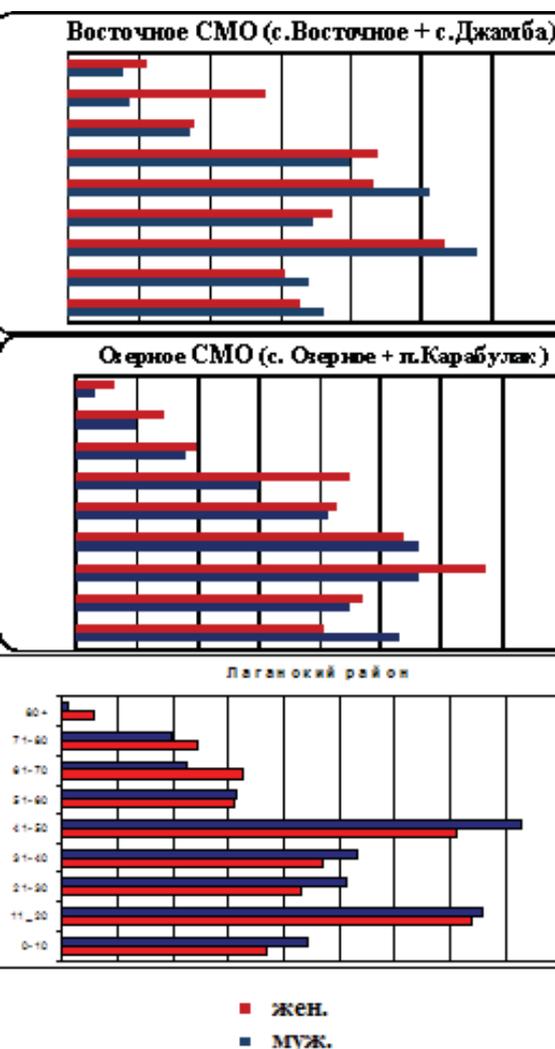
Эффективно-репродуктивный объем был определен с учетом неравенства лиц разного пола в популяции. Как и следовало ожидать, эффективный объем оказался ниже репродуктивного. Как видно из данных таблицы 2, диспропорция лиц разного пола репродуктивного возраста снижает эффективную численность. Среди других теоретически возможных факторов, снижающих эффективную численность, следует назвать инбридинг, случаи безбрачия и бесплодия, дифференциальную смертность, а также колебание численности популяции в поколениях [Ли 1978].

Надо отметить, что очень низкое значение среднего количества детей в семье (K) колеблется от 1,08 до 1,98. В данной ситуации не выполняются даже условия для простого типа воспроизводства населения, для которого необходимо в среднем иметь показатель 2,13 на одну семейную пару. Почти во всех группах дисперсия средней (σ^2_K) ниже самого значения среднего числа детей (\bar{E}), что говорит о стабильности подобной ситуации, но в данном случае это, скорее, показатель устойчивости неблагоприятной демографической ситуации, когда популяция не полностью воспроизводит себя в новом поколении. К тому же это является показателем существующего в популяциях жесткого контроля над рождаемостью и планирования числа детей в семьях. Одним из примеров популяций, в которых действует система планирования размеров семей и применяется искусственный контроль рождаемости, являются греческие и албанские в Приазовье [Спицына 2006].

Как известно, половозрастной состав популяции существенно влияет на скорость протекания генетических процессов, поэтому изучение его динамики представляет большой интерес. Описание демографической структуры популяций дано на основе анализа материалов, собранных в ходе экспедиций в 2008–2010 гг. в Икрянинском районе Астраханской области; для сравнения приводятся ранее опубликованные сведения по Лаганскому району Республики Калмыкия [Балинова 2008]. Половозраст-

ная характеристика исследуемых популяций представлена в диаграммах (см. рис. 1).

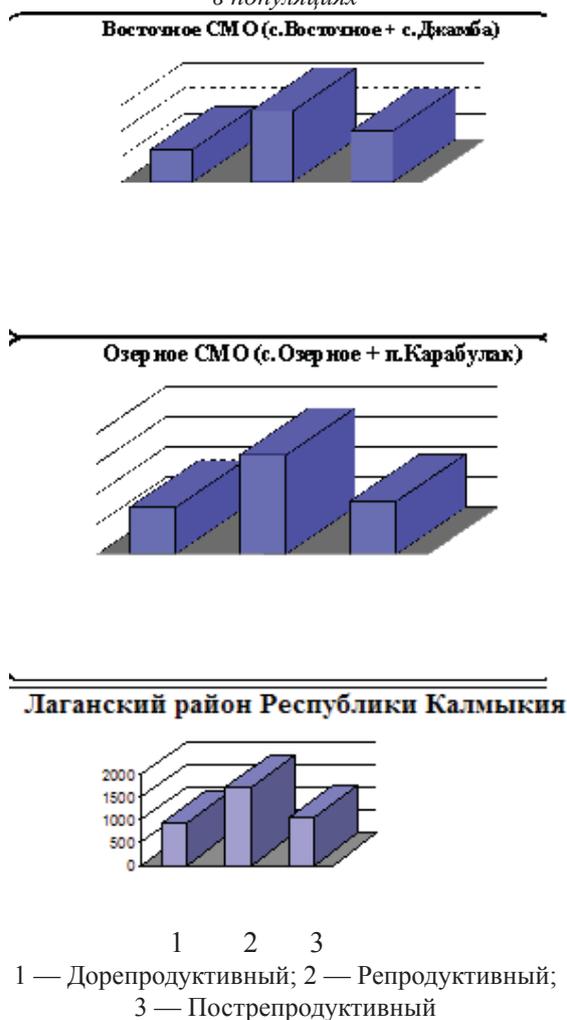
Рис. 1. Распределение по возрасту и полу

На половозрастной пирамиде нашли свое отражение исторически обоснованные демографические события прошлых лет. Так, годы Великой Отечественной войны и насильственная депортация калмыцкого народа 1943–1957 гг. совпадают с дефицитом лиц 51–65 лет, соответственно наблюдается уменьшение доли их потомков [Бакаев 2003]. Деформация нижней части половозрастной пирамиды показывает резкое сокращение числа детей младших возрастных групп 0–10, что свидетельствует о падении рождаемости в сельских популяциях Калмыкии. В этой ситуации необходимо предпринимать меры по стимулированию семей к рождению детей, так как исследуемая группа женщин еще не вышла из репродуктивного возраста.

При сопоставлении до-, пост- и репродуктивного объема в изученных популяциях наблюдается преобладание лиц пострепродуктивного возраста и малое число лиц — дорепродуктивного (рис. 2), т. е. существует определенная деформация возрастной структуры, характерная для стареющего населения.

Рис. 2. Соотношение возрастных когорт в популяциях

В целом ситуация, сложившаяся в сельских популяциях, более сходна с демографической структурой городских популяций. Последние характеризуются воспроизводством суженного типа, где рост численности населения происходит в основном за счет мигрантов из соседних областей и других регионов. Подобные сельские популяции были отмечены Н. Х. Спицыной [1993] на Камчатке у коряков и эвенов.

Итак, анализ генетико-демографических показателей калмыцких сельских популяций в Астраханской области и Республике

Калмыкия позволил сделать следующие заключения:

- пострепродуктивная возрастная когорта женщин калмыцкой и русской национальностей характеризуется расширенным типом воспроизводства, что позволяет говорить о положительной демографической ситуации предшествующего поколения;
- индекс Кроу и основные статистические данные витальности указывают на незначительное влияние естественного отбора;
- влияние небиологических факторов оказывает существенное воздействие на процессы воспроизводства в популяциях.

Литература

- Бакаев П. Д. О трагедии в истории калмыцкого народа. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 176 с.
- Балинова Н. В. Сравнительный анализ генетико-демографической структуры сельских популяций Калмыкии (полевой материал 2004–2006 гг.) // Вестник КИГИ РАН. 2008. № 3. С. 73–77.
- Брук С. И. Население мира: этнодемографический справочник М., 1986. 830 с.
- Гольцова Т. В., Сукерник Р. И. Генетическая структура обособленной группы коренного населения Северной Сибири нганасан (тавгийцев) Таймыра. Сообщ. 4: Изучение популяционной динамики // Генетика. 1979. Т. 15. № 4. С. 734–744.
- Калмыкия в цифрах, 2003 г. Ежегодник Госкомстата РК. Элиста: Госкомстат, 2004. 236 с.
- Курбатова О. Л., Победоносцева Е. Ю. Городские популяции: возможности генетической демографии (миграции, подразделенность, аутбридинг) // Вестник ВОГиС. 2006. Т. 10. № 1. С. 155–188.
- Ли Ч. Введение в популяционную генетику. М.: Мир, 1978. 555 с.
- Лузина Ф. А. Наследственный полиморфизм и генетические процессы в коренном населении горного Алтая: автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М., 1987. 28 с.
- Спицына Н. Х. Проблемы исторической генетики. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1993. 236 с.
- Спицына Н. Х. Демографический переход в России. М.: Наука, 2006. 211 с.
- Спицына Н. Х., Балинова Н. В. Генетика репродуктивных процессов. Исследования в популяциях бурят // Вестник антропологии. Вып. 14. М., 2006. С. 109–114.
- Спицына Н. Х., Балинова Н. В., Дерябин В. Е., Спицын В. А. Генетические факторы, ответственные за репродуктивные особенности в бурятской популяции // Медицинская генетика. 2007. № 2. С. 24–28.
- Фогель Ф., Мотульски А. Генетика Человека. М.: Мир, 1990. Т. 2. 378 с.
- Ferak V., Kroupova Z. Changes of the Population Structure in Slovakia // Symp. Med. Genetics: Abstracts. Debrecen-Haiduszoloszjo. 1976. P. 76–89.
- Saugstad L. F. Inbreeding in Norway // Ann. Hum. Genet. 1977. V. 40. № 4. P. 481–492.
- Schull W. J. Primitive Populations: Som Contributions to the Understanding of Human Population Genetics // Human Genetics. Amsterdam, 1972. P. 112–123.

УДК 340.153+340.12

ББК 67 (2Рос=Калм)

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ КАЛМЫКОВ В XVII–XVIII ВЕКАХ***Е. А. Команджаев*

Правовое сознание определяется в научной литературе как объективно существующий набор взаимосвязанных идей, эмоций, выражающих отношение обществ, групп, индивидов к праву и правовым явлениям в общественной жизни. Правосознание — это оценка права, существующая в сознании, формирующая мировоззрение человека и общества в целом, и в этом смысле оно представляет собой основу правовой жизни государственно-организованного общества. Оно появилось вместе с формированием государства и присуще любому обществу и индивиду. Правосознание оказывает активное воздействие на поведение членов общества, способствует консолидации граждан, поддержанию и укреплению правопорядка. Высокая степень правового сознания общества и уважение граждан к закону являются основой стабильности государства.

На формирование и развитие правосознания как одну из форм общественного сознания оказывают воздействие социально-политические, экономические и культурные факторы. Оно взаимодействует с моралью, культурой, религией и философией. Правосознание в то же время можно рассматривать как элемент культуры общества. Важные ценности правовой культуры можно найти в древнейших памятниках права, нормативно-правовых актах, которые представляют собой первые проявления правового сознания людей.

Правовые нормы оказывают воздействие на развитие правосознания населения, формирование обоснованных и справедливых суждений о субъективных правах и обязанностях. В то же время в разработке правовых актов большую роль играет массовое правосознание народа.

Сначала оно регулировалось правилами поведения, основанными на местных обычаях, которые существовали еще в догосударственном обществе. Преобразуясь в систему обычного права, правила родового общества существенно менялись, отражая

интересы государства и правящих социальных групп. Обычаи, санкционированные государством, становились правовыми обычаями, которые были широко распространены во времена рабовладельческого общества и раннего феодализма, о чем свидетельствуют некоторые законодательные акты, издававшиеся в XVII–XVIII вв.

С централизацией государственной власти и созданием крупного государства обычное право перестает действовать¹. Государство санкционирует те обычаи, которые отвечают его интересам, и они приобретают характер общеобязательных правил поведения. Не являются исключением здесь законодательные акты монгольских народов, в частности калмыцкого, которые выступали как основа формирования их правового сознания.

Почти все законы, существовавшие у монголов, происходили из народных обычаев, на что указывают китайские и мусульманские источники [Гурлянд 1904: 8]. У кочевых народов имелись две специфические черты в законах: 1) от наказания всегда, несмотря на его строгость, можно было откупиться штрафом, как правило, скотом; 2) разрешался самосуд в случае совершения преступления кем-либо из чужих. Подобного рода узаконенные обычаи встречаются у многих народов.

Во многом законотворческий опыт предшественников явился правовой основой создания Монгольской империи в начале XIII в. В 1206 г. на общем собрании князей Темучин (Темучзин) был объявлен императором под именем Чингис-хан, до которого существовало немало законодательных распоряжений, но немногие из них известны исследователям (преимущественно из летописей). Все эти правила были основаны на народных обычаях и сохранялись устно, поскольку у древних монголов отсутствовала письменность. Они и представляют собой

¹ В пределах, допускаемых государством, могут применяться лишь отдельные обычаи.

древний Ясак. По сообщениям персидских историков Монголии Джувейни и Хондемира, «все законы и постановления Чингис-хана собраны им и написаны в книгах, называющихся „великой Ясой“, но естественно <...> Чингис-хан никогда не решился бы обойти народный Ясак, который в действительности и служить основанием „великой Ясы“ Чингис-хана» [Гурлянд 1904: 14].

Таким образом, очевидно, что Чингис-хан собрал все имеющиеся до него устные законы, основанные на народных обычаях, дополнил и велел записать их. Это собрание законов и составило «Великую Ясу». Ясное представление об этом законодательном акте, к сожалению, получить невозможно, так как в полном виде он не сохранился. Об этом документе можно судить только по тем отрывкам, которые были приведены в разных исторических сочинениях. «Великая Яса» Чингис-хана, отражавшая особенности кочевой жизни и представлявшая собой сборник обычного права, должна была регулировать союзные отношения между различными племенами, а также содействовать их объединению и сплочению под единой властью хана. До 1640 г. у монголоязычных народов общественные отношения регулировались преимущественно правовыми обычаями, составлявшими устное обычное право, и некоторыми «писаными уголовными правилами» [Сергеев и др. 1998: 15].

Образование в конце XIV в. ойратского союза привело к необходимости создания общего свода законов, регулирующего отношения союзных племен. Академик П. С. Паллас относит древний «Цааджин Бичик» к законам монгольских народов, которые восходили к обычному праву калмыков [Сергеев и др. 1998: 5]. Профессор Ф. И. Леонтович считает, что древний монгольский устав появился в начальном периоде эпохи образования ойратского союза и символизировал собою политический компромисс, легший в основу союза четырех ойратских племен, подобно более позднему Своду законов «Цааджин Бичик» (1640), являвшемуся юридическим выражением более широкого союза монгольских племен.

К источникам законов 1640 г. Ф. И. Леонтович относит: а) «Великую Ясу» Чингис-хана начала XIII в.; б) «обычаи, присловья и изречения», приписываемые Чингис-хану и его преемникам; в) местные или малые ясы (древние уставы отдельных племен); г) Цааджин Бичик — племенной устав Зюнга-

рии эпохи дербен-ойратства (XV–XVI вв.); д) монгольские ярлыки и пайзы XIII в. и последующих веков; е) каноническое право буддистов (с конца XVI в.) [Сергеев и др. 1998: 188].

Профессор К. Ф. Голстунский, напротив, считает, что ни «Великая Яса» Чингис-хана, ни пайзы, ни ярлыки, ни каноническое буддийское право не были и не могли быть письменными источниками для законов 1640 г. Монголо-ойратские законы составлялись самостоятельно и имели своим источником: во-первых, устное обычное право, т. е. собрание народных обычаев; во-вторых, обстоятельства политического и социального положения монголов-ойратов в период времени, предшествовавший сейму; в-третьих, вероятно, религиозное движение, явившееся результатом распространения буддизма [Голстунский 1880: 10–12].

Я. И. Гурлянд также придерживается точки зрения К. Ф. Голстунского. Об этом свидетельствует, как считает Я. Гурлянд, сам текст уложения («князя сорока и четырех, положив начало Великое Уложение написали»). Существовало лишь обычное право, которое, возможно, и служило источником для Уложения, но его, по предположению Я. И. Гурлянда, князья не использовали, так как в этом отсутствовала необходимость, поскольку обычное право было им известно. Вместе с тем мы не разделяем точку зрения К. Ф. Голстунского об отсутствии всякого влияния яса на уложение 1640 г. Хотя о том, что монголо-ойраты XVII в. имели представление о ясах, не говорится, но, поскольку яса является продуктом обычного права и к тому же обычное право XIII и XVII вв. имеет очень много общего, то, следовательно, многие уложения-ясы были хорошо известны составителям уложения 1640 г. и были приняты ими во внимание при его составлении [Гурлянд 1904: 55].

Важнейшим источником законов 1640 г. было, по всей вероятности, обычное право монголов, о чем свидетельствует анализ содержания законов. Данные законы действовали почти во всех монгольских и ойратских княжествах. Калмыцкие нойоны долгое время руководствовались ими в судебной практике, несмотря на новые условия их жизни в составе России. Ф. И. Леонтович сообщает, что «монгольские племена исстари жили под исключительными определениями дружинно-родовых и теократических начал, в сильной степени квалифицировавших весь

их общественный быт. Под теми же квалификациями развивалось и их племенное право: правовые обычаи и законы явились у них <...> в виде заповедей высшего существа, переходивших в народное сознание, как веление племенных вождей... [у кочевников] между обычаем и законом собственно не могло быть большой разницы» [Леонтович 1879: 16].

Своеобразие законов 1640 г. объясняется социально-экономическим и политическим развитием монголо-ойратского общества XVII в., они полностью соответствовали потребностям того времени и интересам правящего класса. Все правовые идеалы монгольского средневекового общества нашли свое отражение в данных законах. Именно они стали основным источником для дальнейшего развития права у калмыков в XVIII и начале XIX вв.

Законодательство калмыков XVII–XVIII вв. регулировало общественные отношения в области заключения брака, наследования, усыновления, возмещения материального ущерба, обмена ценностями. Значительное число правовых норм было посвящено семейно-брачным отношениям. Кроме того, определенное внимание уделялось вопросам наследования, усыновления, удочерения. Следует отметить, что калмыки особое значение придавали созданию семьи и укреплению родственных отношений. Даже административно-территориальное деление строилось по родственному принципу.

Правотворчество калмыков периода феодализма всецело подчинялось нуждам кочевого общества, во многом оно было казуистично, поэтому некоторые понятия и конструкции не известны степному законодательству. При этом правовые нормы монголо-ойратских законов 1640 г. с большей долей условности можно разделить на отрасли.

В законах 1640 г. содержится значительная группа норм гражданско-правового характера, из которых прослеживаются обязательства по возмещению материального ущерба, вытекающие из правонарушений, компенсации за гибель людей и скота. Кроме того, многочисленны обязательства материального вознаграждения лиц, совершивших общественнополезные деяния, например тушение костра в покинутом кочевье, спасение имущества во время пожара² и т. д.

² Так, погасивший открытый очаг костра, оставленный в покинутом людьми кочевье, вознаграждался

Правовые нормы калмыков предусматривали материальное вознаграждение за содействие в раскрытии преступлений, изобличении преступника, а также за выступление в качестве свидетеля. Так, у калмыков особо поощрялись смелость и мужество тех, кто отправлялся в погоню за грабителями, напавшими на кочевье и угнавшими скот. В случае успеха воины награждались половиной отбитого скота. Если в бою воин убивал командира противника, то он получал его жену. Если удавалось сразить неприятеля, одетого в панцирь, то победитель имел право на его доспехи. Воины, помогавшие победителю в бою, также награждались доспехами убитых. Воин, спасший другого воина, получал две лошади и панцирь [Сергеев и др. 1998: 197]

Раскрытие преступлений, наказание виновных не только укрепляли силу и престиж нойона, но и его казну. Эффективная борьба с преступлениями была необходима для укрепления веры подданных во всемогущество государства и власти калмыцкой знати, поддержания ее авторитета. Поэтому, наряду с уголовной ответственностью за укрывательство преступлений, было предусмотрено материальное вознаграждение за содействие правосудию. Таким образом, в правосознание калмыцкого общества внедрялись идеи мирного общежития, взаимопомощи, соблюдения запретов и исполнения обязанностей.

Право калмыков XVII–XVIII вв. было обусловлено социально-экономическим и политическим строем, особенностями национальных, религиозных, нравственных взглядов калмыцкого общества, что было отмечено многими исследователями памятников калмыцкого права. Кочевое общество всегда подвергалось центробежным тенденциям и управлять им было гораздо сложнее, чем оседлым населением. Калмыки в давние времена занимались так называемым «хищничеством», т. е. нападали на соседей с целью угона скота, и это считалось проявлением храбрости и удалства. Общество боролось с калмыками, занимавшимися нападением на соседей с целью угона скота, пытаясь изменить сознание населения, хотя сделать это было достаточно трудно, так как сами феодалы организовывали своих подвластных для

овцой. Появление такого правила объясняется тем, что пожар являлся большой опасностью и для пастбищных угодий, и для людей.

нападений. К. И. Костенков писал, что «воинственный дух и страсть к удалству и молодечеству, выражаемые отгонами чужого скота, захватами и хищничеством, долгое время сохранялись в калмыцком народе» [Костенков 1870: 119]. Подобные действия вносили элементы беспорядка в общественные отношения, в систему управления и не способствовали укреплению законности. Поэтому монголо-ойратские законы 1640 г. большое внимание уделяли борьбе с грабежами и междуусобицами. Законы калмыцкого хана Дондук-Даши регламентировали ответственность калмыков за преступления против соседнего населения. Тем самым калмыцкое общество пыталось установить прочный правопорядок и привить законопослушание.

Все вышесказанное определяло роль права, формировало правовую систему и правовое сознание монгольских народов. Поэтому законодатели считали важным сохранение в народе древних обычаев и традиций. Законы предписывали всем без исключения подданным соблюдать нормы права, декларируя принцип справедливости. Бытовавшие в народе обычаи закреплялись в отдельных нормах. Разрешение феодальных междусобиц, вопросов укрепления воинской дисциплины, охраны имущества, пресечение угонов скота, регулирование права пользования пастбищами и другие социальные явления требовали правового закрепления. Совокупность добрых услуг и обязанность их материального вознаграждения также основывались на народных традициях, нравственности и сознании калмыков.

Кроме правовых норм, существовали другие правила морально-нравственного характера, и гуманное поведение всегда приветствовалось в калмыцком обществе, при этом в законодательстве отражались наиболее важные правила с точки зрения государства и общества. Так, например, вознаграждение предусматривалось за спа-

сение жизни и здоровья человека, имущества, скота во время пожаров, наводнений, а также за спасение от гибели в водоемах. Например, «кто спасет человека, долженствующего умереть от пожара или воды, тот имеет получить пять скотин. Кто, желая помочь другому, сам погибнет от пожара или воды, то (наследники погибшего) имеют получить девятку с ценною» [Сергеев и др. 1998: 36].

Таким образом, монголо-ойратские законы 1640 г. и народные обычаи в полной мере отражали правовое сознание населения, а также играли важную роль в формировании и коррекции этого правосознания. Воздействие норм права на общественное правосознание калмыцкого общества проявлялось в том, что юридические акты придавали обязательное значение тем правовым взглядам, которые зарождались в общественном сознании. Получив выражение в государственном правовом акте, взгляды, идеи обретали авторитет государственной воли, именно этот факт сыграл значительную роль в развитии правосознания калмыков XVII–XVIII вв.

Литература

- Гурлянд Я. И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань: Тип. Императорского университета, 1904. 112 с.
- Сергеев В. С., Сергеев Б. В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII–XVIII вв. Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований, 1998. 221 с.
- Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640, дополнительные указы Галдан Хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1880. 144 с.
- Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик) / Записки Новороссийского университета. Т. XVIII. Одесса: тип. Г. Ульриха, 1879. 282 с.
- Костенков К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии: [с карт. Калмыц. степи / сост. гл. попечитель калмыц. народа ген.-майор К. Костенков]. СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. 171 с.

УДК 328.181 + 342.571

ББК 66.3 (2Рос=Калм) 6 + 67.400.6

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ В НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВ В ЗЕРКАЛЕ РЕШЕНИЙ СЪЕЗДОВ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА И НАРОДА КАЛМЫКИИ

Е. А. Гунаев

В Республике Калмыкия в начале 90-х гг. прошлого века общественными движениями, партиями при поддержке органов государственной власти были проведены съезд калмыцкого народа и съезд народа Калмыкии. У каждого съезда были свои цели и задачи, но объединял их один признак: они проводились от имени «народа»¹. В официальных документах и сообщениях СМИ того периода иногда встречается словосочетание *съезд народов Калмыкии*². Решения съездов имели рекомендательный характер, поскольку их статус не был закреплен в Конституции Калмыцкой ССР³, с февраля 1992 г. — Республики Калмыкия — Хальмг Тангч. Тем не менее сам факт проведения съездов и принятые на них решения оказали определенное влияние на дальнейшую политику органов государственной власти республики.

В статье анализируются роль и значение съездов народа Калмыкии в общественно-политических событиях начала 1990-х гг., способствовавших выявлению наиболее значимых в тот период проблем политического, экономического, национального и культурного характеров.

В октябре 1991 г. и в апреле 1992 г. в Калмыкии в два этапа прошел съезд калмыцкого народа. В мае 1992 г. состоялся съезд народа Калмыкии, в котором участвовали делегаты от съезда калмыцкого народа. По итогам проведения обоих съездов были приняты соответствующие решения, которые были представлены в качестве рекомендаций высшим органам государственной власти республики — Верховному Совету и Совету Министров.

Одно из центральных мест в работе съезда калмыцкого народа занимали вопросы

¹ Слово *народ* в наименовании съездов призвано было подчеркнуть значимость, демократичность проводимых мероприятий и их легитимность.

² Имеется в виду *съезд народа Калмыкии*.

³ Конституция Калмыцкой ССР была принята в 1978 г. как Конституция Калмыцкой АССР, название республики изменили соответствующим актом в 1991 г.

национально-культурного развития этноса (сохранение языка, развитие национально-образовательного и культурного образования и культуры). Аналогичные вопросы, относящиеся ко всем народам республики, были затронуты на съезде народа Калмыкии.

Рассмотрим предпосылки созыва и осветим работу указанных съездов.

15 мая 1991 г. Народный фронт Калмыкии обратился в Президиум Верховного Совета Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч с предложением о проведении в конце мая и начале июня 1991 г. съезда калмыцкого народа [Куменова 1991а]. Однако Президиум Верховного Совета поддержал данное предложение лишь в конце сентября 1991 г., назначив дату съезда своим Постановлением на 12 октября 1991 г. [Постановление ... «О проведении ... 1991】. Было утверждено также Положение о порядке подготовки и проведения выборов делегатов съезда калмыцкого народа. В нем устанавливалось, что «съезд должен сыграть решающую роль в определении дальнейшей судьбы калмыцкого народа и призван консолидировать все слои общества, заинтересованные в решении назревших проблем национального возрождения, наполнения реального содержания Декларации о государственном суверенитете Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч» [Положение ... 1991】.

Главной задачей всей выборной кампании являлось обеспечение права каждого гражданина калмыцкой национальности принимать участие в выдвижении кандидатов, в выборах делегатов на съезд и права быть избранным делегатом на съезд (п. 1). Право быть избранным делегатом и участвовать в работе съезда предоставлялось также и представителям других народов, проживающих в республике, «которым близки и понятны проблемы национального возрождения калмыцкого народа» (п. 2) [Положение ... 1991】. Выборы делегатов на съезд проводились по производственно-территориальному принципу при норме представительства один де-

легат от 300 человек, проживающих или работающих к моменту проведения собрания или схода граждан. Разрешалось проводить объединенные по отраслевому признаку собрания трудовых и творческих коллективов и союзов. Организация работы по выборам делегатов на съезд калмыцкого народа возлагалась на городские и районные Советы народных депутатов и их исполкомы.

28 сентября 1991 г. было опубликовано Заявление Калмыцкого центра межнациональных общений, в котором решение Президиума Верховного Совета КССР названо «поспешным» и способным внести «разлад» в межнациональные отношения. Калмыцкий центр межнациональных общений просил Верховный Совет КССР отменить решение своего Президиума, «незаконного принимать такие решения, ... назначить Съезд народа Калмыкии, где могли бы участвовать представители всех народов» [Заявление Калмыцкого центра ... 1991].

30 сентября 1991 г. Президиум Совета Министров Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч принял Заявление, в котором, в целом поддерживая идею национального съезда, отметил справедливость заявления Калмыцкого центра межнациональных общений, республиканской конференции ветеранов, многочисленных заявлений граждан о проведении съезда народов Калмыкии, «поскольку проблемы национально-государственного устройства, развития экономики и социальной сферы касаются всех граждан, проживающих в республике» [Заявление Президиума ... 1991]. В Заявлении предлагалось «провести в ноябре 1991 г. Съезд народов Калмыкии, на котором обсудить пути государственного, экономического и социального развития суверенной Калмыкии — Хальмг Тангч, а в декабре 1991 г. — съезд калмыцкого народа, где будут всесторонне рассмотрены проблемы возрождения языка и развития национальной культуры» [Заявление Президиума ... 1991]. В Заявлении указывалось, что участниками съезда калмыцкого народа должны стать и соотечественники, проживающие за пределами республики и государства, «поскольку его повестка дня является общенациональным делом и касается всего калмыцкого этноса» [Заявление Президиума ... 1991]. «При таком подходе будет обеспечено сохранение стабильности в обществе, совершенствование межнациональных отношений, интернациональная

сплоченность людей на благо развития республики» [Заявление Президиума ... 1991].

Данный вопрос рассматривался на сессии Верховного Совета Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч 3 октября 1991 г. Было принято Постановление Верховного Совета КССР — Хальмг Тангч «О съезде калмыцкого народа», в котором говорилось о целесообразности его проведения [Постановление ... «О съезде...» 1991]. На очередной сессии Верховного Совета предлагалось рассмотреть предложения по срокам его проведения. Было принято также Обращение Верховного Совета Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч к гражданам республики, в котором указывалось, что идея созыва съезда калмыцкого народа нашла поддержку у большинства народных депутатов и что съезд внесет свой вклад в развитие национального возрождения народа и будет способствовать дальнейшему укреплению доверия между людьми разных национальностей. Вместе с тем отмечалось, что сроки подготовки к съезду очень сжатые (к 12 октября 1991 г.), в результате чего было принято решение о переносе съезда калмыцкого народа на более поздний срок, а также о проведении съезда народов Калмыкии [Обращение Верховного Совета ... 1991].

Таким образом, Верховный Совет республики, по сути, отменил Постановление Президиума по поддержке инициативы Народного фронта Калмыкии о созыве съезда калмыцкого народа. Несмотря на отрицательное отношение Верховного Совета КССР, в тот же день, 3 октября 1991 г., оргкомитет по созыву съезда калмыцкого народа заявил о своей решимости провести намеченный съезд 12 октября 1991 г. [Вихоцкий, Ланцынова 1991]. В этой связи оргкомитет по проведению съезда обратился к населению республики с просьбой оказать всевозможную поддержку и содействие в выборах делегатов на съезд [Заявление оргкомитета ... 1991].

Данное решение объяснялось несколькими причинами. Во-первых, организаторы съезда (Народный фронт Калмыкии, включая движение «Демократическая Калмыкия») стремились провести съезд до выборов первого Президента Калмыкии. Во-вторых, «проблемы национально-культурного возрождения не терпят отлагательств» [Куменова 1991а]. В-третьих, политическая ситуация в России стремительно менялась. Поэтому необходимо было «хорошо пред-

ставлять мнение народа по всем актуальным проблемам» [Куменова 1991а].

На заседании оргкомитета по подготовке и проведению съезда калмыцкого народа было отмечено, что съезд народа — это не законодательный институт, он лишь определяет мнение представителей коренной национальности по вопросам государственности. Другие народы, по мнению организаторов съезда, также вправе были провести свои съезды. В результате обсуждения было определено, что основное направление съезда калмыцкого народа будет не «национально-культурное возрождение», а «национальное» [Куменова 1991б], поскольку национально-культурное возрождение народа невозможно рассматривать в отрыве от комплекса проблем национального развития.

Количество кандидатов, зарегистрированных на первом съезде калмыцкого народа (12–13 октября 1991 г.), составило 169 человек. Острая дискуссия коснулась названия съезда: было предложено назвать его вторым съездом калмыцкого народа, т. к. в 1920 г. в п. Чилгир проходил подобный съезд. В этой связи делегат, ученый-краевед И. В. Борисенко уточнил, что съезд 1920 г. являлся съездом Советов. Были предложения назвать его лишь съездом представителей калмыцкого народа, поскольку съезд должен был собрать 300 делегатов. Однако было дано разъяснение, что цифра 300 была установлена для того, чтобы по республике определить квоту. После голосования делегаты приняли решение назвать свой форум «Первым съездом калмыцкого народа». Помимо того, было решено, что делегаты должны сосредоточить свое внимание на проблемах духовного возрождения нации, а решения съезда будут носить рекомендательный характер [Бембеев 1991].

На съезде был обсужден широкий спектр вопросов, связанных с национальным возрождением калмыцкого народа (положение калмыцкого языка, культуры, состояние экономики, экологии, здравоохранения и др.), а также были приняты Обращения к калмыцкому народу, к гражданам республики и Резолюция съезда [Первый съезд ... 1991].

В Обращении к калмыцкому народу содержался призыв поддержать цели и идеи съезда, «направленные на возрождение калмыцкого народа, его духовности, языка и культуры» [Обращение к калмыцкому народу ... 1991]. В Обращении к гражданам

республики делегаты съезда просили отнестись с пониманием и поддержать идеи съезда по национальному возрождению калмыцкого народа. Кроме того, выражалась поддержка стремления всех народов к возрождению своей государственности и самобытности, к возрождению своей культуры, языка, религии, а также указывалось на необходимость объединения усилий всех народов республики для преодоления трудностей переходного периода [Обращение к гражданам республики ... 1991].

В Резолюции Первого съезда калмыцкого народа «О национальном возрождении калмыцкого народа» отмечалось, что подлинное национальное возрождение возможно лишь при утверждении демократических принципов народовластия. Здесь был негативно оценен опыт развития этносов в советский период путем «слияния наций в единый советский народ», отмечалось, что войны, сталинские репрессии и депортация нанесли «небольшому калмыцкому народу непоправимый удар по материальным, культурным и духовным ценностям, подорвали здоровье нации, ее психологию, генофонд» [Резолюция ... 2004: 450]. В этой связи участники съезда обратились к органам государственной власти, ко всем общественным организациям с предложением о принятии «более радикальных и решительных мер по национальному возрождению калмыцкого народа» [Резолюция ... 2004: 450–451].

По данному вопросу предлагалось осуществить принятие всех мер «по полной и справедливой реабилитации репрессированных народов Калмыкии», исходя из Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», усиление взаимодействия с международными организациями в целях оказания гуманитарной помощи, отмена правовых актов в сфере приватизации до принятия Закона КССР «О приватизации и разгосударствлении...», соблюдение Закона КССР «О государственных языках Калмыцкой ССР», совершенствование системы народного образования и др. Верховному Совету КССР было предложено внести изменения в Закон «О выборах народных депутатов Калмыцкой ССР» для перевода депутатской деятельности на профессиональную основу. Однако Резолюция, по сути, выразила недоверие Верховному Совету республики с предложением его роспуска [Резолюция ... 2004: 451–452].

20 февраля 1992 г. Верховный Совет принял Постановление КССР «О проведении съездов калмыцкого народа и народа Калмыкии», согласно которому съезд калмыцкого народа должен был состояться в апреле, съезд народа Калмыкии — в мае 1992 г. Президиумам Верховного Совета и Совета Министров республики было поручено создать оргкомитеты по их проведению, включив представителей общественно-политических организаций и движений республики [Постановление Верховного Совета ... 1992]. 16 марта 1992 г. Президиум Верховного Совета и Президиум Совета Министров Республики Калмыкия — Хальмг Тангч провели совместное заседание, на котором было принято решение о проведении съезда калмыцкого народа 24–25 апреля, съезда народа Калмыкии — 15–16 мая 1992 г. в г. Элисте [Шалхакова 1992].

В статьях республиканских СМИ того периода проведение Первого съезда калмыцкого народа 24–25 апреля 1992 г. характеризуется как его второй этап, хотя в официальном решении съезда упоминаний об этом нет. Норма представительства на съезде калмыцкого народа осталась прежней: один делегат от 300 человек калмыцкой национальности или один делегат от населенного пункта, где численность калмыков была меньше указанной цифры. Ожидался также приезд представителей калмыцкого населения из мест компактного проживания соседних краев, областей. На съезд народа Калмыкии норма представительства составила один человек от 600 жителей [Яковлев 1992].

В работе съездов приняли участие народные депутаты РФ, Верховного и местных Советов республики, члены правительства республики, представители общественно-политических движений, работа которых широко освещалась СМИ республики. Делегацию народных депутатов РФ возглавлял Председатель комитета Верховного Совета РФ по национальным вопросам Н. П. Медведев [Настаева 1992; Шамаков 1992].

Делегатами второго этапа Первого съезда калмыцкого народа было избрано 548 человек, хотя на съезде присутствовало только 409 делегатов [Жуменова 1992; Яковлев 1992]. На съезде были обсуждены проблемы возрождения калмыцкого языка и культуры, политическая ситуация в стране и национальное возрождение калмыцкого народа в составе России, медико-социальные

проблемы здоровья населения, вопросы экономического развития Калмыкии в новых рыночных условиях. По итогам обсуждений съезд принял Решение «О национальном возрождении калмыцкого народа» [Решение Первого съезда ... 1992], который в основных своих положениях повторял прежнюю Резолюцию съезда калмыцкого народа с той лишь разницей, что Решение носило более развернутый и эмоциональный характер. Преамбула документа изобилует резкими эмоциональными характеристиками, например, в ней присутствует слово «геноцид», а почти весь XX век в стране характеризуется как «период тоталитарного режима».

Ответственность за состояние дел в сфере экономики, экологии и национальной культуры возлагалась на органы государственной власти республики (Верховный Совет и Совет Министров), а также федеральный центр. Съезд потребовал от Верховного Совета и Совета Министров:

— неуклонно выполнять Декларацию о государственном суверенитете Республики Калмыкия — Хальмг Тангч;

— ускорить разработку и принятие новой Конституции республики;

— разработать и принять в течение 1992 г. комплексную программу национального возрождения калмыцкого народа;

— принять все необходимые меры по реализации в полном объеме Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», включая территориальные вопросы;

— пересмотреть Закон «О языках в Калмыцкой ССР» с целью признания государственным языком одного калмыцкого языка, а русский язык считать языком межнационального общения;

— принять закон по экологии, разработать программу по выводу республики из экологического кризиса и др.

Съезд калмыцкого народа обратился к Президенту РФ Б. Н. Ельцину и Верховному Совету РФ с просьбой в течение 1992 г. определить срок и разработать программу по политической, территориальной, экономической и социально-культурной реабилитации калмыцкого народа в соответствии с Законом РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Кроме того, съезд обратился к международной общественности, к ООН «с просьбой обратить внимание на бедственное положение репрессированного калмыцкого народа» и об оказании

помощи (имеется в виду гуманитарная помощь). Вместе с тем съезд калмыцкого народа заявил о том, что, осознавая свою ответственность перед всем народом Калмыкии, выступает за подлинное равноправие представителей всех наций и народностей, проживающих в республике. Делегаты высказались и о том, что «решения съезда, принятые с целью сохранения калмыцкого народа как этноса, найдут понимание и поддержку у всех жителей республики» [Решение Первого съезда ... 1992].

Необходимо отметить, что съезд проходил в действительно сложный период — после распада СССР, в тяжелейших условиях становления новой российской государственности, сопряженных с политической нестабильностью, развалом экономики, ростом цен, безработицы и т. д. Кроме того, национальный съезд состоялся в условиях продолжавшегося процесса суверенизации республики и больших социальных ожиданий в связи с принятием Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Этим и объясняются столь резкие оценки состояния дел и отдельные предлагавшиеся меры в Решении съезда.

15–16 мая 1992 г. в г. Элисте прошел съезд народа Калмыкии⁴. Целью съезда была консолидация народа республики в решении национальных, экономических и национальных проблем, проблем межнациональных отношений [Съезд народа Калмыкии 1992]. Делегатами на съезд было избрано 543 человека, представлявших 31 национальность⁵. Для участия в работе съезда прибыло 407 делегатов [Воронова, Ланцынова и др. 1992].

⁴ Приветствие делегатам и гостям съезда направил Президент РФ Б. Н. Ельцин. В нем, в частности, говорилось: «Приветствую делегатов и гостей Съезда народов Республики Калмыкия — Хальмг Тангч. Ваш Съезд — это большое событие в жизни и истории Республики Калмыкия — Хальмг Тангч. <...> Как и многим другим народам России, народам Калмыкии пришлось пережить немало трудностей и страданий, необоснованные репрессии, депортацию и ликвидацию автономии. Сейчас жизненно важно преодолеть обиды и направить усилия народов Калмыкии на создание и демократическое преобразование общества...» [Приветствие Президента ... 2004: 482].

⁵ На съезде присутствовало: калмыков — 251 делегат; русских — 183; казахов — 22; даргинцев — 18; немцев — 12; чеченцев, украинцев и татар — по восемь делегатов; белорусов и евреев — по три; эстонцев, лезгин, турков-месхетинцев, кумыков, греков и ногайцев — по два; грузин, армян, азербайджанцев, лакцев, балкарцев, кабардинцев, карачаевцев, удмуртов, осетинов, табасаранцев, черкесов, поляков, корейцев, марийцев и якутов — по одному делегату.

В докладе Председателя Верховного Совета Республики Калмыкия — Хальмг Тангч В. М. Басанова, выступившего на съезде, было отмечено, что обстановка в сфере межнациональных отношений характеризуется стабильностью. Для удовлетворения интересов различных национальных групп в республике действуют национально-культурные центры, общества, ассоциации. Наряду с изучением калмыцкого языка уделяется внимание и изучению языков народов, компактно проживающих в республике. Вместе с тем решение Первого съезда калмыцкого народа требовать от Верховного Совета республики объявить калмыцкий язык единственным государственным, с лишением такого статуса у русского языка, он назвал эмоциональным. Такой подход, указал Председатель Верховного Совета республики, противоречил принятой Декларации о государственном суверенитете и Закону «О языках в Калмыцкой ССР». Как отметил В. М. Басанов, «мы провозгласили суверенитет в интересах всего народа Калмыкии» [НА РК Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 3122. Л. 8–12].

По итогам работы съезд народа Калмыкии принял Решение, в котором поддерживал требование Первого съезда калмыцкого народа об ускорении разработки и принятия новой Конституции Республики Калмыкия, в которой должны быть предусмотрены принципы представительства в органах государственной власти национальностей, проживающих в республике. Верховному Совету было предложено разработать Закон «О правах национальностей в Республике Калмыкия — Хальмг Тангч». Участники съезда утвердили Закон «О языках в Калмыцкой ССР» в части признания государственным калмыцкого и русского языков и выступили за реализацию программы возрождения языка. Съезд поддержал решение Первого съезда калмыцкого народа о требовании исполнения Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» и выступил за полное восстановление их прав «без ущемления прав других национальностей» и др. [Решение Съезда народа Калмыкии 1992].

Решение съезда народа Калмыкии включило в себя часть решений съезда калмыцкого народа, «переосмысленных» с гражданских позиций. В этом смысле Решение съезда народа Калмыкии обладало, на наш взгляд, большей значимостью и легитимностью. 25 мая 1992 г. совместным Постановлением Президиума Верховного Совета и

Президиума Совета Министров Республики Калмыкия — Хальмг Тангч был утвержден план мероприятий по реализации решений Первого съезда калмыцкого народа и съезда народа Калмыкии. Перечисленные в нем меры носили сбалансированный характер [Постановление Президиума ... 2004].

Как отмечается в литературе, съездовская система, вновь введенная в практику в годы «перестройки» на государственном уровне, предполагала «переплавлять» мудрость народа через его достойных представителей в исторические решения о путях дальнейшего развития. Государственная власть рассчитывала предложить съездам такие проекты политических и законодательных решений, при одобрении которых народ выразит поддержку тех вариантов развития, которые предложит власть. Съездам также отводилась роль органов, где будет выпускаться «демократический пар» [Авакьян 1999: 20]. Все это приложимо по отношению к вышеописанным событиям в Калмыкии начала 1990-х гг. с тем лишь отличием, что в республике съезды не являлись органами власти.

Список источников

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 3122. Л. 8–12

Литература

- Авакьян С. А. Федеральное Собрание — Парламент России. М.: Рос. юрид. издател. дом. 1999. 432 с.
- Бембеев В. Как возродить нацию? // Известия Калмыкии. 1991. 18 окт.
- Вихоцкий Л., Ланцынова М. Парламент стоял на своем // Известия Калмыкии. 1991. 5 окт.
- Воронова Е., Ланцынова М., Мухтарова Л., Вихоцкий Л., Шамаков Э., Фурманов В. Съезд консолидации и сотрудничества // Известия Калмыкии. 1992. 19 мая.
- Заявление Калмыцкого центра межнациональных общений // Известия Калмыкии. 1991. 28 сент.
- Заявление оргкомитета по подготовке и проведению съезда калмыцкого народа населению республики // Известия Калмыкии. 1991. 2 окт.
- Заявление Президиума Совета Министров Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч от 30 сент. 1991 г. // Известия Калмыкии. 1991. 1 окт.
- Куменова Н. Трудное начало. Актуальное интервью к съезду калмыцкого народа // Известия Калмыкии. 1991а. 3 окт.
- Куменова Н. Компромисса не получилось // Известия Калмыкии. 1991б. 4 окт.
- Куменова Н. Открылся съезд калмыцкого народа // Известия Калмыкии. 1992. 25 апр.
- Настаева Т. Гибель этноса — потеря для цивилизации // Советская Калмыкия. 1992. 28 апр.
- Обращение Верховного Совета Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч к гражданам республики от 3 окт. 1991 г. // Известия Калмыкии. 1991. 12 окт.
- Обращение к гражданам республики делегатов Первого съезда калмыцкого народа от 13 окт. 1991 г. // Известия Калмыкии. 1991. 18 окт.
- Обращение к калмыцкому народу делегатов Первого съезда калмыцкого народа от 13 окт. 1991 г. // Известия Калмыкии. 1991. 18 окт.
- Первый съезд калмыцкого народа // Известия Калмыкии. 1991. 15 окт.
- Положение о порядке подготовки и проведения выборов делегатов на съезд калмыцкого народа // Известия Калмыкии. 1991. 27 сент.
- Постановление Верховного Совета Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «О проведении съездов калмыцкого народа и народа Калмыкии» от 20 февр. 1992 г. // Советская Калмыкия. 1992. 29 февр.
- Постановление Верховного Совета Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «О съезде калмыцкого народа» от 3 окт. 1991 г. // Известия Калмыкии. 1991. 12 окт.
- Постановление Президиума Верховного Совета Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «О проведении съезда калмыцкого народа» от 25 сент. 1991 г. // Известия Калмыкии. 1991. 27 сент.
- Постановление Президиума Верховного Совета и Президиума Совета Министров Республики Калмыкия — Хальмг Тангч «Об утверждении плана мероприятий по реализации решений Первого съезда калмыцкого народа и Съезда народа Калмыкии» от 25 мая 1992 г. // Восстановление автономии и реабилитация калмыцкого народа: Сб. документов и материалов. Т. 1. Кн. 3. Ч. 2. Реабилитация калмыцкого народа (1964–2003 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. С. 485–488.
- Приветствие Президента Российской Федерации Б. Ельцина делегатам и гостям Съезда народов Республики Калмыкия — Хальмг Тангч от 15 мая 1992 г. // Восстановление автономии и реабилитация калмыцкого народа: Сб. документов и материалов. Т. 1. Кн. 3. Ч. 2. Реабилитация калмыцкого народа (1964–2003 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. С. 482–483.
- Резолюция Первого съезда калмыцкого народа «О национальном возрождении калмыцкого народа» от 13 окт. 1991 г. // Восстановление автономии и реабилитация калмыцкого народа: Сб. документов и материалов. Т. 1. Кн. 3. Ч. 2. Реабилитация калмыцкого народа (1964–2003 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 684 с.
- Решение Первого съезда калмыцкого народа «О национальном возрождении калмыцкого народа» // Известия Калмыкии. 1992. 14 мая.
- Решение Съезда народа Калмыкии от 15 мая 1992 г. // Известия Калмыкии. 1992. 23 мая.
- Съезд калмыцкого народа состоится // Известия Калмыкии. 1991. 9 окт.
- Съезд народа Калмыкии // Известия Калмыкии. 1992. 15 мая.
- Шалхакова С. Совместное заседание // Известия Калмыкии. 1992. 18 марта.
- Шамаков Э. Открылся съезд народа Калмыкии // Известия Калмыкии. 1992. 16 мая.
- Яковлев В. Кто будет докладывать на съезде? // Советская Калмыкия. 1992. 31 марта.

УДК 81'342

ББК 81.2-3

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СИСТЕМЫ ВОКАЛИЗМА
И КОНСОНАНТИЗМА СРЕДНЕМОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА:
К ПРОБЛЕМЕ УНАСЛЕДОВАННОГО И ПРИОБРЕТЕННОГО
(на материале словаря «Мукаддима́т ал Адаб»)**

Н. Б. Бадгаев

Фонетические процессы, как явление динамическое по природе, чаще привлекали внимание исследователей-алтаистов в связи с постановкой проблемы не описательного, а сравнительно-исторического характера [Дыбо 1997; Бурлак, Старостин 2005]. Изучение звукового строя всегда считалось наиболее разработанной областью монголистики и, шире, алтаистики, в которой оттачивались методы сравнительно-исторических исследований [Владимирцов 1929; Рорре 1955; 1960; Лувсанвандан 1977; Мудрак 1983; Starostin, Dybo, Mudrak 2002 и др.]. С развитием фонетики прямо связано и становление важнейших лингвистических гипотез в данной области, в частности гипотезы языкового родства и гипотезы регулярности звуковых изменений.

Однако в последнее время интерес к фонетической проблематике несколько утратился на фоне интенсивного развития исследований по семантике, лингвокогнитологии, лингвокультурологии и т. п. [Потапова, Потапов 2011]. Может создаться ложное впечатление, что многие проблемы уже решены или не имеют принципиального значения для интерпретации звукового строя монгольских языков. Однако литература вопроса свидетельствует об обратном. Сопоставительное изучение динамики фонетических явлений, связанных как со спонтанным развитием самого языка, так и с межязыковым контактированием, остается одной из далеко не до конца решенных задач современной монголистики.

Бурное развитие в последнее время типологических исследований также требует совершенствования принципов описания фонетических систем монгольских языков и предъявляет особые требования к реалистичности, достоверности и адекватности таких описаний. Кроме того, новый материал, накопленный экспериментальной и исторической фонетикой монгольских язы-

ков, также нуждается в фонологической интерпретации [Бондарко 1981].

Изучение вокализма и консонантизма монгольских языков представляет значительный интерес при их сопоставительном изучении, целью которого является определение совокупности общих и различительных свойств, присущих этим языкам и составляющих специфику каждого из них в отдельности — калмыцкого, бурятского и монгольского.

Таким образом, разработка вопросов взаимовлияния языков на фонетическом уровне является одной из важнейших проблем современной монголистики и, шире, алтаистики, требующих всестороннего комплексного изучения. Актуальность заявленной темы определяется и задачей системного изучения фонетики, в частности вокализма и консонантизма, в русле сравнительной типологии, лингвистической географии и теории языковых контактов [Аванесов 1952; Жирмунский 1955; Хауген 1972; Биткеев 1984; Дыбо 1988; Селютина 2007 и др.].

Результаты уже проведенных исследований [Номинханов 1964; Санжеев 1970; Рассадин 1987 и др.] свидетельствуют об общности принципов структурной организации фонологических систем в тюркских и монгольских языках; отличия отмечаются в инвентарях фонем, их функциональной нагруженности и т. д. В основе расхождений фонемных систем в монгольских языках — разнокомпонентность общего субстрата, различный характер фонетических изменений, специфика разновременных и разноплановых контактов этносов — носителей того или иного языка.

В литературных языках фонетические изменения часто фиксируются не сразу в силу нормализованного характера словарей и грамматик [Аванесов 1974 и др.], поэтому в литературных монгольских языках, как, например, в современном калмыцком, часто

возникают противоречия между реальными случаям произношения и предписанными нормами.

Фонетические изменения бывают разного порядка [Шухардт 1950; Мартине 1960; Бодуэн де Куртенэ 1963; Хелимский 1986; Панов 1988; Хёнигсвальд 2002 и др.]. Как известно, общая тенденция исторических изменений в фонетике заключается в том, что фонетическая система языка может изменяться в двух направлениях под действием процессов конвергенции и дивергенции: в первом случае количество фонем сокращается, во втором — увеличивается. Наиболее изменчивы вариации отдельных фонем, менее изменчивы состав фонем в языке и их соотношения.

Одной из дискуссионных проблем является допустимость смешивания живых процессов звукового варьирования фонем в разных позициях, т. е. функционирования данного языка в данный период, и бывших живых процессов, застывших и перешедших в разряд чередований фонем [Бертагаев 1965; 1971; Пюрбеев 1971 и др.]. Анализ чередований фонем приводит к выводу о том, что все они, в том числе и те, которые традиционно рассматриваются как «живые» фонетические, в действительности являются «историческими», если использовать привычную терминологию; иначе говоря, чередования фонем могут быть только историческими. Живыми же, позиционно обусловленными, могут быть признаны только те чередования, которые регулярно воспроизводятся во внешнем сандхи, т. е. на стыках слов, но и они являются не чисто фонетическими, а морфонологическими (фонотактическими). Типологию чередований фонем необходимо разрабатывать с морфонологической точки зрения, но в ее основе не должно лежать их разделение на живые фонетические и исторические, разделение, неадекватно отражающее звуковую строй монгольских языков. Модификации фонем и чередования фонем разграничиваются с синхронической точки зрения. Соответственно пересмотра требует и соответствующая терминология.

Как писали в свое время Э. Р. Тенишев и Л. Д. Шагдаров, «монголоведам необходимо преодолеть имеющиеся в их работах недостатки, в частности, шире учитывать общие типологические процессы, наблюдаемые в разных языках, общую типологию

развития звуков, форм, шире применять разнообразные современные приемы и методы исследования» [Тенишев, Шагдаров 1988]. Этот тезис сохраняет свою актуальность и сегодня. Обобщение выявленных частных закономерностей исторических изменений звуковой стороны монгольских языков с учетом последних достижений и новейшей методики в данной области — первоочередная задача современной монголистики. При этом важно различать субъективные и объективные методы в фонетике [Щерба 1974].

Ввиду сложности развития языка вообще и фонетической структуры в частности в языке могут сосуществовать старые, отжившие, черты и новые, развивающиеся. Развитие языка идет не только по пути приобретений и изменений, но и сохранения исконного, унаследованного. Поэтому важно опираться на объективно описанные закономерности данного языка, учитывать данные экспериментальной фонетики и старописьменных памятников, показания живых диалектов.

Важным фактором развития звукового строя монгольских языков следует признать цепные реакции и заполнение пустых клеток. Существует, как известно, деление исторических звуковых законов на комбинаторные и спонтанные («самопроизвольные»). Выдвинуто немало различных предположений и теорий для объяснения особенностей и «первопричин» звуковых изменений в языках мира, в том числе монгольских [Стеблин-Каменский 1966; Биткеев 1968; 1970; 1984; Павлов 1969; Рассадин 1976; 1982; Бураев 1987; Дарбеева 1985; 1989; 1997; Будаев 1988а; 1988б и др.], в качестве которых фигурируют, помимо собственно языковых факторов, и экстралингвистические (влияние климатических условий, ландшафта, искажение произношения от поколения к поколению, изменение темпа речи, действие субстрата). Но здесь необходимо подходить очень осторожно, поскольку в области фонетики даже явно «чужое» может и не быть следствием субстрата.

Материалом для настоящей статьи послужили некоторые особенности вокалической и консонантной систем среднемонгольского языка, зафиксированные в тексте «Мукаддимат ал Адаб» (далее МА) [Поппе 1938].

Территориальное соседство монголов и арабоговорящих этносов, их экономические и культурные связи, а также очень тесные

бытовые отношения неизбежно создавали благоприятные условия для языковых контактов. Изучение лексикона того времени может явиться лингвистическим подтверждением исторических сведений, касающихся заселения данного региона. В данной статье предпринимается попытка осмысления механизмов фонетических изменений, интерпретации явлений вокалического и консонантного характера. Введенный в научный оборот фактический материал послужит дальнейшей разработке вопросов исторической фонетики монгольских языков.

Данный памятник привлекал внимание небольшого круга исследователей: фонетико-морфологические особенности отмечены Н. Н. Поппе [1938], синтаксические — Г. Ц. Пюрбеевым [2005], интересные наблюдения в отношении некоторых фонетических, лексических и словообразовательных явлений МА сделаны И. А. Грунтовым [2005], Н. Б. Бадгаевым [2007а; 2007б; 2008 и др.] и др.

В качестве дополнительных источников исследования были использованы диалектные и этимологические словари, исследования по исторической и диалектной фонетике [Рассадин 1987; Убушаев 2006 и др.], этнографическая литература и т.д.

В анализируемом источнике отмечены слова типа *čiqin* ‘ухо’ (ср. *čiqindün* ‘в свои уши’ = письм. *čiqin-degen*) и *nis-* ‘летать’ (ср. *nisquba* ‘заставил летать’ = письм. *niske-*), свидетельствующие о смене рядности гласного. Как отмечает С. А. Крылов [2005], недавние исследования Я. О. Свантессона показали, что фонологическое противопоставление, которое в традиционной монголистике считается противопоставлением по ряду («задний vs. незадний» или, иначе, «мужской vs. женский»), в действительности артикуляторно и акустически не имеет отношения к ряду — по крайней мере, в современном состоянии монгольского языка (хотя раньше, может быть, действительно было противопоставлением по ряду).

Развития **u* > *i* и **ö* > *i* наблюдаются в словах *biši* ‘другой’ = письм. *busu*, письм. XIV ст. *busi*, квадрат. письм. *buši*, разг. *bišši*; *bile* ‘был’ = письм. *bölüge*, разг. *bile*, *bele* и т. п.; *bidün* ‘толстый’ = *bödügün*, разг. *büdün*, ср. могольск. *beidün*.

Развитие **o* > *a* мы наблюдаем в *daramžilaba* ‘презирал’ = письм. *daramžila-*, которое является вероятно контаминированным из *dardmžila-* и *daru-* ‘угнетать’;

namayan = *namuyan* ‘смирный’ = письм. *namuqan*, сравните однако письм. *nam* ‘покой, тишина’, *namqara* ‘утихать’. Ср. еще *aqar* ‘короткий’ = письм. *aqur* = *oqor*, разгов. *aḥḥar* = *oḥḥor*.

В слове *müte* ‘словно, подобно’ наблюдается *ü* вместо более обычного в языке письменности *e*, являющегося, однако, более поздним; ср. письменный *metü*, но дагурское *mute*. Аналогичное развитие наблюдается в *gütülkü* ‘переправиться’, *gütülbe* ‘переправился’ = письм. *getül-*. Очевидно **e* > *ü* обязано влиянию губного согласного *m* в *mute* и следующего *ü* в *gütül-*.

Слово «земля» встречается в формах *šira'ü* = *širü* ‘земля’ = *široidu* ‘в земле’ = письм. *široi* ‘земля, пыль’. Форма *šira'ü* подтверждается данными старинных монгольских рукописей, где имеем *siraḡu* ‘земля, пыль’.

Метатеза **I* наблюдается в *hüilebe* = *hülebe* ‘дул’ = письм. *üliye-* ‘дуть’. На дифтонг оканчиваются некоторые слова из числа тех, которые обычно оканчиваются на краткий гласный, а именно: *tolui* ‘зеркало’ = письм. *toli*, *borbai* ‘ножное сухожилие’ = письм. *borbi*, *čamčai* ‘рубашка’ = *čamča*.

В слове *möri* ‘плечо’ (ср. *möri'ese* ‘с плеч’) произошел переход **ü* > *i*.

Особого внимания заслуживают в языке Мукаддима ал-Адаб часто наблюдающиеся случаи непосредственного соседства двух гласных, принадлежащих двум соседним слогам. Как известно, долгий гласный суффикса в настоящее время поглощает конечный краткий гласный основы, но если основа оканчивается на долгий гласный или дифтонг, между ними возникает «вставной» согласный, заполнитель *hiatus'a*. По большей части таким заполнителем *hiatus'a* является *γ* (= *g*). В языке же нашего памятника *hiatus* остается часто ничем не заполненным. Это естественно ввиду сохранения в нем таких сочетаний, как *a'u*, *u'a*, *e'ü* и т. д.: *čidaqu'ärän* «по мере возможности», *minä'är* «кнутом», *ere'ü'ese* «от греха» и т. д.

Часто наблюдается все же заполнитель *hiatus'a*, каковым является *y* после *I*, а после *u* (*ü*) — *w*, например, *tengriyese* ‘от тенгри’, *aiquwasa* ‘из страха’, *hildüwer* ‘мечом’ и т. д.

Монофтонгизация дифтонгов, т. е. фонетическое изменение, заключающееся в переходе дифтонгов в гласный в положении перед согласными и на конце слова, является одним из ключевых событий в хронологии калмыцкого языка, перестроившим

его фонологическую систему. На новейшей стадии языкового развития дифтонги развились в долгие гласные (обязательно исторические), например *ai > ä, *oi > ö и т. д.

Что же касается дифтонгизации [Andersen 1972], в языке словаря Мукаддимат ал-Адаб дифтонги сохраняются, и в этом отношении наблюдается то же, что в языке письменности: *čučaiži* 'сидя на задних лапах', *arbai* 'ячмень', *aiba* 'боялся', *dabirqai* 'смола', *oira* 'близко', *qoina* 'позади', *iržaiba* 'ощерил зубы', *süike* 'серьги', *düilebe* 'брил', *keibür* 'дротик', *nekei* 'овчина', *keisbe* 'дул' (о ветре), *kei* 'ветер', *hein* = *ein* 'эдак', *teyin* 'так', *buila* 'верблюжий повод', *küisün* 'пупок', *uilaba* 'плакал'.

В некоторых случаях дифтонги передаются, по общим правилам орфографии монгольской письменности, сочетаниями гласного + у + I, например, *tailaba* 'распустил', *sayin* 'хороший', *žayitba* 'связал узлом'.

Формам с дифтонгом языка письменности в ряде случаев соответствуют формы с кратким гласным, например *qaranqu* = *qaranqui* 'тьма' = письм. *qarangyui*; *qanču* = *qančun* 'рукав' (ср. *qančuni* 'рукава') = письм. *qanču* = *qančui*; *muru* = *murun* = *mura* (?!) 'кривой' = письм. *murui*. Как известно, дифтонг чередуется с гласным иногда и в языке письменности, например *malayai* = *malaya* 'шапка'.

В некоторых случаях мы наблюдаем соответствие дифтонга краткому гласному языка письменности, например *čamčai* 'рубашка' = письм. *čamča*; *tolui* 'зеркало' = письм. *toil*; *kömürkei* или *kömürgei* 'футляр' = письм. *kömürge* 'кладовая'.

Как сказано выше, особенностью языка словаря Мукаддимат ал-Адаб, является наличие дифтонга *ai* в положении после *o* первого слога, например, *qolaidu* 'в горле', *doraitulqu* 'расслабляющий', *noqai* 'собака' и т. д., что представляет собою черту, присущую речи западных монголов.

Особое развитие *üi* > I наблюдается в *bi* 'есть' = письм. *bui*, на новой стадии *bī*. Перед гласным суффикса конечный дифтонг основы сокращается, например *dabirqayi* < **dabirqaiyi* 'смолу'.

Как верно отметил А. А. Бурыкин [2009], монгольские языки, в особенности среднемонгольский и письменный монгольский, в отношении системы согласных и в отношении фонетической структуры слова отражают архаическое состояние наилучшим образом. Единственной значимой инновацией в

них является утрата анлаутного **ph*-, сохраняющегося в среднемонгольском *h*-.

Для языка XIII–XIV вв. как для разговорного, так и для базирующегося на одном из наречий того времени языка квадратной письменности, является характерным наличие в анлауте многих слов, начинающихся в языке монгольской письменности, использующей уйгурскую графику, на гласный, спиранта *h*. Об этом спиранте нам теперь известно довольно много, и есть памятники, в которых засвидетельствованы такие слова.

Труды по разговорной речи монголов XIII–XIV вв., принадлежащие арабским авторам, в том числе по рождению не арабам, сплошь содержат материал, характеризующийся наличием в начале слова *h*. Таковы анонимный Лейденский глоссарий 1245 г., труд Ибн Муханны начала XIV столетия, глоссарий Хамдаллаха Казвини 1339 г. Формы с начальным *h* в изобилии приводятся также в труде Рашид-ад-дина Джамии ат-теварих 1310–1311 гг. Наконец, их много также в словаре Мукаддимат ал-Адаб. Такие же слова содержатся в глоссариях не арабских ученых, например, у армянского ученого Киракоса и в многочисленных трудах китайских ученых, как например, в словаре Хуа-и-и-юй минской эпохи. Множество слов с начальным *h* встречается в монгольском тексте «Сокровенного сказания».

На новейшей стадии языкового развития этот *h* уже не наблюдается и сохранился лишь в языках, относящихся стадияльно к упомянутым памятникам.

По вопросу о начальном *h* существует в настоящее время довольно большая литература. Не вдаваясь в подробности, укажем лишь, что впервые вопрос об этом спиранте в начале слова подвергся исследованию со стороны Г. И. Рамстедта, показавшего, что *h* развился из **f* (**ф*) или **p* (Ein anlautender stimmloser Labial, s.10), что впоследствии получило подтверждение со стороны материалов, собранных А. Мостэром, обнаружившим в монгольском сохранение в известных положениях этого *f*.

Говоря о качестве спиранта, условно передаваемого в транскрипции знаком *h*, следует заметить, что в трудах арабских ученых он передается всегда знаком арабского алфавита *هـ*, например *هـ* *harban* 'десять'. Однако там, где спирант сохранился в настоящее время, он является заднеязычным, т. е. *χ*. Возможно, что в произношении его произошли известные сдвиги, но возможно,

что кое-где он и раньше так произносился, хотя это маловероятно, так как в арабском алфавите имеется для χ знак χ , точно так же, как в квадратном алфавите для χ тоже имеется особый знак.

Ситуация в МА скорее всего отражает самое начало процесса падения начального *h. Этот памятник уникален тем, что в нем наблюдается весьма значительное количество случаев, в которых, с одной стороны, имеется начальный h- в словах с прамонгольским анлаутом на гласный (по данным остальных средневековых памятников и/или южномонгольских языков), с другой — наблюдаются колебания h-/0- в тех словах, в которых исторически был h-, и наконец присутствуют слова, полностью утратившие прамонгольский *h-.

Н. Поппе в первой части словаря предлагает объяснять подобные колебания следующим образом: «...возможно, что это объясняется диалектическими различиями или тем, что формы с h- представляют собою разговорные формы XIII–XIV вв., а формы без h- отчасти принадлежат языку тогдашней письменности, который... представлен в словаре Мукаддимат ал-Адаб довольно сильно» [Поппе 1938].

В настоящей статье делается попытка показать, что этот процесс не был случаен, а отражает действительные тенденции языка этого памятника и обусловлен фонетически.

Приведем примеры, отражающие начальный прамонгольский *h- в МА в сравнении с формами других средневековых памятников, а также с соответствующими формами монгольских языков, сохраняющих рефлекс *h- (дунсянского, баоаньского, дагурского, монгорского и шираюгурского): *heber* ‘рог’, *hüilekü* ‘дуть’, *hirär* ‘основа’, *hümeri* ‘мрачный’, *hümeribe* ‘нахмурил лицо, сморщился’, *huyasa* ‘повязка’ (*huya* ‘привязать’), *hirtünčin* ‘мира’, *horanqai* ‘закрученный’, *horaba* ‘вертелся’ (*horga* ‘окружить’), *hü’üksen* ‘сгнивший’ (*hüsün* ‘гной’), *hürgübe* ‘стал дик’ (о коне), *hünegen* ‘лиса’ (*hünegen*), *hümekei* ‘вонючий’ (*hümegei*), *hüzebe* ‘смотрел’, *hüdeši* ‘вечером’, *höli* ‘мотыга’, *hurγuba* ‘взошло солнце’, *huilaba* ‘плакал’, *huila’ulba* ‘довел до плача’, *hudaba* ‘заставил опоздать’, *hö’ölžin* ‘удод’ (в названии одного месяца), *horhuba* ‘сбежал’, *honi* ‘зарубка на стреле’, *hirgenü* ‘народа’, *hirer* ‘награда’, *hilebe* ‘послал’, *hanisba* ‘моргал’, *hüngübe* ‘тер’ (письм. *ünggü-* ‘гладить землю’), *hiža’urtu* ‘к концу’, *hamisqu* ‘дыхание’,

hildü ‘меч’, *hünir* ‘благовония’, *haran* «человек», *hulani* ‘подводу’, *hündüsün* ‘корень’, *honu* ‘года’ (*hon* ‘год’), *ha’ur* ‘гнев’, *hergibe* ‘вертелся’ (*hergi-* ‘вертеться’), *hergi’ür* ‘колодезное колесо’ (см. предыдущее), *hüčükendü* ‘малому’, *hülebe* ‘прибавился’ (*hüle-* ‘остаться в излишке’), *hulaiba* ‘покраснел’ (*hula’an* ‘красный’), *haryal* ‘аргал’, *ha’ulqudu* ‘когда мчался’ (*ha’ul-* «мчаться на коне»), *höngere’ülbe* = *öngere’ülbe* ‘провел’, *hödün* ‘оперение стрелы’, *hurbaqsan* ‘повернувшийся’ (*hurba-* ‘вернуться’), *hibebe* ‘оказал покровительство’, *huni quri’an* ‘вдыхая’ (*hüni* ‘дым’), *herbekei* ‘бабочка’, *ha’urin* ‘могилы’ = *hu’ur* ‘могила’ (письм. *ayurqai* ‘яма’), *hein* ‘эдак’.

Очень интересное развитие в начале слова h в s наблюдается в *sisügei* = *sisegei* ‘войлок’ (ср. могольское *sisgei*, монгор. *Sae*). Здесь развитие h > s произошло, очевидно, через *у и *š или s’.

Как видно, словарь Мукаддимат ал-Адаб содержит значительное количество слов, начинающихся на h, из которых здесь приведены нами лишь наиболее интересные. Но наряду с этим мы наблюдаем также наличие многочисленных слов с утратой этого h из числа таких, которые в других памятниках, современных нашему, начинаются на h. Имеется также ряд слов, даваемых то с h, то без него. Возможно, это объясняется диалектическими различиями или тем, что формы с h представляют собою разговорные формы того времени, а формы без h отчасти принадлежат языку письменности, который представлен в словаре Мукаддимат ал-Адаб.

Примеры слов без h и с h = 0: *hečebe* = *ečebe* ‘устал’ (Лейденский глоссарий *hečebe*), *urbaba* = *hurbaba* ‘вернулся’, *öndür* = *höndür* ‘высокий’, *uža’urtu* ‘имеющий происхождение’ = *hiža’ur* ‘конец’ = *užur* ‘начало’, *uyaqu* ‘связывающий’ = *huyasar* ‘повязка’, *ulan* = *hulan* ‘красный’, *eligen* ‘печень’ (ср. *numuni eligen* ‘внутренняя поверхность лука’, ср. Лейденский словарь *helegen* ‘печень’), *urγuba* = *hurγuba* ‘взошло’ (солнце), *irgen* = *hirgen* ‘народ’, *ünegen* ‘лиса’, *uta* ‘мешок’, *alaqani’ar* ‘ладонью’ (Лейденский глоссарий *halaqa* «ладонь»), *uqu* = *huru* ‘вниз’, *utasun* ‘нитка’, *ümeribe* = *hümeribe* ‘нахмурился’, *ičesün* ‘ива’, *ečekesen* = *hečekesen* ‘перерезанный’ (Лейденский глоссарий *hečebe* ‘перерезал’), *oruqsani* ‘беглеца’ = *horγuba* ‘сбежал’, *oqar* ‘короткий’ (Лейденский глоссарий *hoqar*).

В заключение следует указать, что в двух словах наблюдается совершенно необычное соответствие *h* спиранту *s*: *hulataqaba* ‘опустел’ (письм. *suladqa-* ‘ослабить, освободить’ и *herenglebe* ‘имел подозрение’ (письм. *serengle-* ‘быть подозрительным, осторожным’). Объясняется это соответствие опиской переписчика.

В области заднеязычных согласных обращают на себя внимание несколько особенностей. Прежде всего, следует указать, что заднеязычным языка письменности *q* и *k* в словаре Мукаддимат ал-Адаб соответствуют смычные *q* и *k*. Как известно, на новейшей стадии языкового развития на месте *q* и *k* по большей части наблюдается лишь спирант *χ*, например *χara* ‘черный’ < **qara*, *χen* ‘кто’ < **ken*. Из этих двух согласных *k*, то есть менее глубокий или задний, обнаруживает большую стойкость, нежели *q*, ибо кое-где он сохранился, как например, в западной группе.

В языке словаря Мукаддимат ал-Адаб мы имеем всегда *q* и *k*. Но некоторые слова все же и в нашем памятнике даются с *χ*, а не с *q*, например *χurun* = *qurun* «палец», *χantu* ‘имеющий хана’, *χatundu* ‘женщине’, *χurχiraba* ‘храпел’ и так далее. Это обстоятельство указывает несомненно на то, что *q* и *χ* как отдельные фонемы уже не различались в XIII–XIV вв. и могли развиваться как варианты одной фонемы.

Различали ли монголы того времени *h* в арабских словах и произносили ли они его так, как произносят его литературнообразованные арабы, сказать, конечно, трудно. В транскрипции мы его, конечно, различаем и обозначаем знаком *h*.

Одной из особенностей языка нашего памятника, как впрочем, и других хронологически близких памятников, является наличие *q* и *γ* в положении перед *l*.

Помимо внутриязыковых причин изменений фонетической системы монгольского языка, нельзя не признавать и внеязыковые. Но связь звуковых изменений с внеязыковыми факторами не может пониматься упрощенно. Эти факторы могут только способствовать или препятствовать развитию того или иного звукового изменения, но не могут быть его основной причиной. Исследование показывает, что, несмотря на длительные контакты монгольского языка с иноязычными системами, каких-то значительных и притом взаимных влияний на изменение языка не обнаруживается. Более того, систе-

ма языка обнаруживает поразительную стабильность именно в условиях иноязычного окружения, которое как бы консервирует язык на определенном синхронном уровне, прекращая его развитие в определенной точке разворачивания системных тенденций. Экстралингвистические факторы могут ускорить или же, наоборот, замедлить действие внутренних процессов в языковой системе.

Литература

- Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 6. С. 25–47.
- Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М.: Просвещение, 1974. 287 с.
- Бадгаев Н. Б. Лексика материальной культуры в монгольских и тюркских языках (на материале словаря «Мукаддимат ал-Адаб») // XXXVIII Конгресс востоковедов (г. Анкара, 10–15 сент. 2007 г.) Анкара, 2007. С. 46–47.
- Бадгаев Н. Б. Фонетические особенности названий животных в Мукаддимат ал-Адаб // Русский язык в полиэтнической среде: проблемы и перспективы: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 29–30 нояб. 2007 г.). Элиста: Изд-во КГУ, 2007. С. 24–25.
- Бадгаев Н. Б. Об актуальности изучения фонетики и лексики Монгольского словаря Мукаддимат ал-Адаб // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики. Вып. 2. Элиста, 2008. С. 155–157.
- Биткеев П. Ц. Фонетические причины сингармонической трансформации слов в монгольских языках // Известия СО РАН СССР. 1968. № 11. С. 123–129.
- Биткеев П. Ц. Количественные и качественные изменения гласных непервых слогов в калмыцком языке // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 171–173.
- Биткеев П. Ц. Сравнительная типология вокализма в монгольских языках // Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал. Т. 2. Улаанбаатар, 1984. С. 198–206.
- Бертагаев Т. А. Чередование фонем и сингармонизм в агглютинативных языках // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965. С. 131–140.
- Бертагаев Т. А. Количественные чередования гласных и аблаут в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1971. № 6. С. 116–121.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Опыт теории фонетических альтернатив // Бо-дуэн де Куртенэ И. А. Избранные работы по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963. С. 265–347.
- Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981. 199 с.
- Будаев Ц. Б. Изменения в вокализме монгольских языков и их причины // Тюркология-88. Тез. докл. и сообщ. V Всесоюз. тюркол. конф. Фрунзе, 1988. С. 127–128.
- Будаев Ц. Б. Особенности исторического развития консонантизма монгольских языков // Вопросы советской тюркологии: мат-лы IV Всесоюз. тюркол. конф. Ч. 1. Ашхабад, 1988. С. 131–136.

- Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Академия, 2005. 432 с.
- Бурькин А. А. Идеи С. А. Старостина и дальнейшие перспективы алтаистики // Аспекты компаративистики. Т. 4 (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. XXVIII). М., 2009. С. 9–24.
- Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Изд-во Ленинград. Вост. ин-та, 1929. 436 с.
- Грунтов И. А. Развитие прамонгольского гортанного спиранта *h- в начальной позиции в языке памятника монгольского языка XIV века словаря Мукаддимат ал-адаб // Аспекты компаративистики. Т. 1. М., 2005. С. 37–48.
- Дарбеева А. А. Особенности развития вокализма в литературно-письменных и бесписьменных монгольских языках // Вопросы советской тюркологии: тез. докл. и сообщ. Ашхабад, 1985. С. 177–179.
- Дарбеева А. А. Специфика фонетической эволюции гласных в монгольских языках // Владимирцовские чтения. 2-я Всесоюзная конференция монголоведов: тез. докл. и сообщ. М., 1989. С. 88–90.
- Дарбеева А. А. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Фонетика. М., 1997. 170 с.
- Дыбо А. В. Применение лингвогеографического анализа в этимологии // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. Ч. 1. М., 1988. С. 25–38.
- Дыбо А. В. Место сравнительно-исторического языкознания среди исторических наук // Размышления о современной педагогике: Материалы семинара. М., 1997. С. 79–98.
- Жирмунский В. М. О некоторых проблемах лингвистической географии // Вопросы языкознания. 1955. № 4. С. 10–12.
- Лувсанвандан Ш. К проблеме долгих гласных среднемонгольского языка // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Т. 2. Улаанбаатар, 1977. С. 108–112.
- Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960. 285 с.
- Мудрак О. А. Реконструкция прамонгольской системы гласных. Дипломная работа. М., 1983. 134 с.
- Номинханов Ц.-Д. К вопросу об общих законах развития долгих гласных в тюркских и монгольских языках // Записки КНИИЯЛИ. Вып. 3. Сер. филологическая. Элиста: Калмгосиздат, 1964. С. 69–91.
- Павлов Д. А. Некоторые вопросы развития фонетики калмыцкого языка по «Тодо бичиг» // Ученые записки. Вып. 7. Сер. филологическая. Элиста, 1969. С. 239–259.
- Панов М. В. О причинах фонетических изменений // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988. С. 41–55.
- Попте Н. Н. Монгольский словарь 'Мукаддимат ал-адаб'. В 2-х частях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 452 с.
- Потанова Р. К., Потанов В. В. Итоги и перспективы развития фонетико-фонологических изысканий в конце XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в. М., 2001. С. 136–156.
- Пюрбеев Г. Ц. Функциональное чередование звуков в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1971. № 3. С. 89–93.
- Пюрбеев Г. Ц. О синтаксических особенностях «Монгольского словаря Мукаддимат ал-Адаб» // К 100-летию со дня рождения Т. А. Бертагаева. Сб. науч. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2005. С. 165–169.
- Рассадин В. И. История развития отдельных фонетических явлений бурятского языка / Лингвистические исследования. Ч. 2. М., 1987. С. 127–134.
- Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.
- Рассадин В. И. О некоторых реликтовых явлениях тюрко-монгольских языковых союзов / IV Междунар. конгресс монголоведов. Докл. сов. делегации. М., 1976. С. 160–176.
- Селютин И. Я. Фонетические процессы в языках народов Сибири как результат языковых взаимодействий // Аспекты алтаического языкознания (Материалы Тенишевских чтений–2007). М., 2007. С. 167–179.
- Стеблин-Каменский М. И. К теории звуковых изменений // Вопросы языкознания. 1966. № 2. С. 66–79.
- Убушаев Н. Н. О возникновении долгих гласных в монгольских языках // Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973. С. 232–238.
- Убушаев Н. Н. Диалектная система калмыцкого языка / отв. ред. Э. У. Омакаева. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2006. 255 с.
- Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 61–80.
- Хелимский Е. А. О двух фонетических законах в алтайских языках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тез. докл. XXIX сессии постоянной международной алтаистической конференции (ИАС), Ташкент, сентябрь 1986. II. Лингвистика. М., 1986. С. 121–124.
- Хёнигсвальд Г. Существуют ли универсалии языковых изменений? // Зарубежная лингвистика. Вып. 2. М.: Прогресс, 2002. С. 132–159.
- Шухардт Г. О фонетических законах // Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию / пер. с нем. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. С. 23–55.
- Щерба Л. В. Субъективный и объективный метод в фонетике // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 135–151.
- Andersen H. Diphthongization // Language. Vol. 48. 1972. N. 1. P. 11–50.
- Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955. 300 p.
- Poppe N. Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960. 256 p.
- Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etimological dictionary of Altaic Languages. Vol. 1–3. Leiden: Brill, 2003. 2 096 p.

УДК 81'373.215

ББК 090

ЭРЦЕС ~ ИРТЫШ. К ЭТИМОЛОГИИ ЭПИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО ГИДРОНИМА

А. А. Бурыкин

Название реки Эрцес Бумба как единицы эпического, мифологического и исторического топонимикона калмыков привлекает внимание тем, что оно присутствует в калмыцком героическом эпосе «Джангар». Связь названия Эрцес Бумба с широко известным гидронимом *Иртыш*, названием реки в Западной Сибири, берущей свое начало в Монгольском Алатау и впадающей в Обь, не вызывает сомнений и является очевидным фактом как для эпосоведов [Джангар 1990: 458, 462], так, похоже, и для ономастов.

Изучение истории топонимов, как эпико-легендарных, так и вполне реальных, связанных с историей монголов, ойратов и их соседей, заставляет в применении к каждому из географических названий осветить как минимум две проблемы: проанализировать источники, где встречается данное название, и обратиться к решению вопроса об этимологии, языковой принадлежности и семантике этой единицы.

Река с названием *Эрцес Бумба* встречается в текстах «Джангара», представляющих версию Ээлян Овла, всего однажды в XI песне «Джангара» — «Победа Алого Хонгора и Савара Тяжелорукого над семью богатырями Замбал-Хана»:

*Подданные самого владыки Джангара,
Говорящие на семидесяти языках,
Отняли владения*

*У сорока тысяч ханов, живших
У ста тысяч истоков реки Эрцес Бумбы*
[Джангар 1990: 341].

Это упоминание реки Эрцес Бумбы оказывается единичным для данной версии «Джангара», и в связи с этим важно отметить, что песнь XI «Джангара», где встречается этот гидроним, вообще в целом оказывается необычной в плане топонимики. В ней упоминаются гора Орог Йондон Орза, гора Арслангин Алтай, океан Шартаг, косогор Самбай, гора Гандык Алтай, море Аршан Цаган, море Шарту, гора Самбал, река Арта, урочище Уджим Шара, гора Эрклю, и многие из этих названий встречаются только в этой песне, действие которой так или иначе

в разных эпизодах связано с вполне реальными горами Алтая. И хотя обобщение ономастикона и хронотопа «Джангара», в особенности его топонимии, может быть осуществлено и завершено только при составлении энциклопедии «Джангара», которая могла бы стать интересным и новым проектом в исследовании калмыцкого героического эпоса, мы уже сейчас можем отметить, что песня XI «Джангара» оказывается обособленной от других частей той же версии. Впрочем, она обособлена и в отношении состава персонажей: в ней заметен элемент коллективности в большей степени, чем в других песнях. Существенно, что сложение этой песни в отличие от многих других песен «Джангара», в которых присутствуют архаические мотивы, может быть датировано временем конца XIV и начала XV в., поскольку в ней уже отмечено существование в буддизме ойратов «желтошапочного» и «красношапочного» направлений:

Семьдесят тысяч шабинеров, последователей веры,

Различаясь на желтых и красных, ...

Нараспев читают [молитвы] [Джангар 1990: 340–341].

Руководствуясь данными исторической топонимики, своеобразием состава персонажей песни и датирующими деталями, можно предположить, что Эрцес Бумба «Джангара» — это вполне реальная современная река Иртыш.

Название реки Иртыш встречается в «Сокровенном сказании»:

Найманский Кучулук-хан, потеряв свой улус, решил присоединиться к Меркитскому Тохтоа в то время, когда тот сошелся с ним на пути своего бегства с небольшим отрядом людей. Подойдя к ним, Чингисхан завязал бои, и тут же Тохтоа пал, пораженный метательной стрелой-шибайн-сумун. Сыновья его, не имея возможности ни похоронить отца на месте боя, ни увезти его прах с собою, отрезали его голову и спешно отошли. Тут уж было не до общего отпора, и Найманы вместе с Меркитами обратились в бегство. При переправе че-

рез **Эрдыш** они потеряли утонувшими в реке большую часть людей. Закончив переправу через **Эрдыш**, Найманы и Меркиты с небольшим числом спасшихся пошли далее разными дорогами, а именно Найманский Кучулук-хан пошел на соединение с Хара-Китадским Гур-ханом на реку Чуй, в страну Сартаульскую, следуя через землю Уйгурских Хурлуудов [Сокровенное сказание монголов 1990: 163–164].

Приведем еще одну цитату, т. к. они необходимы нам для того, чтобы обосновать локализацию интересующей нас реки в связи с другими пространственными и культурными ориентирами — топонимами и этнонимами:

Сказал Чингиз-хан Хорчию: «Ты предсказал мне будущее, с юности моей и по сей день в мокроть мок со мною, в стужу — коченел. Ты, Хорчи, помнишь, говорил: «Когда сбудется мое предсказание, когда Небо осуществит твои мечты, дай мне тридцать жен. А так как ныне все сбылось, то я и жалую тебя: выбирай себе тридцать жен среди первых красавиц этих покоровившихся народов». И он повелел: «Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами Бааринцев, но также и пополненными до тьмы Адаркинцами, Чиносцами, Тоолесами и Теленгутами, совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом. Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до **при-Эрдышских** Лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою Лесных народов. Без разрешения Хорчи Лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов — нечего задумываться!» [Сокровенное сказание монголов 1990: 180–181].

Одни из ранних упоминаний о реке Иртыш присутствуют в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина. Приведем несколько выдержек из этого сочинения:

Распределение юртов найманов таково. Летние кочевья: Талак — юрт их государя; Джаджиз-наур — место его ставки [орда]. Зимовки: гора Адари-Эбкэ, Бакрас-олум; Ачирик-наур и река Ала-Етрин. Эти племена [найманов] были кочевыми, некоторые обитали в сильно гористых местах, а некоторые — в равнинах. Места, на которых они сидели, как упомянуто [?], таковы: Большой [Екэ] Алтай, Каракорум, где Угедей-каан, в тамошней равнине, построил величественный дворец, горы: Элуй-Сирас и **Кок-Ирдыш**

[Синий Иртыш], — в этих пределах обитало также племя канлы, — **Ирдыш-мурэн**, который есть река **Иртыш**, горы, лежащие между той рекой и областью киргизов и соприкасающиеся с пределами той страны, до местностей земель Могулистана, до области, в которой жилал Он-хан [Рашид-ад-Дин, I 1952: 136–137].

Здесь существенно то, что гидроним Иртыш относится к территории расселения найманов и даже однажды встречается в сочетании с монгольским топонимическим формантом *мурэн* «река». Следующее упоминание реки Иртыш оказывается довольно странным:

Когда Чингиз-хан разбил найманов и убил Таян-хана, он в год барса, в пределах течения реки Онона, водрузил девятиконечный белый бунчук [туг], устроил великое собрание и великий пир; и [там] дали ему имя Чингиз-хан. После этого [Чингиз-хан] выступил с намерением захватить Буюрук-хана, брата Таян-хана; тот же был занят [в это время] охотой на птиц; [Чингиз-хан] неожиданно захватил его во время охоты и убил. Кушлук и его брат, оба были с [Буюрук-ханом]; убежав, они ушли к реке **Ирдышу** [Рашид-ад-Дин, I 1952: 138].

Река Онон, принадлежащая к бассейну Амура, находится довольно далеко от истоков или верхнего течения Иртыша, в то же время между этими объектами не указывается ни одного названия иных местностей. В следующем контексте Иртыш опять связывается с областью найманов:

[Когда-то] его <Чингиз-хана> племянник по брату, Кушлук-хан, в то время когда убивали его отца, Таян-хана, бежал к своему дяде Буюрук-хану. Токтай-беки, государь меркитов, так же как это было раньше изложено, прибыл к нему. Они оба укрылись в местности, название которой **Ирдыш**, на рубеже области найманов [Рашид-ад-Дин, II 1952: 150–151].

Интересно следующее упоминание реки Иртыш в том контексте, где указывается, что в соседстве с этой рекой живут ойраты:

В год дракона, начинающийся [с месяца] раджаба 604 г. х. [январь–февраль 1208 г. н. э], когда Чингиз-хан вернулся после завоевания областей Тангут и киргизов и эмиры этих областей [ему] подчинились, — он расположился в своих жили-

цах [ханаха]. Там он провел конец лета и зимой счастливо выступил для отражения Токтай-беки и Кушулука, которые оба бежали после битвы к Буюрук-хану и прибыли в область [реки] **Ирдыша**. В пути патрульный дозор и передовые [пишрав] части войска неожиданно наткнулись на племя ойрат, предводителем которого был Кутукэ-беки [Рашид-ад-Дин, II 1952: 151–152].

Наконец, еще два упоминания Иртыша у Рашид-ад-Дина связывают эту реку с фактами из жизни Чингис-хана и его преемников:

Год Лу, год дракона, приходящийся началом на [месяц] зул-хидджэ 616 г. х. [7 февраля–7 марта 1220 г. н. э.]. В этом году Чингиз-хан был в пути на страну тазиков и провел лето в долине реки **Ирдыша**, чтобы лошади откормились; осенью он соизволил двинуться оттуда и захватил города и области, которые лежали на пути [Рашид-ад-Дин, II 1952: 256].

Все области и улус, находившиеся в пределах реки **Ирдыш** и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей Чингиз-хан пожаловал в управление Джучи-хану и издал беспрекословный указ, чтобы [Джучи-хан] завоевал и включал в свои владения области Даит-и Кип-чак и находящиеся в тех краях государства. Его юрт был в пределах Ирдыша, и там была столица его государства. Вот и все! [Рашид-ад-Дин, II 1952: 78].

Происхождение названия реки Иртыш, несмотря на длительную историю изучения топонимии Западной Сибири, ее отдельных территорий и административных регионов, остается пока еще не выясненным. Поиски объяснений этого названия в тюркских языках не дали результата и, совершенно очевидно, являются бесперспективными, так как на сегодняшний день применительно к топонимии и географической терминологии основательно изучены не только общетюркский лексический фонд, но и словарный состав отдельных тюркских языков. Становится ясным, что гидроним *Иртыш* не может иметь тюркского происхождения. Обращение к лексике монгольских языков для объяснения этого топонима не осуществлялось, видимо, по причине заведомой бесперспективности.

Приведем полностью статью «Иртыш» из энциклопедии «Югория»:

Этимология названия *Иртыш* (тюрк. *Эртиш*, монг. *Эрчис*, манс. *Ени-Ас*, хант.

Тангат, Лангал) остаётся дискуссионной. Версия о связи названия реки Иртыш с казымского *ир* 'земля', *тыш* 'рыть' (ср. *таш*: *Биртыш* 'рвущий, разрывающий') ввиду логического несоответствия (*Иртыш* — равнинная, спокойная река) находит всё меньше сторонников. Заслуживает внимания точка зрения А. П. Дульзона, поддержанная В. Н. Поповой, которые выделяют в имени *Иртыш* сегмент *-тыш/-тиш*, восходящий к кетским диалектам с огласовкой *-чеш*, *-шеш*, *-сес*, *-сис* с общим значением «река». Индивидуальный сегмент *-ир* этими авторами связывается с докетским (иранским) корнем со значением «бурый», «стремительный», что согласуется с характером водотока реки в её верхнем течении. В гидронимии автохтонного населения Западной Сибири — селькупов, угров, тюрков, кетов — речные названия с финалью *-ас* (варианты *-су*, *-сы*, *-сос*, *-сас*, *-сес*, *-сис*, *-цыс*, *-ники*, *-чис*) относятся к числу достаточно распространённых, что даёт возможность предполагать их генетическое родство, как и позднее — иранско-кетскую модификацию *ирсес* (*ирчес*) *ирчис* — в тюркизованный *эртиш* (*иртыш*) *иртыш* [Калинин, Фролов 2000].

Эта версия, связывающая гидроним Иртыш с енисейскими языками, высказана А. П. Дульзоном [1962] и известна в наибольшей степени по публикации В. Н. Поповой [1970].

Попробуем рассмотреть, как варьирует по отдельным известным нам енисейским языкам вид гидронимического форманта, восходящего к слову со значением «река» в известных нам на конец XVIII в. енисейских языках.

Согласно материалам словаря П. С. Палласа, *река* — по-арински *сать*, по-ассански и по-коттски («котовски») *шет*, по-кетски («инбацки») *сесь*, *дюево*, *дюгално*, по-пумпокольски *томь*, *татанга* [Паллас 1787–1789]. В коттском языке, помимо этого, есть форма *кемь*, к которой, без сомнения, восходит тувинское *хем* 'река' (предложение об обратном направлении заимствования почти неубедительно).

Итак, мы имеем ряд соответствий *сат* ~ *шет* ~ *сесь*, к которому можно добавить зафиксированные в топонимии формы *Тесь* (гидроним), *Шиш* — правый приток Иртыша, и *чес* ~ *зас* (для формантов, встречающихся в топонимах, чаще всего в гидронимах Южной Сибири, также предполага-

ется енисейское происхождение). Вероятнее всего, слово *чась* 'море', зафиксированное в селькупских (южноселькупских) диалектах тем же словарем П. С. Палласа, восходит к этому же слову *река*, из неопределенного енисейского языка. Возможно, этот список впоследствии будет расширен и тем самым мы получим возможность выявить следы каких-то еще енисейских языков, которые не были документированы даже в виде списков слов и от которых осталась только субстратная топонимия.

Возвращаясь к поискам объяснения происхождения гидронима Иртыш из енисейских языков и обращаясь к данным наиболее изученного из них — кетского, мы высказываем предположение, что в этом гидрониме представлен кетский корень *эрь* 'соболь'. Тогда получается, что *Иртыш* по своему значению — это 'соболиная река'. Предполагаемая форма *Эрьсесь* могла превратиться в Иртыш при заимствовании ее татарским языком, или, что нельзя исключать, она восходит к пока еще не определенному енисейскому языку, в котором слово *река* имело вид ***тэш*.

Форма *Эрдыш*, как она дана в «Сокровенном сказании», и форма *Ирдыш* у Рашид-ад-дина несколько отличаются по внешнему облику и от современной формы *Иртыш*, и от формы *Эрцес*, представленной в «Джангаре», что может иметь разные причины. Возможно, что формы с согласным *-о-* отражают несколько иной источник, может быть, какой-то другой енисейский язык, близкий к кетскому, но не тождественный ему, поскольку они не во всем укладываются

в наши представления об исторической эволюции тюркских и монгольских языков. Можно также предположить, что тюркские и монгольские формы этого топонима имеют разные истоки и были восприняты из разных диалектов неизвестного языка енисейской группы. Так или иначе происхождение гидронима *Иртыш-Эрцес* из енисейских языков в настоящее время представляет собой наиболее убедительную этимологию этого эпического и одновременно исторического названия реки.

Литература

- Джангар*. Калмыцкий героический эпос. На калмыцком и русском языках. М.: Наука, 1990. 475 с.
- Дульзон А. П. Древние передвижения кетов по данным топонимики // Географические названия (Вопросы географии, сб. 58). М., 1962. С. 50–55.
- Калинин В. М., Фролов Н. К. Иртыш // Югория: энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: в 4 тт. / гл. ред. Г. Ф. Шафранов-Куцев, ред. В. В. Бакулин, Е. С. Зашихин и др. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Сократ, 2000–2005. Т. 1: А–И. 2000. С. 381–382.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. с персидского Л. А. Хетагурова, ред. и примеч. проф. А. А. Семенова. Т. 1. Кн. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. с персидского О. И. Смирновой, ред. проф. А. А. Семенова. Т. 1. Кн. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.
- Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы: в 2-х частях. СПб., 1787–1789. Ч. 1. С. 315–316.
- Попова В. Н. К этимологии гидронима Иртыш // Языки и топонимия Сибири: [сб. ст.] / отв. ред. А. П. Дульзон. Вып. 3. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 12–20.
- Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 280 с.

УДК 81'373 + 811.512.37

ББК 81.2-3

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ УСТАРЕВШЕЙ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА*

А. Б. Лиджиев

Единый ойратский язык в процессе своего исторического развития разделился на ряд диалектов, которые и сейчас существуют на территории Западной Монголии, Синьцзянь-Уйгурского Автономного района КНР и России. К потомкам одного из них и относится калмыцкий язык, на котором существуют фольклор и обширная литература калмыцкого этноса. Однако в процессе

функционирования из языка исчезают некоторые лексемы, которые не находят должного употребления в обыденной жизни, что связано прежде всего с изменением образа жизни, культурной среды, а также множеством других факторов, влияющих на развитие языка.

Настоящая статья посвящена исследованию одной из таких узких тем, как военная

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 10-04-36402а/Ю.

лексика. Современные калмыцкие словари являются достаточно полными и позволяют работать с текстами любой сложности. Однако необходимо отметить, что в силу разных причин в них не полностью отражаются устаревшие слова и словосочетания, несущие определенную смысловую нагрузку. К такому пласту лексики относится и военная терминология, имевшая активное использование в прошлом, но с течением времени вышедшая из употребления.

Военная лексика монгольских языков рассматривалась в некоторых работах (например, на материале монголо-ойратских законов «Их Цааз» и «Халха Джирум» в статье Г. Ц. Пюрбеева [2009]) и тюркских [Лосева-Бахтиярова 2005]. Существует ряд других работ, посвященных анализу данного лексико-семантического поля (см., например, [Манджикова 1990; Бачаева 2004; 2010; Мулаева 2010; Очирова 2010]). Подробное описание некоторых видов оружия монгольских племен того времени можно найти в монографии А. Н. Басхаева [2000].

Материалом исследования послужили слова и словосочетания, не вошедшие в современные двуязычные калмыцкие словари. Их анализ позволяет восполнить пробелы по военной истории и терминологии калмыцкого и, шире, монгольских языков.

Одним из ключевых слов, относящихся к военной лексике, является слово **dayin**, которым обозначается понятие ‘война, вражда; враг, неприятель, противник’ и которое является общемонгольским, поскольку встречается в большинстве монгольских языках: *п.-монг.* **dayin** ‘война’; *монг.* **дайн**; *бур.* **дай(н)**; *калм.* **дээн**; *даг.* **дайсән**; *ш.-юг.* **dain**, — а также в памятниках монгольской письменности и словарях: **dayin** ‘война’ [ИЦ 1981: 47, 148–150], **dayin** ‘война, вражда; враг, неприятель, противник’ [К, III 1849: 1548]. Кроме того, данное слово также встречается в различных сочетаниях: *монг.* **дайн байлдаан парн.** ‘война’ [МРС 1957: 140]; *бур.* **дай хэхэ** ‘вести войну, военные действия, сражаться’ [БРС 1973: 182]; **dayin ulus** ‘неприятель’ [ПНХУ 2004: 179] и др.

Так, например, Г. И. Рамстедт в своем словаре также приводит калмыцкое **dään** ‘krieg; feind, feindschaft’; **däänә көл** ‘schlachtgewimmel’, а также словосочетание, которое редко встречается в современных словарях: **köl dään** ‘grosser krieg, überschwemmende feindliche heere’, что обо-

значает ‘большая война, огромное неприятельское войско’ [R 1935: 83].

В монгольских языках для обозначения понятия ‘армия, войско’ употребляется слово **цэрэг**: *п.-монг.* **čerig**; *бур.* **сэрэг**; *калм.* **цегг**. Оно также часто встречается в памятниках монгольской письменности, например: **čerig** ‘войско, армия’ [ИЦ 1981: 161–51; ХДж 1965: 2–146], **čerigüid** ‘военные’ [ССМ 1941, § 101: 416], а также в различных сочетаниях: **cerig haran** ‘вооруженные люди’ [ССМ 1941: 416], **čerig-ün kergei** ‘по военным делам’ [ХДж 1965: 24–146]; **čirig arad** ‘военные люди, войско’ [К, I 1844: 141], где **aran** ‘простолодин, чернь’ [К, I 1844: 140]; **eke čerig** ‘основная армия’ [ПНХУ 2004: 163]; **čerig yabudaliyin yile** ‘военное искусство’ [ПНХУ 2004: 185]; **moritu čiriy** ‘конница, кавалерия, кавалерийский корпус’ [К, III 1846: 2048].

Для обозначения данного понятия использовалось также слово **ömög** ‘войско, армия; помощь, защита, охрана’ [К, I 1844: 537]: *монг.* **өмөг** ‘помощь, защита, охрана; сила, армия, войско (для охраны, прикрытия)’; *бур.* **үмөөр-** ‘вступаться за кого-либо, защищать кого-либо’; *калм.* **өмг** ‘защита’. Встречаются различные сочетания данного слова: **küi ömög** ‘военный отряд’ [К, I 1844: 538] (где **küi** ‘родство, фамилия, семейство, племя; место собрания особ одинаковой степени; деревня из десяти домов’ [К, I 1844: 538]). Но в калмыцком языке осталось только значение ‘защита’. Кроме того, слова **ömög** и **cerig** могут выступать в синонимической паре и служить обозначением ‘войска, армии’: *монг.* **өмөг цэрэг** ‘войско’ [БАМРС, III 2001: 20]; *монг.* **өм цэрэг** ‘личная охрана (например военачальника)’ [МРС 1957: 320].

Во всех монгольских языках встречается *п.-монг.* **qarayul** ‘караул, пикет, стража, надзор’ [К, II 1846: 832]; *монг.* **харуул** ‘караул, дозор, стража, охрана’; *бур.* **харуул** ‘караул, дозор, стража’; *калм.* **харул** ‘караул, надзор, охрана; караулить, сторожить, пасти скот’. Кроме того, используется и другое слово со схожей семантикой: *п.-монг.* **caйдаqu** ‘иметь надзор, надзирать, караулить’; **caйдаyul** ‘караул, надсмотр’; **caйдаyüci** ‘надсмотрщик, караульный, часовой’ [К, III 1849: 2110]. Активно используются в современном монгольском языке: **цагдаа** ‘милиционер, полицейский, стражник’; в бурятском — **сагдаа** ‘стражник, полицейский, городской’. Однако в калмыцких словарях данное слово

отсутствует, хотя на его бытование указывает Ц.-Д. Номинханов: **цагăк** ‘караулить, держать дозор’ [Номинханов 1975: 122]; эта лексическая единица также приводится в словаре А. Позднеева: **caɣdaxu** ‘караулить, держать дозор’ [П 1911: 243].

К лексике, встречающейся в памятниках средневековой литературы на «тодо бичиг», но отсутствующей в калмыцких словарях относится слово: *калм.* **ürgeen** ‘тревога’ [Г 1880: 4–38, 9–44]; **ürgeen bolɣolaa** ‘если будет тревога’ [Г 1880: 4–38]; *п.-монг.* **ürgeen** ‘боевая тревога’ [ИЦ 1981: 19–44].

Необходимо привести еще одну лексическую единицу, которая характерна для всех монгольских языков: *п.-монг.* **olboy** ‘короткое верхнее платье, употребляемое для верховой езды; камзол; тюфяк, матрац’ [К 1844, I: 407]; *монг.* **олбог** ‘тюфяк, подстилка для сиденья’; *бур.* **олбог** ‘подстилка, тюфяк’; *калм.* **улв** ‘тюфяк, матрац’. Встречается это слово и в словарях Г. И. Рамstedта и А. М. Позднеева: **olboy** ‘тонкая подушка для сиденья’ [П 1911: 31]; **olwäg** ‘kleine sitzmatratze, weiches kissen zum sitzen’, где Г. И. Рамstedт предполагает, что это слово заимствовано из монгольского и приводит параллели: *кирг.* **olpog** ‘panzer’ [R 1935: 272–273]. Но ни в одном из словарей не приводится значение, которое дается в памятниках средневековой литературы **olboy** ‘ватный (мягкий) панцирь’ [ХДж 1965: 34–167, 82–301]. Там же можно найти и сочетание: **olboy-un tobi** ‘подшлемник’ [ХДж 1965: 34–167] (см. **tobi** ‘валяный колпак, носимый под шлемом’ [К, III 1846: 1818]).

Слово *алебарда* отсутствует в калмыцко-русском словаре, хотя часто встречается и в литературных источниках, и в фольклорных произведениях: **ayibalda** ‘алебарда’ [П 1911: 1]. В работе, посвященной исследованию средневекового оружия и вооружения, данная лексема *айбалта* объясняется как ‘низкообушные топоры с луновидным (месячевидным) лезвием’ [Бобров 2008: 323].

Лексема *п.-монг.* **qalqa** ‘щит, заслон’ [К, II 1846: 795]; *монг.* **халх** ‘щит, прикрытие, заслон’; *бур.* **халха** ‘щит, заслон’ в калмыцко-русских словарях отсутствует, однако Ц.-Д. Номинханов в своей работе приводит подобное значение: *калм.* **халх** ‘щит’ [Номинханов 1975: 105].

Еще одним словом, относящимся к военной тематике, но отсутствующим в современных словарях, является *п.-монг.* **qoromsaya**

‘футляр для лука’ [К, II 1846: 967]; *монг.* **хоромсого** ‘колчан’ [МРС 1957: 541]. Опять же в калмыцко-русском словаре Г. И. Рамstedта данное слово присутствует *калм.* **xormsx** ‘futleral (футляр), tasche für den schiessbogen (nomn) (сумка для лука)’, а также здесь приводятся тюркские параллели: *kir.* **qoromsa** ‘köcher’, *kir.* **quramsaq** [R 1935: 188].

К военной терминологии можно отнести также *п.-монг.* **erekebči** ‘роговое кольцо на большом пальце для натягивания лука’ [К, I 1844: 250]; *монг.* **эрхийвч** ‘наперсток для большого пальца’ (*надеваемый при стрельбе из лука*); *бур.* **эрхыбшэ** ‘наперсток’; также оно встречается и в памятниках средневековой литературы: **erkebči** ‘наперсток для большого пальца’ [ХДж 1965: 35–171]. В современных калмыцких словарях оно отсутствует, однако в словаре Г. И. Рамstedта оно приводится: **erkeepți** ‘daumenring (wurde früher beim bogenschiessen angewendet)’ [R 1935: 125].

В работе К. Ф. Голстунского встречается и другая лексема **xarabči** ‘кираса’, которая отсутствует в современных калмыцких словарях: **duulyayin xarabči xuyay ögöle** ‘(когда за невесту) отдал шлем, нарукавник (?), панцирь’ [Г 1880: 9–43]; **xarabči abxulaa** ‘(кто украдет) кирасу (?)’ [Г 1880: 9–43]. Однако, очевидно, К. Ф. Голстунский ошибочно дает значение этого слова, поскольку в словарях и памятниках даются следующие значения: **xarabči** ‘нарукавник; рукав у платья или панциря’ [К, II 1844: 833]; **qarabči** ‘нарукавник’ [ХДж 1965: 34–168].

Кроме того, в письменных памятниках встречаются также такие слова (словосочетания), как **učiya** ‘чехол для налучника’ [Г 1880: 18–55], **suysarya** ‘чехол для стрел’ и др. [Г 1880: 18–55], но в словаре они приводятся с несколько иным значением — *калм.* **cyrcph** ‘патронташ (кожаный для пуль)’; **enğiyn lübčiten** ‘простые войны’ [Г 1880: 4–38]; **xoşuuyar uulya** ‘передовой отряд’ [Г 1880: 25–63] (где **uulya** ‘передовой отряд’ [Г 1880: 25–63]; *калм.* **уулһ** ‘передовой отряд’; **хоşуун** ‘разведка’ [Г 1880: 25–63]); **quyay duulyayin ger** ‘чехол на шлем или панцирь’ [Г 1880: 18–55]; **xuyagiyn morin** ‘панцирная лошадь’ [Г 1880: 25–63]; а в комментариях даются пояснения, что **хуягыйн морин** — ‘панцирная лошадь, т. е. сильная и крепкая лошадь, могущая возить человека, одетого во все военные доспехи’ [Г 1880: 138].

Отметим, что в калмыцком языке встречается имя **Канур**, которое сложно поддается этимологизации, но средневековые памятники позволяют, вероятно, пролить свет на происхождение этого имени. Так, в работе, опубликованной К. Ф. Голстунским, отмечается слово **kaanur** со значением 'телохранитель' [Г 1880: 4–38]. Если гипотеза о происхождении этого слова верна, то оно восходит к *n.-монг.* **kiya** 'адъютант, паж', которое встречается не только в монгольских письменных памятниках со значением **qa** 'вассал' [ССМ 1941: 593], **kiya bolujaju** 'будем оруженосцами' [ССМ 1941: 498], но и в тюркских: *монг.* **xia**; *баит.* **каа** 'прислужник князя, адъютант, паж, приближенный служитель знатного лица' < *n.-монг.* **kiya** < ***qīya** > маньч. **xiya** 'телохранитель, адъютант, паж'; ср. *тюрк.*: **qii** 'берег, край', *осм.* **qii** 'место, находящееся недалеко, по соседству с чем-либо' [Владимирцов 1989: 220]. В противном случае, если этимология не найдет дальнейшего подтверждения в указанных выше значениях, то необходимо искать другой материал для установления происхождения (возможно, тюркского).

Таким образом, можно констатировать тот факт, что современные калмыцкие словари необходимо дополнять архаизмами и устаревшими словами, снабжая их соответствующими примерами, что в значительной мере позволит заполнить лакуны и наиболее полно использовать их в создаваемых словарях.

Сокращения

баит. — баитский; бур. — бурятский; даг. — дагурский; калм. — калмыцкий; кирг. — киргизский; маньч. — маньчжурский; монг. — монгольский; п.-монг. — письменный монгольский; осм. — османский (турецкий); тюрк. — тюркские; халх. — халхаский (монгольский); ш.-юг. — шира-югурский.

Источники

- БАМРС** — Большой Академический монголо-русский словарь: в 4-х тт. М.: Изд-во Академия, 2001. 520 с.
- БРС** — Бурятско-русский словарь. М., 1973. 804 с.
- Г** — Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при Калмыцком хане Дондук-Даши, калмыцкий текст с русским переводом и примечаниями. СПб., 1880. 143 с.
- ИЦ** — Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. / транс-

литерация, пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, 1981. 148 с.

- К** — Ковалевский О. Монголо-русско-французский словарь: в 3-х тт. Казань, I — 1844; К — 1849. К — 1849. 2 690 с.
- МРС** Монголо-русский словарь. М., 1957. 716 с.
- П** — Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911. 306 с.
- ПНХУ** — Письма наместника ханства Убаши (XVIII в.). Элиста: АПП «Джангар», 2004. 198 с.
- ССМ** — Козин С. А. Сокровенное сказание монголов. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. 620 с.
- ХДж** — Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. М.: Наука, 1965. 350 с.
- R** — Ramstedt G. J. Kalmückisches wörterbuch. Helsinki, 1935. 560 s.

Литература

- Басхаев А. Н.* Монголы, ойраты, калмыки. Элиста: Джангар, 2000. 91 с.
- Бачаева С. Е.* Военная лексика в эпосе «Джангар» // «Джангар» в евразийском пространстве. Матер. междунар. науч. конф. Элиста, 2004. С. 20–22.
- Бачаева С. Е.* Военная лексика в калмыцком языке (на материале романа М. Хонинова «Помнишь, земля смоленская...») // Вестник КИГИ РАН. 2010. № 1. С. 82–84.
- Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Филолог. фак. СПбГУ, 2008. 776 с.
- Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского-письменного языка и халхаского наречия. М., 1989. 441 с.
- Манджикова Б. Б.* Лексика «Джангара» (на материале лексем, связанных с наименованием одежды, оружия, предметов быта, жилища) // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Элиста, 1990. С. 191–193.
- Мулаева Н. М.* О составе военной лексики в «Калмыцком-русском словаре» 1977 г. издания // Вестник КИГИ РАН. 2010. № 1. С. 78–82.
- Лосева-Бахтиярова Т. В.* Военная лексика тюркских языков (названия вооружения): дисс. ... канд. фил. наук. М., 2005. 283 с.
- Номинханов Ц.-Д.* Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Наука, 1975. 329 с.
- Очирова Н. Ч.* Русские лексические заимствования в военной терминологии калмыцкого языка // Вестник КИГИ РАН № 1. Элиста, 2010. С. 84–87.
- Пюрбеев Г. Ц.* Военная терминология в монголо-ойратских законах «Их цааз» и «Халха Джирум» // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы Междунар. науч. конф., мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В 2-х частях. Ч. 2. Элиста, 2009. С. 283–285.

УДК 811.11-112+ 811.512.37
ББК 81.2 (2Рос=Калм)

К ВОПРОСУ О ЧАСТИЦАХ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА (историко-сравнительный аспект)*

Е. В. Бембеев

Изучение служебных слов калмыцкого языка, в частности частиц, является одной из актуальных задач современного калмыцкого и, шире, монгольского языкознания. Под частицами понимается особая разновидность служебных слов, лишенных лексического значения и не являющихся членами предложения, которые выражают лишь отношение к содержанию высказывания. С помощью частиц предложению в целом или его отдельным членам могут придаваться всевозможные логико-смысловые, эмоционально-экспрессивные и коммуникативно-модальные оттенки: подтверждения, сомнения, предположения, вероятности, уверенности, вопроса, побуждения и т. д. [ГКЯ 1983: 283].

В современных монгольских языках частицы изучались такими известными учеными, как Д. Ч. Стритом [1963], Э. Вандуй [1966], Ш. Лувсанванданом [1968], Мишиг [1978], З. В. Шверниной [1980], Г. Д. Будаевой [1989], П. П. Дамбуевой [2001], Г. Ц. Пюрбеевым [1975; 1981], [1995]. В данных работах, как правило, дается семантическая классификация частиц наиболее употребительных частиц: утвердительных (*даа*, *шуу*), вопросительных (*уу*, *юу*, *вэ*), усилительных (*ч*, *л*), частиц отрицания и запрета (*гуй*, *биш*, *битгий*), однако не отражаются их функциональные и дистрибутивные особенности, причем количество семантических групп частиц и их состав у разных исследователей не совпадают. К тому же вопросы служебной лексики в калмыцком языке недостаточно исследованы в описательном, сравнительном и сопоставительном аспектах и находятся в состоянии «научно-исследовательской неопределенности». Необходим всесторонний охват материала и данных по письменным памятникам калмыцкого языка разных эпох. Именно такая широта охвата материала позволит достаточно адекватно отобразить особенности калмыцких служебных слов, тенденции их

развития на определенном этапе развития калмыцкого языка.

В настоящей статье предпринята попытка историко-сравнительного исследования частиц калмыцкого языка (кроме лично-притяжательных, лично-предикативных и возвратных частиц) с привлечением материала письменных памятников XVIII–XIX вв., в которых частицы представлены широко и разнообразно. Материалом для исследования послужили как современные тексты, так и письма калмыцких ханов и их современников, хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия и «представляющие собой особую культурную ценность» [Сусеева 2002: 8; Асирова 2002; Гедеева 2004], а также памятник письменности XIX в. «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши» [Сказание 1897].

Первые сведения о частицах можно найти уже в ранних монгольских грамматиках и грамматических пособиях практического характера. Автор первой грамматики калмыцкого языка А. В. Попов выделил семь частей речи калмыцкого языка¹. По его мнению, частицы как часть речи неотделимы от наречий, поэтому рассматриваются ученым с позиций именно этой части речи².

Известный монголист А. А. Бобровников в труде «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» совсем иначе классифицирует части речи, выделяя три группы —

¹ «Калмыцкие слова разделяются на семь частей речи: 1) имя, 2) местоимения, 3) глагол, 4) наречие, 5) послеречие, 6) союз и 7) междометие» [Попов 1847: 28].

² В пятой главе «О наречии» А. В. Попов отмечает, что «...наречие есть принадлежность глаголов и имени прилагательных, которых значение оно распространяет или ограничивает. Наречие показывает: время, обстоятельство, качество, способ действия или состояния и т. д., поэтому оно бывает: 1. времени, 2. места, 3. качества, 4. количества, 5. утверждения, 6. вопрошения, 7. сомнения, 8. исключения, 9. отрицания, 10. уподобления, 11. напряжения, 12. совокупности и 13. указания» [Попов 1847: 177].

* Работа выполнена по проекту: «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика» подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН: «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» Программы «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2009–2011 гг.).

имена, глаголы и частицы. А. А. Бобровников сводит все служебные слова в группу частиц, называя их *сула угэ* 'пустые слова': по его мнению, это слова, которые без контекста, т. е. сами по себе, не содержат никакого понятия, однако, если они представлены в контексте, то они изменяют значение слов или служат для выражения отношений между понятиями [Бобровников 1849: 174].

Профессор В. Л. Котвич³, исследуя живую калмыцкую речь, в работе «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка» пишет, что «все слова (как коренные, так и производные) объединяются по характеру своего значения в особые группы или категории, называемые частями речи. Обыкновенно таких групп насчитывается девять, но в калмыцком языке процесс их выделения еще не закончился. Совершенно резко обособились с одной стороны имена (включая местоимения и числительные), с другой глаголы, с третьей — служебные частицы и междометия» [Котвич 1929: 81–82]. Далее В. Л. Котвич замечает, что «части речи не могут быть строго делимы на изменяемые и неизменяемые... Вообще совершенно неизменяемых слов в калмыцком языке имеется очень мало: если в каком-либо положении слово не изменится, то в другом положении оно может принять приставку соответствующую склонения или спряжению, и таким образом сделаться изменяемым. Неизменяемыми остаются только служебные частицы и междометия» [Котвич 1929: 86]. Ученый делит наречия на две группы: частицы и собственно наречия [Котвич 1929: 323–324]. В калмыцком языке В. Л. Котвич выделяет частицы отрицания (*уга, эсэ, бичэ/бичкэ, ши, бишэ/виш*, а также устаревшие формы *үлү, эдүй*), вопросительные частицы (*уу/үү, йа/й, вэ*), подтвердительные частицы (*лэ/лэ, лм/мн, мөн, мин, лувн*, а также устаревшую форму *кү*); частицы сомнения (*кевтэ, шаху*), частицы уступки (*чигн, чигэ, чн, ч*), а также частицы уподобления (*шиңги / шиң и мэтэ*) [Котвич 1929: 324–331].

Классификацией частей речи в калмыцком языке занимался и профессор Г. Д. Санжеев. Он выделяет следующие разряды: 1) имя предметное; 2) имя качественное; 3) имя числительное; 4) местоимение; 5) наречие; 6) послелог; 7) глагол;

³ Здесь В. Л. Котвич придерживается структуры А. В. Попова и выделяет шесть частей речи: 1) имена (существительные и прилагательные); 2) числительные; 3) местоимения; 4) глаголы; 5) наречия (включая частицы); 6) междометия [Котвич 1929: 86].

8) частицы; 9) междометие [Санжеев 1940: 27]. К служебным частям речи он относит и частицы, классифицируя их следующим образом: частицы логического ударения *-л*; вопросительные частицы *-ий / -у (-ү), -б*; лично-предикативные частицы *-вдн, -в, -тн, -ч*; подтвердительные частицы *-мн*; усиительно-выделительная частица *чигн*; частицы отрицания *уга, -ш, биш, эс, бичкэ/бичэ* [Санжеев 1940: 82–85].

В грамматике современного калмыцкого языка выделяют шесть знаменательных частей речи (имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие), а также четыре служебных части речи (послелог, частицы, союзы, междометия) и особую группу «модальных и подражательных слов» [ГКЯ 1983: 66]. Частицы в современном калмыцком языке классифицируются следующим образом: 1) лично-предикативные: *-в, -видн, -ч, -т*; 2) подтвердительные: *мөн, -мн, -м, -лм, юмн, -хн, -ш, -ус (-үс)*; 3) усиительно-выделительные: *-л, чигн и -чн (<чигн)*; 4) уподобительные: *-шиң*; 5) модальные: *-жэ, санжэ, (сэжэ), биз, чигн биз, хэ, хэ биз, хэ йир*; 6) вопросительные: *-б (-би), -в (-ви), -у (-ү), -й, -ий*; 7) отрицания и запрета: *эс, -го, -ш*, частица запрета *бичэ (бичкэ)* и слова отрицания *уга, биш*, выполняющие функцию отрицательных частиц. В своем большинстве эти частицы всегда следуют за словом, т. е. являются постпозиционными. Только отрицательная частица *эс* и частица запрета *бичэ (бичкэ)* являются препозиционными. По своему составу частицы делятся на простые (*-л, -жэ, -го*) и сложные, состоящие из двух и более частиц (*-л-м, -м-жэ, чигн биз, хэ йир* и т. д.). Все постпозиционные частицы подверглись сильной редукции, поэтому многие фактически срослись со словом, к которому они относятся [ГКЯ 1983: 283].

Таким образом, количество семантических групп частиц и их состав у исследователей разных лет неоднородны, причем в современном калмыцком языке их значительно больше, нежели в калмыцком языке XIX в. Безусловно, процесс грамматикализации знаменательных слов и их переход в разряд служебных на основе изменений значений слов происходит постоянно. В калмыцком, как и в других монгольских языках, это особенно заметно на примере частиц и послелогов. Между тем некоторые частицы со временем утратили семантические функции и исчезли в языке.

Частицы отрицания. Как выше было отмечено, в современном калмыцком языке выделяют следующие частицы отрицания⁴: *уга, эс, -го, -ш, -шго, биш, бичэ*: *Я, эдндчнь сэ кеһэд тус уга юмнл* ‘А для них делать добро бесполезно’ [Доржин Б., ЧХ: 63]; *Тер хургт нанд үг өгсн угалм* ‘Ведь мне на том собрании не дали слова’ [Бадмин А., УЭБ: 39].

Препозиционная частица *эс* является одной из наиболее употребительных в современном языке: *Чамаг йир ... чамас эс авдмн болхнь* ‘Ну, погоди у меня... задам тебе трепку’ [Доржин Б., ЧХ: 35].

Частица отрицания *-го* употребляется после прилагательных и многократных причастий: *Авсар байжэдго, өгсэр угардго* ‘От того, что взял, не разбогатеешь, от того, что дал, не обеднеешь’ [ХУ: 12]; *Болв харин тавн хурһн эдл болдго, тер мет өрк-бүл дотрк улс чигн эдл биш*. ‘Но как пять пальцев на руке бывают неодинаковы, точно также люди в семье неодинаковы’ [Бадмин А., АШД: 197]; *Зогсэжатн зуг, кишиго нохас* ‘Ну, погодите, несчастные собаки’ [Басңга Б., БО: 361]. Необходимо отметить, некоторые диалектные особенности употребления слов *кишиго* и *керго*: в ходе анализа были обнаружены явления прогрессивной ассимиляции частицы отрицания *-го* (*кишиго* → *кишвэ* ‘несчастный’, *керго* → *кervэ* ‘ненужный’).

Частица отрицания *-ш* употребляется с глаголами будущего времени изъявительного наклонения. Однако у формы глагола на *-х* в сочетании с данной частицей, которая, по мнению монголоведов, «образовалась от отрицания *биш*» [Цит. по ГКЯ 1983: 295], исчезает значение будущего времени и обозначает несовершенство действия в момент речи, например: *Нам үр Бораев мана келсэр болхш*. ‘Вообще товарищ Бораев не соглашается с тем, что мы говорим’ [Бадмин А., АШД: 276].

Сложносоставные частицы отрицания *-шго, -лго* представляют собой аналитические формы, которые образовывались путем трансформации аффикса будущего времени *-х* перед отрицанием *уга* (*-шго*) и слитного деепричастия *уга* [ГКЯ 1983: 255, 294]. При этом важно отметить, что значение категоричности отрицания достоверности действия в будущем сохраняется: *Дакад нам тшм олн толһа мал бас цааснд зааж бичжэ болшиго*. ‘Да к тому же в бумаге

⁴ В калмыцком языке существуют слова-отрицания *уга, биш, бичэ*, выполняющие функцию отрицательных частиц [ГКЯ 1983: 292].

(справке) нельзя указать такое большое количество скота’ [Доржин Б., ЧХ: 75]; *Уснд орх хөд тогтнжэ идлго мел гүүлдэд йовна*. «Овцы, которые должны идти на водопой, никак не пасутся спокойно, только знают бегать» [Манжин Н., КХ: 16].

Частица отрицания *биш* употребляется с причастиями и с именными частями речи: *Көдлх улст өгдг жалвин мөңг олхд кецү билэ гийһэд, би деер келчкн бээсн биший* [Доржин Б., МО: 120]. *Тегш биш садргта, — тшм һазр*. ‘Неровная с балками — такая местность’ [Бембин Т., БЦ: 7]; *Мана Манжэд көзр мөрн хойр бээхлэ, нань юмн кергтэ биш* ‘Были бы у нашего Манджи конь и карты, больше ему ничего не надо’ [Доржин Б. ЧХ: 43]; *Маниг арвн класс төгсэхд цаг иим биш билэ* ‘Когда мы заканчивали десять классов, тогда время было не такое’ [ЗТ: 192].

Препозиционная частица отрицания (слово-отрицание) *бичэ / бичкэ* стоит при повелительных формах глагола: *Пүрвәһим бичэ көндәтн, нам би көндәлһи чигн угав*. ‘Не трогайте моего Пюрвю, да и не позволю я трогать’ [Басңга Б., БО: 95]; *Намаг энд орс ик балһснд йовна гижэ санаһан бичэ зовтн*. ‘Не беспокойтесь, что я нахожусь здесь, в далеком русском городе’ [Эрнжәнэ К., НХ: 146].

Между тем в памятниках письменности калмыцкого языка имеют место такие частицы отрицания, как *үлү*⁵ и *эдүй*, которые вышли из употребления в современном языке. Так, В. Л. Котвич в своей «Грамматике...» пишет: «В старом книжном языке встречались еще два отрицания 1) *үлү*, которое употреблялось почти так же, как *эсэ* и 2) *эдүй*, которое употреблялось после причастия *а:/-ә*: в значении «еще не» и заменяло нынешнюю форму *-ад уга / эд уга* [Котвич 1929: 327]. А. В. Попов также отмечал «наречия отрицания суть *үгей* „не, нет, без“, *үлү, бусу, биши, эсэ* „не“, *өдөй* „еще не“» [Попов 1847: 188].

Как отмечает исследователь Д. А. Сусеева, «частица отрицания *үлү* в калмыцком языке еще совсем недавно была широко употребительна: на 94 письма приходится 17 случаев употребления частицы отрицания *үлү* [Сусеева 2002: 325]. Например: *Одоо энэ балһасуни хараа үзүүлкү бишиби гэжи үлү байинучи*. ‘Говорит, что

⁵ Отрицательная частица *үлү*, как было отмечено Г. Ц. Пюрбеевым, встречается в тексте эпоса «Джангар» в формах *үл* и *эл* [Пюрбеев 1993: 83].

теперь она не хочет даже показаться в этом городе. Не жди напрасно»; *Чи элчээрэн зарһу кэйэ гэжи үлү байину чи*. 'Не напрасно ли ты ждешь, что проведешь суд с посланником' [Сусеева 2002: 325]. Помимо данной формы, в письмах калмыцких ханов XVIII в. встречаются и другие частицы отрицания *эсэ, битэгэй, уга, биш* [Сусеева 2002: 325].

В языке письменного памятника XIX в. «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши» были обнаружены следующие частицы отрицания: препозиционные *есе, bičigei, üli* и постпозиционные *ügei, biši, -š: zuura ükübe čigi bičigei gemšiye ge:d* 'сказал /себе/: «Если и придется умереть по дороге, не стоит раскаиваться (винить кого-либо)»' [Сказание: 55]; *Sedkil mini olon zobolongtai tölödü üliüg dutug endöü čigi bayiqu maγa:d ügei* 'Душа моя страдает, поэтому, возможно, будет что лишнее, недостающее или же ошибочное' [Сказание: 120]; *Ene ödör mörgölčün dege:d olon bolo:d zai kürtüküš* 'В этот день из-за огромного количества поклонников места не хватает' [Сказание: 113]. В памятнике встретилось употребление формы будущего времени на *-qu/-kü* с частицами отрицания *ügei, biši, -š* 'не'. Необходимо отметить, что в некоторых случаях, причем непоследовательно, перед отрицанием *ügei* форма будущего времени на *-qu/-kü* образует аналитическую форму *-ši ügei*. (ср. в совр. калм. *-шго: келишго* 'не скажет'): *Möriden ese ökülētani, ene abugsan amis bolon maliyitani ögüši ügei biden geži kelēd irebe* 'Если не вернете наших лошадей, то и мы не отдадим этих людей и скот' — так сказав, вернулись' [Сказание: 60].

Заметим, что в современном бурятском языке имеются следующие частицы отрицания *бү, үлэ* (ср. ст.-калм. *үлү*), *эһэ, угы* (*-гүй*), *үды* (*-дүй* - ср.ст.-калм. *эдүй*), *бэшэ* [ГБЯ 1962: 320]. В отличие от калмыцкого языка, частица *эһэ* (ср. калм. *эс*) встречается в бурятском языке «крайне редко, лишь в некоторых фразеологических сочетаниях с отрицанием *-гүй*» [ГБЯ 1962: 320].

Таким образом, историко-сравнительный анализ показывает, что в современном калмыцком языке частицы отрицания претерпевают значительные изменения: обнаруживается ускоренная эволюция, сводящаяся к апокопированию слогов и другим сокращениям. Например, частицы отрицания *-ш, -го* или образованию новых

форм *-шго*. Вместе с тем из употребления вышли такие частицы, как *үлү* и *эдүй/өдүй*.

Вопросительные частицы включают в себя следующие формы: *-б* (*-би*), *-в*, (*-ви*), *-у*, *-ү*, *-й*, *-ий*. Форма на *-б* (*-би*), *-в*, (*-ви*) употребляется с именными частями речи и причастными формами: *Тер цагин түрүг яахв?* 'А что говорить о трудностях того времени?' [ХПА: 195]; *Я — яһлав, яһлав... көөрк минь... Яһснчн энв?* 'О, боже... дорогой ты мой, что случилось с тобой?' [Басңа Б., БО: 501]; *Геснь хоосн, өлн көвүдт тер нэрнаад хамави?* 'Изголодавшимся ребятам, у которых пусто в желудке, до веселья ли?' [Доржин Б., МО: 51].

Вопросительные частицы сочетаются с глаголами изъявительного наклонения: *Машинчн эвдрж одву?* — *гиж Манж үкс көвүн талан ирв* 'Что, машина твоя сломалась? — спросил Манджи и быстро подошел к сыну' [ЗТ: 21]; *Бата бийнь сэн болву?* 'Выздоровели ли Бата?' [Эрнжэнэ К., ЫХ: 45]; *Сурһуль сурх дурнчн күрнү.* — *Заахлатн сурнав... — Нэ, сэн.* 'Хочешь ли учиться? — Буду учиться, если будете обучать... — Ну, хорошо' [Доржин Б., МО: 38].

Форма на *-й, -ий* употребляется как с именными частями речи, так и с глаголами: *Тана умижасн дегтр хэлэж болхий?* 'Можно ли будет посмотреть книгу, которую вы читаете?' [Доржин Б., МО: 50].

А. В. Попов о вопросительных частицах писал, что «наречия вопрошения суть *үү/ү* „ли“, поставляемое после имен, местоимений, глаголов и наречий, с которыми пишется слитно» [Попов 1847: 187]. В. Л. Котвич в своей работе также выделяет три формы: «...для выражения вопроса употребляются три приставки, сливающиеся со словом, к которому они присоединяются. 1) *уу/үү* употребляются после глаголов утвердительных формах, 2) *йа/й* ставится чаще всего после причастий, употребленных в значении изъявительного наклонения, после имен и даже наречий, 3) *бэ/вэ* (от старой формы *буй/буйу*) встречается также в значении изъявительного наклонения, после имен и наречий» [Котвич 1929: 328].

В письменных памятниках XVIII в. отмечены следующие формы: *-у, -ий, -й, -би, -бу*: *Мана шидар сайин күүн ду хадаһалуул гэжи үлү байину та*. 'Вы советуете, чтобы мы держали их у одного знатного человека вблизи от себя?' [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52]; *Кэрбэ һатулба гэм балһасу һазараан одуху бишуу* 'Если переправляться, то болезнь рас-

пространится за пределы города, не так ли?» [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 46].

В «Сказании о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши» встречаются следующие формы: *-uu/-üü/-yü*: *Ta nuγuud zamdu amur sayin irebüü, oron nutug tus būridüyin šazin törö түбшин sayiqan bayinuu geži*. ‘Теген спрашивал: «Все ли в дороге пришли в добром здравии и пребывает ли в мире вера и власть каждой (пройденной вами) страны?» [Сказание: 79]; *Tenegsen qoyor küügi ken čigi keregtei-dü üzeši ügei bolqu bišiyü ge:d*. ‘Я думал: ‘На двух бродячих людей, никто ведь не посмотрит как на людей нужных’ [Сказание: 42].

Подтвердительными частицами передается подтверждение правильности высказанной мысли. В современном калмыцком языке к ним относятся: *мөн, -мн, -м, -лм, -юмн, -хн, -ш, -ус, -үс*.

Подтвердительные частицы *мөн, -мн, -м, -лм, -юмн* сочетаются с именными частями речи и причастными формами, выступающими в предложение в качестве сказуемых: *Кен юунд эңкр болна, тер түүгэн сәнэр меддг мөн*. ‘Кто что любит, то и хорошо знает’ [Инжин Л., О.к., 260]; *Нол, кедү ут болв чигн, чилгчтэ юмн. Хар санан, ямаран ик болвчн буйсод юмн* ‘Как ни длинна река, она имеет конец. Как ни велик черный замысел, он уничтожается’ [Доржин Б., МО: 145].

Подтвердительная частица *-хн* употребляется с именными частями речи и глаголами настоящего времени: *Уул нурад уннахн, усн өрэд гүүнэхн*. ‘Гора ведь разрушается, вода ведь течет’ [ГКЯ 1983: 287]; *Бата бидн хойр кезэнэс нааран холватахн*. ‘Ведь мы с Батой с давних пор связаны дружбой’ [Эрнжэнэ К., ШКТ: 204]

Подтвердительные частицы *-ш, -ус, -үс* сочетаются с глаголами прошедшего времени: *Эртинэ сэн өдрлэ, Жирһл ман хойриг наартн гижэ дуудлус*. ‘Тогда, в воскресный день, нас с Джиргал приглашали ведь’ [Эрнжэнэ К., ШКТ: 119]; *Одахн күртл таниг договор угаһар заржэлус* ‘Ведь до недавнего времени эксплуатировали вас без договора о найме’ [Эрнжэнэ К., ШКТ: 162]; *Бамб Федор хойр ставк оржэ одви*. ‘Бамба с Федором уехали ведь в ставку’ [ГКЯ 1983: 287].

В. Л. Котвич в своей работе пишет, что «...для подтверждения употребляются следующие частицы: 1) *-ла/-лэ* ставится после глаголов утвердительных форм, а ровно и в разных других случаях (*күрнэ — күрнэлэ; күрвэ — күрвэлэ*); 2) *-лм/-м* обозначает бо-

лее сильное подтверждение, употребляется при глаголах и в других случаях (*күрнэлм*); 3) *-лмн, -мн, -м* (от местоимения *юмн* — нечто) также ставится после утвердительных форм (*болдак — болдмн*); 4) *мөн, мин* — действительно. 5) *-лувң* — и, но особенно. 6) в старых книгах для подтверждения употребляется наречие *-кү*, но оно отсутствует (*энэ — этот, энэ-кү — именно этот*)» [Котвич 1929: 328–329].

В письмах калмыцких ханов XVIII в. отмечены следующие формы подтвердительных частиц: *мөн, м, йуман, хан, ус* [Сусеева 2002: 384]. В языке памятника «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши» встречаются формы на *mön/ laban/ yuuma/ yuuman*. Например: *Aruda:su yabugsan ulus, adaγazi yaba:d ene zunai dundu sarayin 10 diingge:r nayižidu kürke:r šiγide:d Gūmbum de:re:se sonosogson mön*. ‘Еще в Гумбуме мы точно слышали, что те, кто идут с севера спешат, рассчитывая прийти в Найджи около 10 числа среднего месяца лета’ [Сказание: 56]; ... *yuuman üreši ügei tanil bologsan nökdüüüd yabuna laban*. ‘Ведь идут с нами товарищи, ставшие нам друзьями, которые не позволяют пропасть этим вещам...’ [Сказание: 82].

Таким образом, в современном калмыцком языке частицы подтверждения также изменяются на фонетико-морфологическом уровне. Этот процесс обусловлен тем же самым процессом апокопирования слогов (*м < мөн*), а также слиянием двух подтвердительных частиц (*лм < л+м < лавта+ мөн*).

Модальные частицы⁶ «придают всему высказыванию различные оттенки субъективного характера»: колебание, недоумение, иронию, удивление, недоверие и др. В современном калмыцком языке выделяют следующие формы модальных частиц *-жэ, санжэ (сәнжэ), биз, хэ, хэ биз, хэ йир*: *Тернь чигн үнн биз*. ‘И это, может быть, правда’ [Доржин Б., ЧХ: 44]; *Намаг авхар ирсн эрлэ та биз?* ‘Может быть, вы и есть дьявол, пришедший за мной?’ [ХТ]; *Гишчд оддгмдн хэ биз*. ‘Едва ли мы пойдем в гости’ [ГКЯ 1983: 290].

Варианты *санжэ/сәнжэ* употребляется в основном в книжно-письменном языке: *Эрвң күүкн өрүн гегэнэс даву сэгхн санжэ. Девушка по имени Эрбен, оказывается,*

⁶ А. В. Попов выделяет одну единственную форму модальных частиц, называя их наречием сомнения: «наречие сомнения суть *за/зэ* ‘кажется’, *буй за* ‘может быть’ употребляется после глаголов» [Попов 1847: 188].

красивее даже утренней зари' [Доржин Б., МО: 141]; *Тер туужин негиг эмтн ик-бах уга цуһар мэддг санжэ*. 'Одну из тех легенд (преданий), оказывается, знали все от мала до велика' [Доржин Б., МО: 140].

В письмах калмыцких ханов XVIII в. имеют место следующие модальные частицы: *-жэ, санжэ, -биз (-бээ), хайир* [Сусеева 2002: 384]: *Чэйичар турукту элчин илгэжи нигэдуйэ гэжи цэригни нэмэшийин цэригээ хамту гэнэй үнэн худалийн мэдэку биши бидэ. Унэй ни чи мэдэбээ*. 'Шведы послали своего посланника в Турцию с предложением объединиться, их войско вместе с немецким войском заодно, говорят. Правда или ложь это — мы не знаем. Может быть, ты знаешь правду?' [Сусеева 2002: 83].

В памятнике «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши» были обнаружены модальные частицы *yir, biyiza, ži/ žige/ žigen/ žiyan, biltei, kebtei: Maniyigi uda:n ire:d ügei qolo yazariyin küün ge:d qayiralagsan biyiza*. 'Возможно, снисходительно к нам относились из-за того, что мы были люди, пришедшие из далекой страны, из которой долгое время никто не приходил' [Сказание: 99]; *Zaqa yazara:su iregsen töböd tangyad ulus yir dogšin uurtai ulus žigen*. 'Тибетцы и тангуты, приходящие из приграничных районов, очень свирепые и злые люди' [Сказание: 110]. В памятнике наиболее употребительна модальная частица *ži/ žige/ žigen/ žiyan*. Вполне вероятно, это связано с тем, что данная частица восходит к древней книжной форме *aji* (<*ajiyu*), выступавшей в качестве глагола-связки при именах и причастиях. В современном калмыцком языке ей соответствует частица *-жэ*.

В отличие от языка письменных памятников в современном калмыцком языке модальные частицы имеют более разнообразные формы как в количественном, так и функциональном аспектах, поскольку в выражении всего богатства субъективно-модальных оттенков и экспрессивных значений участвуют и утвердительные, и вопросительные, и усилительно-выделительные частицы, сочетаясь с другими частицами или же функционируя самостоятельно.

Усилительно-выделительные частицы (*-л, чигн* и *-чн / <чигн*) используются для выделения слов в словосочетаниях или предложениях: *Шорahas нигт цэргтэ гиснь үнн бээжл*. 'Оказалось и вправду, что у них несметное

войско' [Баснга Б., БО: 51]; *Ноган даарсн чигн медхи, бас нөөрнь күрхи*. 'Ноган даже не ощущает того, что она замерзла, сон тоже не идет к ней' [Эрнжэнэ К., ШКТ: 87]; *Чоньн амн идвчн улан, эс идвчн улан*. 'У волка пасть красная: ел (он) или не ел' [ХУ: 138].

В письмах калмыцких ханов XVIII в. также встречается этот разряд частиц: *-л, -чин, чигн* [Сусеева 2002: 384]: *Та чиги зангги болхона манду илгэжи байигтун*. 'И вы присылайте новости, если они будут' [Сусеева 2002: 384].

В памятнике «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши» зафиксирована только одна форма *čigi: mör bolo:d amidu Zuudu kürküle: ali čigi buyan-tai yazartu örgökü keregtei*. 'Если посчастливится мне во здравии добраться до Дзу, то необходимо будет поклониться всем, какие есть, священным местам' [Сказание: 81].

Уподобительные частицы. В современном калмыцком языке выделяют только одну форму *-шң*: *Хальмг дуд... Ижлин урсхл мет хурдн, өргн теегшң*. 'Калмыцкие песни... Быстрые, как течение Волги, привольные, как широкая степь' [ХТ: 67]; *Хажудм насни турш хамдан зерглэж суусшң*. 'Как будто сидел со мною рядом всю жизнь' [ЗТ: 63]. Например, А. В. Попов включает их в состав наречий сравнения: «наречие уподобления суть: *мэту* „подобно, как“; *адали* „подобно, ровно, одинаково“» [Попов 1847: 189]. В. Л. Котвич в «Опыте...» выделяет «частицы уподобления: 1) *шинги* (сокращенная форма *шиң*) „будто, как будто, словно“. 2) *метэ* „подобно, подобный“» [Котвич 1929: 330]. В современном калмыцком языке формы на *мет* и *эдл* относят к разряду послелогов.

Таким образом, историко-сравнительный анализ показывает, что группы частиц представлены более разнообразно как в количественном, так и функциональном аспектах в современном калмыцком языке в отличие от языка письменных памятников. В современном калмыцком языке имеет место процесс конверсии знаменательных слов и переход их в разряд служебных. Частицы изменяются как на фонетико-морфологическом уровне (например, сокращение слогов *ш* < *биши*, *м* < *мөн*, слиянием частиц *лм* < *л+м* < *лавта+ мөн*), так и на лексическом уровне (переход в разряд устаревшей лексики, например частицы отрицания *үлү, эдүй*).

Источники

- Бадмин А., АШД — Алтн шорад даргддо (роман). Элст, 1964. 313 с.
- Бадмин А., УЭБ — Усна экн-булг (роман). Элст, 1969. 206 с.
- Баснга Б., БО — Бумбин орн (наадд, келврумд болн шүлгүд). Элст, 1981. 431 с.
- Гедеева — Письма наместника калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем. Издание текстов, введение, транслитерация, перевод со старокалмыцкого на современный калмыцкий язык, словарь Д. Б. Гедеевой. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 196 с.
- Доржин Б., МО — Мини отг (келврумд). Элст, 1968. 254 с.
- Доржин Б., ЧХ — Чик хаалх. Роман. Негдгч дегтр. Элст, 1973. 253 с.
- ЗТ — Зуркни таалар (келврумд болн очерк). Элст, 1965. 340 с.
- Инжин Л., ОК — Ольдан күүкн (роман). Элст, 1963. 319 с.
- Манжин Н., КХ — Келврумдин хураңу. Элст, 1959. 213 с.
- НАРК — Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. 36. Оп. 1.
- Сказание — Сказание о хождении в тибетскую страну малодербетовского Бааза-багши. Калмыцкий текст с переводом и примечаниями, составленным А. Позднеевым. СПб., 1897. 125 с.
- Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвистического описания. Монография. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- ХУ — Хальмг үлгүрүмүд болн ахр туульс. Элст, 1959. 284 с.
- ХТ — Хальмг туульс. Негдгч хув. Элст, 1961. 220 с.
- ХПА — Хальмг поэзин антолог. Элст, 1959. 341 с.
- Эрнжэнэ К., ЫХ — Халан хадл (хойр ботьга роман). Элст, 1972. 662 с.
- Эрнжэнэ К., ШКТ — Шүлгүд, келврумд болн түүкс. Элст, 1964. 229 с.
- Литература**
- Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста, 1966. 116 с.
- Бембеев Е. В. К вопросу о частицах (по архивным источникам XVII века) // Калмыки и их соседи в составе Российского государства: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 7–11 сентября 2001 г.). Элиста, 2002. С. 153–156.
- Будаева Г. Д. Частицы бурятского языка как лексическое средство выражения модальности // Лексико-грамматические исследования бурятского языка. Улан-Удэ, 1989. С. 91–100.
- Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. 403 с.
- Вандуй Э. Сул үг // Орчин цагийн монгол хэлзүй. Улан-Батор, 1966. 224–232 дахь тал.
- Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 332 с.
- ГКЯ — Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
- Дамбуева П. П. Категория модальности в современном бурятском языке: автореф. дисс. ... докт. фил. наук. Улан-Удэ, 2001. 43 с.
- Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-ое. Ржевнице у Праги, 1929. 418 с.
- Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц: Монгол хэлний үг, нөхцөл хоёр нь. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1968. 192 с.
- Мишиг Л. Орчин үеийн монгол бичгийн хэлний дадлагын хэлзүй. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1978. 179 с.
- Попов А. В. Грамматика калмыцкого языка. Казань: Университет. тип., 1847. 392 с.
- Пюрбеев Г. Ц. О формах двойного отрицания в монгольских языках // Проблемы алтаистики и монголоведения. М., 1975. С. 327–334.
- Пюрбеев Г. Ц. Категория модальности и средства ее выражения в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 225–230.
- Пюрбеев Г. Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания. М.: Наука, 1993. 304 с.
- Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М.; Л., 1940. 156 с.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков: в 2 тт. М.: Изд. АН СССР, 1953. Т. 1. 240 с.
- Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвистического описания. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Шевверина З. В. Функционально-семантические значения модальных частиц в монгольском языке // Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста, 1980. С. 20–31.

УДК 81'367.7 + 811.512.3

ББК 81.2-3

ГЛАГОЛ КАК ДОМИНАНТА В СВЕТЕ МОДЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ-ВЫСКАЗЫВАНИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

(проблемы классификации)

Э. У. Омакаева

Одним из наиболее заметных достижений лингвистики конца XX и начала XXI в., несомненно, является значительный прогресс синтаксиса и лексикологии, харак-

теризующийся осязательным расширением круга исследуемых проблем, новой постановкой задач и усовершенствованием методов исследования. Важным фактором, опре-

деляющим актуальность заявленной темы, является необходимость функционального подхода к синтаксису [Functionalism in linguistics 1987; Тестелец 2003; Мустайоки 2006], углубленного исследования аспектов взаимодействия семантики предложения-высказывания и глагола-предиката в рамках лингвокогнитивного подхода, а также выявления механизмов корреляции семантики предиката и аргументов и построения глагольно-ориентированной модели анализа.

Актуальность поставленной проблемы обусловлена тем, что категория глагола находится на пересечении важнейших сфер семантики, лексики и синтаксиса, которые в монголистике лишь начинают исследоваться, а также предопределенностью содержательных и формальных свойств синтаксиса семантическим уровнем. К нему «относится вся информация, которую имеет в виду говорящий при развертывании высказывания и которую необходимо восстановить адресату для правильной интерпретации этого высказывания» [Кибрик 2001: 20–22].

Изучение синтаксиса глагола — давняя традиция в монголистике: одними из первых к данной теме обратились в своих диссертационных исследованиях Г. Д. Санжеев [1947], В. Ф. Ренжиглова [1951] и Д. А. Сусеева [1964]. Описание синтаксиса глагола невозможно без тщательного изучения семантических свойств и значений слова, его синтагматики и парадигматики, способности вступать в связи с другими словами и образовывать различные конструкции. Однако многие кардинальные проблемы, связанные со словом и его свойствами, а также с его функционированием в тексте, до сих пор не имеют общепринятого решения. К подобным проблемам относится и проблема классификации глагольных лексем и, шире, проблема соотношения лексики и грамматики, о чем свидетельствуют последние исследования по глаголу на материале не только монгольских и, шире, алтайских языков [Мамедов 1976; Кузьменков 1983; Харчевникова 1995; Егодурова 1988, 2001; Чареков 2000; Тувшинтогс 2005; Мальчуков 2008; Омакаева 2008; Исследования по грамматике калмыцкого языка 2009 и др.], но и других языков мира [Васильев 1981; Коваль, Нялибули 1997; Алпатов 2005; Магомедова 2006 и др.].

Анализируя положение дел в области систематизации лексики в монгольских языках, отметим, что практически все клас-

сификации строятся с учетом только одной классификационной семы. Традиционно выделяют переходные и непереходные глаголы. Но такая классификация представляется нам не вполне адекватной, поскольку реальное положение вещей представляет собой значительно более сложную картину. «Однако, — пишут В. Б. Касевич и В. С. Храковский, — многопризнаковые классификации — дело будущего, поскольку пока еще недостаточно исследованы состав и ранжирование сем в лексемах глаголов, к тому же не вполне ясны и сами признаки классификации такого рода» [Касевич, Храковский 1983: 19].

Лексический материал организуется в систему путем многократного и последовательного деления, в результате которого выделяются парадигмы типа семантических полей (далее — СП), лексико-семантических групп¹ (ЛСГ) и микропарадигмы типа синонимических рядов и т. п.

В современной лексикологии активно разрабатывается полевая модель организации лексических множеств. СП как компоненты языковой картины мира представляют собой «лексико-семантические группировки (парадигмы), структуру конкретного языка с учетом его культурного и национального своеобразия» [Уфимцева 1988:

¹ ЛСГ следует отличать от СП, в которое входят единицы разных частей речи. СП лексики являются пересекающимися классами, так как не может быть такого разбиения на поля, при котором одна лексема входила бы только в одно поле: «Из любого семантического поля, через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев, можно попасть в любое другое поле, так что семантическое пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным» [Апресян, 2 1995: 252].

ЛСГ не следует путать и с тематической группой слов, выделяемой по принципу идеографической классификации понятий. Тематические группы лексики близки семантическому полю, так как основываются на парадигматических и синтагматических отношениях, но не включают ассоциативно-деривационных связей. ЛСГ является микрополем парадигматического плана, так как важнейшим структурирующим отношением элементов в нем являются гипо-гиперонимические и синонимические отношения. В ЛСГ входят слова одного лексико-грамматического класса, одной части речи (главным образом глаголы), которые объединены общим родо-видовым признаком и противопоставлены по какому-либо другим различительным признакам. Хотя эта общность и обуславливается внеязыковой действительностью, она характеризуется одновременно и собственно языковой общностью с точки зрения грамматической структуры. Так, например, глаголам одной ЛСГ свойственна общая сочетаемость, сходное управление, функционирование в определенных типах конструкций.

138]. Наиболее богатой палитрой отличаются СП с глагольным ядром, что связано с регулярной многозначностью лексических единиц данного лексико-грамматического класса, хотя «в ряду великих концептов мировой и русской культуры... „Действие“ до сих пор играло второстепенную роль» [Степанов 2001: 314].

Сочетательные возможности глаголов значительно шире, чем у других частей речи [Абрамов 1966]. Синтаксические свойства глаголов выводятся из их лексических характеристик. Функционирование глаголов определяется не только отнесенностью их к единому лексико-грамматическому разряду слов, но и принадлежностью к тому или иному его подклассу. В один подкласс входят глаголы, объединенные формальным признаком и общим семантическим признаком.

Исходя из того, что глаголы, включаемые в одну ЛСГ, обладают общими семантическими компонентами и имеют одинаковые или подобные семантические структуры, можно предположить, что члены определенных групп должны подаваться в словарях более или менее однотипно, то есть словарная статья глагола данной ЛСГ должна походить на словарную статью другого члена данной группы².

В лексико-грамматической типологии сегодня на первый план выходит проблема разработки адекватных понятий, в терминах которых можно рассматривать и сопоставлять языковой материал. При сравнении «глубже, пластичнее и всестороннее познается и система каждого из сопоставляемых языков сама по себе; яснее проступают характерные черты, дифференцирующие сопоставляемые языки» [Мразек 1978: 181].

Непосредственным объектом сопоставления в таком случае могут быть основные лексико-семантические группы глаголов в калмыцком и монгольском языках, а также образованные с помощью этих глаголов синтаксические модели конструкций [Омакаева 2011a]³. Выскажем предположение,

² Все это настоятельно требует и изменения лексикографической стратегии описания языка. Поэтому дальнейшая задача — попытка презентации результатов описания моделей управления глагола в словаре нового типа, трансформационно-дистрибутивном словаре, т. е. «ословаривание» синтаксического описания. Такой словарь должен стать по сути лексикографической интерпретацией интегративной модели описания языка, основанной прежде всего на взаимодействии лексики и синтаксиса.

³ Понятие модели (структурной схемы) стало уже вполне привычным для современной лингвистики

что синтаксические характеристики глагола связаны со значением, в котором он употреблен в данной конструкции.

Помимо основной цели автор видит свою задачу в демонстрации потенциала арсенала средств современной лингвистики для решения поставленной проблемы. В основе нашего подхода лежит идея триплетного кодирования высказывания при его построении, объединяющая тем самым системное и текстовое исследование языковой единицы. Модель речевой деятельности обусловлена точкой зрения говорящего и его коммуникативными интенциями, предполагает определенным репертуаром языковых средств, реализованных в конкретном фрагменте текста. Глагол в условиях текста является средством обнаружения синтаксической структуры, в рамках же языковой системы образует область функциональных возможностей языковой единицы, ее коммуникативно-когнитивного потенциала.

Рассмотрение проблем синтаксиса и семантики глагола на материале бесконтекстного предложения не позволяет в полной мере и по возможности непротиворечиво описать их. Необходим принципиально новый подход, заключающийся в выходе за пределы предложения — в текст. Текст — это качественно новый языковой уровень, создающий необходимые условия для адекватной интерпретации многих синтаксических фактов, не получающих убедительного объяснения на уровне предложения.

Анализ опирается на корпус употреблений глаголов с их контекстами, извлеченный из различных текстов письменной речи, [Актуализация предложения 1997; Кетенчиев 2007], причем не только для синтаксиса, но и для морфемии, словообразования. Разрабатываемый нами модельный подход к изучению монгольского и калмыцкого синтаксиса основан на разграничении понятий «тип предложения» как модель, структурная схема, грамматический образец в отвлечении от его лексического наполнения, с одной стороны, и «предложение» как конкретная, лексически наполненная реализация соответствующей модели, схемы, образца.

Модель предложения, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его, а, изучая модель, мы получаем информацию об объекте. Исследование моделей предложения, таким образом, важно не только с теоретической точки зрения, но и в сугубо прикладных целях — с точки зрения лингводидактики (методика преподавания синтаксиса) [Омакаева 1990], практической лексикографии (составление словарей разного типа), изучения картины мира данного этноязыкового сообщества, концентрированным выражением которой является конкретный язык как система содержательно интерпретированных лексических и грамматических оппозиций.

признаваемых авторитетными образцами калмыцкого литературного языка⁴. За единицу исследования была принята глагольная словоформа, функционирующая в высказывании, равном предложению, т. е. глагол как синтаксическое ядро, открывающее актантные позиции, заполняемые именами определенных семантических классов⁵.

Развитие синтаксической типологии, стимулированное расширением эмпирической базы и появлением новых эффективных исследовательских инструментов, привело лингвистов разных направлений к пониманию того, что структура предложения в каждом естественном языке определяется грамматическими свойствами входящих в него лексем, представляя собой итог развертывания глагольного ядра за счет заполнения обязательных валентностей. Глагол, являясь ядерной синтаксемой, определяет количество и качество своих актантов⁶.

В данной статье апробированы на сопоставительном монгольско-калмыцком материале новые принципы представления глагольной лексики – валентностные (актантные) классы глаголов, семантические классы и подклассы, лексико-семантические группы глаголов.

Выдвижение на роль конструктивного ядра (вершины) предложения глагола как слова, обладающего наибольшими активными валентностями (сочетательными потенциальными), означает необходимость рассматривать подлежащее как член предложения, подчиненный сказуемому и равный по своему функциональному статусу дополнению,

⁴ Выбор текстов обусловлен различными способами языковой концептуализации основных культурно значимых фрагментов картины мира калмыцкого и монгольского этносов, в том числе архаичной мифопоэтической модели мира, разнообразием представленной в них лексики, отражающей особенности местности, ландшафта, флоры и фауны, истории и современного положения, своеобразии материальной и духовной культуры калмыков и монголов и, шире, диалога культур.

⁵ В последние десятилетия появился ряд работ, представляющий новые веяния в монголистике, направленный на изучение синтаксической семантики, обусловливаемой лексическими факторами [Кузьменков 1984 и др.]. Прочно вошедшие в практику лингвистических исследований и сегодня употребляющиеся уже как само собой разумеющиеся понятия «валентность», «актант», «семантическая роль», «предикативность», «диатеза» связаны прежде всего именно с глаголом, трактуемым как структурное ядро, семантическая доминанта предложения [Холодович 1970].

⁶ Диатеза определяется как схема соответствия компонентов синтаксической и семантической структуры — актантов и аргументов соответственно.

но имеющий более высокий по сравнению с последним иерархический ранг.

Наличия подлежащего и сказуемого не всегда достаточно для выделения конструктивного минимума предложения, ибо в определенных типах предложения его главные члены не обеспечивают структурную завершенность предикативной конструкции, поэтому в разряд обязательных компонентов с необходимостью попадает и дополнение — прямое и некоторые виды косвенного. То, что синтаксическая типология обычно оперирует именно трехчленной схемой (SOV), — яркое тому подтверждение.

Введение понятия «синтаксема» в синтаксическое описание монгольских языков [Жамбалсүрэн 1987] обусловлено тем обстоятельством, что теория членов предложения (ЧП) не позволяет увидеть структуру предложения во всей ее сложности и многоплановости, ограничивает познавательные возможности в выявлении связи семантики и синтаксиса и получении нового знания.

Понятия «синтаксема» и «член предложения» обнаруживают полное совпадение только в ядерной глагольной синтаксеме (сказуемом), а первый актант и подлежащее, сирконстант и обстоятельство — отнюдь не накладываются друг на друга.

Обстоятельства относятся к факультативным ЧП, а определение по существу является не ЧП, а лишь частью ЧП. Их объединяет наличие у них предикатного статуса (позицию данных ЧП занимают, как правило, предикатные слова, т. е. носители предикатных семантем), поэтому определения и многие обстоятельства нередко трактуются как предикаты второго порядка, реализующие включенные пропозиции. Обстоятельства места, в позиции которых обычно выступают предметные слова (т. е. носители непредикатных семантем), при глаголах определенных ЛСГ фактически являются дополнениями (актантами). Поэтому они входят в конструктивный синтаксический и семантический минимум предложения.

В рамках принятой концепции нами разграничиваются единицы чисто синтаксического и семантического характера, например, понятия глагольной синтаксемы и предиката, недифференцированно представленные в термине «составное именное сказуемое»: хотя глагол является прототипическим предикатом, последний выражен здесь глагольно-именным сочетанием, но сказуемым может быть только глагол, а не

все сочетание; имя же, хотя и имеет предикатный статус, синтаксически является актантом. Глаголы-связки можно уравнивать в функциональном отношении со знаменательными глаголами, придав им самостоятельный статус сказуемого как ядерной синтаксемы, а присвязочный член рассматривать как первый актант, а не как именную часть сказуемого, как это обычно делается.

Слова как компоненты предложения различаются не только по своей синтаксической роли, но и по семантической функции, выполняемой каждым из них. В их число входят как семантические роли, в частности агенс и пациенс, так и коммуникативные роли (тема, рема).

Язык моделирует в присущих ему схемах денотативные ситуации объективной действительности, сводя их к конечному набору элементарных языковых сигнификативных (семантических) ситуаций. Глагольный предикат в совокупности с семантическими ролями образует семантическую конфигурацию, т. е. структурированное образование, обладающее одновременно и целостностью, и внутренним строением.

Семантическая характеристика актантов включает в себя указание на семантический тип лексемы, семантическую роль (СР) аргумента, отвечающего данному актанту, и роль в тема-рематической структуре элементарной синтаксической конструкции (ЭСК).

Реальное семантическое наполнение такой синтаксической категории, как актант, в разных ЭСК может быть показано в терминах СР: 1. Ag (агенс), 2. Exp (экспериментер), 3. Abs (абсолютив), 4. Don (донор), 5. Rec (реципиент), 6. Loc (локатив), 7. Abl (аблатив), 8. All (аллатив), 9. Term (терминатив), 10. Nom (номинатив), 11. Com (комитатив), 12. Junct (юнктив), 13. Res (результат), 14. Goal (цель), 15. Adr (адресат), 16. Pt (пациенс), 17. Ex (источник), 18. Ins (инструмент), 19. Ben (бенефициент).

Предлагаемый нами набор СР для монгольских языков, возможно, довольно дробен, но он отражает реальное семантическое наполнение актантов в различных типах ЭСК данных языков. К тому же СР объекта и субъекта, выделяемые обычно в литературе, представляются нам слишком обобщенными. В рамках принятой нами концепции субъект и объект рассматриваются как гиперроли.

Охарактеризуем вкратце методику выделения СР. Постулирование той или иной СР для первого аргумента зависит, во-первых, от местности предиката, а, во-вторых, от СР другого (второго) аргумента. Если предикат одноместный, то первый (единственный) аргумент всегда имеет значение абсолютива (носителя признака-состояния). В случае двухместного предиката все зависит от СР второго аргумента. Например, СР агенса (производителя действия) следует, на наш взгляд, постулировать только в том случае, если имеется пациенс (то, над чем производится действие). Если же второй аргумент имеет роль источника, то первый выражает экспериментер. Когда же второй аргумент имеет любую другую СР (т. е. кроме пациенса и источника), то мы приписываем первому аргументу значение абсолютива.

Систему глаголов, видимо, должна отражать классификация последних по некоторым признакам⁷. Глаголы отличаются друг от друга прежде всего валентностью, т. е. числом актантов. Но одна только количественная классификация малоинформативна. Следует учитывать не только количественный, но и качественный аспект валентности (оформление актантов, их семантические характеристики). Поэтому каждую модель управления глагола мы представляем в виде формулы, которая выводится на основе знания диатезы той или иной глагольной лексемы⁸.

Исходный пункт — это лексикографическое толкование глагола. Соглашаясь с тем, что «синтаксическое описание должно

⁷ Описание глаголов проводится нами с учетом монографии Е. А. Кузьменкова [Кузьменков 1984], где рассматриваются около 300 высокочастотных широкоупотребляемых глаголов монгольского языка. Автор выделяет 26 поклассов глаголов, избрав подход «от конструкции». Мы также группируем глаголы по сходству формулы образуемой ими элементарной синтаксической конструкции (ЭСК). При этом получается, что одни ЭСК образуются большим количеством глаголов, объединенных общностью семантики, а другие ЭСК — только несколькими глаголами или даже одним глаголом. В первом случае рассматриваются не все глаголы данного класса или подкласса, а лишь наиболее типичные.

⁸ Глагол обладает определенным синтаксическим и семантическим потенциалом, выражающимся в его дистрибуции, т. е. участии в тех или иных контекстах, и представляет собой системообразующее качество высказывания как его главный (ядерный) элемент, который формирует синтактико-семантические контуры и в который все высказывание в идеале может быть свернуто.

существенно опираться на словарь» [Падучева 1974: 8], вместе с тем приходится констатировать, что существующие словари монгольских языков не дают достаточной информации о лексико-синтаксической сочетаемости глагола, поэтому был использован и текстовый подход. Последний заключается в анализе синтаксического поведения глагола в тексте, где ЭСК, наполняясь лексически, трансформируясь, дает предложение, которое служит основой разнообразных высказываний.

Описание моделей предложения — основная задача синтаксиса, решение которой требует выявления состава модели, т. е. глагольно-актантной рамки — регулярного актантного окружения для каждого глагола [Омакаева 2011б]. Но поставленная задача выявления обязательного окружения ядерной синтаксемы (актантной рамки глагола) представляет определенную трудность.

При классификации глаголов возникает несколько проблем, которые требуют предварительного обсуждения: 1) проблема безглагольных ЭСК; 2) проблема нульвалентных глаголов и 3) проблема лексического статуса глагола (омонимия или полисемия). Рассмотрим их по порядку.

И в монголистике, и в общем языковедении выделяются так называемые номинативные (назывные) и биноминативные (тождества) безглагольные предложения. Мы предпочитаем считать, что в монгольских языках таких предложений нет. Так называемые безглагольные предложения на самом деле предложениями не являются, так как не являются контекстно-свободными.

Вершиной ЭСК может быть только глагол, находящийся в абсолютном исходе предложения. Иначе говоря, глагол — структурно обязательный ядерный элемент любой синтаксической предикативной конструкции. Другое дело, что связочный глагол, как правило, опускается в тексте ввиду ситуативно обусловленного контекста, т. е. позиция ядерной глагольной синтаксемы остается лексически не заполненной, но связка может быть при необходимости восстановлена. Такие эллиптированные высказывания, построенные по разным моделям связочных ЭСК, должны рассматриваться в дискурсивном синтаксисе как маркер описательного контекста.

Номинативные высказывания (НВ) типа *Асхн*. 'Вечер'. восходят к связочной ЭСК локативного наличия, где ситуативно обуслов-

ленное пространство (местонахождение говорящего) характеризуется по наличию в нем предмета или ситуации. С помощью НВ задаются пространственные, временные, личностные параметры ситуации, которая будет описана в следующем высказывании, т. е. определяется тема последнего. Что касается самого НВ, то с точки зрения его актуального членения оно является рематическим высказыванием с невыраженной темой - локализатором в силу его данности. Но локализатор может быть эксплицирован с помощью локативных форм (имен в дательном-местном падеже, наречий): *Хаза китн (бээнэ)* 'На улице холодно (есть)', *Герт дулан (бээнэ)* 'В доме тепло (есть)'. Роль связки заключается в присоединении глагольных грамматических показателей и выражении наличия локативно-квалификационных отношений между двумя актантами.

История вопроса свидетельствует и о существовании проблемы бесподлежащих предложений. Строго говоря, бесподлежащими можно признать только такие предложения, в которых есть запрет на подлежащее. В монгольских языках безличных (авалентных) глаголов типа русского *светать*, видимо, нет.

Глаголы, обозначающие изменение состояния погоды, окружающей среды, имеют обязательную валентность на носителя состояния. В силу того, что носитель состояния, обозначенного глаголом *киитрх* 'холодать', предельно абстрактен, обобщен и ясен из ситуации, то он обычно не выражается лексически, т. е. валентность остается не заполненной. Следовательно, синтаксически одночленные высказывания типа *Киитрв* 'Похолодало' являются тоже неполными, восходящими к одноактантной ЭСК с семантикой изменения состояния. Таким образом, мы присоединяемся к мнению Е. А. Кузьменкова и считаем, что нульактантных ЭСК в монгольских языках нет.

Что касается лексического статуса глагола, имеющего разные модели управления, то обычно считается, что это один и тот же глагол в разных значениях. Сложность представляет трактовка таких глаголов, которые могут рассматриваться и как глаголы состояния, и как глаголы действия. Например, глагол *униих* 'читать', не меняя своей формы, образует две конструкции: одноактантную (*Охин униина* 'Девочка читает') и двухактантную (*Охин ном униина* 'Девочка читает книгу').

Такие глаголы трактуются как многозначные, одно из значений при этом выделяется как основное, по которому данный глагол и относят к определенной ЛСГ. Мы же предлагаем рассматривать способность глаголов образовывать разные ЭСК как критерий омонимичности соответствующих глаголов. Если глагол — это знак (лексема), имеющая план выражения (ПВ) и план содержания (ПС), то глаголы, имеющие разный ПС при общем ПВ, считаются омонимами. В данном случае для простоты и удобства можно допустить омонимию: мена окружения вызвана изменением лексического значения слова.

В калмыцком языке актанты могут быть оформлены аффиксом личного или субъектного притяжания, но в формуле модели ЭСК они не отражаются, поскольку являются не синтаксическими показателями, как считают некоторые ученые, а маркерами семантических отношений. Употребление аффикса личного притяжания *-нь* или субъектного притяжания *-ан* обязательно при именах со значением неотчуждаемой принадлежности в случае эллипсиса определений к последним.

Оформление актантов включает и такой синтаксический признак, как позиция. Поскольку калмыцкий язык относится к языкам с базовым порядком слов типа SOV, в ЭСК, где всегда нейтральный порядок слов, первая позиция закреплена за первым актантом (за исключением ЭСК локативно-бытийного и копулятивного типа). Порядок записи формулы ЭСК отражает ее линейную структуру.

Интерес с точки зрения соотношения синтаксиса и семантики вызывают одновалентные глаголы типа *инэх* 'смеяться'. В своей работе «Ритуальный смех в фольклоре» В. Я. Пропп точно охарактеризовал этот тип ситуации: «Смех осуществляется при наличии двух величин: смешного объекта и смеющегося субъекта – человека» [Пропп 1999: 21]. Ср.: *Юунд инэв чи?* 'Над чем ты смеешься?'. Но на синтаксическом уровне только субъект получает обязательное выражение в виде актанта: *Церн өвгн инэв* (АК, 7) 'Старик Церен засмеялся'.

Среди глаголов монгольского языка имеются такие, первый актант которых не имеет семантической роли, поскольку семантически отвечает предикату. Рассмотрим глаголы, являющиеся с точки зрения лексической семантики «пустыми», своего рода

вербализаторами. Это прежде всего глаголы, обозначающие существование (протекание), начало или конец некоторой ситуации, называемой первым актантом, типа *бээх* 2 'существовать', *болх* 1 'проходить, наступать, состояться', *ирх* 2 'приходить, наступать', а также фазовые глаголы типа *эклх* 1 'начинаться', *төгсх*, *чилх* 'заканчиваться', обозначающие разные фазы некоторой ситуации — начало и конец соответственно:

Хүрм болла (А, 446) 'Состоялась свадьба'.

Мархан эклв (А, 71) 'Соревнование началось'.

Хург төгсв (А, 296) 'Собрание закончилось'.

Сүүрнь чилв (А, 296) 'Заседание окончилось'.

Асхн ирв 'Наступил вечер'.

Увл болв 'Наступила зима'.

Гем ирв 'Пришла болезнь'.

Данные ЭСК часто распространяются за счет обстоятельств времени, что вполне понятно: *Хөрн тавдгч жил Нүүдлэ Вадим Петрович хойрин хүрм болла* (А, 446) 'В двадцать пятом году состоялась свадьба Нюдли и Вадима Петровича'. *Цасн бүкл үвлин дуусн зогслог оров* 'Снег шел всю зиму не переставая'. *Хавр урдгасн оратж ирв* 'Весна пришла позже обычного'.

Приведенные примеры показывают, что существуют определенные ограничения на лексическое заполнение позиции первого актанта: фазовые глаголы сочетаются только с именами, обозначающими процесс или деятельность («соревнование», «собрание», «заседание», «дождь»), а все другие — с именами, обозначающими состояние («болезнь») или событие (например, номинации временного промежутка типа «вечер», «зима» и т. д.).

Другой тип ЭСК образуют первичные глаголы взаимного действия типа *харлх* (монг. *уулзах*) 'встречаться', *мендлх* 'здороваться', *күүндх* 'разговаривать', *ноолдх* (монг. *тэмцэх*) 'бороться', которые называют сложную симметричную ситуацию из двух пропозиций: абсолютив одной ситуации является соучастником другой. В силу этого данные глаголы обладают переменной валентностью, образуя две разные конструкции: одноактантную с одним сложным актантом, имеющим семантику абсолютива и соучастника одновременно, и двухактантную, где валентность расщеплена. Здесь мы рассматриваем только одноактантную ЭСК, исходя из того, что мена окружения

глагола сигнализирует об изменении значения глагола, следовательно, по аналогии с морфологическими реципроками мы имеем омонимичные глаголы, образующие разные ЭСК:

Эн хойр ижлдэж одв (А, 170) 'Эти двое приехали друг к другу'.

Чотн Бергяс хойр күүндв (А, 61) 'Чотон и Бергяс беседовали'.

Церн Вадим хойр үүрдэ (А, 240) 'Церен и Вадим дружат'.

Арви негн кун ноолдв (А, 71) 'Одинадцать человек боролись'.

Семантическая предназначенность данной ЭСК — выражение взаимного действия. Необходимое условие образования — одушевленность и множественность первого актанта.

Итак, класс одновалентных глаголов образуют глаголы состояния, непредикатные глаголы и лексические реципроки. Единственный актант имеет абсолютный, предикатный и сложный характер в соответствующих трех типах ЭСК.

Таким образом, валентностная классификация монгольских и калмыцких глаголов, выделение их семантических классов и подклассов, а также ЛСГ, регистрация основного круга глаголов, образующих такие группы, ранжирование и характеристика свойств приглагольных актантов, выявлением семантических типов глагольных предикатов с одновременной фиксацией набора семантических ролей и способов их кодирования, а также определение области допустимых значений, т. е. семантической предназначенности глагольных ядерных конструкций, показывают, что система калмыцкого (монгольского) глагола включает три основные подсистемы: одно-, двух- и трехвалентные глаголы с последующим более дробным выделением переходных и непереходных, связочных и несвязочных. Так, среди двухвалентных и трехвалентных глаголов нами выделены глаголы мысли (*санх* 'думать'), речи (*келх* 'говорить'), чувства (*байрлх* 'радоваться'), глаголы передачи объекта (отнимания типа *авх* и давания типа *өгх*), движения (*ирх* 'приходить', *орх* 'входить' и др.), позиции (*зогсх* 'стоять') и т. п.

Для нас также важно понять, насколько похожи и насколько различны в двух сопоставляемых языках (монгольском и калмыцком) те фрагменты наивной картины мира, в которых на уровне лексики (глагола и зави-

симого от него имени) и синтаксиса (ЭСК) отражаются такие универсальные понятия, как пространство и время, движение и восприятие и т. д., определить типы межъязыковой лексической соотнесенности — полные и частичные совпадения, а также выделить группу несовпадающих глагольных лексем.

Как нам представляется, более детальный анализ глагольной семантики и грамматики, выявление и изучение имеющихся корреляций между глагольными категориями, лексическими классами (подклассами) и синтаксической организацией высказывания в языках разных типов имеют большое значение как для общей теории языка, так и для чисто дескриптивных задач, представляя особый интерес для внутренней типологии и лингвистической типологии в целом.

Таким образом, признание валентностной категории основной категорией глагольной лексемы, а ЭСК основной единицей синтаксиса позволяет достичь наибольшей общности описания синтаксического компонента родственных и неродственных языков, что крайне важно для сопоставительного исследования языков и лингвистической типологии в целом.

Перспективность предложенных в работе решений и подходов видится в том, что они позволяют включить глагол и его именное окружение в систему средств, обеспечивающих связность и целостность текста. Исчисление таких средств и их системное описание для конкретных монгольских языков, в том числе монгольского и калмыцкого, — задача дальнейших исследований.

Литература

- Абрамов Б. А.* Синтаксические потенции глагола (в сопоставлении с другими частями речи) // Научные доклады Высшей школы. Филологические науки, № 3, 1966. С. 35–70.
- Актуализация предложения:* в 2-х тт. Т. 2: Синтаксические модели и их варианты. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 176 с.
- Алпатов В. М.* Семантические классы японских глаголов // Актуальные вопросы японского и общего языкознания: Памяти И. Ф. Вардуля. М.: Вост. лит., 2005. С. 45–57.
- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. 766 с.
- Васильев Л. М.* Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
- Егдурова В. М.* Сопоставительно-типологическое исследование глаголов движения бурятского и русского языков: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Улан-Удэ, 1988. 20 с.

- Егодурова В. М.* Глагол в бурятском языке: история изучения. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. 289 с.
- Жамбалсүрэн Г.* К структурному моделированию именных и глагольных синтаксисов в современном монгольском языке // Актуальные проблемы современного монголоведения. Улан-Батор, 1987. С. 138–148.
- Исследования по грамматике калмыцкого языка.* Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. V. Ч. 2. СПб.: Наука, 2009. 895 с.
- Касевич В. Б., Храковский В. С.* Конструкции с предикатными актантами. Проблемы семантики // Категории глагола и структура предложения: конструкции с предикатными актантами. Л.: Наука, 1983. С. 5–27.
- Кетенчиев М. Б.* Ядерная модель простого глагольного предложения в карачаево-балкарском языке // Лингвистическое кавказоведение и тюркология: традиции и современность: мат-лы IV Всероссийской науч. конф. Карачаевск: Изд-во КЧГУ, 2007. С. 178–180.
- Кибрик А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. 2-ое изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
- Коваль А. И., Нялибули Б. А.* Глагол фула в типологическом освещении. М.: Русские словари, 1997. 251 с.
- Кузьменков Е. А.* О принципах классификации глагольной лексики в монгольском языке // Вопросы языкознания. М., 1983. № 2. С. 123–130.
- Кузьменков Е. А.* Глагол в монгольском языке. Л.: Наука, 1984. 140 с.
- Магомедова П. А.* Семантика и синтаксис аварского глагола (опыт семантической интерпретации синтаксиса). М., 2006. 344 с.
- Мальчуков А. Л.* Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты. СПб.: Наука, 2008. 425 с.
- Мамедов А. Н.* Сравнительно-сопоставительное исследование глаголов современного азербайджанского и монгольского языков. Баку: Маариф, 1976. 133 с.
- Мразек Р.* Типология славянского простого предложения // Языкознание в Чехословакии. М: Прогресс, 1978. С. 181–188.
- Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса: От семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.
- Омакаева Э. У.* Система элементарных синтаксических конструкций как средство оптимизации преподавания синтаксиса монгольского языка // Статистическая оптимизация преподавания языков и компьютеризация обучения: мат-лы семинара: в 2-х частях. Ч. 2. Чимкент-Минск, 1990. С. 87–88.
- Омакаева Э. У.* Глагол сквозь призму синтаксиса и лексикологии (на материале монгольских языков) // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. Вып. 3. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. С. 112–115.
- Омакаева Э. У.* Актуальные проблемы модельного описания структуры предложения в монгольских языках // Social Science / Общественные науки. Всероссийский научный журнал. 2011. № 4. С. 164–172.
- Омакаева Э. У.* Типология моделирующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории. Улан-Батор: «Найман од» ХХК, 2011. 240 с.
- Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974. 292 с.
- Пропт В. Я.* Проблемы комизма и смеха. М.: Лабиринт, 1999. 288 с.
- Ренжиглова В. Ф.* Синтаксическое употребление глагола в ордосском диалекте: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. М., 1951. 19 с.
- Санжеев Г. Д.* Синтаксис глагола в монгольских языках. Тезисы докторской диссертации. М., 1947. 10 с.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. 2-ое изд., испр. и доп. М.: Академ. Проект, 2001. 990 с.
- Сусеева Д. А.* Глагольные словосочетания в калмыцком языке: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Элиста, 1964. 27 с.
- Тестелец Я. Г.* Грамматические иерархии и типология предложения: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 78 с.
- Тувишнтөгс Бямбажав.* Глагольная лексика монгольского и маньчжурского языков: историко-сопоставительный анализ: дисс. ... канд. фил. СПб., 2005. 166 с.
- Уфимцева А. А.* Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 108–140.
- Харчевникова Р. П.* Система глагола в современном литературном калмыцком языке: дисс. ... д-ра фил. наук. М., 1996. 333 с.
- Холодович А. А.* К вопросу о доминанте предложения // Studies in General and Oriental Linguistics. Presented to Shiro Hattori on the Occasion of His Sixtieth Birthday. Tokyo, 1970. P. 25–32.
- Холодович А. А.* К вопросу о доминанте предложения // Проблемы грамматической теории. Л., 1979. 304 с.
- Чариков С. Л.* Эволюционная морфология. Ч. II. Очерки формирования и эволюции категории глагола в алтайских языках. СПб.: Наука, 2000. 166 с.
- Functionalism in linguistics.* Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1987. 489 p.

УДК 81'367 + 811.512.37

ББК 81.2 3

**О ДЕЕПРИЧАСТИЯХ И ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТАХ
В РОМАНЕ К. ЭРЕНДЖЕНОВА «АЛАН ХАДЪЛ» («БЕРЕГИ ОГОНЬ»)***Н. Ч. Очирова*

Деепричастия в калмыцком языке образуются с помощью присоединения к глагольной основе особых аффиксов и обозначают признак действия или состояния сказуемого, без указания на лицо, время и наклонение. В отличие от других глагольных форм, деепричастие не выступает в роли самостоятельного сказуемого в предложении. Традиционно в грамматиках калмыцкого языка выделяется более 10 деепричастных форм: сопутствующие (соединительные, уступительные, слитные, разделительные) и обстоятельственные (условные, последовательные, предельные, продолжительные, попутные, причинные и т. д.) [Грамматика ... 1983: 250–258].

Деепричастия представляют собой важнейшую грамматическую категорию, и «в сочетании с другими формами и служебно-вспомогательными глаголами они образуют аналитические формы глагольного вида, выражают различные оттенки модальности действия, оформляют зависимые сказуемые деепричастных оборотов в составе сложных предложений» [Цыренова 2000: 3].

Глагольные сочетания слов, ведущим компонентом в которых является деепричастие, называются деепричастными оборотами, выполняющими различные синтаксические функции по отношению к какому-либо члену предложения или ко всему предложению.

Деепричастные формы глаголов в монгольских языках являлись объектом изучения еще с середины XIX в. с выходом в свет грамматик И. Я. Шмидта [1832], О. М. Ковалевского [1835], А. А. Бобровникова [1835; 1849], А. Д. Руднева [1905], В. Л. Котвича [1902; 1929], Н. Н. Поппе [1937] и др. В современной монголистика и калмыковедении известными учеными-монголистами тщательно описана грамматическая система глагола и глагольных форм (в том числе и деепричастных) с точки зрения их образования и значения в монгольских языках (см., например: [Тодаева 1951; 1960; Бертагаев 1964; Очиров 1964; Бадмаев 1966; Касьяненко 1968; Санжеев 1940; 1941; 1953; 1959; 1963;

Пюрбеев 1977; 1979; 2010; Харчевникова 1983; 1996; 1999; Кузьменков 1984; Омакаева 1990; 2008; Мушаев 1995; 2005]).

Некоторым проблемам деепричастных форм в монгольском и калмыцком языках посвящены отдельные статьи Г. Ц. Пюрбеева «Формы выражения субъекта в причастных и деепричастных оборотах монгольских языков» [1977], Р. П. Харчевниковой «Проблемы деепричастий в монгольских языках» [1997], Б. В. Бадмаева «Особенности употребления сопутствующих деепричастий в „Сарин Герел“» [2005], Н. Ч. Очировой «Деепричастные обороты в структуре калмыцкого предложения» [Очирова 2006] и т. д.

В сборнике «Исследования по грамматике калмыцкого языка» учеными Института лингвистических исследований РАН рассмотрены некоторые вопросы грамматической системы калмыцкого языка на основе фактического материала, собранного по результатам полевого изучения разговорного языка, которое осуществлялось в рамках экспедиций в Калмыкию 2006–2008 гг. В статье Д. Ф. Мищенко «Деепричастия с показателями *-жэ* и *-ад* в калмыцком языке» [Мищенко 2009] анализируются семантика и синтаксическая дистрибуция двух наиболее частотных деепричастных форм калмыцкого языка.

Деепричастные обороты в силу своих синтаксических особенностей в структуре образования высказывания вызывают много вопросов. Особенно это касается самостоятельного деепричастного оборота, который в своем составе имеет субъект обозначаемого деепричастием действия, условно называемый подлежащим. На основании этого они причисляются многими к придаточным предложениям, хотя некоторые монголисты называют все деепричастные обороты, вслед за А. А. Бобровниковым, «второстепенными или членными предложениями» [Бобровников 1849: 264–266], в том числе и разносубъектные обороты. Другие считают, что обороты с субъектом являются специфической формой выражения придаточных предложений [Касьяненко 1966: 3–10].

Г. Д. Санжеев рассматривает обороты в синтаксическом плане как «развернутые члены предложения» и в то же время трактует их как «предложение в предложении» [Санжеев 1941: 87]. Однако наиболее приемлемым является дифференцированный подход Т. А. Бертагаева к подобным конструкциям [Бертагаев 1962: 117–118], который заключается в их делении на простые, самостоятельные и обороты-предложения, что более всего соответствует языковым фактам монгольской группы языков, в том числе и калмыцкого [Пюрбеев 2010: 163].

Структуру таких деепричастных оборотов считают идентичной структуре любого подчиненного предложения. В связи с этим возникает необходимость выявить различные формы выражения субъекта в деепричастных оборотах калмыцкого языка и на этой основе попытаться определить их отличие от придаточных предложений. «Под субъектом языковеды подразумевают понятие о лице или олицетворенном предмете, выполняющим действие во всех его возможных видах. Являясь в своей основе логической категорией, субъект того или иного действия может выражаться формами самых разных падежей имени существительного» [Пюрбеев 2010: 164]¹. Следует отметить, что в настоящей работе в целях терминологической дифференциации субъект деепричастных оборотов обозначается просто субъектом, а субъект, выраженный в подлежащем предложения, называется соответственно подлежащим.

Категория субъекта в деепричастных оборотах, обозначая реального производителя действия, не всегда, а только при определенных условиях может совпадать с грамматическим подлежащим [Пюрбеев 2010: 164]. В таких случаях действия выполняются одним субъектом предложения, обозначаемым подлежащим: *Эмтнэ ард оч сууһад, бичкн цаһан альчур һарһэж авад, көлсән арчн бээж Бата ... келв* 'Пройдя и сев за людьми, вытирав маленький белый платок, вытирая пот, Бата ... сказал' [Эрнжэнэ 1972: 407]. *Селәнэ школд орад, Бата цааранднь сурһулян дасв* 'Поступив в сельскую школу, Бата продолжил учебу' [Эрнжэнэ 1963: 83]. Субъектом действия в деепричастных оборотах является *Бата* (имя собственное).

Субъект в деепричастных оборотах

¹ Субъект может выполнять не только действие, но и быть просто носителем того или иного состояния (например, *би дуртав* 'я люблю').

выражается различными грамматическими средствами и чаще всего оформляется именительным, винительным и родительным падежами. Так, например, субъект деепричастных оборотов и подлежащее в самом предложении (в форме именительного падежа) обычно выражаются именем существительным или местоимением: *Чи ма хойраг чимкүр улалһэһад, <...> бидн хээрв чигн — иигж бичдг арһ угалм* 'Даже если нас с тобой, раскалив щипцы, обжечь, все равно не сможем так написать' [Эрнжэнэ 1972: 397].

В некоторых случаях подлежащее в структуре предложения имеет анафорическое повторение, т. е. в данном случае указательное местоимение *эдн* 'они' отсылает к подлежащему — *хойр күүкн* 'две девушки': *Шавр герт цэ уужэ суусн хойр күүкн терзэр шамин герл үзчкэд, нег-негән хатхлдад, нүдәрн докъя өглдэд, шамдэж шил терзэр эдн дегц шаһалдв* 'Две девушки, пившие чай в глинобитном домике, увидев в окно свет фар, подкалывая друг друга и глазами показывая знаки, быстро и одновременно выглянули в окно' [Эрнжэнэ 1972: 520].

Подобное анафорическое повторение помогает уточнить смысл, в особенности, если подлежащее отделено многочисленными деепричастными или причастными оборотами, которые характерны для структуры калмыцкого предложения.

Подлежащее предложения и субъект деепричастных оборотов могут совсем отсутствовать, но при этом они подразумеваются и легко устанавливаются из контекста: *Киитн тулһин шиир ханцарн бэржэһэд, өмснэ көвэд өвдглэж сууһад, хойр нүднэсн нульмән һартл үләһэд муудан орж асана* 'Взявшись рукавами за холодные ножки тагана (для котла), усевшись на колени возле золы, раздувая так, что слезы выступили из глаз, мучаясь, стал разводить огонь' [Эрнжэнэ 1972: 127].

Если ведущим словом в подобных оборотах является деепричастие на *-тл* или *-хла/-хлэ*, то оно может сопровождаться лично-притяжательными частицами *-нь*, *-м*, *-мдн* и др.: *Ирсн һазр талан хэрү эргэд халәхләнь, ик өндр хамрмуд энкилднэ* 'Если оглянуться назад и посмотреть на то место, куда пришел, возвышаются большие высокие холмы' [Эрнжэнэ 1972: 125].

Хуулзад, өндөһэд, сүүж доран делгэд хонси өөмсэн авад өмстлнь, иргэр үлэжэсн киитн салкн нүцкн махмудинь киит уср-хад чичрүлэд оркна 'Заерзав, приподнявшись, пока надел носки, с которыми [он] ночевал, подстелив их под бок, холодный ветер, дующий через низ кибитки, холодом пробирает голое тело, заставляя дрожать' [Эрнжэнэ 1972: 127].

Как отмечает Т. А. Бертагаев, субъект деепричастных оборотов может не совпадать с понятием грамматического подлежащего [Бертагаев 1964: 66]. Как правило, местоположение подлежащего является фиксированным, если субъект оборота выражен именем существительным в форме именительного или винительного падежа. Когда деепричастный оборот имеет свой субъект, то субъект в обороте и подлежащее в предложении не располагаются рядом, в особенности в случае их выражения существительными: *Үел өөрдэд, цасн икэр ордг болв* 'Приближалась зима, снег стал выпадать чаще' (букв. 'Зима приближаясь, снег стал выпадать чаще' [Эрнжэнэ 1963: 67]. *Бата дунд школан төгсэхлэ, көвүн көдлмишт орв* 'Когда Бата окончил среднюю школу, парень вышел на работу' [Эрнжэнэ 1963: 123]. В данном случае подлежащее стоит после оборота для того, чтобы отличать его от субъекта, который находится со своим ведущим словом (деепричастием) и имеет с ним одинаковую исходную основу.

Зависимые слова в деепричастных оборотах могут находиться в самых разнообразных отношениях к ведущему слову или субъекту. Они выполняют определительные, дополнительные или обстоятельственные функции: *Тиигэд орчлң сержэ, жүрһлин жүсән эклжэ, күч-көлснэ айс делгү соңсгдв* 'Так вселенная проснулась, движение жизни началось, широко лилась мелодия трудовой песни' [Эрнжэнэ 1972: 591]. В данном примере субъекты в деепричастных оборотах выражены именем существительным в форме именительного падежа, что придает им некую целостность и самостоятельность. Поэтому такие обороты с самостоятельными субъектами имеют тенденцию к обособлению, напоминая по своей форме и значению придаточное предложение.

Деепричастные формы отличаются от финитных глагольных форм своей неизменяемостью, неспособностью выразить ос-

новное действие. Деепричастные обороты в устной речи обязательно выделяются соответствующей интонацией и, следовательно, в письменной речи всегда обособляются знаками препинания, если между ними и сказуемым имеются другие члены предложения, например подлежащее: *Амулңгин чанси цэ, бел кесн хотынь эдлэд, Муузра <...> ханад медлэд һарв* 'Отведав чай и пищу, приготовленную Амулангой, Муузра, поблагодарив и попрощавшись, вышел' [Эрнжэнэ 1972: 306]. В данном примере между сказуемым и деепричастным оборотом стоит подлежащее, стало быть, при этом оборот обособляется, чтобы подчеркнуть его подчиненное положение к сказуемому.

Следует также отметить, что деепричастные обороты нельзя отождествлять с придаточными предложениями, которые в отличие от первых, вне структуры сложного предложения, вполне могут существовать самостоятельно, тогда как деепричастные обороты зависят в большинстве случаев от сказуемого главного предложения. Придаточные же предложения соединяются с главным при помощи союзов или союзных слов и относятся к одному из членов основной части предложения или ко всему главному предложению. При этом они могут иметь самостоятельное подлежащее и сказуемое, которые связаны между собой по способу координации, что не применимо в отношении двух главных элементов деепричастного оборота: субъекта и деепричастия, — так как субъект подчиняется деепричастию, которое им управляет, определяя его падежную форму.

Итак, можно констатировать, что атрибутивные формы глагола в художественном тексте К. Эрендженова многочисленны и разнообразны, помогают писателю описать более сложные картины событий/ситуаций, осуществляемые одновременно или последовательно по отношению к друг другу. Деепричастия и деепричастные обороты придают описываемым писателем картинам динамику, позволяют сжимать слишком большие предложения, сосредоточивая внимание на действии. Деепричастия и деепричастные обороты, широко использующиеся в романе «Һалан хадһл», являются яркими выразительными средствами в создании индивидуального стиля писателя.

Литература

Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста: Калмгосиздат, 1966. 116 с.

- Бадмаев Б. В.* Особенности употребления сопутствующих деепричастий в «Сарин Герел» // Алтайские языки и восточная филология [Текст]: памяти Э. Р. Тенишева / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. Москва: Вост. лит. РАН, 2005. С. 48–55.
- Бертагаев Т. А.* Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М.: Наука, 1964. 280 с.
- Бобровников А. А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. 400 с.
- Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 335 с.
- Исследования по грамматике калмыцкого языка (Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. V, ч. 2) / ред. С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская.* СПб.: Наука, 2009. 895 с.
- Касьяненко З. К.* Придаточное предложение и оборот в монгольском языке // Проблемы филологии стран Азии и Африки. Л.: ЛГУ, 1966. С. 3–10.
- Касьяненко З. К.* Современный монгольский язык. Л.: ЛГУ, 1968. 373 с.
- Ковалевский О. М.* Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1835. 197 с.
- Котвич В. Л.* Лекции по грамматике монгольского языка. СПб., 1902. 203 с.
- Котвич В. Л.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-ое. Прага, 1929. 418 с.
- Кузьменков Е. А.* Глагол в монгольском языке. Л.: ЛГУ, 1984. 140 с.
- Мищенко Д. Ф.* Деепричастия с показателями *-жэ* и *-ад* в калмыцком языке // Исследования по грамматике калмыцкого языка (Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. V, ч. 2) / ред. С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская. СПб.: Наука, 2009. С. 225–254.
- Мушаев В. Н.* Вводные элементы в структуре калмыцкого предложения. Элиста: КГУ, 1995. 40 с.
- Мушаев В. Н.* Структура и семантика калмыцкого предложения. Элиста: ОАО АПП «Джангар», 2005. 382 с.
- Омакаева Э. У.* Подлежащее в монгольском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 16 с.
- Омакаева Э. У.* О формальном описании зависимых конструкций в современном монгольском языке // Вестник КИГИ РАН. 2008. № 1. С. 120–129.
- Очилов У. У.* Грамматика калмыцкого языка: Синтаксис. Элиста: Калмгосиздат, 1964. 243 с.
- Очилова Н. Ч.* Деепричастные обороты в структуре калмыцкого предложения // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, № 3. Спецвыпуск. 2006. С. 111–115.
- Поппе Н. Н.* Грамматика письменно-монгольского языка. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1937. 492 с.
- Пюрбеев Г. Ц.* Формы выражения субъекта в причастных и деепричастных оборотах монгольских языков // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. II боть. Материалы III Международного конгресса монголоведов. Улан-Батор, 1977. С. 136–140.
- Пюрбеев Г. Ц.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1977. 222 с.
- Пюрбеев Г. Ц.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 141 с.
- Пюрбеев Г. Ц.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. 2-ое изд., перераб. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 299 с.
- Руднев А. Д.* Лекции по грамматике монгольского письменного языка. Вып. I. СПб., 1905. 95 с.
- Санжеев Г. Д.* Грамматика калмыцкого языка. М.; Л., 1940. 156 с.
- Санжеев Г. Д.* Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л., 1941. 188 с.
- Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков: В 2 тт. М.: Изд. АН СССР, 1953. Т. 1. 160 с.
- Санжеев Г. Д.* Современный монгольский язык. М.: Наука, 1959. 108 с.
- Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Наука, 1963. 266 с.
- Тодаева Б. Х.* Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951. 196 с.
- Тодаева Б. Х.* Монгольские языки и диалекты Китая. М.: ИВЛ, 1960. 137 с.
- Харчевникова Р. П.* Деепричастие // Грамматика калмыцкого языка. Фонетика. Морфология. 1983. С. 248–259.
- Харчевникова Р. П.* Система глагола в современном литературном калмыцком языке: автореф. дисс. ... д-ра фил. наук. М., 1996. 73 с.
- Харчевникова Р. П.* Проблемы деепричастий в монгольских языках // Проблемы современного джангароведения: мат-лы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию А. Ш. Кичикова. Элиста: Калм. гос. ун-т: 1997. С. 22–25.
- Цыренова Т. Б.* Становление системы деепричастных форм в монгольских языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2000. 23 с.
- Шмидт И. Я.* Грамматика монгольского языка. СПб., 1832. 765 с.
- Эрнжэнэ К.* Һалан хадһл. Роман. 1-ч дегтр. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1963. 225 х.
- Эрнжэнэ К.* Һалан хадһл. Роман. 1-ч, 2-ч дегтрмуд. 2-ч һарц. Ясврта болн немртэ. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1972. 622 х.

УДК 811.512.37 + 81'374 + 82-31

ББК 81.2 (2Рос=Калм)

СРАВНЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. ИНДЖИЕВА «ХАРАЛТА ӨДРМҮД» («ПРОКЛЯТЫЕ ДНИ») И «БОЛЬШЕВИКУД» («БОЛЬШЕВИКИ»)

Н. М. Мулаева

Сравнение наряду с метафорой и олицетворением является одним из образительных средств языка. Это вид тропа, в котором одно явление или понятие проясняется путем сопоставления его с другим явлением [Словарь ... 1974: 371–372]. В сравнении обычно выделяют сравниваемый предмет (объект сравнения), предмет, с которым происходит сопоставление (средство сравнения), и их общий признак (основание сравнения, сравнительный признак, лат. *tertium comparationis*). Одной из отличительных черт сравнения является упоминание обоих сравниваемых предметов, при этом общий признак упоминается далеко не всегда.

Не случайно, что именно это образительное средство привлекало внимание лингвистов, фольклористов и литературоведов [Монраев 1977; 1983; Биткеев 1976; Борджанова 1976; Очирова 2005; Бурыкин, Басангова 2008] и др. Исследование сравнений позволяет реконструировать этническую картину мира калмыков, дает глубокое понимание того, как человек мыслит, размышляет, другими словами, как познает мир [Алиомарова 2010].

Таким образом, цель настоящей статьи заключается в анализе сравнений на материале двух повестей Л. Инджиева: «Большевикуд» («Большевики») [1980] и «Харалта өдрмүд» («Проклятые дни») [1990]. Писатель родился в селе Годжур Малодербетовского района [Джимгиров 1966: 93], ныне село входит в состав Кетченеровского района Республики Калмыкия, который, как известно, с давних пор славится прекрасным знанием родного языка. Язык его повестей изобилует сравнениями разного рода, это свойство его прозы позволяет анализировать данную проблематику с различных сторон.

В калмыцком языке сравнительные конструкции состоят из имени существительного (или причастия) и послелогов со сравнительным значением (т. н. послелогов сравнения): *эдл* 'подобно, похоже, схоже', *дүңгә* 'как', *мет* 'как словно, точно, подобно, как будто', *чиңгә* 'как, словно, точно; та-

кой, как...', подобно кому- или чему-либо', *кевтә* 'как будто, словно', *кевар* 'подобный, будто'. М. У. Монраев, например, выделяет в калмыцком языке развернутые и неразвернутые сравнения, которые могут быть образованы из двух (*элә кевтә* 'подобно коршуну') и более компонентов (*ки орси мет* 'будто наполнился воздухом', *хорта моһа үзси мет* 'будто увидел ядовитую змею') [Монраев 1977: 148]. Послелогом *чиңгә*, *кев(-тә)*, *кевар* относятся к отыменным послелогам, которые по своему значению выражают сравнение (уподобление) с кем- или чем-либо и соответствуют в русском языке словам 'словно, подобно' [Монраев 1983: 277–279].

В нашем материале преобладают сравнения, состоящие из имени существительного и сравнительного послелога *мет*: (1) *Цаһан мөңгә жиңилһи мет дууһарн Зина келжәһә* 'Голосом, подобным серебряному звону, Зина говорит' [ХӨ: 27]¹. Здесь в примере (1) четырехкомпонентное сравнение, в котором сравниваемым предметом (объектом сравнения) является слово *дууһарн* 'голосом', а средством сравнения — слово *жиңилһи* 'звон' (девербатив от глагола *жиңи* 'звонить'). Интересно, что здесь соединяются синекдоха и олицетворение. Сравнения, структура которых состоит из предметного имени и отглагольного существительного, встречаются в языке анализируемых произведений, хотя в русском языке они малочисленны.

(2) *зуг теднә хоорнд салдсмуд сүүдрмүд мет йовлдна* 'и только солдаты, будто тени, ходят среди них' [ХӨ: 5].

В приведенном примере (2) содержится двухкомпонентное сравнение. Здесь сравниваемым предметом является слово *салдсмуд* 'солдаты', а предметом сравнения — слово *сүүдрмүд* 'тени'. Слово *тени* создает негативный собирательный образ солдат, которые принимали участие в депортации кал-

¹ Здесь и далее в круглых скобках указываются аббревиатура названия произведения (Б — «Большевикуд»; ХӨ — «Харалта Өдрмүд») и место, где встретился тот или иной пример в материале исследования.

мыков в Сибирь. К тому же автор вырисовывает военных людей как безликую массу, являющуюся подобием людей².

(3) *Генералын келжэх соңсхвр болһнь догшин ямтын һарар эдниг толһаһарнь цокжсах төмр сава мет тоңшад бээнэ* ‘Каждое сообщение генерала звучало так, словно их ударяли по головам железной посудой, суровой рукой должностного лица’ [XӨ: 10].

Иногда в тексте наряду с *мет* заменяется употребляется *метәр* ‘подобно, словно, как’: (4) *Теднь мана теегин аһуһар шорһлжэд метәр гүүлдэд бээцхэнэ* ‘Они бегают по нашим степным просторам, будто муравьи’ [XӨ: 13]; (5) *Тедн, аң хээгч аңһуһчнр метәр, хальмгудыг хээж бэрэд цуглулна, кинотеатр тал нег-негнәннь ардас цувлдж ирднэ* ‘Они, словно охотники в поисках зверя, разыскивают, ловят и собирают калмыков, и те приходят друг за другом к кинотеатру’ [XӨ: 55].

Очень редко в этих произведениях встречаются послелого, которые, вероятно, носят менее частотный характер по сравнению с послелогом *мет*, например:

а) послелог *кевтә*:

(6) *күүкдән эрүл-менд бээлһхин туст, һуужмулмудан боожулжсах һалун кевтә килмжән эн өгчәлә* ‘для того, чтобы ее дети жили хорошо, она отдавала им все силы, проявляла заботу о них, словно выращивающая птенцов гусыня’ [XӨ: 16];

б) послелог *кевәр*:

(7) *1945 жилин февраль сард баатр кевәр тер хорла...* ‘В феврале 1945 года он погиб, как герой’ [Б: 203].

При сравнении автор использует еще и другие слова: *өңтә* ‘подобный, похожий’, *өңтәһәр* ‘словно’: (8) *Уснд буслһхла, цәдһин өңтә болна* ‘Если их (листья) вскипятить в воде, то становится похожим на чай’ [Б: 18]; (9) *Гер бүслж һаза цуглрад, өврмжтә сенр ду чиңсн бичкдүд, үргж тарад ниссн богшурһасин өңтәһәр тарж гүүлдэд, гермүдән темцлдж йовцхана* ‘Дети, слушавшие песню, собравшись на улице вокруг дома, словно встревожено разлетевшиеся воробьи, бросились врассыпную, идут по домам’ [Б: 193].

Чаще всего встречаются сравнения, состоящих из двух компонентов: *сүүдрмүд мет* ‘будто тени’, *богшурһа мет* ‘словно

² Однако возможна и другая интерпретация образа солдат, которая заключается в том, что они сами стали призраками и потеряли всю человечность в процессе выполнения приказов свыше.

воробушек’, *царцахас мет* ‘словно саранча’ и т. д. Сравнения, которые содержат три и более компонента, встречаются реже: *шовуна үр мет* ‘словно птичье гнездо’, *һалуна һуужмулмуд мет* ‘словно гусята’, *цаһан мөңгнә жиңһлһн мет* ‘подобном звону се-ребра’, *толһаһарнь цокжсах төмр сава мет* ‘словно железная палка, которой бьют по голове’, *үргж тарад ниссн богшурһасин өңтәһәр* ‘словно встревожено разлетевшиеся воробьи’, *хальмг эмтнә хөвтә хаалһ хаагдв гисн мет* ‘будто счастливое будущее калмыков закрылось’ и т. д.

По семантическому признаку средства сравнения можно выделить следующие группы:

1) **цвет:**

(10) *Директорин цасн мет цаһан чирә толвтрж улаһад, оңдарж одв* ‘Белое, как снег, лицо директора изменилось, покрывшись красными пятнами’ [XӨ: 26];

(11) *Чилгр теңгрин өңтә хойр нүдн невчк гейүрлһтә болж* ‘Ее глаза, похожие на ясное небо, были немного печальны’ [Б: 83];

(12) *Хомутников гидг улан командирин күрл мөңгни өңтә төрг чирә* ‘Круглое, похожее на бронзу, лицо красного командира Хомутникова [Б: 85];

2) **животные, птицы, насекомые:**

(13) *ГАЗик хулһн мет гишгәр чиргдэд, салаһас һарч зогсв* ‘ГАЗик легко, словно мышь, протачился и встал, выехав из балки’ [XӨ: 4];

(14) *Бичкн һурвн күүкнь һалуна һуужмулмуд мет һа-һа гисн шуугатаһар эцкән тосцхав* ‘Его трое маленьких детей, словно гусята, шумно встретили отца’;

(15) *Ноха мет бадг авцта бээжлһн энтн, – гиж дотран эн санв* ‘Оказывается у него повадки, как у собаки, – подумал он про себя’ [XӨ: 12];

(16) *Бувашин зүркн, богшурһа мет, өсрж чочад, хурдар цокад бээв* ‘Сердце Буваш, словно воробушек, подпрыгнув, вздрогнуло, забилося сильнее’;

(17) *Ижлин амнд шовуна үр мет на-алдсн Яңһл гидг балһсна бичкн, киртә пристнь бийиннь кирцәһәр болхла йир шуугата билә* ‘Прилепившаяся к устью Волги, словно птичье гнездо, маленькая, грязная пристань городка Янхал по своему обыкновению была очень шумной’ [XӨ: 6];

(18) *Цаһачудын церг, теңгә һазрин аһуһар, царцахас мет, делвэд* [Б: 103] ‘Войска белогвардейцев расплозились, как саранча, по просторам донской земли’;

3) **природные ресурсы:**

(19) *Күңклин дуудгч үгмүд чикнд күңкннә, өшәтнә өмнәс оларн һарад йовжәх төмр мет цогцта нег мөслгч дүртә баатрмуд Москван уульницар утар цувжәхнһ нүднд үзгднә* ‘Звучат в ушах лозунги, виднеются идущие друг за другом по улицам Москвы навстречу противнику богатыри, с телосложением, подобным железу’ [Б: 12];

(20) *эвтәкн хатмл, чаңһ оврта, төмр мет хатурсн дүртә цогц энүнә седклд төөнрлә* ‘его аккуратное, сухощавое, рослое, закаленное, как железо, телосложение запечатлелось в ее памяти’ [Б: 85].

4) **материя, вещества:**

(21) *Эн хамтхасиг халун усар хойрһурв уһачкхла, – гижә өвгн цәәлһв, – хамг кир-шуһудас цеврдсн деерән торһн мет жөөлджә одна* ‘Если промыть эти листья два-три раза горячей водой, – пояснил старик, – помимо того, что они очищаются от всей грязи, пыли, еще и размягчаются, как шелк’ [Б: 18].

5) **характер действия:**

(22) *Терзин киитн көк шилиг хурин дусал шавджәна, нүднә нульмсн мет, һоожад бәәнә* ‘По холодному зеленому стеклу окна хлещут капли дождя, стекают, словно слезы из глаз’ [Б: 189–190].

6) **природные явления**, в частности характерные для местности, в которой проживают калмыки:

(23) *гиләд дун төгсв, терүнә дүүрән, ху салькн мет холод, көдөн уужм темцв* ‘так закончилась песня, ее эхо, словно порывистый ветер, разнеслось по просторам степи’;

(24) *Әмтнә күүндән, дүүгән, генткн номһрсн салькн мет тагчград одв* ‘Разговоры, гул людей вдруг смолкли, будто затихший ветер’ [Б: 18];

(25) *Нарн мет герлтжәх маңната* ‘С сияющим, словно солнце, лбом’ [Б: 203];

(26) *Һалвта теңс мет хәрклжәсн Петроградт* ‘В ревушем, словно стихия на море, Петрограде’ [Б: 101];

(27) *тер залин герләс энүнә седкл, экләд талржәх будн мет, сарулджә бәәх болжә медгдв...* [Б: 123] ‘казалось, что от отблеска этого пламени в его душе, словно в начавшем рассеиваться тумане, по-светлело’;

(28) *Нуурин нигт хулсн негл усн мет дольгарад, шишгәд бәәнә* [Б: 102] ‘Густой камыш на озере, словно вода, ходит волнами, шелестит’.

Надо отметить, что можно найти в материале исследования сравнения с национально-культурными компонентами. Об этом писал еще М. У. Монраев [Монраев 1977: 148]: (29) *Поезд арнзл мет хурдар Москва тал делсәд йовна* ‘Поезд, словно аранзал (волшебный богатырский конь), быстро мчался в сторону Москвы’ [XΘ: 68]; (30) *Усләд, тослад оркхла, цәәһин өңгтәһәр зандрна* ‘Если забелить молоком и положить масло, то благоухает, как настоящий чай’ [Б: 18].

Встречаются сравнения, которые очень полно передают душевное состояние, переживания персонажа: (31) *Заседань хаагдв гисн үг хальмг әмтнә хөвтә хаалһ хаагдв гисн мет болжә, Сангаев Эрнжәнә чикнд доңһадад, зовжәсн зуркинь улм күчрәр шарклулв* ‘Слова «заседание закрыто» прозвучали в ушах Сангаева Эренджена так, будто счастливое будущее калмыков закрылось, и от этого еще сильнее защемило в груди’ [XΘ: 12].

По частеречной принадлежности можно выделить сравнения, состоящие из сочетаний сущ. + послелог (см. примеры (25), (26) и др.), а также причастие + сравнительный послелог *мет*, встречающиеся достаточно редко в материале исследования: (32) *Дәәнд эвдрихәсн гермүдин эргмд, Советин герин дорак ик оңһрха дотр чигн, һазань чигн тедн үрглжәх мет тагчг бәәцхәнә* ‘Вокруг разрушенных войной домов и внутри большого рва под домом Советов, и снаружи, они хранят молчание, словно дремлют (о машинах)’ [XΘ: 5].

Встречаются также сравнения, являющиеся калькированными фразеологическими единицами: (33) *Чамд үг келнә гисн, герин эрсиг горохар цоксн мет* ‘Высказывать тебе что-либо, все равно, как об стенку горох’ [Б: 10]; *Обкомин көдләчнр болжә эндр күртл бәәцхәсн орсмуд ода деерән ю кехән, ямр үүлдвр күцәхән медлһн угаһар амндан ус балһсн мет үг угаһар кабинетмүдән темцлдв* ‘Русские, до сегодняшнего дня являвшиеся работниками обкома, не знали что делать, какие действия предпринять, и в полном молчании, будто набрав в рот воды, разбрелись по кабинетам’ [XΘ: 20]; *Дотран уурта, тегәд атхр чиртәтә йовсн Гнибеда чочсн дүрстәһәр терүн тал хәләһәд, агчмд бәәдлән хүврүләд, марзажә инәмсгәв: – Кергүдм кө мет цаһан, – гив* ‘Шедший с сердитым, хмурым выражением лица Гнибеда, вздрогнув, посмотрел на него, вмиг

преобразился, и, заулыбавшись, сказал: — Мои дела как сажа бела' [XΘ: 45].

Таким образом, в ходе анализа материала было выяснено, что в произведениях Л. Инджиева в основном распространены двухкомпонентные сравнения, наиболее частотны сравнения, построенные по модели существительное + послелог. Среди сравнительных послелогов выделяется послелог *мет*. Семантические группы сравнений носят антропоцентрический характер (человек сравнивает те или иные действия, предметы, признаки с тем, что его окружает).

Литература и источники

- Алимарова Д. М.* Сравнения и метафоры в тургеневских текстах // Проблемы общего и дагестанского языкознания. Вып. 6. Махачкала, 2010. С. 64–66.
- Биткеев Н. Ц.* Сравнения и метафоры в «Джангаре» Ээлян Овла и его последователей: к проблеме эпической традиции // Вестник КНИЯЛИ. Вып. 14. Элиста, 1976. С. 132–140.
- Борджанова Т. Г.* [Басангова Т. Г.] О поэтике ойратского героического эпоса: сравнение, гипербола, элементы фантастики // Вестник КНИЯЛИ. Вып. 14. Элиста, 1976. С. 141–162.
- Бурыкин А. А., Басангова Т. Г.* [Борджанова Т. Г.] Устойчивые сравнения в «Джангаре» и жанр примет-шинж (К проблеме интертекстуальности героического эпоса и генезиса жанра примет-шинж в калмыцком фольклоре) // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: мат-лы Междунар. науч. конф. (Элиста, 9–14 мая 2007 г.). В 3-х ч. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 5–10.
- Джимгиров М. Э.* Писатели Советской Калмыкии (библиографический справочник). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. С. 93–100.
- Монраев М. У.* Послелого // Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. С. 276–283.
- Монраев М. У.* О некоторых языковых особенностях романа А. Балакаева «Золотая Бумба» («Алтн Бумб») // Современный литературный процесс и литературная критика в Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1977. С. 147–153.
- Очирова Н. Ч.* Лексико-семантическая характеристика сравнительных конструкций в произведениях К. Эрендженова // Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы. Мат-лы II-й Межрегион. науч. конф. Вып. II. Элиста, 2005. С. 237–240.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. Изд. 2-ое, испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
- Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.*
- Инжсин Л.* Большевикүд. Түүк. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1980. 204 х.
- Инжсин Л.* Харалта өдрмүд. Документальн түүк // Мартгдшго нерд. Түүк болн келвүрмүд. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1990. 192 х.

УДК 81'33
ББК 81.2.3

АРХИТЕКТУРА МЕТАОПИСАНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

В. В. Куканова

Сегодня корпусная лингвистика является одним из популярных направлений в области языкознания. Это не особая лингвистическая дисциплина, как, например, социолингвистика или психолингвистика, хотя некоторые языковеды рассматривают корпусную лингвистику именно как самостоятельный раздел языкознания (см., например: [Корпусная лингвистика 2011; Захаров 2005: 3]). Зарубежные исследователи, занимающиеся проблемами создания и разработки корпусов, придерживаются несколько иного мнения, но при этом признают тот факт, что это уже более чем просто способ сбора материала (ср.: «it becomes quite evident that corpus linguistics is more a way of doing linguistics, „a methodological basis for pursuing linguistic research“, than a

separate paradigm within linguistics» [Meyer 2004: xi]). Таким образом, корпус — это способ работы лингвиста с текстами, более удобный, более быстрый, нежели карточки, которые использовались исследователями языка совсем еще недавно (ср.: «понятие корпуса является продолжением традиционных карточек, с которыми работали лингвисты. В XX в. эти карточки стали компьютерными и общедоступными» [Герд, Захаров 2004: 124]).

Корпусная лингвистика в основном сфокусирована на создании и разработке общих принципов построения и использования лингвистических корпусов для европейских языков, о чем свидетельствует существенное количество не просто коллекций текстов, а уже аннотированных текстовых мас-

сивов¹. К сожалению, проекты по созданию электронной базы данных по малым языкам, находящимся на грани исчезновения, вообще отсутствуют или находятся только в самом начале своей реализации, когда решаются общие вопросы корпусной лингвистики применительно к конкретному языку. Отсутствует и отработанная схема действий, не говоря уже о необходимых компьютерных программах (лемматизаторах, сегментаторах, тэггерах, парсерах). Предпринимаются попытки создания корпуса дагестанских языков [Кибрик и др. 2007; Муталов 2007; 2009] и бурятского языка, структурно и типологически близкого калмыцкому языку [Бадмаева 2008; Бадмаева, Бадагаров 2008; Бадмаева и др. 2008; Ринчинов 2009].

К миноритарным языкам относится и калмыцкий язык монгольской группы алтайской семьи языков. Название проекта «Национальный корпус калмыцкого языка» (НККЯ) аналогично названию корпуса русского языка и призвано подчеркнуть преемственность традиций в общей и конкретно русской и калмыцкой лингвистиках².

В настоящей статье обсуждаются проблемы метаописания текстового массива, работы по сбору которого активно ведутся в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН. Не вызывает сомнения и тот факт, что тексты на любом языке должны быть аннотированы по определенной системе, которую необходимо выработать.

Метаразметка, или метаописание (метаданные), — это система помет экстралингвистического характера, «структурированные данные», касающиеся формального сегментирования и «внешнего» аннотирования текста, а также фиксации технической и технологической работы с электронным файлом. Следовательно, выделяют несколько видов метаописания:

¹ См., например: Брауновский Корпус [BC]; Хельсинкский аннотированный корпус [ХАНКО]; Национальный корпус русского языка [НКРЯ]; Банк английского языка [BEL]; Британский национальный корпус [BNC]; Корпус современного китайского языка [LIVAC]; Корпус современного итальянского языка [CORIS/CODIS]; Мангеймский корпус немецкого языка [CCDB] и др.

² Обоснованию необходимости создания корпуса калмыцкого языка посвящена работа В. В. Кукановой [2011], в которой рассматриваются проблемы, связанные с составом корпуса и репрезентативностью текстов, которые будут составлять НККЯ, а также перспективы использования последнего не только в калмыцком языкознании, но и в алтаистике.

1) внешняя, или «интеллектуальная», разметка:

- библиографические характеристики;
- типологические характеристики;
- тематические характеристики;
- социологические характеристики;

2) формальная, или структурная, разметка: поскольку текст состоит из частей разного уровня, то его делят на разделы, главы, части, абзацы, предложения;

3) технико-технологическая разметка: кодировка, даты работы, исполнители, источник электронной версии [Захаров 2011].

Подобная система помет может включать несколько критериев-признаков. Это, прежде всего, хронологический, жанровый, стилевой аспекты. Разметка помогает исследователю-лингвисту ориентироваться во множестве текстов, имеющих разные экстралингвистические и лингвистические характеристики. Весь массив текстов должен быть разбит на некоторые подмножества по различным признакам-критериям для того, чтобы облегчить поиск необходимого для исследования материала.

Следующей целью описания метаданных является выявление взаимосвязи языковой системы и условий его функционирования [Захаров 2011]. Как известно, экстралингвистические факторы напрямую влияют на язык. Существует настоятельная необходимость создания унифицированной структуры метаописания для НККЯ.

НККЯ состоит из двух модулей: текстов в электронном формате и базы данных, которая содержит метаразметку материала. База данных метаописания была сконструирована в специализированных программах.

Набор параметров, обозначенных в узлах классификации, соответствует практике кодирования текстов таких известных корпусов, как Брауновский корпус, Британский национальный корпус. Все эти параметры, в свою очередь, следуют рекомендациям TEI [Sperberg-McQueen, Burnard 2001] и EAGLES [Sinclair 1996]. Однако приходится признать, что все они не могут учитывать национальную специфику функционирования калмыцких текстов, калмыцкой художественной литературы.

Рассмотрим подробно классификацию Дж. Синклера.

Ученый выделяет два класса факторов, которые, предположительно, оказывают влияние на свойства текстов: внешние (E),

внеязыковые факторы, которые могут обусловить структуру построения или содержание текста, и внутренние (I), отражающие свойства языка, используемого в тексте:

- E1 (origin) – факторы, относящиеся к созданию текста автором;
- E2 (state) – факторы, относящиеся к внешним признакам текста (включая устную или письменную речь);
- E3 (aims) – факторы, относящиеся к причинам создания текста и его влиянию на аудиторию.
- I1 (topic) – предметная область текста;
- I2 (style) — стилистические особенности (частично пересекающиеся с E-факторами).

В ходе анализа научных трудов, посвященных возможным решениям метаописания текстового массива в различных корпусах, было выявлено, что в практике корпусной лингвистики существуют два вида метаданных: общее метаописание корпуса [Волков и др. 2004; Гарабик 2004; Герд, Захаров 2004; Плунгян, Сичинава 2004; Шаров, Савчук 2004; Савчук 2005] и специализированное метаописание, направленное на структуризацию метаданных в каждом конкретном подкорпусе, который создается, как правило, под определенные исследовательские задачи³.

Ниже дана попытка сведения всех стандартов и классификаций в единый формат с учетом специфики калмыцких текстов и их функционирования с опорой на метаописание, предложенное С. А. Шаровым [2011]. При необходимости вводятся новые тэги.

Заголовок <teiHeader> имеет следующие элементы:

- 1) <id> — уникальный номер, позволяющий идентифицировать документ в корпусе (как правило, это название текста);
- 2) <target> — имя файла, в котором находится документ;
- 3) <type> — тип описания. В нашем случае можно описывать не только один текст (“text”), а группу текстов (“texts”). Например, пословицы и поговорки, являющиеся небольшими по объему текстами;
- 4) <lang> — язык, на котором написан документ; в нашем случае “xal”, в TEI используется указание языка по стандарту ISO 260.

³ См., например, метаразметка в поэтическом корпусе [Гришина и др. 2009] или метаописание древнерусских агиографических текстов [Алексеева и др. 2004].

Библиографические данные о тексте документа <fileDesc> состоят из следующих помет.

1. <titleStmt> — библиографическая информация о тексте:

- <title> — название текста (возможно отдельно полное и краткое);

- <author> — автор. Здесь имеется несколько атрибутов: type=“sole” (стоит по умолчанию); type=“corporate”; type=“multi-authored”. При обозначении первого типа может указываться и настоящая фамилия автора (если она известна), и его псевдоним, поскольку именно под последним этот текст известен широкому кругу читателей. Если текст был создан группой авторов, как, например, инструкции или конституции, то используется в описании второй тип type=“corporate”. Если же автором текста является весь народ, как в случае с фольклорными произведениями, то приписывается последняя помета (type=“multi-authored”). Во втором и третьем случаях авторство установить невозможно;

- <extent> — размер документа. По предложению С. А. Шарова, размер документа может фиксироваться в словах (type=“w”), в предложениях (type=“s”) и условных единицах (type=“u”). Трудности возникают при обработке текстов, написанных на тодо бичг («ясное письмо»), поскольку в них часто не ставились знаки, обозначающие, например, конец предложения;

- <respStmt> — информация о людях, внесших вклад в создание электронной версии текста (фамилии лингвистов). Данная информация предназначена для внутренней работы, т. е. закрыта для широкого круга пользователей корпуса;

2. <publicationStmt> — библиографическая информация об издании;

- <publisher> — информация об издательстве. Если текст, например стихотворение или рассказ, приводится по книге, то указываются выходные данные, в том числе и интервал страниц, где помещен именно этот текст;

- <pubPlace> — место издания;

- <publDate> — год издания оригинального документа. Указывается точная или приближительная дата появления того или иного текста. Существует ряд текстов, не имеющих точной даты появления. Это в основном касается ранних текстов, написанных на тодо бичг;

- <graphicSystem> — графическая система, с использованием которой текст был впер-

вые напечатан или написан (тодо бичг, латиница, кириллица). Все тексты для удобства анализа переводятся в кириллицу с сохранением всех особенностей;

- <editor> — редакция текста. Указывается наличие или отсутствие правки текста. Если текст был отредактирован одним человеком, указывается помета “sole”, если же принял участие в этой работе коллектив редакторов, то приписывается параметр “group”;

- <translator> – переводчик текста. Данный параметр необходим для выявления индивидуальных стратегий перевода текста. Если текст был переведен одним человеком, указывается помета “sole”, если же работал коллектив переводчиков, то приписывается параметр “group”.

3. <sourceDesc> — информация об источнике, из которого получена электронная версия документа: type=“Internet”; type=“scanning”; type=“handTyping”; type=“authorialCopy”. Небольшой ряд текстов был взят с различных сайтов, но в основном тексты на калмыцком языке сканируются и распознаются, так как их электронные версии практически отсутствуют.

Метаинформация о профиле документа <profileDesc> включает следующие параметры:

1. <creation> — информация о времени и месте создания текста.

Этот параметр отличается от времени и места публикации, хотя в некоторых случаях они могут совпадать (например, у газетных статей). Иногда невозможно указать точную дату и точное место создания текста. Например, историческая песня «Сөм хамрта парнцс» появилась приблизительно в 1810-е гг. во время или после войны с Наполеоном. Следовательно, указывается период 1810-е гг., поскольку точно датировать появление текста песни невозможно. Данный параметр состоит из следующих тэгов:

- <creationDate> — информация о времени создания текста;

- <creationPlace> — информация о месте создания текста;

2. <textClass> — классификация текста по определенным признакам. При описании этого параметра возникают проблемы теоретического характера, которые в принципе характерны для всех типов текстов на любом языке. Хотя и существует конечное множество текстов, однако описать их все по одной и той же структуре, т. е. унифицированно, невозможно. Многие из них нахо-

дятся на пересечении двух или трех, допустим, предметных областей.

С. А. Шаров предлагает классифицировать тексты по предметной области в зависимости от науки и стиля, признавая, что «полноценной классификации, покрывающей *все* [курсив автора — С. А.] частотные виды использования русской речи, также не существует» [Шаров 2011]. Если здесь, в русском языкознании, имеет место проблема охвата текстов существующими классификациями, то на калмыцком языке существует другая проблема: количество текстов на калмыцком языке совсем незначительно, в особенности, если сравнивать с числом текстов, созданных на английском или русском языке. Возникают вполне оправданные опасения в возможности создания сбалансированного и репрезентативного объема текстового массива в планируемом корпусе.

Тем не менее формально этот параметр должен присутствовать в метаописании, поскольку только тогда мы можем понять, в какой предметной области имеются лакуны. Следовательно, в таких предметных областях существует проблема неразработанности терминологической базы. По предложенной С. А. Шаровым схеме (по его замечанию, поверхностной) тексты следует классифицировать по предметной области <textClassContent> следующим образом:

natsci (Естественные науки)

mathematics (Математика)

biology (Биология)

physics (Физика, включая астрономию, оптику и т. п.)

chemistry (Химия)

geo (География, геология, метеорология и т. д.)

...

appsci (Прикладные науки)

agriculture (Сельское хозяйство)

medicine (Медицина, включая ветеринарию, питание и т. п.)

ecology (Экология, окружающая среда)

engineering (Техника и технология)

computing (Вычислительная техника)

military (Военное дело)

transport (Транспорт, мореплавание, авиация и т. п.)

...

socsci (Общественные науки)

law (Юридическая тематика)

history (История, включая археологию)

philosophy (Философия)

psychology (Психология)

sociology (Социология)

anthropology (Антропология)
 language (Лингвистика, филология)
 education (Образование)
religion (Религия)
politics (Политика)
 inner (Внутренняя)
 world (Внешняя)
commerce (Экономика)
 finance (Финансы)
 industry (Промышленность)
life (Общество)
arts (Искусство)
 drawing (Изобразительное искусство, включающая скульптуру)
 literature (Литература)
 architecture (Архитектура)
 performing (Театр, кино, танец)
leisure (Досуг)
 reading (Чтение)
 sports (Спорт)
 travels (Путешествия)
 fashion (Мода/одежда)

Оговоримся, что этот параметр не отражает содержания текста полностью, лишь дает небольшое приближение к его тематике. Но в целом, если будут охарактеризованы все позиции по схеме, то мы получим более или менее полную картину о тексте. Например, историческое предание о Мазан-Батыре можно отнести к истории (history) в группе общественных наук (socsci), хотя, как известно, это не история, а фольклорное произведение, и другой параметр классификации (признак стиля) отделит этот текст от тех, что написаны историками.

Следующий параметр <textClassStyle> носит также дискуссионный характер, но выделить его необходимо, поскольку он отражает совокупность подмножеств текстов по критерию принадлежности к определенному стилю. Ученые предлагают характеристику текстов по нескольким критериям-признакам (неформальный / нейтральный / формальный / академический стиль или почтительно / просторечно / лично / небрежно), однако мы остановимся на двух традиционных классификациях: формальность/неформальность речи (type="formal"; type="informal") и пять функциональных стилей (научный, публицистический, деловой, художественный и разговорный стили).

Третьей характеристикой текста является его жанровая принадлежность. В зависимости от стиля текста выделяют жанры:

- type="NStyle" — научный стиль: монография, диссертация, статья, тезисы, доклад, рецензия, ответ на рецензию;
- type="PStyle" — публицистический стиль: статья в газете, очерк, интервью, фельетон и др.;
- type="RStyle" — разговорный стиль: монолог/диалог; спонтанная, квазиспонтанная (интервью, рассказ на заранее подготовленную тему, пересказ, описания и т. д.), подготовленная (чтение, публичные выступления, пересказ, чтение стихотворений и т. д.);
- type="DStyle" — деловой стиль: протокол, акт, справка, заявление и др.;
- type="ChStyle" — художественный: роман, рассказ, повесть, лирическое стихотворение и др.; среди фольклорных произведений — эпос, сказка, предание, легенда, миф, песня, малые жанры и т. д.

Все многообразие жанров калмыцкой литературы будет отражено в планируемом корпусе текстов, однако, несмотря на это, все же существует проблема сбалансированности материала, думается, что часть стилей и жанров будет представлена в меньшей степени в базе данных, следовательно, налицо проблема диспропорции текстового массива.

3. <textDesc> — описание текста в терминах условий его создания (situational parameters), которые могут включать в себя:

- <formSpeech> — форма речи: устная type="oral" и письменная type="writting". Следует выделить также электронную коммуникацию, которая совмещает в себе признаки устной и письменной форм речи (type="electComm"), хотя обнаружено не очень много текстов на калмыцком языке в Интернете;

- <kindSpeech> — монолог / диалог / полилог. Данный критерий также релевантен для описания языковых особенностей, проявляющихся в том или ином тексте.

- <preparedness> — признак спонтанности. Вслед за И. Н. Борисовой [2005] и Е. А. Гришиной [2005], мы выделяем три степени спонтанности текстов, при этом данная характеристика может быть релевантным критерием как и для письменной, так и для устной речи: 1) спонтанная, или неподготовленная, речь; 2) частично подготовленная, или квазиспонтанная, речь; 3) подготовленная речь;

- отношение между автором (или говорящими для устной речи) и аудиторией (<interaction>).

Характеристика автора текста/редактора/составителя — один из важных критериев, оказывающих значительное влияние на порождение текста и его функционирование: «данные параметры могут быть потенциально релевантны не только для автора текста, но и для редактора, цензора, переводчика и интерпретатора оригинального текста» [Шаров 2011]. Данный параметр (<person>) состоит из элементов:

- <role> — роль в коммуникации (для письменного текста role="author");
- <sex> — пол: значения "m/f";
- <age> — возраст на момент создания текста. Здесь, вслед за С. А. Шаровым, указывается примерный возраст: "child" (ребенок), teen (подросток), "mid-aged" (средних лет), "senior" (старше 55 лет). Заметим, что в нашей коллекции текстов авторы в основном взрослые люди средних лет. Текстов, созданных детьми, практически нет;
- <birth> — релевантные параметры рождения (дата и место);
- <firstLang> — родной язык. Этот признак — один из самых важных, поскольку осуществляющих всю коммуникации на калмыцком языке единицы, в основном пожилого возраста;
- <dialect> — описывает диалектную принадлежность автора. В калмыцком языке существует три диалекта (дербетский, бузавский, торгутский) и в соответствии с ними выделяются три пометы: type="torgut"; type="buzav"; type="derbet". Этот признак является релевантным для социологической характеристики автора текста, поскольку литературная форма языка сформировалась относительно недавно;
- <langKnown> — знание других языков;
- <residence> — место жительства в момент создания текста;
- <education> — уровень образования;
- <occupation> — род занятий;
- <socecStatus> — социально-экономический статус;
- <circumstances> — дополнительное описание обстоятельств, в которых был создан текст.

Предложенная в настоящей статье система метаописания необходима, во-первых, для того, чтобы систематизировать материал, который имеется в нашем распоряжении. Во-вторых, подобная разметка текстов

поможет ориентироваться лингвисту во множестве текстов, а также выявить ту или иную коррелятивную зависимость функционирования языка от экстралингвистических факторов. Характеристика как текстов, так и авторов является важной задачей в создании корпуса текстов на любом языке. В ходе работы над метаразметкой НККЯ некоторые ее принципы и структура будут уточняться исследователями-лингвистами в соответствии с основными нормативными требованиями в описании метаданных корпусов, как, например, требованием унификации описания параметров текста.

Литература

- Алексеева Е. Л., Лаврентьев А. М., Азарова И. В., Захарова Л. А. Разметка корпуса древнерусских агиографических текстов // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004» (г. Санкт-Петербург, 11–14 окт. 2004 г.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. С. 16–23.
- Бадмаева Л. Д. Корпус бурятского языка: проект [Электронный ресурс] // URL: <http://www.globecsi.ru/Articles/2008/Badmaeva3.pdf> (дата обращения: 20.04.2011).
- Бадмаева Л. Д. Бурятский язык и корпусная лингвистика // Состояние и перспективы развития бурятского языка: мат-лы форума бурят. яз. Улан-Удэ, 2009. С. 83–86.
- Бадмаева Л. Д., Бадагаров Ж. Б. О репрезентативности текстов и элементах программного инструментария для корпуса бурятского языка // Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних текстов к электронным библиотекам. Е1' Manuscript-08. Мат-лы Междунар. науч. конф. (Казань, 26–30 августа 2008 г.). Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. С. 28–31.
- Бадмаева Л. Д., Бадагаров Ж. Б., Цыдыпов Б. З. Общие проблемы формирования корпуса бурятского языка // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика – 2008». СПб., 2008. С. 24–30.
- Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2005. С. 132–144.
- Волков С. С., Захаров В. П., Дмитриева Е. А. Метаразметка в историческом корпусе XIX века // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004» (г. Санкт-Петербург, 11–14 окт. 2004 г.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. С. 86–98.
- Гарабик Р. Словацкий национальный корпус // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004» (г. Санкт-Петербург, 11–14 окт. 2004 г.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. С. 99–121.
- Герд А. С., Захаров В. П. Национальный корпус русского языка в свете проблем современной филологии // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика–2004» (11–14 октября 2004 г., г. Санкт-Петербург). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 122–130.
- Герд А. С., Захаров В. П. Национальный корпус русского языка в свете проблем современной филологии // Труды международной конферен-

- ции «Корпусная лингвистика – 2004» (г. Санкт-Петербург, 11–14 окт. 2004 г.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. С. 122–130.
- Гришина Е. А. Устная речь в Национальном корпусе русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. М.: Индрик, 2005. С. 94–110.
- Гришина Е. А., Корчагин К. М., Плунгян В. А., Сичинава Д. В. Поэтический корпус в рамках НКРЯ: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 71–113.
- Захаров В. П. Корпусная лингвистика: Учебно-метод. пособие. СПб., 2005. 48 с.
- Захаров В. П. Экстралингвистическая разметка. Метаданные [Электронный ресурс] // URL: http://download.yandex.ru/class/zakharov/CL_L4.ppt (дата обращения: 26.03.2011).
- Кибрик А. Е., Архипов А. В., Даниэль М. А., Кодзасов С. В., Майерс Т., Нахимовский А. Д. Технологии обработки языковых данных в документировании малых языков // Материалы Международной конференции «ДИАЛОГ 2007» «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М., 2007; URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/35.htm> (дата обращения: 23.04.2011).
- Корпусная лингвистика [Электронный ресурс] // URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Корпусная_лингвистика (дата обращения: 15.03.2011).
- Муталов Р. О. Корпусная лингвистика и перспективы ее развития в Дагестане // Махачкала: Современные проблемы кавказского языкознания, 2007. Вып. 7. С. 160–173.
- Муталов Р. О. Опыт создания корпусов дагестанских языков [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/html/50.htm> (дата обращения: 23.04.2011).
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.04.2011).
- Кужанова В. В. Общая структура и перспективы использования Национального корпуса калмыцкого языка в свете проблемы репрезентативности // Материалы XL Международной филологической конференции (г. Санкт-Петербург, 21–25 марта 2011 г.). Вып. 24: Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков / отв. ред. А. С. Асиновский, Н. В. Богданова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 125–137.
- Плунгян В. А., Сичинава Д. В. Национальный корпус русского языка: опыт создания корпуса текстов современного русского языка // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004» (г. Санкт-Петербург, 11–14 окт. 2004 г.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. С. 216–238.
- Ринчинов О. С. Корпус бурятского языка и прикладные задачи компьютерной лингвистики // Состояние и перспективы развития бурятского языка. Материалы форума бурятского языка. Улан-Удэ, 2009. С. 88–89.
- Савчук С. О. Метатекстовая разметка в Национальном корпусе русского языка: базовые принципы и основные функции // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 62–88.
- ХАНКО — Хельсинкский аннотированный корпус [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ling.helsinki.fi/projects/hanco/> (дата обращения: 15.04.2011).
- Шаров С. А. Параметры описания текстов корпуса [Электронный ресурс] // URL: <http://bokr.corpora.narod.ru/header.html> (дата обращения: 25.05.2011).
- Шаров С. А., Савчук С. О. Типология текстов для представительного корпуса // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2004» (г. Санкт-Петербург, 11–14 окт. 2004 г.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. С. 352–362.
- BEL — Банк английского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://www.collins.co.uk/Corpus/CorpusSearch.aspx> (дата обращения: 15.04.2011).
- BC — Брауновский Корпус [Электронный ресурс] // URL: <http://www.hd.uib.no/icame/brown/bcm.html> (дата обращения: 15.04.2011).
- BNC — Британский национальный корпус [Электронный ресурс] // URL: <http://sara.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 15.04.2011).
- CCDB — Мангеймский корпус немецкого языка (Institut für Deutsche Sprache, Mannheim, Germany) [Электронный ресурс] // URL: <http://corpora.ids-mannheim.de/~cosmas/> (дата обращения: 15.04.2011).
- CORIS/CODIS — Корпус современного итальянского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cilta.unibo.it/ricerca.htm> (дата обращения: 15.04.2011).
- LIVAC — Корпус современного китайского языка (LIVAC Synchronous Corpus) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cilta.unibo.it/ricerca.htm> (дата обращения: 15.04.2011).
- Meyer Ch. F. English Corpus Linguistic. An introduction. Cambridge, 2004. 169 p.
- Sinclair J. Preliminary recommendations on text typology. EAGLES Document EAG-TCWG-TTYP/P [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ilc.cnr.it/EAGLES96/texttyp/texttyp.html>. 1996 (дата обращения: 15.04.2011).
- Sperberg-McQueen C. M., Burnard L. Guidelines for Electronic Text Encoding and Interchange [Электронный ресурс] // URL: <http://www.hcu.ox.ac.uk/TEI/P4X/index.html>. 2001 (дата обращения: 15.04.2011).

УДК 821.584.6

ББК 86.35+83.3(0)9(5Мон)+83.3(0)6

**«СУТРА О МУДРОСТИ И ГЛУПОСТИ». ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА
БУДДИЙСКОГО КАНОНИЧЕСКОГО СОЧИНЕНИЯ
В МОНГОЛО-ОЙРАТСКОМ МИРЕ XVI–XX ВЕКОВ**

Д. Н. Музраева

«Сутра о мудрости и глупости» представляет собой один из наиболее популярных образцов мировой буддийской литературы. Это сочинение, созданное в V в. н. э.¹, неоднократно выступало объектом перевода на разные языки, и уже этот материал в свою очередь, возможно, служил источником для составления новых комментариев к другим текстам [Меняев 2010: 69].

Для того чтобы проследить литературную судьбу этого произведения, представляется необходимым рассмотреть, с одной стороны, историю его вхождения (трансляции, проникновения и бытования) в культуру разных народов, на языки которых оно переводилось, с другой — проследить, каким образом эти процессы нашли отражение в исследованиях, затрагивающих литературный процесс в отдельных регионах, где был распространен буддизм. Первое требует анализа письменных источников, образцов литературы, хранящихся в различных мировых собраниях старых восточных книг, а, следовательно, предполагает привлечение целого ряда тибетских и монгольских каталогов. Второе невозможно представить во всей полноте без изучения специальных трудов по литературоведению, истории литературы соответствующих стран и регионов.

Предмет нашей работы составляет литературная судьба «Сутры о мудрости и глупости» на основе исследования письменных источников, а также работ отечественных и зарубежных монголоведов и тибетологов, в той или иной степени посвященных этому сочинению. Знакомство с имеющейся литературой на предварительном этапе уже свидетельствует о том, что это сочинение представляло интерес как для самих носителей буддийской традиции, так и для ее исследователей.

Тот факт, что этот памятник известен культурам народов Юго-Восточной и

Центральной Азии (индийцам, китайцам, тибетцам, монголам, ойратам, калмыкам и бурятам), свидетельствует о том, что он пользовался широкой популярностью среди многих народов в разных странах и регионах. География распространения версий и вариантов этой сутры обширна: истоки ее уходят корнями в культуру Индии и Китая, вместе с буддизмом она была привнесена в культуру Тибета, где в процессе перевода ее содержание адаптировалось к местным добуддийским верованиям и собственно буддийской традиции. С расширением круга последователей буддизма у монгольских народов складывались условия, способствовавшие расширению круга лиц, которые знали и читали ее, равно как и многие другие произведения буддийской литературы. У монголов собственно литературные традиции (в основном фольклорные) соединились через Тибет с активно и творчески усвоенными многовековыми литературными традициями Индии.

Отметим, что значительная часть дошедших до нас старых тибетских, монгольских и ойратских книг буддийской тематики — это книги древнеиндийского происхождения, т. е. большей частью переводы санскритских текстов, хотя среди них встречаются переводы и с китайского, и с уйгурского языков. Это не случайно, поскольку в буддизме, как и в любой другой религиозной традиции, активно приветствовалась работа по переводу основных доктринальных текстов на язык тех народов, для которых предназначались эти проповеди. В целом, как отмечают историки литературы, для любой средневековой литературы характерно «развитие в тесной связи с той или иной мировой религией», которая в свою очередь «как господствующая сила в идеологии средневековья оказывает мощное воздействие на литературное творчество» [Типология и взаимосвязи ... 1974: 12]. Многие образцы классической литературы, будучи переве-

¹ По другим оценкам — в VI в. н. э. (см. об этом подробнее ниже).

денными, адаптировались в новой национальной среде и получали новую литературную судьбу.

Известный отечественный тибетолог Б. И. Кузнецов в одной из своих работ, характеризуя индо-тибетскую традицию буддизма, в качестве одного из источников, которые могут добавить много нового как к биографии Будды, так и к истории буддизма в целом, рассматривает интересующий нас памятник, об истории сложения которого пишет следующее: «В первые века нашей эры на территории Кушанской империи, вероятнее всего в Средней Азии, был создан буддийский сборник нравоучительных рассказов, известный под названием «О мудрости и глупости». Этот сборник был переведен в Хотане (Центральная Азия) в 445 г. н. э. с местного, вероятно хотанского, языка на китайский, а позднее на тибетский. Оба перевода, которые представляют две разные версии сборника, сохранились до наших дней» [Кузнецов 2002: 26]. Указывая на то, каким образом этот сборник превратился в книгу буддийского канона, Б. И. Кузнецов писал: «Сборники такого типа создавались на основе древних легенд, преданий, притч и сказок, большинство из которых первоначально не имело к буддизму никакого отношения. Все эти легенды, притчи и т. д. объединялись в одно композиционное целое тем, что рассказ велся от лица самого Будды. При этом предполагалось, что Будда рассказывает о своих прошлых перерождениях, то есть что когда-то, сотни или тысячи лет назад, он был таким-то лицом, с которым произошла удивительная история» [Кузнецов 2002: 26]. В подтверждение того, что в сутре присутствуют рассказы с эпизодами, очень близкими к тем, которые есть в биографии Будды, он приводит две истории, произошедшие с Буддой в прошлых рожденьях. В каждой из них есть упоминание о юноше с золотистой кожей [Кузнецов 2002: 26–27].

В то время как монгольские ученые Д. Бурнээ и Д. Энхтур разделяют точку зрения Б. И. Кузнецова относительно даты создания сутры на китайском языке (кит. *xīān yǐ jīng*) (445 г. н. э.) [Улгэрийн Далай 1996: 1–3], российский тибетолог Ю. М. Парфионович указывал на то, что это могло произойти и позднее — примерно в 506–512 гг. В предисловии к переводу тибетской сутры он также приводит данные о том, что китайская сутра основывается на санскритском тексте, который включа-

ет 69 повествований [Сутра о мудрости и глупости 2002]. Что касается датировки тибетской версии, то исследователи склонны считать датой ее появления 632 г. н. э. [Улгэрийн Далай 1996: 3; Сутра о мудрости и глупости 2002: 9].

Следует обратить внимание на то, что данное произведение четко структурировано, составляющие его части оформлены по единому образцу, построены по однотипной сюжетно-композиционной схеме. Сначала следует вступление², затем излагается какое-либо событие или явление, кажущееся странным или непонятным для очевидцев, которые обращаются с вопросом к Будде, и тот рассказывает историю из далекого прошлого, имеющую связь с настоящей ситуацией. Завершаются рассказы обычно фразой: «И все окружающие исполнились радостью, выслушав слова Победоносного».

Несмотря на то, что первая из историй представляет собой обрамляющий рассказ, придающий целостность всему повествованию, в целом распределение глав по разделам характеризовалось исследователями как механическое, т. е. оно не отражает содержательных особенностей текста. Поэтому однотипные по сюжетам (мотивам), действующим персонажам рассказы встречаются в разных разделах [Сутра о мудрости и глупости 2002: 9–10]. В тибетской версии сутры, включенной в состав тибетского буддийского канона, насчитывается 12 разделов, содержащих 51 главу, при этом 44 ее рассказа характеризуются как *джатаки* (от санскр. *jātaka*), в которых главным героем, как правило, выступает Будда, а 21 — как *аваданы* (от санскр. *avadāna*), в которых Будда не принимает участия ни в пересказываемых персонажами историях, описывающих недавние события из жизни действующих лиц, ни в прошлых событиях. Они приводятся в качестве иллюстрации (разъяснения) того, что случилось прежде, в этой или прошлой жизни (жизнях), что послужило причиной того, что происходит с персонажем в настоящих, реальных, событиях, т. е. демонстрируют причинно-следственную связь между нынешними событиями и событиями далекого прошлого [Сутра о мудрости и глупости 2002: 9–10]. Главное назначение таких сочинений заключается в том, чтобы на различных примерах наставить слушающих,

² Главы, кроме 15, 16 и 19-й, начинаются фразой, характерной для сутр: «Так было однажды услышано мною».

пробудить в них устойчивое стремление к нравственности, милосердию и щедрости. Их наличие становится характерной чертой парадигматической организации канонических сочинений сложного состава.

Жанрообразующим фактором в сочинениях подобного рода выступает характер участия Будды в описываемых событиях: если в *джатаках* Будда сам является участником событий, то в *аваданах* он не имеет никакого отношения ни к нынешним, ни к прошлым событиям. Примечательно, что в 7 рассказах сутры Будда лишь упоминается, не принимая участия ни в излагаемых событиях и не интерпретируя их³.

Поскольку рассматриваемое сочинение имеет индийские корни, возникает необходимость установить, что именно связывает это произведение монгольской литературы с типологически сходными образцами литератур Тибета и Индии. Подобная постановка вопроса о необходимости изучения связей монгольской литературы с литературами Центральноазиатского региона и Индии принадлежит Б. Я. Владимирцову, который указывал на индийское происхождение сюжетов Монгольского сборника рассказов из *Раїсатантра* и продемонстрировал их широкое распространение в монгольской литературе [Владимирцов 1923].

Специфика историй (джатак и авадан), включенных в состав сутры, заключается в том, что они содержат описания самых разных сторон жизни древнеиндийского общества, на сцене которого разворачивается большинство событий. Это отнюдь

³ В связи с затронутым вопросом о жанровой специфике подобных образцов буддийской литературы представляется необходимым обратиться к работам востоковедов-медиевистов, которые отмечали, что «характерным признаком системы литературы средневекового типа является широкое толкование понятия „литература“ как письменного слова с обязательным включением в нее в первую очередь жанров функциональных, т. е. имеющих особые внелитературные функции, обычно религиозно-обрядовые или деловые. В средние века в центре системы литературы находятся как раз жанры сугубо функциональные, а жанры с ослабленной функциональностью или вообще без нее (например, различные виды повествовательной прозы) существуют на самой периферии, а то и вообще за пределами официально признаваемой средневековыми теоретиками системы литературы. При переходе к литературе нового времени происходит резкий сдвиг в этой системе — то, что находилось на ее периферии (проза, драма и т. п.), перемещается в центр, а функциональные жанры отходят, наоборот, на периферию или оказываются вообще за пределами системы литературы» [Типология и взаимосвязи ... 1974: 13].

не всегда благостные истории со счастливым концом. Для иллюстрации основной идеи этого произведения — разъяснения закона кармы, перед которым все равны и которого никто не может избежать, — в историях нередко описываются (иногда посредством намека на трагический исход события, иногда весьма скупно, но вполне узнаваемо) жестокие сцены гибели главных или второстепенных персонажей. В рамках одной главы сутры может разворачиваться не одно повествование (история одного персонажа), но и сразу целый ряд повествований (историй, притч).

Почему истории «Сутры о мудрости и глупости», отличающиеся натуралистическим описанием различных сцен из жизни древнеиндийского общества с его обычаями, традициями, верованиями, предрассудками, системой ценностей и т. п. и послужившие фоном, на котором разворачиваются события, получили столь широкую известность и популярность в среде верующих? Причина этого, на наш взгляд, может заключаться в том, что, с одной стороны, адепты буддизма преследовали цель произвести такое впечатление на своих последователей, чтобы они раз и навсегда оставили мысль о совершении недобродетельных поступков, неизменным следствием которых могут послужить примеры историй сутры. С другой стороны, в этих историях проводилась идея о том, что если персонаж совершает какое-либо действие с высокими помыслами, пусть и с трагическим исходом, то за ним неминуемо следует положительное воздаяние.

«Сутра о мудрости и глупости» привлекала внимание классиков отечественной монголистики и тибетологии, неоднократно выступала объектом перевода и исследования. В трудах по истории монгольской литературы «Сутра о мудрости и глупости» часто упоминается под кратким названием *Üliger-ün dalai* (совр. монг. «Үлгэрийн далай» «Море притч») [Музраева 2010: 403–405]. О. М. Ковалевский, представляя краткое содержание этого памятника, писал: «В сем собрании повестей изложено учение легким и понятным образом для всенародного чтения, о способах достижения степени Будды» [Ковалевский 1834: 6; Полянская 2011: 251]. В этом же издании он дает описание ксилографического издания на монгольском языке [Ковалевский 1834: 6, 7–52]. Позднее 4-й рассказ из него был включен О. М. Ковалевским в «Монгольскую

хрестоматию» [Ковалевский 1836: 5–41]. А. В. Попов тоже не обошел вниманием этот памятник, в своей хрестоматии он представил текст его 6-й главы в старомонгольской графике [Попов 1836: 41–53].

Значительный вклад в изучение рассматриваемого памятника внес Исаак Яков (Яков Иванович) Шмидт, который опубликовал тибетский текст и перевод сутры на немецкий язык [Der Weise und der Thor 1843; Алексеева 2003: 288]. Рассматривая вопрос о соотношении тибетской и монгольской версий в предисловии к изданию сутры, он отмечал, что в целом эти версии совпадают, хотя рассказ в монгольском тексте ведется в более широких рамках и снабжен небольшими добавлениями. Многие из приводимых И. Я. Шмидтом вариантов указывали на то, что тибетский текст, которым он пользовался, был не очень адекватным и надежным списком. И. Я. Шмидт заключил, что монгольская версия переведена с тибетского списка, отличного от того, который имеется в Ганджуре (из собраний в Санкт-Петербурге). Это предположение укрепилось у него также благодаря тому, что один из увиденных им экземпляров калмыцкого перевода сутры был сходен с тибетским изданием из состава Ганджура. Помимо указанного выше труда, в приложениях к своей грамматике тибетского языка он поместил 25-ю и 36-ю главы тибетского текста вместе с русским переводом [Шмидт 1839: 232–288].

Б. Лауфер отмечал в свое время, что среди монголов из многочисленных и разнообразных жанров и направлений буддийской литературы чрезвычайно любимы и популярны *jātaka* и *avadāna*, в особенности те, что составляют сборник *Üliger-ün dalai*. Он считал его созданным на основе известного сборника, переведенного с китайского языка на тибетский. Б. Лауфер также писал об известном ему списке этого памятника (калмыцкой версии), хранящемся в Дрездене [Лауфер 1927: 58–59].

Факт включенности данного сочинения в состав буддийского канона, свода Ганджура (тиб. *bka'-'gyur*), что отмечали и продолжают отмечать многие исследователи [Csoma de Kőrös 1886: 480/352 (Vol. Sa); Ligeti 1942–44: 296–297 (№ 1103); Heissig 1954: 33, 61 (№ 27, 71); Krueger 1966: 166 (L–313); Чуматов 1983: 126; Сазыкин 1988: 120 (№ 494.2); Касьяненко 1986: 5–6, 8, 17; Касьяненко 1993: 254–256

(№ 839); Сазыкин 2001: 112–116 (№ 2889–2893, 2895–2904); Uspensky 2001: 29–30, 524 (№ 053–057, 936.3); Музраева 2008а: 32, №1], является важным моментом в описании истории бытования этого текста и других подобных канонических текстов у монголоязычных народов на протяжении многих столетий. Исследования последних десятилетий являются подтверждением этому [Омакаева, Хабунова, Гедеева 2011; Базаров, Цыдендамбаев 2011: 75]. Согласно буддийской традиции, сочинения, включенные в канонический свод, рассматриваются как проповеди или наставления Будды Шакьямуни, что свидетельствует о том, что рассматриваемая сутра относится не просто к религиозным буддийским текстам, но является одним из канонизированных сакральных текстов, которые, согласно традиции, требовали к себе определенного отношения. Проследить последнее возможно, изучая то, как относились к нему сами носители буддийской традиции [Джамбинова 2004]. В этой связи мы обратимся к переводам, авторами которых являются просвещенные буддийские проповедники. Среди них такие выдающиеся мастера монгольской словесности, как Ширээт-гуши-Цорджи, Тойн-гуши, Зун-Авгинский Цултэмлодой и др.

Важное место в ряду трудов, посвященных описанию списков и вариантов сутры, а также творчества ее переводчиков, занимают работы монгольских ученых. Ц. Дамдинсурэн писал о том, что монгольский перевод дважды издавался ксилографическим способом (в 1714 и 1728 гг.), 40-ю главу из второго издания с некоторыми сокращениями он включил в сборник «Сто образцов монгольской литературы» [Damdinsürüng 1959: 320–334]. В комментарии к тексту он привел сведения об авторе монгольского перевода — «прославленном хух-хотоском Гуши цорджи» [Damdinsürüng 1959: 297], а также сведения о рукописных и печатных изданиях этого памятника на монгольском и тибетском языках. Здесь же он приводит колофон, составленный Гуши-цорджи. Текст колофона, отсутствующего в ксилографе, но имеющегося в рукописи, которая хранится в фондах Института восточных рукописей РАН, Ц. Дамдинсурэн приводит по публикации Б. Я. Владимирцова [Damdinsürüng 1959: 223–225]. Относительно структуры он указывает на то, что тибетский текст состоит

из 51 главы, а монгольский — из 52 глав. Эта глава была дополнительно включена в тибетский ксилограф, изданный в Их Хурээ (современный Улан-Батор). Сравнительный анализ тибетского и монгольского текстов, как отмечает Ц. Дамдинсурэн, выявил заметные отличия, что послужило для него основанием сделать вывод о существовании тибетской версии из 52 глав, отличной от той, которая широко распространялась среди тибетцев и которая была взята за основу перевода Гуши-цорджи [Damdinsüring 1959: 298].

О монгольских переводах «Сутры о мудрости и глупости» имеются сведения в работах по истории монгольской литературы [Монголын уран зохиолын тойм, II 1976: 263, 293, 383, 389, 462, 498, 521; Лувсанвандан 1970: 112; Цэрэнсодном 1987: 313, 319–320]. Творчество известного переводчика сутры — Ширээт-гуши-Цорджи рассматривал монгольский ученый Д. Цэрэнсодном [Цэрэнсодном 1997: 27]. Другой монгольский исследователь Л. Хүрэлбаатар в книге «Краткое описание монгольских переводов (К вопросу о принципах перевода и художественных средствах избранных переводов)» приводит сведения о деятельности переводчиков XIII–начала XX вв. Среди них прославленный переводчик известных буддийских сочинений — Гуши-цорджи, автор целого ряда сочинений⁴. Л. Хүрэлбаатар подробно описывает приемы перевода Гуши-цорджи. Наиболее характерным является соблюдение переводчиком в стихотворных фрагментах начальной аллитерации, для чего в текст перевода вводятся дополнительные слова [Хүрэлбаатар 1995: 65–71]. В своей монографии Л. Хүрэлбаатар приводит сведения о колофоне, опубликованном Б. Я. Владимирцовым [Хүрэлбаатар 1995: 73], а также некоторые результаты исследования Ц. Дамдинсурэна [Хүрэлбаатар 1995: 73–74]. «Перевод Гуши-цорджи записан пространными словами, прекрасным поэтическим языком», — пишет монгольский исследователь и в подтверждение своего тезиса приводит фрагмент из 40-й главы «Үлгэрийн далай» в переводе Гуши-цорджи,

⁴ Среди них можно назвать: «Мялын намтар» («Биография Миларайбы»), «Мялын буман дуулал» («Собрание песен» Миларайбы), «Молон тойны эхийн ач хариулсан тууж» («История о воздаянии Молон-тойном за добро матери»), «Манигамбум» («Собрание творений царя Сронцзан-гамбо») и «Үлгэрийн далай» («Море притч») [Хүрэлбаатар 1995: 61–65].

соответствующий ему фрагмент из перевода Ю. М. Парфионовича сопоставляет их с тибетским подстрочником [Хүрэлбаатар 1995: 74–76].

Л. К. Герасимович, анализируя деятельность Ширээт-гуши-цорджи (Бандид гүүш Цорж, Ширээт гүүш), который в период 1578–1618 гг. осуществил большое количество переводов буддийских книг, обратилась к одному из них: «сборнику легенд и преданий» из состава Ганджура «Море притч» («Үлгэрийн далай»), который как нельзя лучше иллюстрирует тезис о том, что «В пропаганде буддизма ламы широко пользовались художественным словом» [Герасимович 2006: 170–171]. Общий смысл сборника формулируют буддийские постулаты, заключенные в каждой отдельной притче⁵, а именно: «жизнь бrenна, поэтому ее следует посвятить только благим делам; святость достигается борьбой с ересью; каждый поступок имеет воздаяние» [Герасимович 2006: 172].

Помимо перевода, составленного Ширээт-гуши-цорджи (*Silayun onoltu*, 1714 г.), известны также два других перевода, авторами которых являются просвещенные монгольские ламы — Тойн-гуши и Цултэмлодой (монг. Зүүн Авгын Цүлтэмлодой). Текст перевода Тойн-гуши под названием *Silayun budayun üy-e onoqui* был издан Ц. Шагдарсурэном [Šagdarsüren 1989]. Перевод Цултэмлодая, именуемый *Sayin taγu üyle-i uqayulaqui*, был выявлен профессором Д. Цагаан в Хубсугульском аймаке. По мнению академика Ц. Дамдинсурэна, этот перевод был осуществлен в XVI в. [Үлгэрийн Далай 1996: 3; Šagdarsüren 1989: VI].

Особо следует остановиться на изучении ойратской версии этого памятника. Знакомство с ним ойратов Джунгарии, их исторических потомков — калмыков, 400 лет тому назад перекочевавших в пределы Российского государства, началось с момента перевода его на ойратский язык Зая-пандитой Намкай-Джамцо (1599–1662) [Монголын уран зохиолын тойм, II 1976:

⁵ В качестве примеров Л. К. Герасимович указывает на истории о нищем, который вырученные от продажи дров монеты преподнес Будде. За этот поступок в следующем перерождении он был наделен способностью превращать в золото все, к чему прикоснется (История о бедняке из 8-й главы). В другой истории молодой человек благодаря тому, что преподнес цветы представителям монашеской общины, в следующем перерождении удостоился красоты и достатка (История о бедняке из 9-й главы) [Герасимович 2006: 172].

183, 204; Лувсанбалдан 1975: 90–92; Биткеев 1983: 146; Лувсанбалдан 1986: 54; Корсункиев 1987: 91; Норбо 1999: 54; Биткеев 2003]. О переводе Зая-пандиты, хорошо известном под названием *Medētei medē ügeiyigi ilyaqui kemēkü sudur* («Сутра, различающая мудрого и глупого»), писал монгольский ученый Х. Лувсанбалдан. По его мнению, он был выполнен в период между 1650 и 1661 гг. [Лувсанбалдан 1968: 118–119]. Текст ойратской рукописи «Üligeriyün dalai» («Море притч») был опубликован Б. Ринченом [Biography ... 1967]. В предисловии к этому изданию он отмечал, что «„Книга Улгэр-үн далай“ — „Океан сказаний“ была одной из самых распространенных среди читателей старой Монголии книг. Не было стойбища, в котором не было бы этой книги, существовавшей в Монголии в нескольких переводах» [Biography ... 1967: VII]. Списки перевода Зая-пандиты в настоящее время имеются в известных мировых собраниях восточных книг [Сазыкин 2001: 116 (№ 2904); Uspensky 2001: 30 (№ 056–057); Gerelmaa 2005: 232 (Nr. 999/ 113); Бичеев 2011: 241].

Примечательно, что литературная судьба этого памятника у калмыков прослеживается не только в начале XX в. [Поездка в Александровский ... 2002: 63], но она не прерывалась вплоть до 1960-х гг., когда был осуществлен перевод сутры с тибетского языка и записан на ойратском «ясном письме» («тодо бичиг») калмыцким буддийским священнослужителем Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиевым) (1887–1980) [Музраева 2008б]. Этот перевод был выполнен, согласно инвентарной (архивной) записи, на обороте обложки первой из четырех тетрадей его рукописи в 1968 г., и это позволяет расценивать его как самый поздний из известных переводов [Oülgurun dalai]. Эта рукопись в настоящее время хранится в Научном архиве КИГИ РАН. Композиционно перевод Тугмюд-гавджи в точности повторяет последовательность глав (51 глава), их распределение по разделам (12 разделов) в тибетском первоисточнике (для сравнения был взят текст ксилографического издания из коллекции КИГИ РАН) [*Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo*].

Таким образом, рассмотрев различные версии издания «Сутры о мудрости и глупости», а также целый ряд исследований, в той или иной степени раскрывающих исто-

рию функционирования этого популярного буддийского сочинения, мы пришли к выводу, что его история насчитывает более 15 столетий и является весьма сложной: оно сформировалось в V или VI в. н. э., получило продолжение в литературе Тибета, в средние века было востребовано монгольскими народами (монголами и ойратами), неоднократно переводилось и было весьма популярным в некоторых сообществах и не оказалось в забвении ни в новое, ни даже в новейшее время, о чем наглядно свидетельствует его ойратский перевод, выполненный калмыцким гелюном Тугмюд-гавджи.

Источники

- Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo* «Сутра о мудрости и глупости». Ксилограф на тибетском языке // Научный архив КИГИ РАН. ФД–15 (Фонд О. М. Дорджиева). Оп. 1, ед. хр. 20. 293 л.
- Biography of Saya Pandita in Oirat Characters* (Rab-'byam Za-ya pandida-yin touji sarayin gerel kemēkü orošiboi). Redigit acad. prof. Dr. Rinchen // Corpus Scriptorum Mongolorum. T. V, fasc. 2–3. Ulanbator: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл. 1967. 101 х.
- Oülgurun dalai* («Море притч»). Рукопись перевода Тугмюд-гавджи на «тодо бичиг» // Научный архив КИГИ РАН. Ф–8 (Фонд редких рукописей). (Поступила от О. М. Дорджиева). Оп. 1. Ед. хр. 2. Тетради 1–4. 289 л.

Литература

- Алексеева П. Э. Академик Исаак-Якоб Шмидт и его коллекция калмыцких писем // Монголоведение. №2. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 285–289.
- Базаров А. А., Цыдендамбаев Б. Н. Буддийская каноническая литература о суициде (числовые метрики) // Мир буддийской культуры: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Потенциал буддийской культуры России в решении социальных проблем». Чита: ЗабГГПУ, 2011. С. 71–75.
- Биткеев П. Ц. Вклад в монголоведение // Монголоведные исследования. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1983. С. 140–147.
- Биткеев П. Ц. Традиции многовековой монголоязычной письменной культуры // Вестник КИГИ РАН. Вып. 18. Элиста, 2003. С. 31–40.
- Бичеев Б. А. Фонд ойратских рукописей Комитета по делам национальностей Синьцзян-Уйгурского Автономного района КНР // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. Мат-лы Межд. научно-практ. конф. (г. Москва, 25–26 ноября 2010 г.) / М.: РГГУ, 2011. С. 240–244.
- Владимирцов Б. Я. Монгольский сборник рассказов из Rañcatantra // Сборник музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук. Т. V. Петроград; М., 1923. С. 401–552.
- Герасимович Л. К. Монгольская литература XIII–начала XX в. (материалы к лекциям). Элиста: АОП «НПП «Джангар», 2006. 362 с.
- Джамбинова Р. А. Буддийская практика в жизни и литературе // Буддийское духовенство и культура калмыцкого народа: мат-лы Межд. научн. конф.,

- посвящен. 405-летию со дня рожд. выдающегося просветителя Зая-пандиты Намкай Джамцо (г. Элиста, 20–21 октября 2004 г.). Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 77–81.
- Касьяненко З. К. Монгольский рукописный Ганджур // Филологические исследования старописьменных памятников / отв. ред. П. Ц. Биткеев. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1986. С. 5–18.
- Касьяненко З. К. Каталог петербургского рукописного «Ганджура» / сост., введ., транслитерация и указатели З. К. Касьяненко // Памятники письменности Востока. М.: Наука; Изд. фирма «Вост. лит.», 1993. 380 с.
- Ковалевский О. М. Монгольская хрестоматия / изд. О. Ковалевским. Т. 1. Казань, 1836. 591 с.
- Ковалевский О. М. Содержание монгольской книги, под заглавием Море притч (Улиггэрун далай: Üliiger-ün dalai) Изложенное О. Ковалевским. Казань: в Университ. тип., 1834. (Перепеч. из Учен. зап. Казан. ун-та). 52 с.
- Корсункиев Ц. К. О преподавании гуманитарных и естественнонаучных дисциплин в калмыцких монастырских школах: XIX–начало XX вв. // Вопросы истории ламаизма в Калмыкии. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1987. С. 88–99.
- Кузнецов Б. И. Ранний буддизм и философия индуизма по тибетским источникам / науч. ред. и вступ. ст. В. М. Монтлевича. СПб.: Изд. группа «Евразия», 2002. 224 с.
- Лауфер Б. Очерк монгольской литературы / пер. В. А. Казакевича, под ред. и с предисл. Б. Я. Владимирцова. Л.: Изд-е Ленинград. Вост. ин-та, 1927. 95 с.
- Лувсанбалдан Х. Ойрадын Зая Бандидын орчуулгын тухай мэдээ // Хэл зохиол судлал. 1968. Т. VI, fasc. 6.
- Лувсанбалдан Х. Тод үсэг, түүний дурсгалууд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1975. 356 х.
- Лувсанбалдан Х. Сведения о переводах ойратского Зая-пандиты / пер. Э. У. Омакаевой // Филологические исследования старописьменных памятников / отв. ред. П. Ц. Биткеев. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1986. С. 44–56.
- Лувсанвандан С. Памятники монгольского «ясного письма» и их изучение в МНР // 320 лет старокалмыцкой письменности: мат-лы научной сессии. Элиста, 1970. С. 108–113.
- Меняев Б. В. О двух списках рукописи «Аршани номийн тууджи» («Сказание нектарного учения») // Мир буддийской культуры: наследие и современность: мат-лы III Междунар. симпозиума, посвящ. 150-летию философского факультета Агинского буддийского монастыря (Чита–Агинское, 3–5 ноября 2010 г.). Чита: Экспресс-изд-во, 2010. С. 67–70.
- Монголын уран зохиолын тойм. II дэвтэр. (XVII–XVIII зууны үе). Ред. Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэнд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1976. 672 х.
- Музраева Д. Н. О коллекции буддийской литературы О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи) // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста: КИГИ РАН, 2008а. С. 26–54.
- Музраева Д. Н. «Сутра о мудрости и глупости» у ойратов и калмыков: к сопоставительному исследованию переводов Зая-пандиты Намкай Джамцо (1599–1662) и Тугмюда Гавджи (1887–1980) // Сборник материалов III Международной научной конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока» (Санкт-Петербург, 24–28 июня 2008 г.). Том 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008б. С. 317–323.
- Музраева Д. Н. Литературное наследие // Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; КИГИ РАН. М.: Наука, 2010. С. 387–405.
- Норбо Ш. Зая-пандита (Материалы к биографии) / пер. со старописьмен. монгол. Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова / науч. ред. В. П. Санчиров; КИГИ РАН. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
- Омакаева Э. У., Хабунова Е. Э., Гедеева Д. Б. О сохранности устных и письменных традиций ойратов (по материалам российско-монгольской экспедиции в Западную Монголию в 2007 г.) // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. Мат-лы Межд. науч.-практ. конф. (г. Москва, 25–26 ноября 2010 г.). М.: РГГУ, 2011. С. 170–178.
- Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков. Отчет Н. Очирова // Избранные труды Номто Очирова (Научное издание). Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 54–65.
- Полянская О. Н. Вклад монголоведа О. М. Ковалевского (1801–1878) в изучение буддизма: «Буддийская космология» // Мир буддийской культуры: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Потенциал буддийской культуры России в решении социальных проблем». Чита: ЗабГГПУ, 2011. С. 247–253.
- Попов А. В. Монгольская хрестоматия для начинающих обучаться монгольскому языку, изд. А. Поповым. Казань, 1836. Ч. 1. 199 с.
- Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. 1. М.: Наука. ГРВЛ, 1988. 507 с.
- Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. 2. М.: Издател. фирма «Вост. лит.», 2001. 415 с.
- Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо) / пер. с тиб., введ. и коммент. Ю. М. Парфионовича. Изд. 2-ое. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 2002. 320 с.
- Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М.: Наука. ГРВЛ, 1974. 575 с.
- Улзэрийн Далай (Шулуун уналт хэмээх судар). Ширээт гүүш цоржийн орчуулга. Монгол бичгээс крилл бичигт хөрвүүлэн тайлбар хийсэн Д. Бүрнээ, Д. Энхтөр. Улаанбаатар, 1996. 220 х.
- Хүрэлбаатар Л. Монгол орчуулгын товчоон (Сонгодог орчуулгын зарчим, уран чадварын асуудалд). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1995. 159 х.
- Цэрэнсодном Д. Монгол уран зохиол (XIII–XX зууны эхэн). Улаанбаатар: БНМАУ-ын ардын Боловсролын Яамны Сурах бичиг, сэтгүүлийн нэгдсэн редакцин газар, 1987. 439 х.
- Цэрэнсодном Д. Монголын бурханы шашны уран зохиол. Улаанбаатар: T&U printing, 1997. 404 х.
- Чуматов В. О. Старописьменные памятники КНИИ ИФЭ // Монголоведные исследования. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1983. С. 116–131.

- Шмидт И. Я. Грамматика тибетского языка, сочиненная Я. Шмидтом. СПб.: Тип. Император. Акад. Наук, 1839. 333 с.
- Csoma de Kőrös A. Analysis of the Sher-chin — P'hal-ch'hen — Dkon-seks — Do-de — Nyang-das — and Gyut; Being the 2nd, 3rd, 4th, 6th, and 7th Divisions of the Tibetan Work, entitled the Kah-gyur // Collected Works of Alexander Csoma de Kőrös / ed. by J. Terjek. Budapest: Akademiai Kiado. 1986. 585 p. (Tibetan Studies: being a reprint of the articles contributed to the Journal of the Asiatic Society of Bengol by Alexander Csoma de Kőrös. Ed. by E. Denison Ross. Calcutta: Baptist Mission Press. 1912). P. 393–552.
- Damdinsüring Će. Mongġol uran jokiyal-un degeji jaġun bilig orusibai // Corpus Scriptorum Mongolorum. T. XIV. Ulaġanbaġatur: Изд-во АН и Комитета по высшему образованию МНР, 1959. 599 х.
- Der Weise und der Thor, aus dem Tibetischen Übersetzt und mit dem Originaltexte hrgs. von I. J. Schmidt. Vol. 1–2. St.-Petersburg, 1843.
- Gerelmaa G. Brief Catalogue of Oirat Manuscripts kept by Institute of Language and Literature. Vol. III. by G. Gerelmaa. Ulaanbaatar: Соёмбо принтинг, 2005. 270 p.
- Heissig W. Die Pekinger lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Sprache // Göttinger Asiatische Forschungen. Bd. 2. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1954. 220 с.
- Krueger J. R. Catalogue of the Laufer Mongolian Collections in Chicago by J. R. Krueger [Reprinted from Journal of the American Oriental Society. Vol. 86, Number 2, April–June, 1966. P. 156–183].
- Ligeti L. Catalogue du Kanjur mongol imprimġ par L. Ligeti // Bibliotheca Orientalis Hungarica. Vol. III. Budapest: Societe Kőrösi Csoma, 1942–1944. 496 p.
- Šagdarsüren C. Le Damamġkonāmasūtra: Texte mongol du Toyin Guiši // Monumenta linguae mongolicae collecta, X. Budapest: Akademiai Kiado, 1989. 469 p.
- Uspensky V. L. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Compiled by V. L. Uspensky. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA). (University of Tokyo Press Production Centre). 2001. 529 p.

УДК 294.3

ББК 81.2 (2Рос=Калм)

О БИОГРАФИИ КУНКЕН ЖАМЬЯН ШАДБА I*

А. Г. Кукеев

Кункен Жамьян Шадба I (1648–1722) — выдающийся буддийский философ, внесший заметный вклад в культуру тибетского буддизма, основатель известного в Тибете монастыря Лавран. Его творческое наследие составляет 15-томное собрание, которое включает 143 сочинения различного содержания. Так, например, в XIV томе излагается история философии Индии, в IX — философия школы мадхьямика, в VI томе разъясняются монашеские обеты, содержащиеся в Винае. Ф. И. Щербатской писал о нем: «удивительный человек, автор целой библиотеки произведений, охватывающей почти все области буддийского учения» [Щербатской 1988: 109].

В общей сложности философии буддизма посвящено 27 его сочинений, логике — 11, религиозно-доктринальным темам — 13, истории религии — 8, этике — 3, поэзии — 7, эстетике — 3, языкознанию — 10, тантризму — 39, ритуальным текстам — 17, агиографическому жанру — 3 [Хадалов 1962]. Однако в 15-томное собрание вошло не все его творческое наследие. Специалистам известны такие

его тексты, как семь глав комментариев к «Праджняпарамите» (*phar phyin skabs bġun pa; dbu ma 'i bden gnis kyi mtha' dpyod*), «Критический анализ двух истин философии мадхьямиков» (*'dul ba 'i dus tshigs lo chen blo bzang 'od zer pas zin bris mdzad pa*) и др. [Sadhukhan 1991].

Российские специалисты смогли в достаточной мере оценить масштабность личности Жамьян Шадбы I. Его философские сочинения были известны уже во II половине XIX века. Этому способствовали труды российских путешественников Г. Н. Потанина, Г. Ц. Цыбикова и Б. Б. Барадийна, которые получили сведения об основных этапах его жизни при знакомстве с историей основания монастыря Лавран [Потанин 1950; Барадийн 1908; Цыбиков 1991]. Академик В. П. Васильев в своем труде «Буддизм, его догматы, история и литература» сделал специальное приложение, в котором дает изложение «Истории философии» Кункен Жамьян Шадбы. Е. Е. Обермиллер изучал буддийскую философию по его трудам, хранившимся в буддийских монастырях Бурятии.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 10-0436401 а/ю.

В последнее десятилетие были изданы несколько русских переводов его сочинений: «Золотое ожерелье прекрасных учений, разъясняющих некоторые аспекты теории познания», «Золотые четки, кратко разъясняющие некоторые аспекты буддийской логики, «Ум и познание»», «Доктрина зависимо возникновения в тибето-монгольской схоластике», «Драгоценное ожерелье учений философских школ» и «Герменевтика Буддизма» [Дампилон 1998; 2000; Крапивина 2005; Лепехов, Донец и др. 2004; 2006].

Имя Жамьян Шадба I хорошо известно и зарубежным ориенталистам. Его биография и творческое наследие освещены в работах В. Хайссига [1944], Л. Петеха [1966], Л. Чандры [1962] и Дж. Ф. Рока [1950]. Тем не менее необходимо признать, что до настоящего времени в российской тибетологии недостаточно сведений о некоторых важнейших этапах его жизни [Цыремпилов 2008]. Подробная биография Жамьян Шадба I изложена в сочинении Дрепунг Кенти Тенба Тензина, именуемом «История Дрепунг Гоманга» [2003].

Настоящая статья посвящена описанию жизни и деятельности Жамьян Шадба I Нгаван Цонду. Материалом для написания этой работы послужили сочинения как отечественных, так и зарубежных исследователей, но основным источником является работа Дрепунг Кенти Тенба Тензина как наиболее полная.

Жамьян Шадба I Нгаван Цонду (*kun mkhyen 'jam dbyangs bshad pa dang po ngag dbang rtshon 'grus*,) родился в 1648 г. первого месяца восьмого числа в Восточном Тибете, в местности Амдо. Его отец Бабум Гьял принадлежал к знатному старинному роду Бал шуль (*dpal shul gyi rgyud*) и был выходцем из рода, принадлежавшего к военной касте. Его матерью была Тармо Чам (*thar mo byams*) [Dungkar Losang Khrinley 2002: 63].

В возрасте 13 лет Жамьян Шадба принял обет шраманера (*dge 'tsul*) у своего первого наставника Дульзин Кьючога Еше Гьяцо (*'dul 'dzin ye shes rgya mtso*). В 16 лет он приступил к изучению религиозных йогических сочинений. Когда ему исполнился 21 год, он отправился в паломничество по провинциям Уй и Цанг. Во время его паломничества в Лхасу произошло чудесное знамение. В момент совершения поклонения образы Шакьямуни и Манджушри улыбнулись Жамьян Шадбе. Вследствие этого события за ним закрепилось прозвище Жа-

мьян Шадба. Оно означает «улыбающийся Манджушри» [Цыбиков 1991: 67].

В возрасте 22 лет он поступил на обучение в монастырь Дрепунг Гоманг, где до 29 лет получал наставления по пяти буддийским наукам у Чанкья Нгаван Чодена (*ljang skya ngag dbang chos ldan*), Нье танпа Шераб Чинба (*snye thang pa shes rab spyin pa*) и других известных учителей. Благодаря тщательным усилиям в изучении этих наук у него появилась возможность получения степени рабджамба (*rab byams pa*).

В 27 лет он принял обеты бхикшу (*dge slong*) у Далай-ламы V и в 29 лет поступил на службу в тантрический монастырь Гьюдмед (*rgyud med*), где в течение четырех лет постигал все ясные и скрытые смыслы тантры. Здесь его учителями были Гючен Кончог Япель (*rgyud chen dkon mchog yar 'phel*), Дри Гья Нагпо Лодэ Гьяцо (*kri rgya nag po blo gros rgya mtso*), Мерген лама Нгаван Лодэ (*me rgan bla ma ngag dbang blo gros*) и др. По завершению четырехлетнего обучения Жамьян Шадба прошел посвящения в Тантры Гухьясамаджи, Ваджрабхайравы, Чакрасамвары, а также получил передачу наставлений Ламрима. В возрасте 35 лет Жамьян Шадба прославился как непревзойденный мастер философских диспутов и авторитетный учитель тантры. В 1700 г. по рекомендации Далай-ламы VI Жамьян Шадба становится настоятелем Гоманг дацана и возглавляет его до достижения шестидесяти лет.

За этот период им были написаны учебные пособия для углубленного изучения пяти философских доктрин. Первый предмет, изучаемый на философском факультете — «Гносеология и логика» (*tsad ma*). Этот курс можно охарактеризовать как синтез буддийской логики и эпистемологии, поскольку в нем органично сочетаются логические вопросы с проблемами эпистемологии (теория чувственной перцепции, реальности внешнего мира, познаваемого с помощью ощущений и понятий, учение об источниках и достоверности знания). Составными частями этого предмета являются курсы Дуйра, Лориг и Тагриг. Для целостного освоения этого предмета Жамьян Шадба I составил следующие тексты: «Ум и знание» (*blo rig*), «Логические основания и знание» (*rtags rig*), «Критическое исследование системы логики и гносеологии [Дхармакирти]» (*tshad ma rnam 'grel gyi mtha' dpyod*).

В помощь освоения второго предмета «Совершенство понимания» (*phar phyin*), который включает четыре класса, им были подготовлены «Руководство к изучению восьми главных предметов и семидесяти предметов» (*dingos po brgyad dang don bdun bcu'i rnam bzhag*), «Критическое исследование «Украшения из постижений»» (*bstan bcos mngon rtogs rgyan gyi mtha'dpyod*), «Критическое исследование взаимозависимого возникновения» (*rten 'brel gyi mtha'dpyod*), «Критическое исследование «Трактата, открывающего прямой и интерпретируемый смыслы слов [Будды]»» (*drang ba dang nges pa'i don rnam par 'byed pa'i mtha'dpyod*), «Критическое исследование видов сосредоточения» (*bsam gzugs kyi mtha'dpyod*).

Для третьего предмета «Срединное учение» (*dbu ma*) им был написан текст «Сокровищница основных положений и логических ходов» — критическое исследование «Введения в мадхьямику»» (*dbu ma la 'jug pa'i mtha'dpyod lung rigs gter mdzod*).

Для четвертого предмета «Знание о дхармах» (*chos mngon*) был составлен разъяснительный текст «Критическое исследование „Энциклопедии Абхидхармы“» (*chos mngon pa'i mdzod kyi mtha'dpyod*). Для пятого предмета «Дисциплина монашества» (*'dul ba*) был написан текст «Критическое исследование «Сутры по дисциплине монашества»» (*'dul ba'i mtha'dpyod*).

При нем монастырь достигает своего наивысшего расцвета. В последующем цанидская школа Гоманга получила известность как философская школа Кункен¹. В 1707 г. Жамьян Шадба оставил монастырь Гоманг и возглавил монастырь Пабонка (*pha bon kha*).

В 1709 г. Жамьян Шадба вернулся на родину по просьбе кукунорского князя Эрдени Жунанг (*ae rti ni ju nang*). По прибытию в Домед он выбрал место для основания нового монастыря. Уже в год Железного тигра (1710 г.) в новом монастыре им были проведены определенные обряды, а также он дал комментарий на труд Цзонкавы «Ламрим». Новый монастырь стал известен под названием Лавран (*bla brang*). Со вре-

¹ Как известно, в школе Гелуг представлены четыре основные философские традиции, получившие названия по именам их основателей, которые составили свои пособия по пяти видам учебных дисциплин: 1) школа Кункен (Гоманг и Лавран); 2) школа Жецунпа (Сэра и Ганден Чанце); 3) школа Соднам Дакпа (Ганден Царце и Дрепунг Лосаллинг); 4) школа Дендарпа (Сера Мед).

менем в этом месте образовался монастырский комплекс, в котором за основу обучения был принят учебный курс монастыря Гоманг. Если монахов, получивших ученую степень геше (*dge gshes*) в Лхасе, называли *лхарамба* (*lha rams pa*), то получивших степень в монастыре Лавран стали называть *дорамба* (*rdo rams pa*) по названию каменной площади, на которой происходили регулярные и финальные диспуты. Учреждение традиции присуждения ученых степеней в Лавране является беспрецедентным событием в истории Восточного Тибета, так как ранее привилегия присваивать ученые степени геше полностью принадлежала только монастырям Центрального Тибета.

Вскоре Далай-лама даровал Жамьян Шадбе титул Гоманг Эрдени Номин Хан и передал печать, головной убор, зонтик и другие соответствующие атрибуты. В год железной курицы (1720 г.) китайский император пожаловал ему титул Эрдени Номин Хан и также передал соответствующие атрибуты (золотую печать, золотую грамоту и т. д.). В возрасте 74 лет Жамьян Шадба, находясь в состоянии медитации, покинул бренное тело [Дрепунг Кенти Тенба Тензин 2003: 356].

Таким образом, Жамьян Шадба I является не только основателем древнейшего монастыря Лавран, автором многих философских трудов и учебных пособий, но и одним из выдающихся учителей развивших философию буддизма.

Литература

- Барадийн Б. Б. Статуя Майтреи в золотом храме в Лавране // *Bibliotheca Buddhica* XVII. СПб., 1908. Т. 19, вып. 4. С. 183–232.
- Васильев В. П. Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. I. СПб., 1857. 368 с.
- Гончог-Чжигмэд-Ванбо. Повествование о жизни Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дордже, могущественного ученого и сиддха, называющегося «Брод, ведущий к удивительно благому делу» / введ., пер., коммент. Н. Цыремпилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 312 с.
- Дзунба Кунчог Жигме Ванбо. Драгоценное ожерелье учений философских школ / пер. с тибет. Б. Б. Дампилона. Улан-Удэ, Дашичойхорлин (Бурят. кн. изд-во). 1998. 155 с.
- Дзунба Кунчог Жигме Ванбо. Золотые четки, кратко разъясняющие некоторые аспекты буддийской логики // пер. с тибет. Б. Б. Дампилона. Улан-Удэ, Дашичойхорлин (Бурят. кн. изд-во). 2000. 136 с.
- Дрепунг Кенти Тенба Тензин. История Дрепунг Гоманга (*chos sde chen pod pal ldan 'bre spung bgra shis sgo mang grwa tsang gi chos 'byung chos dung gys su 'khyil ba'i sgra dbyangs zhes bya ba bzhugs so*), Ka, Drepung Gomang Library. New Delhi. Indraprastha prees. 2003. 654 p.

- Лепехов С. Ю., Донец А. М., Нестеркин С. П. Герменевтика буддизма. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 180 с.
- Лепехов С. Ю., Донец А. М., Нестеркин С. П. Доктрина зависимого возникновения в тибето-монгольской схоластике. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 264 с.
- Потанин Г. Н. Тангуты-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950. 563 с.
- Ум и знание. Традиция изучения теории познания в Гоман-дацане тибетского монастыря Дрэпун // авт.-сост., пер. с тибет. Р. Н. Крапивина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 307 с.
- Хадалов П. И., Ямшилов Л. Ж., Дандарон Б. Д. Описание сочинений Гунчен-Чжамьян-Шадба-Дорчже. Улан-Удэ, 1962. 126 с.
- Цыбиков Г. Ц. Избранные труды: в 2-х тт. 2-ое изд., Т. 1: Буддист-паломник у святынь Тибета. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 256 с.
- Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму / пер. с англ. М.: ГРВЛ «Наука», 1988. 426 с.
- Chandra L. The life and works of HJam-dByangs bZhad-pa. Central Asia Journal Vol. VII. № 3. September, 1962. P. 33–57.
- Dungkar Losang Khrinley. Dungkar. Teleological Great Dictionary (Tibetan Language): Beijing. China Tibetology Publishing House. 2002. 2 388 p.
- Heissig W. Ein mongolisches Textfragment Über den Olotenfürsten Galdan // Sinologische Arbeiten 2. Peking, 1944. P. 92–160.
- Petech L. Notes on Tibetan history of the XVIII century. T'oung-pao. Vol. 52. Roma, 1966. 264 p.
- Rock J. F. The Amnye-macchen range and adjacent territories. Roma, 1950. 145 p.
- Sadhukhan S. K. Biography of the eminent Tibetan scholar 'Jam-dbyans bshad-pa Nag dban brton-'grus (A.D. 1648-1722) // The Tibet Journal. Vol. XVI. № 2. 1991. New Delhi. LTWA. Indraprastha Press. P. 19–34.

УДК 821.512.37 + 82-1

ББК 82.3 (2Рос=Калм)

ХАЛЬМГ АМН ҮГИН ЗОКЪЯЛ ДАВАН ҺЭРЭН «АЛТМА» ПОЭМД

(Фольклор в поэме Г. Даваева «Алтма»)

Б. Х. Борлыкова

Хальмг амн үгин зокъял үүдэврмүдэрн йир байн: эннь домгуд, баатрлг дуулвр, ут туульс, 72 худл, яс кемэлһн, туужс, дуд, йөрэлмүд, магталмуд, тээлвртэ туульс, үлгүрмүд, цецн үгмүд болн хурвнтс.

Нернь туурсн орс востоковед, академик Б. Я. Владимирцов Хальмг назриг Индин дару туулин хойрдгч төрскн гиж нерэдсмн [Владимирцов 1926: 5–6]. П. С. Паллас, Н. И. Веселовский, А. А. Бобровников, К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев, В. Л. Котвич, Н. И. Страхов, А. В. Попов, Б. К. Пашков, Г. Й. Рамстедт болн нань чигн нертэ номтнр хальмг амн үгин зөөриг оньган өгч шинжлсмн.

Бичэч болн шүлгч келнэ көрңиг өргжүлхин төлэ амн үгин зөөр олзлна. Эднэ үүдэврмүд хурц келэрн, сээхн чимлһэрн йилһрнэ. Йиртмжин бээдлиг, күүнэ дотр седклиг, керг-үүлдвриг келн-үгэр зург үзүлжэх мет зурж, умшачин оньгт күргж чадна гисн эрүн керг.

Нертэ орс бичэч М. Горький амн үгин зокъялыг «үгин билгин эклц» гиж нерэдсмн [Литература Калмыкии на современном этапе 1987: 64]. Хальмг урн үгин зокъялд амн үгин үүдэврмүд поэм гидг жанрт хамгин сээнэр олзлгдсмн. Үлгүрлхд, Сусен А. «Тегин үрн» [Сусен 1960], Көглтин Д. «Сар-Герл» [Көглтин 1964] болн нань чигн поэмс. Туульс, туужс, дуд, магталмуд, үлгүрмүд, йөрэлмүд поэмн тогтацд, аһулһд болн заң-

үүлд ик тусан күргжэхнь мөн. В. У. Очиров [Очиров 1990], М. А. Мукабенова [Мукабенова 2009], Н. Ч. Очирова [Очирова 2010] болн нань чигн номтнр хальмг шүлглэнд орсн амн үгин зөөриг шинжлсмн. 2006 жил М. А. Лиджиев «Амн урн зокъял 1920–1980 жж. хальмг шүлглэнд» гидг төрэр номин цол харссмн. Болв өдгэ цаг күртл эн төр зөрм түүрвэчин шүлглэнд гүүнэр шинжлгдэд уга. Үлгүрлэд келхд, Даван Һэрэн «Алтма» поэм.

Даван Һэрэн «Алтма» поэм хамгин сэн, йир соньн. Поэмн түрүнк нернь «Хулхач». Нернь хажһр болад, хөөннь 1960 ж. «Шүлгүд болн поэмс» хураңхуд «Алтма» гидг нертэһэр поэм барлгдв.

Шүлгч эн үүдэвртэн күүнэ зөрмг, залудуувр йовдл үзүлнэ. Поэмн хол төрнь Алтма көвүнэ эмдрлэр дамжулад, кезэңк хувсхлин өмн бээсн бээдл-жирһл, байн улсин дажржлһ, «күүнэ һарар моһа яһж бэрсинь» үзүлнэ. Шинжлхд, «Алтма» поэм өргн, цецн, сарул ухаһар бичгдсн, хурц нэрн келтэ, философск гүн шинжтэ. Поэм тогтацарн «тууж туужд». Түүрвэч Алтма көвүнэ туужд Ончхан Жирһлин тууж орулна. Поэмн шүлглэн нуриһж дөрвн мөрөс, мөр болһндан хурвн үгэс (хая-хая дөрвн) тогтна.

*Көк теңсин көвәһәс
Киитн тең күртл,
Аһшин серүн һазрас*

Адгин бөөргүд давтл [Даван 1960: 103].
Шүлгүдин эклц даршлһнь нег үзгэр
эклнэ:

*Хасг эргин экнэс
Хар маңһд һатлад,
Харухс өндр шилмүдэс
Хамрин белмүд керчэд* [Даван 1960: 103].
Нег эһэр эклж бичлһн бүкл мөриг
алцлж келснь «Алтмад» бас харһна:
*Хамр таишлад нарн
Сүүрлх цагнь бол,
Халадг авган аваад,
Сүл герлэн өгв* [Даван 1960: 187].

Нег үлү, жирһлин аюһарнь болн
некврэрнь хальмг шүлглэнэ янз һазак
бээдлэн бас хуврүлж дахв:

*Дээни элвг кишигинь
Лавлж медсн,
Дакн хаани хээрнд
Күрхэр седсн,
Нег цөн нойн, зээсцг
Цергиг дахж,
(Нерэн һарх элдв күцл
Эдниг атхж!)* [Даван 1960: 174].

Шүлгч иим эв-арһар поэмин онцмнь
мөдүлжэх тасрхаг темдглв. Деер келгдсн цуг
шүлглэнэ эв-арһс түүрвэч шүлгин живкнэ
төлө олзлсмн.

Хальмг номт Очра Уташ «Авторин туск
үг» статьядан Даван Һэрэн тускар иигж
бичсмн: «Һэрэн элгн-садн, эднэ хотнахн,
тууль-түүкд дурта улс билэ. Теднэ дуулсн
ду, келсн тууль, оln зүсн тууж, үлгүр Һэрэ
бичкнэсн авн соңсч йовсмн... Школд сурн
бээж, эрдм-билгин кружокд орад, нэр-
нааднд орлцад, бийнь ду һарһад (бичэд),
терүндэн айс орулад, бийнь домбр цокад,
терүгэн дахад дуулдг билэ». Терүнэс иштэ
Даван Һэрэ «Алтма» поэмдан хальмг ул-
син амн үгин зокъял олар олзлад, үүдэврин
келнэ көрңиг улм кеерүлсмн. Поэмд харһсн
амн үгин үүдэвр болһниг шинжлх кергтэ.

Хальмг амн зокъялын нег кеермжнь —
дун. «Хальмг улс дуундан дурта болн хару.
Дун күүнэ эмдрллэ бат залһлдата болсар
«жирһлин жирн нээмн айс, зовлңгин зун
нээмн айс» гиж темдглсн болдг. Ямаран
йовдл эс харһвчн: дэн, аюл, зуд болвчн, хүрм,
гиич, байр болвчн — цуг эн тоот дуудтнь
орж дуулдгна» [Окна 1989: 3].

Түүрвэч Даван Һэрэлэ эдл поэмин хол
дүр адуч Алтма ду дуулхдан дурта. Алтма
Эрктнэ Орлма байна адуһинь көөж йовад,
ду дуулна.

*Тойстн болсн харнь
Толһарн наач альвлна,*

*Ата көөсн залунь
Айслули дуулж адрна.
Көөгтсн харңһу сөөд,
Көндлңгин эжго һазрт,
Алтма хатрад йовна,
Арһул үрвэж дуулна.* [Даван 1960: 138].

Поэмин түрүн эңгднь хойр дууна
үгмүд харһна. Эн дуд чинр-утхарн, кев-
янзарн, айсарн болн дуулһарн хоорндан
йилһрнэ.

Хальмг улсин хамгин тааста мал — мөрн.
Хол хаалһд йовсн эздэн күлг даңгин нөкд
болдг. Тегэд күлгт нерэдэд, эмтн оln ду
һарһсмн: «Сайг сээхн зеерд», «Солг бор»,
«Ярһа кер», «Ик делтэ кеернь», «Унһн халтр»,
«Көк делтэ күрн», «Хар ажрһта адун»,
«Шаңтахн шарһ мөрн», «Хээч тамһта ке-
ернь», «Хар унһн жора» болн нань чигн.

«Алтма» поэмд «Серк зоота зеерд мини»
дун харһна. Эн дуунд залу-зөрмгин тускар
келгднэ. Дууна аһулһ үлгүрмүдэр дамжулж
келж болхмн: «Мөрнэ сээг холд йовж
мед, залуһин сээг кеер йовж мед». Йоста
залуһин үкл кеер учрдг, «залу күн зөрсэн
эс күцэхлэ, нерэн геедг, чон бэрсэн алдхла,
харһндг». Алтма эзн нойнаннь, ээмгиннь
нер һутаһгоһар, Эрктнэ байнас адуһинь
хулхална.

Поэмд орсн хойрдгч дунь — «Сөм хамр-
та пранц». Эн дун айсин кемжәһэр ут, учр-
утхарн болхла, туужлгч. Жирһлд учрсн хамг
сэн тоотднь килмжтәнь, му тоотднь дурго
болдгинь ил медгднэ. Төрскән туурлһн,
иргчин сээхнд итклһн — цецн ухан амн
үгин үүдэврмүдт хол орм эзлнэ. Тууж үйэс
үйд келгдэд, оln-эмтнэ бээдл жирһлиг
залһлдулж, седклиннь килмжиг батрулна.

1812 жил Францин церг Эрэсәһүр дэврхд
хальмгуд эмән эрвллго орлцад, аврлт уга хор-
тыг Москваһас Франц күртл көөһэд, байр-
та диилврән жидин үзүрт авч ирсмн. Терүг
герчлжэх дун «Сөм хамрта пранц»:

*Сөм хамрта пранцла
Сөрглдн бээж чавчлдав,
Чавчлдн гиж чавчлдсн угав,
Әмнәннь арһд чавчлдав.
Төгрг цаһан нууриг
Төгәлн бээж чавчлдав,
Чавчлдн гиж чавчлдсн угав,
Әмнәннь арһд чавчлдав.*

*Зес ногтнь шаргнал,
Зеерд мини холһална,
Зергдәд ирсн дээснлэ
Зевтәхн үлдәрн чавчлдав* [Даван 1960:
173].

Түүрвэч поэмдан «Сөм хамрта пранц» дууна нег хувлвр олзлсмн. Эн дууг ода чигн көгшд дуулна. Л. Цебековин «Сто калмыцких песен» болн Б. Оконовин «Төрснн һазрин дуд» дуудын харанһудт орулгдсмн. «Серк зоота зеерд мини» дун дегтрмүдт харһсн уга.

Эрэсэн медлд орснас нааран хальмгуд халун цусан асхад, эмэн эрвллго, һавшунан, эв-дован үзүлж, дэврсн цуг дээснэ өмнэс босч, нер һарч йовсинь мана орн-нутгин туужд билршго үзгэр барлата. Теднэ негнь — Ончхан Жирһл (поэмд Ончхин Жирһл). Эн күүнэ амдрлин тускар кесгнь баһар меднэ. Шинжлхд, «Алтма» поэмд Ончхан Жирһлин тускар иигж бичэтэ:

Ик-Цоохрин өвр нутгас

Онц цегр бүрджэ,

Ирлин медлд күрч өгтл,

Ончхин Жирһл толһалжэ.

«Ончхан Жирһл (Цевг-Увша Жирһл) тавдгч үйдэн алдр Аюка хаана салтр, Эрктн нутга угарһсн зээсн Цевг-Увшин өрк-бүлд, 1772–1778 жж. алднд һарч. Төрскэн харсгч 1812 ж. дээнд орлцж, зөргэрн чигн, шүлгэрн чигн туурсн баатр болчкад бичэч деерэн земгэ билгтэ көгжмч бээсмн» [Бичэчнрин туск үг 2007: 9].

Нойдудла ноолда кехлэрн, Ончхан Жирһл хамгин күчтэ зер-зев — хурц үг олзлдг билэ. Хальмг сээчүдэс болн хаана йосна өмнэс ээлго, зөргтэ шүлгч зөрж келдг бээсмн. Тегэд хальмг нойдуд-зээснүд тиим амрлтго күүнэ аминь бэрж зогсахар седсмн.

Кезэнэс авн амн үгин чилшго зөөр болж үлдсн туульмуд, туужс, үлгүрмүд үйэс үйд келгдэд, эндр өдр сээхн чимлһтэ хурц келэрн күүнэ чееж байрлулна. Хальмг эмтн һурвнтс бас өргэр олзлж йовсмн.

«Керсү ухата, келндэн хурц улс хоорндан үг бэрлдж сөрдг бээсмн. Ке сээхн янзта, гүн ухан-тоолврта хэрү олж авсн күн мергн, цецн, билгтэ күүнд тоолгддг билэ. Һурвнтс меддг улс дунд йоста марһан болхлаг, иим марһаг үзж, соңссн күн бийэн хөвтэд тоолад, келндэн билгтэ улсиг медсндэн байрлддг бээсмн.

Тээлвртэ туульд цээлһврнь түрүлэд келэд өгчкхлэ, тээлврнь хэрүнь болдг. Һурвнтст болхла, цээлһврнь хойрдгч энгдн өггднэ. Энүгэрн һурвнтс тээлвртэ тууляс йилһрнэ. Һурвнтс хальмг улсин мергн билгинь үзүлжэнэ. Орчлнд эдл һурвн юмн бээхиг медж авхин төлэ, гүн ухан-тоолврин сээхн товчлтс кергтэ. Һурвнтс меддг күн гүн сурһульта, хурц мергжлтэ болх зөвтэ бээсмн. Тиим улс ухан тоолврас, у чеежэсн үүдсн хэрү олж авдг. Тер учрар чигн нег сурврт хойр-һурвн зүсн һурвнтсар хэрү өггднэ» [Кел өргжүллһнэ дегтр 1994: 160].

Даван Һэрэн «Алтма» поэмд Ончхан Жирһл Бадм нойнла шатр наадад шүүгдхлэрн, цецн, хурц үгтэ һурвнтс келсмн. Эн һурвнтс Ончхан Жирһл бичсн «Дөрлдэн» поэмла дүнцүлж хэлэй.

Даван Һэрэн «Алтма» поэмд орсн һурвнтс Ончхан Жирһлин «Дөрлдэн» поэмин һурвнтсла өөрхн. Зуг зэрм үгмүд учр-

Даван Һэрэн «Алтма» поэмд болн Ончхан Жирһлин «Дөрлдэн» поэмд өггдэжэх һурвнтс

Даван Һэрэн «Алтма» поэмас	Ончхан Жирһлин «Дөрлдэн» поэмас	Йилһлтс
1	2	3
<p><i>Ташлһна һурвн зүүл</i></p> <p>Савһр кегэд, тос ташидг, Саалин шимд көк ташидг, Санан иктэ кү ташидг [[Даван 1960: 179].</p>	<p><i>Ташлһна һурвн зүүл</i></p> <p>Савлд кегэд, тос ташидг, Саалин шимд көк ташидг, Санан иктэ кү ташидг [Ончхан 1959: 53–54].</p>	<p>савһр — дүцнхд, тосна бээдл медүлжэх үг. савл — хуучн үг эркшилтэ, ямта, цолта улс, сээчүд эдлдг бэрүлтэ ааһ [Пүрбэн 1996: 129].</p>
<p><i>Чичлһнэ һурвн зүүл</i></p> <p>Шор кезж мах чичдг, Шогжэ кезж захс чичдг, Шог һарһсн кү чичдг [Даван 1960: 180].</p>	<p><i>Чичлһнэ һурвн зүүл</i></p> <p>Шөв кезж захс чичдг, Шор кезж цус чичдг, Шог һарһсн кү чичдг [Ончхан 1959: 54].</p>	<p>шор — хурц үзүртэ зорсн модн шөв — захс анһндг зер-зев шогжэ — бичкн, хурц, нэрхн иртэ утх [Монраев 2002: 200]. шор кезж цус чичх — хотд хөөнэ цус кегэд, амнь бооһад, модар шорлад болһдг.</p>

1	2	3
<p><i>Болигон хурвн зүүл</i></p> <p><i>Дольгалж гүүсн уснд Цоорг харһж болиго, Догшин үүлин өмнэс Цогцар зүткэж болиго. Заян иктэв гиж, Зүрк авлэж болиго, Зөвнь һатлсн күүнэ Седкл дишлэж болиго</i> [Даван 1960: 180].</p>	<p>—</p>	<p>Ончхан Жирһлин «Дөрлдөн» поэмд болигон хурвн зүүл харһсн уга.</p>
<p><i>Кецүһин хурвн зүүл</i></p> <p><i>Үүрмгиг үүрмгэр боож, батлхд кецү, Үкрин өврт зармиг, тогтахд кецү, Үг медиго танд, келэж медүлхд кецү (Бадм нойнд)</i> [Даван 1960: 181].</p>	<p><i>Кецүһин хурвн зүүл</i></p> <p><i>Үүрмгиг үүрмгэр боож батлхд кецү, Үкрин өврт зармиг тогтахд кецү, Үг медиго танд медүлх кецү</i> [Ончхан 1959: 55].</p>	<p>Кецүһин хурвн зүүл хойр поэмд эдл.</p>
<p><i>Баахна хурвн зүүл</i></p> <p><i>Ээжнр дундан бээх Эрк көвүн баахн, Элвг теегин өрчд Элэ шовун баахн, Эв уга болхла, Зүркнэ күчн — баахн</i> [Даван 1960: 182].</p>	<p><i>Баахна хурвн зүүл</i></p> <p><i>Ээжнр дундан бээх Эрк көвүн баахн, Элвг теегин өрчд Элэ шовун баахн, Эв уга болхла, Зүркнэ күчн баахн</i> [Ончхан 1959: 55-56].</p>	<p>Баахна хурвн зүүл хойр поэмд эдл.</p>
<p><i>Дорин хурвн зүүл</i></p> <p><i>Хотан хэрүлсн нохаһас Харңһу нойн дор, Хол һазрин өшэтнэс Ховдг нойн дор, Шүрүн худгин уснас Шүүгдсн нойн дор</i> [Даван 1960: 182].</p>	<p><i>Дорин хурвн зүүл</i></p> <p><i>Хош дахсн нохаһас Хэрг нойн дор, Хол һазрин өшэтнэс Ховдг нойн дор, Шүрүн худгин уснас Шүүгдсн нойн дор</i> [Ончхан 1959: 56].</p>	<p><i>хотан хэрүлсн ноха</i> — селәһән харулсн ноха <i>хош дахсн ноха</i> — нүүлһнлэ бүүр дахсн ноха <i>харңһу</i> — харңһу чеежтэ күн <i>хэрг</i> — бишрктг, эмәдг</p>
<p>—</p>	<p><i>Дорин хурвн зүүл</i></p> <p><i>Мууһин хурвн шажснд Му эмч кү эмнхлэ — Күүнэ миснг болдг, тер нег му. Му зурхач сүүр ясхла — Эрлгин элч болдг, тер хойрдвар му. Му гелң шандва цуглулхла — Ширгин хорха болдг, тер хурвдар му.</i> [Ончхан 1959: 52]</p>	<p>Даван Гэрэн «Алтма» поэмд дорин хурвн зүүл харһсн уга.</p>

утхарн йилһвртэ (*савһр — савл, шор — шөв, шогжэ — шор, хотан хэрүлсн ноха — хош дахсн ноха, харһһу — хэргэ*). Даван Һэрэн «Алтма» поэмд «мууһин һурвн шажнд» гидг һурвнт харһхш, терүнэ ормд «болшгон һурвн зүүл» орна. Тегэд энүнэс иштэ, мана хэлэцэр, эмтнэс соңссн Даван Һэрэ Ончхан Жирһлин һурвнтас нег хувлвр авч, поэман бичсмн.

«Жаңһр» — хальмг улсин амн үгин хамгин байн учр-утхта, гүн аһулһта, келни билгэрн хурц, кев-янзарн өвэрц баатрлг дуулвр мөн. Тегэд чигн Хальмг Таңһчд «Жаңһрар» сонһмсч, бахмж, өврмж эс кесн шүлгч уга гиж сангдна.

Хальмг улст адрута, хату-мөтү жирһлин хаалһднь «Жаңһрин» гүн учр-утхнь, барс мет баатрмудын дүрмүднь ямр ик тусан күргснэ тускар шүлгч Даван Һэрэ шүлглэнэ үүдэвртэн хурцар товчлсмн.

Поэмин һоллгч дүр Алтма Жаңһрин баатр мет хаалһдан һарад йовхин өмн эзн Санжд, ээмгин улстан, эдстэ бурхнд мөргэд, өмн андаһаран тэвнэ:

*Һаң-халун, салькн
Һазр хол болвчн,
Һатлад көөх адуг
Һарттн асрад өгсв.*

*Үгдэн эс күрхинь
Үклин мууһар үксс,
Күүни адгар түрхнь
Күүцл болад өгсв.*

*Көөһад эс ирхнь
Күлг мөрм дарг,
Келкэ нээмн чимгм
Көдө болһар тарг.*

*Өнчн Гүмб уңгарн
Өрк тасрад хуурсв,
Өлңгин бүрд кевтжэ,
Өтн хорхад шимүлсв [Даван 1960:
123–124].*

Хальмг келнэ урн билгин нег сээхн янзнь магталмуд мөн, «магтад оркхларн — өргэд оркдг». Тегэд оln жилин эргцд эдлгдж, келлһнэ нег чинртэ хувнь болж бээхнь орта. Хальмг келнд өвэрц, сээхн чимлһтэ магталмуд олар харһна.

Номт Е. Э. Хабунован бичсэр: «Өөрд-хальмгин амн үгин улмжллын нег өвэрц төрл зүү болжахнь — магтал мөн. Юн чигн юмна йилһрңгү бахрхн сээхн шинжнь магталд урн үгэр чимж дүрслгднэ. Магтал оln шинжсэрн йөрэлд өөрхн. Магтал йөрөлшң үгин ид-сидт иткэд үүдэгдсн болдг. Аңхн цагин күн мел келсэр болх гиж сандг, үгин

сидт йорлдг бээсмн. Эн үүдэврмуд заңшл, заң-үллэ бат залһлдата болна... Уңг-тохман магтдг заңшл бас нег цагт делгрж йовсмн. Уңг-тохм болһн эврэ урата болдг. Ураһан дуудад, омг сүрәһән өргэд, хортн дээсэн дарад цуцрл уга, юмнас сүрдл уга йовсн болдг. Уңг-тохман магтжах урад эврәннь уг йозуран илткж үзүлдг, өвэрц шинжән өөдлүлж дүрслдг бээсмн. Эн саамд уңг-тохмин үзмж болжах эрдм, өвэрц заң-бэрц бас урад темдлгднэ» [Хабунова 2005: 74–75].

Хойр мөртэ адуч Алтман худрһднь орад ирхлэ, эн арнзл болсн харин аминь татад, тер хойрин өмнэс зөрэд, уңг-тохмин ураһан хээкрэд теднүр дэврв:

*Жил нас зокасн
Жирһл гидг угатя
Күүдр күзүтэ һалзнта
Күүкн нойна алвт,*

*Санад зөрснь күцдг
Сатхл гидг ээмгтэ,
Садь-бодь бурхдин
Сакад өгсн тохмта,*

*Хээкрэд өгхлэ көөрдг,
Хаһа бээтл дэврдг,
Харһһу сөөһин бииднь
Хотн бийүрнь ордг,*

*Отг эзлсн байн
Овшин Санжгин адуч,
Алдло хайдг,
Тэвэл уга татдг,*

*Заячин зокаһад өгсн
Залу хурдн харта,
Өнчин гүмб уңгин
Өтән нәрхн харв! [Даван 1960: 145–
146].*

Күүнэ жирһлд юн эс учрна. Цуг эн йовдлмуд үзүлж, цээлһж чадм үгмүд олж авч, тер йовдлыг медүлж, батлад күн йөрөлмүдтэн орулна. Хальмг күн эврәннь бээдл-жирһлд йөрөл яһж эңкрлж олзлдг бээсинь Даван Һэрэн «Алтма» поэмас үзгднэ.

Алтмаг хаалһд һарад йовжахднь, хотна өвгд, залус күүндж суужахлань, эзн Санж көвүг йөрэв:

*— Мөрнэ көлин йовуднь
Мөңгн хаалһар тэвгдэж,
Мөрн деерк залуһин
Мөсн зүркн батржэ.
Тер һазрин холдан
Торл уга күрч,
Торч авх адуһан
Тооһин олар көөжэ,
Авгин сансн санаһан
Алтн хаалһар күцэжэ,*

*Амһа мөлтрл угаһар
Атаһан күтц булаж.
Көндлц аюл угаһар
Көлдән цугтнь мөргүлж,
Көөгулин ажрһ адуһан
Көөһэд ирх болтха!* [Даван 1960: 133–134].

Санжин герт цуглрсн цуг хотна улс эзнә өргсн йөрәлиг бүтхә гһһәд, хәрүһинь иигж келнә:

*Нойн зерг өршәж,
Номин йосар күцтхә!
Санжсин йөрәл шиңж,
Санси үүлнь бүдтхә!*
[Даван 1960: 134].

Хальмг улсин авъясар йөрәлиг медәтә күн келдг. Тегәд Сатхл ээмгин көгшә Алтмад йөрәлин үгән нерәднә:

*— Әмд йовад, байрта ир,
Әмән саглж әрвл,
Әмтнә келси ухана*

Алькинь үнн болһнач? [Даван 1960: 135].

Деер келгдсн йөрәлмүд аһулһарн — хаалһин йөрәлмүд. Шүлгч кезәңк йөрәлмүдәс иш авч, шүлгин кев-янзд орулж, поэмин урн үгин седв үзүлжәнә.

Ашлад келхд, амн үгин зөөр хальмг урн үгин зокъялын алтн булг. Энүнәс бәрмт авч олн поэм үүдсмн. Үлгүрлхд, Даван Һәрә «Алтма» поэмдан амн үгин зокъялыг урн кевәр олзлсмн. Түүкч үүдәвртән зурһан һурвнтс, һурвн йөрәл, хойр ду, нег тууж, нег андһар, нег уңг-тохмин ура, нег үлгүр орулж, поэмин тогтациг, аһулһиг болн келнә көрңгиг гүүдлүлж, улм кеерүлсмн. Зәрм амн үгин зокъял дегтрмүдт урднь бичгдәд уга, соңсгдәд уга. Келхд, «Серк зоота зеерд мини» дун, уңг-тохмин ура, йөрәлмүд болн нань чигн үүдәврмүд. Ончхан Жирһл келси һурвнтс (ташһна һурвн зүүл, чичһнә һурвн зүүл, болшгон һурвн зүүл, кецүһин һурвн зүүл, баахна һурвн зүүл, дорин һурвн зүүл) поэмин тогтациг сонһн кежәхнь лавта. Темдглхд, Даван Һәрә һурвнтс гиж нерәдлго, кезәңкәр *һурвн зүүл* (һурвн юмн) гиж келж.

Мана ухан-тоолврар, Даван Һәрән «Алтма» поэмиг цааранднь амн үгин болн келнә халхас улм гүүнәр шинжлх кергтә.

Литератур

Владимирцов Б. Я. Образцы монгольской народной словесности» (С.-З. Монголия). Л.: Изд. ин-та живых вост. яз., 1926. 202 с.

Бичәчрин туск үг: очерк // сост. Л. Н. Мушанова, В. К. Шуграева. Слово о писателях. Элст: ЗАОР «НПП «Джангар», 2007. 352 х.

Даван Һ. Шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1960. 223 х.

Кел өргжүлһнә дегтр 5–9 кл. (Учебное пособие по развитию речи в 5–9 классах) / сост. А. Каляев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 231 с.

Көглтин Д. Сар-Герл. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1964. 92 х.

Литература Калмыкии на современном этапе: проблемы идейно-художественного развития. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 127 с.

Мукабенова М. А. Мифологические и фольклорные основы калмыцкой литературной поэмы-сказки: автореф. дис... канд. филол. наук. Майкоп, 2009. 22 с.

Окна Борис. Дууна үндснь — жирһл // Төрсн һазрин дуд / сост. Оконов Б. Б. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 308 х.

Ончхан Жирһл. һашута цаг. Шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1959. 69 х.

Оциров В. У. Литература и фольклор: проблемы взаимодействия в жанре поэмы // Труды VI Научно-практической конференции молодых ученых и специалистов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. С. 74–76.

Очирова Н. Ч. Этнокультурные ценности фольклора в творчестве калмыцких писателей (на материале творчества К. Э. Эрендженова, А. Б. Бадмаева, А. Г. Балакаева) // Этнопедагогическая коннотация содержания непрерывного образования: материалы Межрегион. науч. конф., посвящ. 40-летию КГУ и 70-летию высшего образования Калмыкии (г. Элиста, 6–9 октября 2010 г.). Элиста: Изд-во КГУ, 2010. С. 118–122.

Очра Уташ. Авторин туск үг // Даван Һ. Шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1960. 223 х.

Пүрбән Г. Ц. Хальмгудын заңшалта бәэцин тәәлвр толь. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1996. 176 х.

Сусен А. Теегин урн. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1960. 109 х.

Хабуна Е. Э. Һулмт. Хальмгудын әмдрин эргцин заңүүл болн амн үүдәвр. Элст: АОР «НПП «Джангар», 2005. 205 х.

УДК 82-145

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

**ФИЛОСОФСКАЯ ПАРАДИГМА ВОСТОКА
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ КАЛМЫКИИ
(на примере цикла стихов «В тени Конфуция» Р. М. Ханиновой)**

Д. Ю. Зумаева

Обращение к теме Востока является одним из путей реализации принципа диалога культур в литературном пространстве. Эта тема в свое время глубоко интересовала А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Г. И. Успенского, В. С. Соловьева, И. А. Бунина и других русских писателей и поэтов. Восток всегда привлекал художников своей загадочностью, поражал и восхищал своей мудростью, величием, богатством, таинственностью и какой-то непостижимостью. Примечательно, что исключением не являются в этом отношении и современные русскоязычные писатели и поэты Калмыкии, в частности Р. М. Ханинова. Так, создание поэтического цикла «В тени Конфуция» (2002) предопределено постоянным интересом Р. М. Ханиновой к культурологическому и философскому наследиям разных народов, в том числе и народов Востока. Как отмечает сам поэт, ей, как восточному человеку, получившему европейское образование, интересно вернуться к истокам, духовным сокровищам Востока. Кроме того, здесь автор, на наш взгляд, следует за традициями А. С. Пушкина¹ и Л. Н. Толстого².

¹ Широко известно, что, к примеру, творчество А. С. Пушкина было тесно связано с исламским Востоком, Кораном. Поэт читал арабскую культуру и цивилизацию, способствовал переводу многих стихотворений из древней арабской поэзии. Восток привлекал русского поэта на протяжении всего его творчества [Чельшев 1999; Веселовский 1990; Пушкин ... 1999].

² Изучал Л. Н. Толстой и китайскую культуру, философию и литературу, в том числе учения Конфуция (551–479 гг. до н. э.) и Лао-цзы (примерно 571–471 гг. до н. э.). К идейному наследию мыслителей Востока он обратился в конце 70–80-х гг. XIX в., когда во взглядах писателя намечился перелом. Так, в мире повсеместно известен «толстовский пацифизм»: учение самого Л. Н. Толстого («толстовство») выделяет в качестве главных принципов непротивление злу насилием, духовное и нравственное самосовершенствование и всеобщую любовь. Примечательно, что эти же философские категории известны и разработаны в учении древнего китайского философа Конфуция.

Л. Н. Толстой в свою очередь является одним из первых русских писателей, который был знаком с индийской философией, религией и культурой [Осипов 1994; Серебряный 1991]. Как известно, писатель был гуманистом, во многом древнеиндийская философия была близка ему по духу, несмотря на то, что культура России и Индии различна по своей сути.

В статье «Буддийские координаты на карте жизни и творчества Л. Н. Толстого» Р. М. Ханинова, ссылаясь на востоковеда С. Д. Серебряного, отмечает, что в «Круге чтения» [Толстой 1991], «индийские цитаты», хотя и восходят к индийским источникам, они в первую очередь отражают умонастроения и духовные поиски самого Л. Н. Толстого. Из «четырёхсот с лишним строк „Дхаммады“ писатель отобрал всего около семидесяти, иногда сокращая или как-либо изменяя их, то есть выбрал то, что было созвучно его умонастроениям, и отсекал то, что им не соответствовало» [Ханинова 2008: 14].

Одним из таких источников была сказка «Карма» американского писателя и философа Пола Каруса на английском языке, и позже Л. Н. Толстой сделал ее свободное переложение на русский язык под тем же названием. Особое внимание Р. М. Ханинова обращает на то, что русский писатель и философ «видел в буддийском учении определенное созвучие своей нравственно-философской идее самосовершенствования человека, несомненно, не забывая о ранее переведенной сказке на буддийскую тему» [Ханинова 2008: 15].

Не случайно, что Р. М. Ханинова, прощаясь в духовное сокровище Востока и творчески вчитываясь в наставления Конфуция, разворачивает диалог с древним мыслителем на тему принципов морали. Так появляется поэтический цикл³ «В тени

³ Напомним, что в литературоведческом понимании «цикл (от греч. *kyklos* ‘круг, колесо’) — несколько художественных произведений, объединенных общим жанром, темой, главными героями, единым замыслом и т. д.» [Словарь ... 1974: 456]. Новейшие исследователи склонны рассматривать цикл как «авторский контекст», в котором «единство стихотворений обусловлено уже авторским замыслом», а «отношения между отдельным стихотворением и циклом можно в этом случае рассматривать как отношения между элементом и системой» [Фоменко 1992: 28]. При этом важным является то, что в лирическом цикле каждое произведение носит самостоятельный, законченный характер, но в то же время, лишь объединившись в одно целое, они «воссоздают динамический образ этого целого» [Введение ... 2000: 487].

Конфуция», написанный в жанре афористической поэзии [Ханинова 2005а].

Целью настоящей статьи является отражение философской доктрины Востока на примере цикла «В тени Конфуция» Р. М. Ханиновой. Обращение к данной области исследования поможет выявить значимость и специфику всего цикла в анализируемом аспекте, отразить глубину ассоциаций и смысловых связей, сочетающихся в себе, с одной стороны, конфуцианские идеи, а с другой — мироощущения современного восточного человека, его новый взгляд на традиционные темы древней китайской дидактики.

Как отмечают исследователи, стремление к циклизации — одна из характерных особенностей творчества Р. М. Ханиновой [Джамбинова 1999: 99–100]. Обращение к лирическому циклу помогает поэту углубить и расширить смысловой акцент темы, создать и в то же время выразить свой образно-философский мир, свою позицию и мироощущение.

«Конфуцианский» цикл Р. М. Ханиновой состоит из тридцати пяти стихотворений, различающихся, во-первых, жанрами (диалоги, притчи, краткие изречения, афористического характера), а во-вторых, объемом (двустихия, четверостишия, восьмистишия и т. д.). При этом всем произведениям свойственен характер проповедничества положительных знаний, гуманистических устоев морали, норм и правил поведения человека, нравственной ответственности.

Суть художественной циклизации автора состоит не в плавном перетекании смысла из одного стихотворения в другое, не в простом умножении и распространении его, а в построении связи на границах одного произведения с другим. При этом каждая подтема цикла как бы «кодирует» определенную концепцию учения Конфуция. В результате образуются своеобразные поэтические подциклы, создающие сложное смысловое единство: автор будто бы развивает диалог с великим китайским мыслителем. Созданные в «тени многовековой восточной мудрости» стихотворения-миниатюры, которые проникнуты глубиной и тонкостью мысли, содержат в себе вывод, универсальную обобщенность и афористичную остроту, поднимаясь тем самым до высот глубоких философских раздумий.

В авторском предисловии поэт обращает внимание на ключевой в цикле образ тени, обозначенный в его названии: «Словом „тень“ в Китае обозначалась живая личностная преемственность поколений: потомки живут в „тени“ своих предков... Недаром в древности говорили, что у каждой вещи есть своя тень: даже когда исчезнет сама вещь, останется ее тень... Бессмертие мысли подкрепляется бессмертием личного рода...» [Ханинова 2005а: 97]. Таким образом, ищущая истину мысль поэта вновь обращается к надвременным ценностям человеческого бытия. Выход человека к дыханию вечности состоит, с одной стороны, в генетической, «родовой», памяти [Ничипоров 2005: 74], а с другой — в вечной силе мысли, преодолевающей смерть и спасающей человека от забвения и беспомощности⁴. Надо заметить, что мысль поэта о «перспективе человеческой судьбы, завершаемой смертью» [Топалова 2007: 224], является лейтмотивом практически всех произведений Р. М. Ханиновой. Неслучайно, например, в поэме «Час речи» в качестве одного из эпиграфов (а в поэме их два) автор использует строки из стихотворения И. Бродского: «...От всего человека вам остается часть речи. Часть речи вообще. Часть речи» [Ханинова 2005б: 24]. В этом смысле величие человеческой мысли как непреходящей, вечной ценности, составляющей бесценное творение, является для автора той константой, которая характерна для диалога с великим наставником. Отсюда, как следствие, возникает еще одна центральная тема цикла — «связь личности с наследием древности» [Ничипоров 2005б: 124]:

Хранящий древности тепло,

Ты не своди его к забаве,

Вноси открытие свое —

Тогда учить ты будешь вправу [Ханинова 2005а: 123].

Познание и понимание древнего, по мысли Р. М. Ханиновой, ведут к созданию будущего. Философское размышление об обязательном стремлении каждого человека впитать и постичь великие заветы предков, не теряя тем самым связь с «корнями», содержится и в стихотворении-притче «Тень и след» (2002), помещенном в конец цикла и содержащем рассказ об участии человека, который попытался убежать от собственной

⁴ Подробнее об этом см. статьи И. Б. Ничипорова [Ничипоров 2005а: 74], Д. Ю. Топаловой [Топалова 2007: 224].

тени, чем и обрек себя на смерть. Таким образом, глубоко философская мысль о следовании древней мудрости выступает как бы «противовесом беспамятству и „робинзонаде“» [Ничипоров 2005б: 123], являясь при этом основой всего цикла.

Начальное стихотворение «конфуцианского» цикла представляет собой своеобразную вводную формулу, подготавливающую читателя к погружению в мир восточной философии. На ценностно-идеологическую установку произведений указывает и вопросительная модальность стиха, сообщающая заряд философских раздумий об искомом смысле земного бытия, о «пути творца», вступившего на путь познания истины:

Что ищем мы в заветах мудреца?

Безмолвия в речах?

Иль путь в молчании? Ведь путь творца

Не выразить в словах? [Ханинова 2005а: 98].

Осмысляя основополагающие принципы китайской философии, Р. М. Ханинова отражает в этих строчках восточное понимание мудрости, основа которой — молчание, немногословие, умение говорить в меру. Мудрее всех тот, кто прячет свою мудрость, — соглашается с Конфуцием поэт. Раздумье о неизреченности и сдержанности в речах позволяет автору прийти к формулировке такой восточной черты как сознательное контролирование речи, ответственное обращение со словом:

Мудрее тот на свете, говорят,

Кто прячет свою мудрость ото всех умело,

Кто скажет ровно столько и впад,

Чтоб выразить свой смысл смело.

В осмысленной же речи, что сказал,

Уравновешена неизреченность.

Внимающий, что истины алкал,

Понять стремится предопределенность [Ханинова 2005а: 99].

Размышления о необходимости вдумчивого обращения со словом содержится и в стихотворении «На белой яшме пятнышко стереть...» {35}⁵:

На белой яшме пятнышко стереть

Возможно, испытая усталость.

А на словах своих пятно стереть

Нигде и никому не удавалось [Ханинова 2005а: 134].

Рисуя конфуцианский образ истинного мудреца, Р. М. Ханинова сквозь призму ме-

тафор подчеркивает его отношение к мирским ценностям: безразличие к еде, богатству, жизненным удобствам и материальной выгоде. Он посвящает свою жизнь служению высоким духовным идеалам, людям и поиску истины:

Для мудреца богатство и чины,

Что облака на небе, мимолетны.

Его потребности естественно скромны:

Вода, простая пища, и охотно

Он локоть голове спать подставляет,

Четыре стороны не понаслышке знает

[Ханинова 2005а: 104].

Не случайно, что в стихотворении «Подобно сердце мудрого горе» {3} сердце человека, вступившего на путь истины и сумевшего отречься от всего временного и тленного, ассоциируется автором с «горой», символизирующей достижение высокой ступени, идею духовного возвышения и абсолюта:

Подобно сердце мудрого горе.

Горе, чья твердь научит дух

Гранитной тверди в языке.

Уловит только чуткий слух,

Какой покой хранит в себе

Забывших бурь подземный рокот,

Как неизбывные в судьбе

Сомнения и редкий ропот [Ханинова 2005а: 100].

Процесс поиска «утонченной» истины, открывающейся лишь на мгновение и ускользающей как воды в уступах, является одним из лейтмотивов цикла. Ее невозможно постичь ни зрением, ни слухом, ни осязанием. Однако, встав на путь познания истины, человек обнаруживает глубинные закономерности бытия, делает свой путь великим, обретая тем самым гармонию. Формально-содержательное начало произведения подчиняется следующему принципу: две первые строки содержат тезис, а две последующие — поэтически оформленный пример:

Путь расширяет человек — и не иначе, —

Идет за истиной, ее определяет.

Так птица дерево себе вновь обозначит.

А дерево же птиц не выбирает [Ханинова 2005а: 102].

Посвятив всю жизнь обдумыванию священного вопроса *Как жить мудро и достойно*, Конфуций в свое время пришел к выводу, что из всех важнейших элементов именно мораль превышает все. Мысль о том, что главную основу поведения человека при любых обстоятельствах (в обществе,

⁵ Здесь и далее в фигурных скобках {} указываются порядковый номер стихотворения в цикле.

в семье и т. д.) составляет нравственность, преподносится как непреложная истина, выявленная и закреплённая опытом всего человечества. Все люди по своей природе похожи друг на друга, но в то же время им присущи разные привычки, поэтому не все способны быть одинаково высококонрастными. Одни становятся на путь добра, другие — на путь зла:

*Людей природа лишь объединяет,
Привычки же людей разъединяют* [Ханинова 2005а: 105].

В своих рассуждениях Р. М. Ханинова делает упор на самосовершенствование личности. Автор тонко и ненавязчиво подводит читателей к тому, что каждый способен сделать свой путь великим. Для этого человеку просто необходимо, не останавливаясь, шагами мелкими идти вперед, и тогда истина познается им без каких-либо усилий:

*Не пренебречь делами буден —
Тогда успешными мы будем.
Ведь даже самый длинный путь
Шагами мелкими идем мы, ты не забудь* [Ханинова 2005а: 110].

Самосовершенствуясь, человек должен соблюдать «идеальные» правила или нормы поведения, стремится к исправлению недостатков, к признанию неправильных поступков и совершаемых ошибок. По Конфуцию, по-настоящему ошибается тот, кто, спотыкаясь, не исправляет их:

*Все спотыкаются в ходьбе
Ребенок и старик.
Но хром, пожалуй, тот в уме,
Кто исправляться не привык* [Ханинова 2005а: 107].

Общеизвестно, одно из ключевых понятий учения Конфуция — понятие «гуманности», которое одновременно является и чувством долга. Основой же человеколюбия, согласно мысли древнего китайского мыслителя, является высшая почтительность детей к родителям и уважение к старшим. Следуя конфуцианским моральным предписаниям, Р. М. Ханинова также указывает читателю на то, что сила человечества заключается в родовой памяти:

*В семье истоки истины всегда,
Так корни — кроны тем сильны,
Что почвой всей укреплены.
И мысли Куна⁶ продлены,*

⁶ Настоящее имя Конфуция — Кун Цю (Кун — фамилия, Цю — имя). Привычное нам слово Конфуций происходит от латинской транскрипции ки-

В прямых потомках всей родни [Ханинова 2005а: 112].

В стихотворении «Учитель Кун с учениками» {23} Р. М. Ханинова вновь ставит вопрос о существовании неуничтожимых, надвременных ценностей человеческого бытия. Рисуя возвращение странствующего человека, утратившего и забывшего родовые корни, поэт снова предупреждает о недопустимости забвения семейных отношений, пренебрежения их святостью, так как они являют собой, по мысли автора, суть жизни:

*О не судите меня строго!
Теперь я только осознал:
Желаю дерево покоя,
А ветер-непоседа юн.
Желаю сын заботиться о доме,
А в лютне не хватает струн...
— О, как же поучительна судьба, —
Сказал Учитель, — ныне и всегда* [Ханинова 2005а: 122].

В подобных притчевых произведениях цикла, представляющих собой отрывки бесед великого Учителя с учениками и имеющих преимущественно диалоговую конструкцию, автором тонко раскрывается сердцевина конфуцианского учения, сущность глубокой философской мысли наставника, его значительный духовный опыт. При этом отражаются не просто общие вопросы бытия, а этико-философские размышления о жизни и смерти, старости, зрелости и юности, о том, что окружает человека, находится в центре его созерцания и мысли.

Так, в стихотворении «Спросил Учителя однажды ученик» {33} поэт затрагивает один из величайших парадоксов действительности и вечную загадку совместимости жизни со смертью. Смерть — естественное явление, общий удел всех. Движение к ней неумолимо, и это движение никогда не прекращается. Однако, согласно мысли поэта, к смерти надо относиться с философским спокойствием и безразличием, как к естественному, закономерному явлению. У человека же, не познавшего жизнь, не должны возникать мысли о смерти; он должен жить, стремясь к максимальному использованию радостей жизни. Как справедливо отмечает И. Б. Ничипоров, слово автора служит здесь «своеобразным лирическим комментарием к изречению главного героя, попыткой его личностного прочтения» [Ничипоров 2005б: 128]:

тайского словосочетания Кун фуцзы, в дословном переводе означающее «учитель Кун» [Конфуций 2011].

*Еще не знаешь ты о жизни ничего.
Так разве можешь, забегая, знать —
Беспечно, праздно и легко, —
Что значит смерть и тайну пости-
гать?* [Ханинова 2005а: 132].

Немало внимания в цикле уделяется и просвещению. Человеческую жизнь поэт рассматривает как постоянный процесс учения, воспитания, осмысления накопленных знаний и опыта. При этом лирический голос автора напоминает, что при должном старании, выдержки и терпении достижима любая цель:

*В учении излишня торопливость.
В учении потребна терпеливость.
Так, если лук все согнутым держать,
Упругость потеряет, чтоб стрелять*
[Ханинова 2005а: 132].

В {9} миниатюре цикла «Тот, кто усерден в учении, не размышляя» говорится о том, как важно сосредоточенно размышлять о сути прочитанного и обдумывать усвоенное, ибо обучение без размышления опасно. Кроме того, ранее полученное знание необходимо освежать, подчеркивает автор, ибо повторение *упражняет ум в ученье*, позволяет успешно продвигаться вперед и овладевать новым материалом:

*Тот, кто усерден в учении, не размышляя, —
Жертва чуждого он заблуждения часто.
Тот, кто усерден в раздумьях, но не
желает
Ум упражнять свой в ученье напрасно,
Бедствия легкая сразу добыча* [Ханинова 2005а: 106].

В притче «Звуки музыки лишь посвященным...» рассказывается о постепенном постижении юным Куном основ музыкального искусства. В этом произведении Р. М. Ханинова снова ратует за важность глубокого, серьезного и усердного обучения наукам, указывая при этом на бесконечность и перспективность этого процесса. В подробном описании непрестанных многотрудных усилий старательного ученика, его стремления понять не только само музыкальное произведение, но и «разгадать» личность художника, его сотворившего, автором отражаются способность человека к самообновлению и умение постигнуть суть вещей путем углубления в аспект познания:

*Нет, учитель. Прошу вас немного
Дать времени, — молит вновь Кун. —
Не судите меня очень строго:
Без седла еще мысли скакун.
Мне понять захотелось, учитель,*

*Кто был песни такой сочинитель.
Вновь над лютней склонился, являя
То волненье, то думу скрывая* [Ханинова 2005а: 116].

В целом цикл Р. М. Ханиновой «В тени Конфуция», созданный в духе восточной поэзии, помогает не только вникнуть в гуманистическое учение восточного мыслителя, в основе которого лежат общечеловеческие принципы, но и, как отмечает И. Б. Ничипоров, способствует «творческому самопознанию» самого автора, его постижению вековых тайн бытия [Ничипоров 2005б: 132]. Поэт словно вбирает в себя опыт древней мудрости, пронизывает его собственной оценочностью, рождая при этом глубокие нравственно-философские заключения. Особая значимость всего цикла заключается и в том, что поэт не просто разворачивает перед читателем все панорамы возможных представлений и ассоциаций, связанных с этическими наставлениями, моральными предписаниями Конфуция, но и, погружая читателя в *тьнь* великой мудрости, словно *возвращает к началу времен*, будит его мысль, задает ей определенное направление, сопрягая тем самым современников с бесценными, сакральными идеями древнейшей китайской дидактики.

Литература

- Введение в литературоведение / под ред. Л. В. Чернец. М.: Изд-во Высшая школа, 2000. 680 с.
- Веселовский С. Б. Род и предки Пушкина в истории / отв. ред. С. М. Каштанов. М.: Наука, 1990. 334 с.
- Джамбинова Р. А. Поэзия — исповедь... // Теегин герл. 1999. № 8. С. 99–100.
- Конфуций [из Свободной энциклопедии «Википедия»] // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Конфуций> (дата обращения 15.01.2011).
- Чельшиев Е. П. Мир Востока и Пушкин // Наука в России. 1999. № 1. С. 75–81.
- Ничипоров И. Б. Эссе «Час речи...»: философская поэма Риммы Ханиновой // Ханинова Р. М., Ничипоров И. Б. На перекрестках Софии и Веры... / стихи, поэмы, эссе. Элиста: АПП «Джангар», 2005а. С. 71–76.
- Ничипоров И. Б. От афоризма к притче: поэтические циклы Риммы Ханиновой «В тени Конфуция» и «Ключи разума» // Азия в Европе: Взаимодействие цивилизаций. Язык, культура, этнос в глобализованном мире: на стыке цивилизаций и времен. Мат-лы Междунар. конгресса. В 2-х частях. Элиста: КалмГУ, 2005б. Ч. 1. С. 124–132.
- Осипов В. Индийские строчки Льва Толстого. Очерк-хроника // Буддийский мир (Альманах) / сост. В. Бараев. М.: Раритет, 1994. С. 33–52.
- Пушкин А. С.: Восток. Кавказ. Дагестан. К 200-летию поэта / под ред. чл.-корр. РАН Г. Г. Гамзатова. Махачкала: ДНЦ РАН, 1999. 226 с.
- Серебряный С. Д. Комментарии // Толстой Л. Н. Круг чтения: Избранные, собранные и расположенные

- на каждый день Л. Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении / сост., вступ. ст. А. Н. Николюкина. Т. 2. М.: Политиздат, 1991. С. 334 – 338.
- Словарь* литературоведческих терминов / под ред. Л. П. Тимофеева и С. В. Тураева. М.: Просвещение, 1974. 473 с.
- Толстой Л. Н.* Круг чтения: Избранные, собранные и расположенные на каждый день Л. Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении / сост., вступ. ст. А. Н. Николюкина. Т. 2. М.: Политиздат, 1991. 399 с.
- Топалова Д. Ю.* Фольклорные традиции в аспекте буддизма в поэме Риммы Ханиновой «Час речи» // Феномен личности Давида Кугультинова — поэта, философа и гражданина. Мат-лы Междунар. науч. конф. / ред. С. М. Трофимова и др. Элиста: КалмГУ, 2007. С. 223–227.
- Фоменко И. В.* Лирический цикл: Становление жанра. Поэтика. Тверь, 1992. 124 с. Ханинова Р. М. В тени Конфуция [цикл стихотворений] // Ханинова Р. М., Ничипоров И. Б. На перекрестках Софии и Веры... / Стихи, поэмы, эссе. Элиста: АПП «Джангар», 2005а. С. 97–134.
- Ханинова Р. М.* Буддийские координаты на карте жизни на каждый день и творчества Льва Толстого // Мандала. 2008. №№ 16, 17. С. 14–22.
- Ханинова Р. М.* Час речи // Хонинов М. В. Хонинова Р. М. Час речи: Стихи и поэмы. Элиста: АПП «Джангар», 2005б. С. 24–41.

УДК 398.22
ББК 83.3 (2Рос=Калм)

**ПЕСНЯ «О БИТВЕ БОГАТЫРЯ АЛОГО ХОНГОРА С АВЛАНГИ ХАНОМ»
В ЗАПИСИ ОТ БАДМЫ ОБУШИНОВА
(к вопросам текстологии)**

Д. В. Убушиева

В настоящее время сотрудниками отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (КИГИ РАН) готовится к изданию Свод калмыцкого фольклора, который открывается калмыцким героическим эпосом «Джангар». Помимо этого, в Свод войдут остальные жанры калмыцкого фольклора: сказки, мифы, предания и легенды, малые жанры и др. Главная цель Свода — издание лучших в художественном отношении калмыцких фольклорных произведений разных жанров на калмыцком и русском языках. Основными критериями при отборе и подготовке текстов являлись художественное совершенство, глубина содержания и историко-познавательные ценности того или иного фольклорного произведения. Одной из дополнительных задач Свода является введение в научный оборот ранее не изданных материалов.

Новое издание калмыцкого эпоса основывается на теоретических аспектах текстологии фольклора, изложенных в работах К. В. Чистова [2005], С. Н. Азбелева [1966] и др. Согласно современным методикам издания текстов фольклора, песни должны приводиться в оригинальном виде, т. е. без использования метода контаминации, с сохранением всех особенностей того или иного сказителя (например, индивидуального произношения или диалектизмов в тексте): «...мы обязаны признавать основной ту из нескольких форм одной записи, которая в наибольшей степени отражает конкретный народный вариант, зафиксированный собирателем» [Гацак 1971: 111]. Эпические тексты должны быть снабжены научным переводом, который также основан на требованиях современной эдиции. Строки перевода должны быть пронумерованы по принципу сличения строк перевода с текстом оригинала. К песне должен прилагаться определенный научный аппарат: о тексте эпической песни, примечания к калмыцкому тексту песни, комментарии к переводу, словарь

непереведенных слов, указатель имен персонажей, указатель топонимов. Столь полное научное описание эпических текстов «Джангара» прилагается впервые. Издание такого рода может стать источником исследования не только фольклористов, но и языковедов, этнографов и всех интересующихся аутентичными текстами.

В готовящемся Своде калмыцкого фольклора составители придерживаются принципов репрезентативности материалов, сохранности текстов, вводят в научный оборот архивные материалы, что соответствует современной текстологической работе: исходить «...из новых возможностей, из сегодняшней свободы сличений с оригиналами. Открылся путь преодоления текстологической ненадежности изданий в целях достоверного познания и изучения памятников в их действительном богатстве» [Шакурова 1998: 220].

В настоящей статье предпринята попытка выявления проблем текстологического характера на материале песни «О поединке богатыря Алого Хонгора с Авланги ханом», записанной собирателем калмыцкого фольклора И. И. Поповым от Бадмы Доржиновича Обушинова. Данная рукопись хранится в Государственном архиве Ростовской области [ГА РО].

Выбор данной песни для текстологического анализа связан прежде всего с локальным аспектом¹. Запись песни «Джангара» от донского калмыка Б. Д. Обушинова является единичной в том смысле, что записей эпоса в регионе проживания данной

¹ Локальный аспект имеет большое значение в исследованиях фольклорной традиции, т. к. необходимо знать ареал бытования фольклорных жанров: «фольклорная традиционная культура в своем конкретном наполнении всегда региональна и локальна» [Путилов 2003: 156]. В калмыцкой фольклористике, например, вопросом бытования эпической традиции занимались А. Ш. Кичиков [1967], Н. Ц. Биткеев [1982], Н. Б. Пюреева (Санджиева) [1976], Э. Б. Овалов [1992], В. З. Церенов [2004], Б. Б. Манджиева [1999] и Ц. Б. Селеева [2006].

части калмыцкого этноса (т. е. донских калмыков) произведено не было². Как отмечает Г. И. Михайлов, «Эта песнь интересна тем, что записана она у донского калмыка — факт, свидетельствующий о бытовании каких-то песен Джангариады и среди донских калмыков» [Михайлов 1978: 9]. Фольклорные записи И. И. Попова не имели систематического характера, однако именно они позволяют говорить о существовании эпической традиции среди донских калмыков.

К тому же данная рукопись не была исследована до сих пор, как и весь фольклорный материал, который был записан и собран И. И. Поповым, хотя с момента записи прошло немногим более 110 лет. Единственной работой, основанной на этом материале, является книга В. А. Закруткина «Калмыцкий эпос „Джангар“» (г. Ростов-на-Дону, 1940 г.), в которую входит перевод песни «Джангара», записанной от Бадмы Обушинова [Калмыцкий эпос «Джангар» 1940]. Этот перевод был начат И. И. Поповым и закончен самим В. А. Закруткиным.

В этой связи необходимо привести слова самого собирателя И. И. Попова: «В настоящее время калмыцкая литература делится на устную и писанную. К первой принадлежат переходящие путем словесной передачи из поколения в поколение и слагаемые вновь: 1) сказания, повести и легенды (туджи), 2) сказки (тули), 3) песни (дун), 4) пословицы, сравнения и притчи (улигер), 5) загадки (тайлгата-тули). Такая устная литература была еще сравнительно недавно очень развита у *донских калмыков* [выделение автора — Д. У.]. Однако год от года она приходит в забвение, да и сами калмыки, под напором внешних условий жизни, постепенно теряют интерес к этим очень ценным и оригинальным произведениям свое-

² Донские калмыки появились в землях Донского казачества примерно в 1648 г.: «После смерти Хо-Орлюка, при его преемнике Шюкюр-Дайчине, калмыки впервые появились в пределах земли Войска Донского. А именно: под Черкесским городом, в 1648 г., между казаками и калмыками был заключен оборонительный и наступательный союз...» [Попов 1918: 294]. Появление калмыков на Дону П. Э. Алексеева объясняет «междоусобицами калмыцких владельцев, поисками свободных пастбищ, желанием найти покровительство у донских казаков, которые с самого начала прихода проявляли интерес к своим новым соседям» [Алексеева 2001: 292]. Несмотря на внушительный период после откочевки калмыков на Дон, эпические песни продолжали бытовать в данной группе.

го поэтического творчества. К сожалению, вся эта очень богатая литература доселе не обратила на себя внимания ни уроженцев Дона, ни самих просвещенных калмыков, которых в настоящее время имеется также не мало. До сих пор еще не существует ни одного сборника образцов устной литературы донских калмыков... К числу героических повестей принадлежат: переданный нами в сокращении поход Убуши-хунтайджи против 4-х ойратов и являющаяся перлом калмыцкой поэзии, действительно, прекрасная поэма „Джангар“. К сожалению, это художественно обрисовывающее черты национального характера, стремления и идеалы калмыцкого народа, поэтическое произведение до сих пор не переведено еще на русский язык» [Попов 1918: 329]. Из вышесказанного можно предположить, что среди калмыков, населявших донские степи в те времена, бытовали многие фольклорные жанры, которые, к сожалению, не были зафиксированы.

В 1901 г. И. И. Попов записал в балке Средняя Аюла в исполнении Бадмы Дорджиновича Обушинова текст песни эпоса «О поединке богатыря Алого Хонгора с Авланги ханом» / «Баатр Улан Хондр Авлнц хаанла бээр бэрлгдсн бөлг»³. Текст дан транскрипцией на кириллице с применением дополнительных знаков для обозначения калмыцких звуков, долгих и неясных гласных, без разбивки на стихотворные строки.

О человеке, который записал «Джангар», известно немного: «Иван Иванович Попов всю свою жизнь провел на Дону. Еще в девяностых годах прошлого столетия он, выпускник Лейпцигского университета, уехал в донские степи... Поселившись в степной балке Аюла, И. И. Попов почти безвыездно прожил там более двадцати лет... Попов все свое свободное время посвящает изучению этнографии донских калмыков... он в совершенстве владел калмыцким разговорным и письменным языком...»⁴ [Алексеева 2010: 77–78].

В архивном документе (фонда № 55 под инвентарным № 13808) условно можно выделить одиннадцать частей. Первая часть — это название «ДЖАНГАР. Национальная поэма в оригинальном тексте и

³ На последней странице рукописи отмечено, что запись производилась ночью.

⁴ При этом проверить достоверность этих сведений мы не можем.

русском переводе с примечаниями И. И. Попова. 1892 г. Из фондов Архивного Отдела УНКВД РО»⁵.

В предисловии, во второй части архивного документа, И. И. Попов описывает эпос «Джангар» как «Илиаду некогда славного Ойратского поколения Монгольского народа». Кроме этого, он также пишет о том, что «в данное время не встречаются „барды“ сказители, и только понаслышке он знает, что в этих краях был когда-то джангарчи-старичок, без семьи, без скота и кибитки. Странствовал он налегке, с сумкой через плечо, в которой находился рукописный вариант поэмы. В текст, которого он не заглядывал, а пересказывал песнь своими словами, импровизируя». Далее И. И. Попов описывает первые издания песен «Джангара», упоминая при этом Б. Г. Бергманна и далее К. Ф. Голстунского, А. М. Позднеева и А. А. Бобровникова.

Третья часть представляет собой два отрывка рукописных текстов «Джангара» на ясном письме *тодо бичг* и их перевод. Словарь под названием «Объяснение мне калмыками малоизвестных слов „Джангара“»⁶ состоял из 450 слов, которым даются дефиниции. Из второго отрывка объяснены 56 слов.

Пятая часть условно разделенного архивного документа содержит «Слова из Джангара, говоренного Бадмой Обушиновым». Словарь состоит из 78 объясненных слов. В конце словаря есть отметка, что запись была сделана 20 декабря 1901 г., ночью в 11 часов, в месте под названием Средняя Аюла.

Шестая часть архивного документа содержит наиболее ценный для нас материал, т. е. непосредственно текст песни «Джангара» — «Калмыцкий текст одной главы из „Джангара“, говоренного мне Бадмой Обушиновым. Рукопись состоит из 14 страниц, заполненных с обеих сторон (см. ксилограф первой страницы рукописи на рис.).

В седьмой части архивного дела дан неполный перевод предыдущей части «Русский перевод „Джангара“» Бадмы Обушинова». В следующей части под названием «Кое что по поводу моего сообщения в

⁵ Заметим, что дата, приведенная И. И. Поповым в названии, не совпадает с датой записи песни «Джангара» от Б. Д. Обушинова в 1901 г., с чем это связано, к сожалению, объяснить не можем.

⁶ И. И. Попов нигде не указывал данные людей, т. е. информантов, которые объясняли непонятные ему те или иные слова.

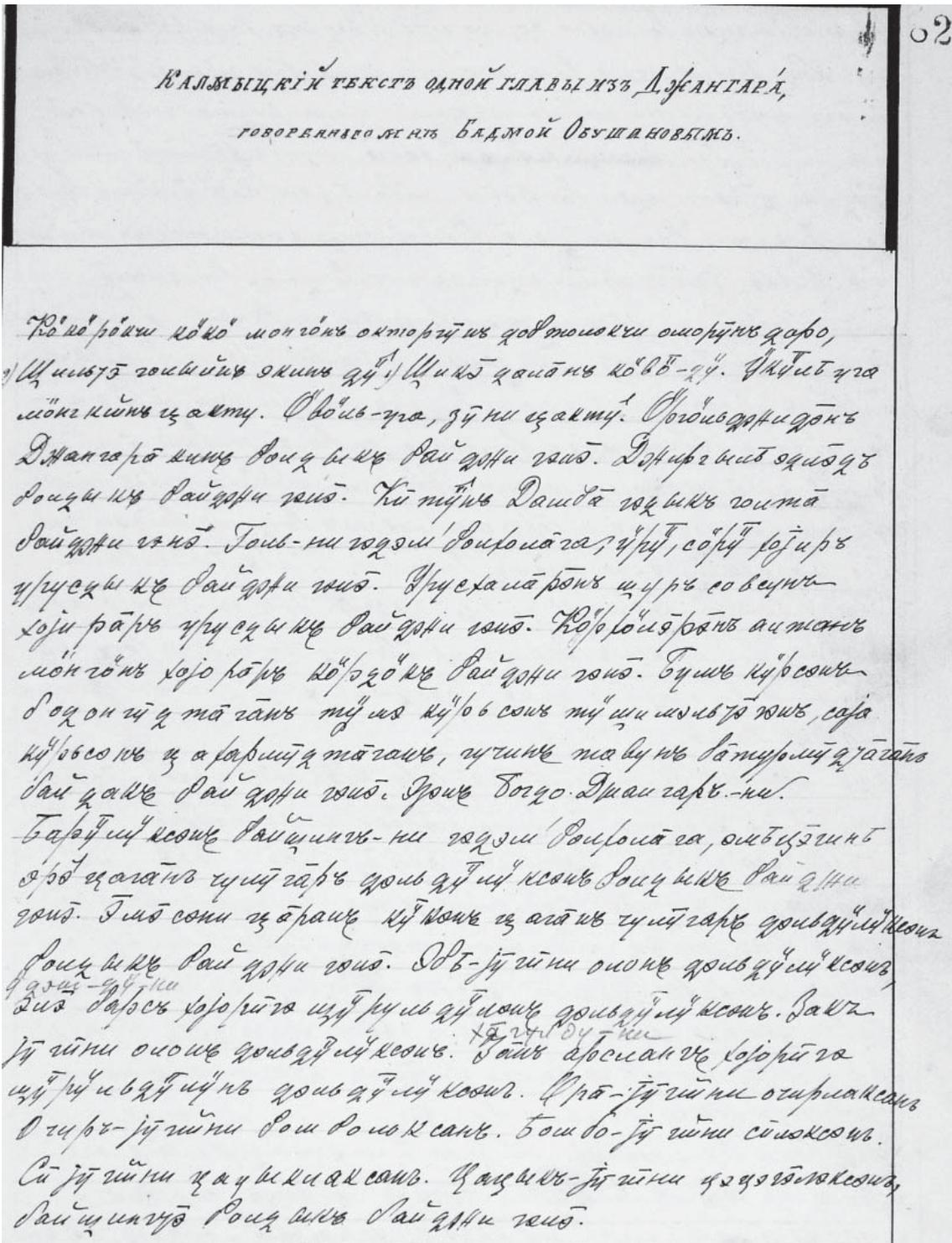
Донской Музей о следах военно-исторической песни в народной устной литературе Донских калмыков» [Государственный архив Ростовской области] даются сведения о военно-исторической песне, записанной также от Б. Д. Обушинова.

В девятой части «Справки-дополнения к объясненным мне калмыками малоизвестным словам в I главе „Джангара“ по имеющимся у меня словарям», даны объяснения 12 слов дополнительно к первому отрывку из «Джангара». Следующую часть архивного документа составляют отрывочные переводы глав из «Джангара», которые даны в третьей части архивного документа. В заключительной части даны «Объяснения, даваемые Кирсаном при чтении II части „Джангара“» (476 слов). На этом рукопись под инв. № 13808 заканчивается. В этом архивном деле собрано все, что касается изысканий И. И. Попова, связанных с калмыцким героическим эпосом.

Благодаря И. И. Попову у фольклористов-джангароведов появилась возможность работать с единственным текстом эпоса, который был зафиксирован от Б. Д. Обушинова. Надо отметить, что в собранном и зафиксированном материале отсутствуют сведения о методе фиксации песни: сколько человек записывали текст, останавливали ли сказителя во время исполнения или записывали под его диктовку, проверялся ли текст с повторным исполнением и т. д.

Из-за отсутствия каких-либо копий, т. е. повторных записей или первоначальных черновых вариантов, невозможно с достаточной степенью уверенности говорить о наличии редактуры в тексте, хотя, скорее всего, она присутствовала. Судя по тексту записи, это не первый вариант фиксации песни, так как если бы И. И. Попов записывал живое исполнение эпоса, были бы многочисленные пропуски, вставки и поправки, которые обычно имеют место при первичной записи. Однако в исследованном оригинальном тексте обнаружены лишь единичные зачеркивания и исправления, что говорит о том, что это уже переписанная копия. Внутри самого текста встречаются также слова, к которым в круглых скобках были даны иные варианты их написания. Данная проблема актуальна не только для конкретно этого эпического текста, но и для всех текстов «Джангара», зафиксированных в XIX в.

Ксилограф первой страницы рукописи И. И. Попова

В двухтомное издание «Джангара» 1978 г. впервые включен текст песни Б. Д. Обушинова на калмыцком языке [Джангар ... 1978]⁷. Составитель этого изда-

⁷ При подготовке данной работы П. Э. Алексеева, главный библиограф КИГИ РАН, была командирована в Государственный архив Ростовской области,

ния А. Ш. Кичиков отмечает: «Глава отличается, с одной стороны, сказочной архаичностью и бытовыми подробностями местного, донского, происхождения, с другой – пред-

откуда ею была привезена фотокопия рукописи И. И. Попова, которая хранится в настоящее время в Научном архиве КИГИ РАН [Научный архив КИГИ РАН].

ставляет интерес как версия донских калмыков, живших изолированно от основной массы калмыцкого населения» [Кичиков 1997: 176]. Разбивка на стихотворные строки и транскрипция сплошного прозаического текста песни, записанного И. И. Поповым, осуществлены Н. Ц. Биткеевым и Э. Б. Оваловым [Джангар ..., 1 1978: 42–43].

Следует отметить, что язык текста песни изобилует диалектизмами, характерными для говора донских калмыков, что существенно для фольклористов: «Издание... в котором одновременно полностью сохранены все особенности диалекта (в такой степени, в какой это графически возможно), есть для фольклориста во всех отношениях полноценное научное издание...» [Пропп 1956: 201–202]⁸.

В ходе подготовки нового издания была выполнена работа текстологического характера сличения оригинала⁹ с изданием 1978 г. Признавая высокую научную ценность проведенной работы при подготовке этого издания с сохранением особенностей произношения, отсутствием крупных изменений и перестановок, тем не менее в работе были обнаружены некоторые неточности.

В результате сопоставления оригинального текста песни «О поединке богатыря Алого Хонгора с Авланги ханом» с текстом песни, опубликованной в 1978 г., был выявлен ряд следующих текстологических неточностей.

1. **Пропуск строк** (17)¹⁰, наиболее частотный. Так, например, в тексте этого же издания между стихотворными строками 29 и 30 пропущены три строки:

*Эмэснь цааран — Дальше (выше) плеч
Күүкн цаһан чолуһар — Девичьим белым
камнем*

⁸ Ср.: «...запись, сохраняющая по возможности все особенности языка и произношения исполнителя. Если такая запись сделана достаточно подготовленным собирателем, она может служить надежным материалом для изучения народного языка, в частности — его говоров» [Пропп 1956: 196].

⁹ Отдельные аспекты текстологии в подобном ключе рассматривались учеными при издании сводных национальных эпических текстов: к текстологии собрания молдавского и румынского фольклора обращался В. М. Гацак [1971], текстологическим изучением репертуара узбекского сказителя Эргаша Джуманбулбул-оглы занимался Х. Г. Короглы [1977], такая же работа проведена С. М. Мусаевым над текстами киргизского эпоса «Манас» [1977], тексты башкирского эпоса «Урал-Батыр» исследовала Ш. Р. Шакурова [1998] и др.

¹⁰ Здесь и далее в скобках указывается количество встречаемых в тексте неточностей.

*Делдүлгсн бээж гинэ. — Заложен был гово-
рят*¹¹.

2. При сличении текстов были обнаружены и **пропуски частей эпических формул** (10). Так, в тексте издания 1978 г. между стихотворными строками 1 084 и 1 085 опущена часть формулы из двух строк:

*Уулан уул уга болтлнь ноолдад, — Пока не
исчезли горы, сражались,
Уул уга һазриг — Земля без гор
Уулта болтлнь ноолдад, — Пока гористой
не стала, сражались,
Уста һазриг — Земля с водой
Усн уга болтлнь ноолдад, — Пока не иссу-
шилась, сражались,
Усн уга һазриг — Безводная местность
Уста болтл ноолдад — Пока водой не на-
полнилась, сражались.*

3. **Пропуск слов** (7). К примеру, в оригинале в строке присутствует слово *гинэ*, которое пропущено в тексте издания 1978 г. в стихотворной строке 579:

*Цаадкнь: «Мини селгэн болву?» — ги-
нэ. — Тот [человек]: «Настала моя оче-
редь?» — говорит.*

4. **Замены слов** (4). В следующем примере из текста издания 1978 г. в стихотворной строке 39 формула была дана с повтором одного и того же слова (строки начинались словом *ора*), хотя в оригинальном тексте вторая строка начинается со слова *очир*:

*Ора-юуһинь очрлгсн, — Вершину его увен-
чали ваджрой,
Очир-юуһинь бомблгсн — Ваджеру его воз-
высили.*

5. **Добавление слов** (3). Например, в тексте издания 1978 г. в стихотворной строке 1 744 добавлено слово *хотан*, которого в оригинале нет:

*Сорад, шимэд (хотан) тежэдг — Всасы-
вая, втягивая (еду), кормился.*

6. **Изменение форм слова** (3). Так, в тексте издания 1978 г. в стихотворной строке 1 478 слово *хамаран* было изменено на *хаараран*:

*Энүг хамаран абч одхом ба? — гижэ — Куда
же его отвезти? — сказал.*

Таким образом, общее количество стихотворных строк после сличения с оригинальным текстом увеличилось до 1 869: была добавлена 21 строка. Все пропуски строк, пропуски частей эпических формул, замены слов, пропуски, добавления, изменения формы слова учитываются и комментируются в готовящемся издании

¹¹ Здесь и далее приводится перевод автора.

Свода калмыцкого фольклора. Песнь «О поединке богатыря Алого Хонгора с Авланги ханом» впервые будет опубликована в соответствии с требованиями Свода калмыцкого фольклора. К тому же впервые оригинал песни будет опубликован вместе с переводом в одном издании. Научно-филологический перевод песни на русский язык осуществлен Э. Б. Оваловым. Прилагающееся к песне научное комментирование подготовлено сотрудниками отдела литературы, фольклора и джангароведения КИГИ РАН.

Литература

- Азбелев С. Н.* Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966. С. 260–302.
- Алексеева П. Э.* О расселении калмыков на Дону // Вестник КИГИ РАН (Юбилейное научное издание). Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 291–313.
- Алексеева П. Э.* Иван Попов — собиратель калмыцкого фольклора // О людях и времени: сб. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 77–79.
- Биткеев Н. Ц.* Поэтическое искусство джангарчи (эпический репертуар Ээлян Овла. Певец и традиция). Элиста, 1982. 96 с.
- Гацак В. М.* Героические песни собрания Александри и проблема их основного текста // Текстологическое изучение эпоса. М.: Наука, 1971. С. 109–147.
- Государственный архив Ростовской области (ГА РО).* Ф. 55. № 13808 [электронный архивный материал].
- Джангар.* Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен). Т. 1–2. М.: Наука, 1978. 442 с.
- Калмыцкий эпос «Джангар»* / под ред. В. А. Закурткина. Ростов-на-Дону, 1940. 272 с.
- Кичиков А. Ш.* Песни и версии «Джангара» // Ученые записки. Вып. 5. Сер.: Филология. Элиста, 1967. С. 55–72.
- Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Вост. лит., 1997. 320 с.
- Короглы Х. Г.* Текстологическая характеристика публикаций эпоса «Гёроглы» и «Гуругли» // Фольклор издание эпоса. М.: Наука, 1977. С. 65–76.
- Манджиева Б. Б.* Старокалмыцкая рукопись «Джангара». Малодербетовский список // Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения: мат-лы Междунар. симпозиума (г. Элиста, 14–18 сентября 1994 г.) Ч. 1. Элиста, 1999. С. 106–107.
- Михайлов Г. И.* Предисловие // Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен). Т. 1. М.: Наука, 1978. С. 5–25.
- Мусаев С. М.* Проблемы научной публикации текстов «Манаса» // Фольклор издание эпоса. М.: Наука, 1977. С. 223–229.
- Научный архив КИГИ РАН.* Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 26.
- Овалов Э. Б.* Эпос «Джангар» и его версии (проблемы типологии) // VI-й Международный конгресс монголоведов (Улаан-Баатар, август 1992 г.). Доклады российской делегации. Вып. 2. М., 1992. С. 88–90.
- Попов И. И.* Донские калмыки // Очерки «Географии Всевеликого Войска Донского». Новочеркасск: Издание отдела народного просвещения Всевеликого Войска Донского, 1918. С. 284–329.
- Пропт В. Я.* Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор. Материалы и исследования: в 33-х тт. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 196–206.
- Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура; In memoiam. СПб.: Петербург. Востоковед., 2003. 464 с.
- Пюреева Н. Б.* (Сангаджиева Н. Б.) Эпический репертуар джангарчи М. Басангова. Элиста, 1976. 76 с.
- Селеева Ц. Б.* К вопросу о тематической составляющей песен синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар» // Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск № 3. 2006. С. 142–143.
- Церенов В. З.* Джангар. Материалы и исследования / вступ. ст., сост. и прим. В. З. Церенова. М.: РАН Общество монголоведов, 2004. 574 с.
- Чистов К. В.* Фольклор. Текст. Традиция: сб. ст. / К. В. Чистов. М.: ОГИ, 2005. 272 с.
- Шакурова Ш. Р.* К текстологии башкирского эпоса «Урал-Батыр» // Фольклор. Комплексная текстология. М.: Наследие, 1998. С. 212–221.

УДК 398.22

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

ДИНАМИЧЕСКИЕ И СТАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В КАЛМЫЦКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ «ДЖАНГАР»

Ц. Б. Селеева

Пространство и время являются основными объективными характеристиками физического бытия человека, но в то же время отражают способ восприятия человеком мира¹. Как известно, спецификой про-

¹ Поскольку эти категории носят дуальный характер, не случайно, что они стали объектом пристального внимания исследователей как гуманитарного, так и естественного профилей. Проблему пространства и времени в фольклоре, литературе, искусстве, куль-

странственно-временного континуума архаической эпической формации считается доминирование «прошлого времени», изна-

туре, этнографии разрабатывали такие ученые, как А. Я. Гуревич [1972], М. Элиаде [2000], В. В. Иванов [2002], Ю. М. Лотман [1968], Е. М. Мелетинский [2004], С. Ю. Неклюдов [1972; 1973; 1975], А. Ш. Кичиков [1997], В. Н. Топоров [2000], Н. Л. Жуковская [1988], Э. Б. Овалов [2008], Э. У. Омакаева [1999; 2010], Э. П. Бакаева [2003] и др.

чально являющегося ее фундаментальным содержанием, ср.: «эпический мир находится на недостижимом ценностно-временном уровне и отделен от современности, то есть от времени певца (автора и его слушателей) абсолютной эпической дистанцией» [Бахтин 2000: 204]. Трансформация архаических эпических форм в классические, как правило, влечет за собой изменение пространственно-временного фона, который утрачивает свои мифические черты и приобретает квазиисторические признаки [Мелетинский 2000: 62].

В центре нашего внимания находятся категориальные понятия времени и пространства, нашедшие отражение в эпосе «Джангар»². За основу исследования берется реляционная концепция категорий пространства и времени, которая заключается в том, что данные понятия трактуются не как самостоятельные сущности, а как системы отношений, которые образуются вследствие взаимодействия материальных объектов. Другими словами, пространство и время вне этой системы не существуют.

Временная последовательность в биографии героя связана с постоянной эволюцией его образа и имеет особое сюжетное значение, так как все эпическое повествование ориентировано непосредственно на героя. Следует отметить, что в архаических эпических произведениях главным героем является мифический персонаж, вокруг которого циклизовались различные сюжеты [Мелетинский 2000: 32]. Существенной особенностью биографического времени является его динамическая насыщенность событиями, героическими поступками и подвигами. Так, возрастная характеристика Джангара начинается описанием его чудесного рождения, совпадающего со священным временем «начал»: *В начале ранних времен, / В пору распространения веры в бурханов [Джангар] родился.* Здесь зачин символизирует собой «раннее время» космогонического акта сотворения мира и переход от Хаоса к Космосу. Космизация хаоса является процессом творения мира, включающим деятельность культурного героя по добыванию благ и борьбу против хтонических существ [Мелетинский 2000: 36].

Детство Джангара характеризуется совершением первых героических подвигов, относимых к обряду инициации: *Когда*

ему было только два года, / Свирепый мангас владения его захватил, / И он сиротой остался. / На третьем году, / Когда был трехлеткой его [конь] аранзал Зерде, / [Впервые] в поход он отправился. / Разрушив врата трех больших крепостей, / Могучего Гульджинг мангас-хана себе подчинил. / На четвертом году, / Разрушив врата четырех больших крепостей, / Могучего Дерденг Шара мангас-хана подчинил своей власти.

Эта четко выраженная последовательность героических поступков в биографии Джангара прослеживается до достижения им возраста шести лет, знаменующего окончание детства героя и наступления возраста расцвета юности: *На седьмом году жизни, / Семь нижних стран покорил. / Славный Джангар имя свое провозгласил.*

В целом биографическое время эпического героя обладает свойством динамического характера и выполняет центральную и организующую роль во временной системе всего эпического сюжета, динамические пространственные элементы которого связаны с функционированием отдельных персонажей [Неклюдов 1975: 185]. Пространственные зоны перемещений героя представляют собой ландшафт эпического мира, который конструируется при помощи разнообразных топонимических реалий (стран, гор, океанов, морей, рек, долин, скал, перевалов и др.).

В эпосе герой, как правило, осваивая неизведанные пространства, направляется в чужой локус, где находятся хтонические существа, представляющие собой опасность. Согласно архаическим представлениям, вселенная в своем начальном состоянии является хаосом, а сами обитатели приравниваются к его могущественным силам. Прокладывание дороги в такое неизведанное пространство является уделом эпического героя.

Временная протяженность пути героя измеряется обычными единицами измерения временного формата (*день пути верхом, месяц пути верхом, год пути верхом*) [Жуковская 2004: 345–346] и представлена рядом соответствующих формул: *не считая дней и ночей, скакал [герой], проскакал путь, равный полным трем месяцам, [конь] готов к преодолению расстояния в сорок девять месяцев, [конь] расстояние в девять месяцев преодолел за девять суток.*

² Материалом для исследования послужили опубликованные тексты эпоса «Джангар» [1978].

Единицей измерения времени пути могут служить и целые сутки (*хонг*), которые соотносятся с замкнутым временным циклом и определяются границами от восхода до восхода солнца [Омакаева 2010: 301]: *[герой] преодолел расстояние трижды по семь суток, семью семь сорок девять суток проскакал [герой], [герой в пути] проспал семью семь сорок девять суток, [герой] океан Ганг Менге преодолел на седьмые сутки, [герой] проскакал расстояние в полных три месяца суток, [герой] четверо суток на коне Бурал Галзана в бессознательном состоянии проехал, дважды по семь суток, преследуя, бежал мальчик [за Цаган нойном]* и др.

Особым пространственным локусом и одним из ключевых элементов в эпической картине мира монгольских народов является гора, маркирующая нахождение героя в приграничном локусе. Как правило, эпический герой встречает на пути гору *Өл Маңхн Цаһан*³ и, взойдя на ее вершину, обозревает незнакомую ему местность по четырем сторонам света. Чаще всего он видит золотой громадный дворец чужеземного хана, к которому затем он направляется.

С представлениями о пространственных перемещениях героя и переходе в иной мир связано превращение героя в плешивца, что, по сути, является обрядом нового рождения в чужеродном локусе и особым инициационным ритуалом [Бакаева 2003: 235]. Так, в одном из сюжетов для вступления в «чужой локус» герой Хонгор своего коня превращает в захудалого жеребенка, а себя — в тарха-паршивца. Появление в собственном обличье на чужой территории было небезопасным. Такие события, как преодоление пространства, превращение и др., выявляют эпические представления о категориях пространства и времени в динамическом аспекте.

Немаловажную роль в эпосе играет и статическое время. Концепция «протяженности времени» в эпосе, где время застыло в своей монолитности и мощи, является смыслом «идеи сакрального царя, приносящего подданным «золотой век» или «царство Солнца» [Аверинцев 2004: 417]. Джангар — сакральный правитель, а страна Бумба — царство Солнца, в котором длит-

ся «золотой век»: *Его страна бессмертна, вечна. / Ее люди всегда в облике двадцати пяти лет пребывают*. Иными словами, в эпосе «Джангар» отражены представления о божественном происхождении ханской власти и установлении «вечного» миропорядка на земле.

Особой внешней статичностью во времени отличается ситуация «эпического пира», где устанавливается, закрепляется и поддерживается героический миропорядок со своей социальной структурой и иерархией. Статичность времени проявляется в длительности пира: эпический сюжет, как правило, начинается и заканчивается пиром, представляющим собой начальный и конечный этапы от одной сюжетной событийной канвы к другой и длящимся неопределенное количество времени, хотя иногда указывается его продолжительность (девять лет). Пир символизирует собой «мирную, статичную эпическую жизнь», а «героические сражения и поединки» — ее временное динамическое нарушение [Мельникова 1987: 168].

Изображение пира в эпосе «Джангар» представляет статичную картину нравственной и иерархической гармонии, которая мыслится как утопический центр мироздания [Кичиков 1997: 295]. С центром мироздания непосредственно связано восприятие эпическим индивидуумом пространства и времени. В его основе лежит четкое убеждение в том, что местонахождение героя — будь то страна, храм или дворец — это истинный центр мира, воспроизводящий собой «вселенную» в ее микрокосмическом масштабе.

Еще одной особенностью архаических обществ является восприятие пространства вертикальной, а не горизонтальной направленности, где символически обеспечивался раздел уровней (по вертикали вселенная трехслойна: верхний, средний и нижний миры) и где сообщение с иным миром оказывалось только возможным благодаря определенным ритуалам [Элиаде 2000: 271]. Ключевой горизонтальной схемой выступает четырехстороннее пространство, представленное четырьмя материками / частями света, упоминающимися в эпосе «Джангар»: *[Джангар] Сорок два ханства / Четырех частей [света] власти своей подчинил*.

Основным ориентиром определения пространства и времени являлось положение

³ Священная гора *Өл Маңхн Цаһан* в эпосе «Джангар» связана с мифологическими представлениями о мировой горе, являющейся универсальным космическим центром.

ние солнца. Так, в эпосе «Джангар» встречаются формульные выражения *нарн нарх үзг* и *нарн суух үзг*, обозначающие восточную и западную стороны света соответственно. Все ритуальные действия также совершались *по ходу солнца*. Так, Джангар перед отправлением в путь объезжает один или три раза свой дворец по ходу солнца, а также при въезде в локус чужого хана исполняет аналогичный ритуал (по ходу солнца сначала объезжает *цахар* чужеземного хана, а затем раскинувшийся на берегу Бумбайского океана *хурул*).

Категории пространства и времени для древнего человека не однородны и не беспрерывны. В традиционных сообществах особым образом отмечались периоды священного времени праздников и ритуалов. Это время было особым образом табуировано, так как на это время наступал период мира и спокойствия и, как правило, прекращались все войны и распри. Например, в эпосе «Джангар» упоминаются праздники *Урс сар* и *Цаһан Сар*. Посол, передавая ультиматум своего хана, сообщает: *Если эти пять вещей не будут выданы, если минует восьмой день месяца Урюс Будущего года, явлюсь с тринадцатью бумами войск. Бумбайский океан твой высушу, отлучу тебя от твоей веры Будды*. По всей вероятности, время древних праздников служило ориентиром в определении границ времени.

Таким образом, кочевой мир породил свои способы измерения пространства и времени — их определение по положению солнца, расстоянию по времени нахождения в пути и др. Особое восприятие пространства обусловлено эгоцентрической позицией наблюдателя, ощущающего себя находящимся в центре мира, а пространство вокруг — концентрически расположенными зонами [Неклюдов 1975: 127]. Бинарная оппозиция «свой-чужой» является наиболее универсальной категорией, представляющей ключевые пространственные концепты эпической картины мира — концепты «своего мира» (страны Бумбы) и противопоставленного ему «чужого мира».

В ходе анализа пространственно-временного континуума был выявлен ряд статических и динамических свойств взаимодействия локусов и героя в «Джангаре», что позволило выявить способ эпического восприятия универсальных категорий времени

и пространства. Квазиисторичность эпоса преломляется сквозь призму сакральных точек пространственно-временного фона, который представлен динамическими и статическими событиями, постоянно сменяющимися друг друга.

Литература

- Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 404–425.
- Бакаева Э. П. Добуддийские верования калмыков // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 3. 752 с. С. 176–218.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Наука, 1972. 167 с.
- Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен): в 2-х тт. / сост. А. Ш. Кичиков; КНИИЯЛИ. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1978. Т. 1. 442 с. Т. 2. 417 с.
- Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 156 с.
- Жуковская Н. Л. Общемонгольские культурные традиции в эпосе «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества: мат-лы Межд. науч. конф. (22–24 августа 1990 г.). Элиста, АПП «Джангар», 2004. С. 344–353.
- Иванов В. В. Тайны забытых предков: страницы истории // Дальний Восток. 2002. № 9–10. С. 9–10.
- Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. Изд. 3-е, репринтное. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 319 с.
- Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1968. 173 с.
- Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. Курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика». М.: РГГУ, 2000. 170 с.
- Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд. испр. М.: Вост. лит., 2004. 462 с.
- Мельникова Е. А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987. 203 с.
- Неклюдов С. Ю. Время и пространство в былинне // Славянский фольклор. М.: Наука, 1972. 216 с.
- Неклюдов С. Ю. Заметки об эпической временной системе // Труды по знаковым системам. VI, Тарту, 1973. С. 151–165.
- Неклюдов С. Ю. Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти В. Я. Проппа (1895–1970). М.: Наука, 1975. С. 182–191.
- Овалов Э. Б. Сюжетно-стилевые традиции в эпосе «Джангар» и его версиях. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2008. 304 с.
- Омакаева Э. У. Время и календарь в традиционной культуре калмыков // Время и календарь в традиционной культуре: тез. докл. Всерос. науч. конф. СПб., 1999. С. 76–78.

Омакаева Э. У. Народные знания // Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н.Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. М.: Наука, 2010. С. 301–304.

Пространство в традиционной культуре монгольских народов / Нанзатов Б. З., Николаева Д. А., Содномпилова М. М., Шагланова О. А.; Ин-т

монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. М.: Вост. лит., 2008. 341 с.

Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х тт. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000. Т. 2. С. 340–342.

Эшаде М. Миф о вечном возвращении / ред. В. П. Калыгин, И. И. Шептунова. М.: Ладомир, 2000. 415 с.

УДК 398.21

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

КАЛМЫЦКАЯ КУМУЛЯТИВНАЯ СКАЗКА: ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ И СОХРАННОСТИ ТЕКСТОВ

Т. Г. Басангова, Б. Б. Манджиева

Кумуляция, под которой понимается циклическое повторение сюжетных узлов, является одним из распространенных приемов создания сказочного сюжета в мировом фольклоре. Обычно кумулятивные сказки относят к детскому фольклору, т. к. для них характерны напряженность сюжета, эмоциональность и занимательная форма исполнения.

Данный вид сказок, выделяемый в международную научную практику в качестве особого вида (нем. *Zahlmdrchen* 'кружащиеся вокруг одного места'), построен на многочисленных повторах эпизодов с включением новых персонажей или на увеличении числа персонажей. Как подчеркивает В. Я. Пропп, им присуще такое же структурное единство, какое свойственно волшебным сказкам [Пропп 1976: 243]. Несомненными его заслугами являются само выделение кумулятивных сказок из корпуса русских сказок и принципиальная дифференциация кумулятивных сказок и сказок о животных. Их выделение из сказок о животных осуществлено на тех же критериях и почти в то же самое время, когда и волшебные сказки. Одним из таких оснований является структура сказок: «Основной композиционный прием кумулятивных сказок состоит в каком-то многократном, все нарастающем повторении одних и тех же действий, пока созданная таким образом цепь не обрывается или же не расплетается в обратном, убывающем порядке» [Пропп 1976: 292]. Впрочем, В. Я. Пропп, здесь, не был первооткрывателем: в «многократном повторении одной и той же сюжетной морфемы» видел специфику такого рода сказок и А. И. Никифоров [1928: 53], по мнению И. И. Толстого [1936].

Уместно напомнить о том, какие формальные признаки сказок выделял сам

А. И. Никифоров:

- 1) двусоставность сюжетной схемы: рамочная и внутренняя части сюжета (повторяющиеся и составляющие *specificum* сказки элементы);
- 2) сущность содержания сказки, заключающаяся в многократном повторении одной и той же сюжетной морфемы;
- 3) элементы повтора, представленные в шаблонизированных конструкциях¹;
- 4) диалог, обязательный для шаблонизированных и повторяющихся частей текста и составляющий его специфическое;
- 5) основное действие как важнейший, кристаллизующий сказку фактор. При этом «большинство сказок группы имеет в качестве композиционного стержня только одно действие, именно — встречи. Конкретное разнообразие сюжетов отдельных сказок группы определяется, так сказать, вторичными действиями, которыми обрастает осевое действие — встречи» [Никифоров 1928: 53–59].

В. Я. Пропп в свою очередь предпринял попытку каталогизировать кумулятивные сказки и выявил одиннадцать их типов (или рядов):

- I. Ряд отсылок или насылок;
- II. Ряд (осуществленных или избегнутых) пожираний;
- III. Ряд мен или обменов;
- IV. Напрашиваются в избу или изгоняются из нее (или не пускают в нее);
- V. Напрашиваются в сани (телегу, лодку);
- VI. Ряд приобретений или наград;

¹ Имеется 4 вида шаблонизации: 1) прозаический диалог; 2) «короткий, отрывистый диалог, который, благодаря речитативному произнесению начинает принимать определенный ритмический склад» [Никифоров 1928: 53]; 3) стих с песенной установкой; 4) смешанный (сочетание диалога прозаического со стихотворным).

VII. Ряд действий в невпопад;
VIII. Ряд отказов в помощи;
IX. Цепляются друг за друга, становятся друг на друга;
X. Убиваются по пустякам;
XI. Спрашивают, перечисляют, многократно рассказывают и пр. (в сказках одного типа/ряда кумуляция создается исключительно диалогами) [Пропп 1976: 249–257].

В калмыцком фольклоре есть небольшие по объему сказки, героями которых являются и люди, и предметы быта, и животные, и птицы. Так, в подготовленном Т. Г. Басанговой сборнике сказок «Сандаловый ларец» можно найти кумулятивные сказки, здесь они не выделены в отдельный раздел, а объединяются со сказками о животных [Басангова 2002: 191–198]. Отмечая их незначительное число и принадлежность к детскому фольклору, Т. Г. Басангова акцентирует внимание на то, что в калмыцком фольклоре сохранились «кумуляции» прозаического, песенного и стихотворного характеров, древняя лексика и упоминание мифических персонажей [Басангова 2002: 35].

В калмыцком фольклоре можно найти кумуляции прозаического характера, это, например, сказка «Богшада» ('Воробей') [Басангова 2002: 191–192], которая впервые была записана Г. Балинтом, сохранилась она также в рукописях Номто Очирова и в репертуарах известных сказителей Санджи Манджикова и Шани Боктаева. Эту калмыцкую сказку Д. А. Носов относит к I разделу пропповской классификации кумулятивных сказок: «данная сказка наиболее соответствует типу 2а этого раздела „Мыши нейдут горох брать“. Из каталога Лёринца мы узнали, что „эта сказка, по всей вероятности, самая распространенная кумулятивная сказка у монголоязычных народов“» [Носов 2010: 86].

Сказка «Человеческое счастье» [Басангова 2002: 192–193] входит в III разряд в классификации кумулятивных сказок «Ряд мен или обменов»: человек получает от хана в награду за правильные ответы на вопросы ягненка, которого он меняет на собаку, собаку — на рукавицы из собачьей шерсти, рукавицы — на пустой котел [Носов 2010: 86].

«Сказку о жадном волке» [Басангова 2002: 197–198] можно отнести ко II разделу «Ряд осуществленных или избегнутых пожираний», хотя более точно ее можно

определить как II.7 «Пение волка» (вариант сюжета 162 из каталога Н. П. Андреева) [Носов 2010: 86]. Она повествует о том, что волк каждую ночь приходит к юрте и воет и ему последовательно отдают на съедение собаку, коз, дочерей и т. д. до тех пор, пока он не съедает всех.

Сказка «Человек-силач» [Басангова 2002: 198] по классификации В. Я. Проппа относится к IX разделу. Это типичная «вопросная» сказка «Кто сильнее?». По мнению Д. А. Носова, приведенный Л. Лёринцом сюжет АТ 2031 «Силач и еще более сильный» и записанная Т. Г. Басанговой сказка — это разные варианты одного и того же произведения [Носов 2010: 86]. Текст строится по принципу вопрос → ответ: овечья селезенка прилипает ко льду, на вопрос старика о том, почему она прилипла, та отвечает, что лед сильнее. Затем лед отвечает, что сильнее его — солнце. Солнце отвечает, что сильнее его — горы. Горы отвечают, что сильнее — человек.

Д. А. Носов считает, что отдельного рассмотрения требует сказка «Старик со старухой и петух» [Басангова 2002: 193–195], в которой кумуляция «Ряд осуществленных и избегнутых пожираний», по всей вероятности, является чуждым структурным элементом, который был уже впоследствии внесен в сказку [Носов 2010: 86]. Сюжет сказки заключается в следующем:

Петух избегает съедения стариком и старухой, пообещав заработать для них денег. Петух по пути проглатывает зайца, лису и волка, а потом попадает в курятник богача, где выпускает лису, а та убивает всех кур. Богач бросает петуха к овцам, где выпущенный волк убивает всех овец. Богач пытается утопить петуха в колоде, но тот выплывает в нем всю воду. Богач пытается зажарить петуха, но тот выпитой водой тушит огонь в очаге. Богач запирает петуха в сундук с драгоценностями, но петух выпускает мышь, и та помогает ему уйти с мешком золота к старику и старухе.

Помимо этого, Д. А. Носов выделяет еще два сказочных текста — «Сказку о трусливом зайце» [Басангова 2002: 187–188] и «Свирепый лев» [Басангова 2002: 183–184], которые содержат кумулятивные элементы как часть композиции. В обоих сказочных произведениях троекратная

нарастающая отсылка персонажей играет не главную, но все же значительную роль [Носов 2010: 86]. Приведем краткий пересказ одного из сюжетов.

Заяц пугается чего-то в луже или колодце и убегает. К нему присоединяются один за другим разные животные, последний из которых лев. Он решает посмотреть, что напугало зайца, прыгает на отражение в колодце и тонет.

В фольклорной традиции калмыков сохранилась кумуляция и стихотворного характера, например в сказке «Сарин сарулла йовж йовад» («Шла я светлой лунной ночью») [Саглар ээжин туульс 2002: 11]. Иногда этот текст относят к иносказательному игровому стихотворению или к иносказательной детской песне, хотя правильнее было бы ее идентифицировать как кумулятивную сказку III разряда «Ряд мен или обменов».

В ходе экспедиции 2008 г.² удалось проследить историю этой сказки, популярной среди детей. Впервые данный текст был записан преподавателем Калмыцкого педагогического училища С. А. Кензеевым от абитуриентки К. Харкибеновой в 1980 г. на вступительном экзамене в это учебное заведение. Сказку абитуриентка выучила от своего деда Харкибенова Хагла (из рода асмуд, арван цядрмуд), уроженца Кетченеровского района, пос. Годжур, знатока калмыцкого фольклора. Эту запись С. А. Кензеев поместил в одном из учебников по калмыцкому языку [Калмыцкий язык 1990]. Затем данный текст из письменного источника попал в устное бытование и до сих пор популярен в детской среде. Здесь интересна цепочка распространения фольклорного произведения по следующей схеме: устное бытование → письменное бытование → устное бытование. Кумулятивный текст был записан Т. Г. Басанговой в 1985 г. от Д. Х. Муниевой, проживающей в пос. Тугтун Кетченеровского района Республики Калмыкия. В 2008 г. во время полевой экспедиции Т. Г. Басангова зафиксировала текст кумулятивной сказки «Сарин сарулла йовж йовад» от К. Харкибеновой, проживающей в пос. Годжур Кетченеровского района Республики Калмыкия.

Материалом для исследования сохранности текста этой сказки послужили три

² В работе фольклорной экспедиции 2008 г. большое внимание уделялось сбору детского фольклора (считалкам, дразнилкам, играм на пальцах) с помощью видеокамеры, фотоаппарата и диктофона.

разновременные записи, которые представлены ниже в зависимости от полноты:

— I вариант: информант К. Харкибенова (запись Т. Г. Басанговой, 2008 г.) [ПМ: 1];

— II вариант: информант Д. Х. Муниева (запись Т. Г. Басанговой, 1985 г.) [ПМ: 2];

— III вариант: информант Е. Лиджиева (запись Б. Б. Манджиевой, 2001 г.) [ПМ: 3].

Для выявления текстовой сохранности сказки «Сарин сарулла йовж йовад» было проведено синоптическое сравнение трех вариантов фольклорного текста. При анализе записей была применена методика полного синоптического сопоставления текстов, предложенная В. М. Гацаком для эпических произведений [Гацак 1989: 65], но несколько модифицированная нами с учетом специфики детского фольклора:

1) тексты даются параллельно, совпадающие формально и по смыслу фрагменты располагались на одном и том же уровне, что помогает сразу же обнаруживать имеющиеся совпадения;

2) все позиции нумеруются;

3) в объединенных ячейках по вертикали создаются пустоты, когда в данном тексте отсутствуют мотивы и фразы, которые есть в другой записи;

4) в варианте, в котором отсутствует тот или иной мотив/фраза, ставится прочерк;

5) при полном совпадении фразы позиции строк располагаются так, чтобы видна была их принадлежность ко всем трем текстам [Гацак 1989: 65].

Синоптическое сопоставление разновременных записей кумулятивной сказки «Сарин сарулла йовж йовад» дало 23 строчные позиции. Таблица полного синоптического анализа наглядно показывает устойчивые стилевые и структурные элементы текста, которые выделены жирным шрифтом (см. табл.).

На основе сопоставления трех разновременных записей иносказательной сказки было определено, что с небольшими вариациями более или менее устойчивыми оказались 12 строчных позиций, с теми или иными вариациями — 5 позиций. Различия наблюдаются в 11–14 строках, что можно объяснить тем, что данный текст допускает некую степень импровизации. Возможной причиной отсутствия во втором варианте 13–17, 21–23 строк является то, что при устной передаче эти строки были, вероятно, утрачены у информанта.

Полное синоптическое сопоставление contemporaneous texts кумулятивной сказки
«Сарин сарулла йовж йовад» («Шла я светлой лунной ночью»)

	I	II	III
№	информант К. Харкибенова (запись Т. Г. Басанговой, 2008 г.)	информант Д. Х. Муниева (запись Т. Г. Басанговой, 1985 г.)	информант Е. Лиджиева (запись Б. Б. Манджиевой, 2001 г.)
1	Сарин сарулла йовж йовад, Шла я светлой лунной ночью,		
2	(I. Би) Сам олж (I. авбв; II. авв; III. авад). (I. Я) Гребешок нашла.		
3	Самиг (II-III. саман) (I. би) I. ээждэн; II. нохад; III. бергндэн) өгэд (I. өгүв), Гребешок (II-III. свой гребешок) (I. я) I. бабушке; II. собаке; III. золовке) отдала,		
4	(I-II. Ээжм; III. бергм) нанд хөөрмг (II. аадмг) хүлдж өглэ (III. өгвэ), (I-II. Бабушка; III. старшая сноха) мне хойрмок (II. адмак) купила,		
5	(I. Ээжин; I, III. хөөрмгэн II. аадмган) нохад өгүв, (I. Хойрмок) (II. адмак), подаренный бабушкой, я собаке отдала,		
6	Ноха (II-III. нанд) кичгэн өгв (II-III. өгэд), Собака (II-III. мне) щенка отдала,		
7	Нохан кичгиг би назрт өгүв, Щенка я подарила собаке,	Кичгинь би хөөнд өглэв, Щенка я отдала овце,	Кичгэн би назр цокад, Щенка я ударила о землю.
8	Назр нанд өвсэн өгв (II-III. өгэд), Земля мне дала траву,		
9	(I. назрин) өвсиг (II-III. өвсинь) би хөөнд өгүв (II-III. өгэд), Траву я отдала овце,		
10	Хөн (I. нанд) хурһан (I, III. өгүв; II. өгэд), Овца мне ягненка отдала,		
11	-	Хурһинь темэнд өглэв, Ягненка отдала верблюду,	Хурһинь онц таалад, Ягненка особо приласкала,
12	Хөөнэ хурһар хөөчиг шивв, Ягненком швырнула в чабана	См. № 20.	—
13	Хөөч нанд маляһан өгв, Чабан отдал мне плетку- маля,	—	Онц нанд маляһан өгэд, Отдал мне плетку маля,
14	—	—	Маляһарн би назр цокад, унтв. Плеткой я ударила о землю и уснула.
15	Хөөчин маляһар тоодг шивв, Плеткой-маля бросила в дрофу,	—	—
16	Тоодг нанд өндгэн өгв, Дрофа отдала мне яйца,	—	—

17	Тоодгин өндгиг моднд өлгүв, <i>Яйца дрофы я повесила на дерево,</i>	—	—
18	Модн нанд бүчрэн өгв, <i>Дерево дало мне свои ветки,</i>		—
19	Модна бүчриг темэнд өгв, <i>Ветки дерева я отдала верблюду,</i>	См. 11.	—
20	Темэн нанд ботхан өгв, <i>Верблюд мне отдал верблюжонка,</i>	—	—
21	Темэнэ ботхиг мордж авад, <i>Я оседлала верблюжонка</i>	—	—
22	Эн булг һарад, <i>И переправилась через родник,</i>	—	—
23	Ирсн эмгн би болжанав! <i>Старушка, которая прибыла к вам, это я!</i>	—	—

Таким образом, в калмыцком фольклоре встречаются кумуляции в основном прозаического и редко стихотворного характера. В результате синоптического разбора трех вариантов текста кумулятивной сказки «Сарин сарулла йовж йовад» было выявлено, что сюжетно-повествовательная основа текстов, которая представлена в виде взаимосвязанной цепочки действий, осуществляемых одним лицом (персонажем) посредством передачи объекта (предмета) следующему субъекту (персонажу), сохранила основную линию повествования, несмотря на функционирование стихов, отличающихся в разных версиях.

Полевой материал

1. «Сарин сарулла йовж йовад» («Шла я светлой лунной ночью») — информант К. Харкибенова, запись Т. Г. Басанговой, 2008 г.
2. «Сарин сарулла йовж йовад» («Шла я светлой лунной ночью») — информант Д. Х. Муниева, запись Т. Г. Басанговой, 1985 г.

3. «Сарин сарулла йовж йовад» («Шла я светлой лунной ночью») — информант Е. Лиджиева, запись Б. Б. Манджиевой, 2001 г.

Литература

- Гацак В. М.* Устная эпическая традиция во времени: историческое исследование поэтики. М.: Наука, 1989. 256 с.
- Калмыцкий язык* [Текст]: Учебник для 5 класса / Б. Б. Бадмаев, С. А. Кензеев, Р. П. Дораева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 168 с.
- Никифоров А. И.* Народная детская сказка драматического жанра. Л., 1928. С. 49–63.
- Носов Д. А.* Монгольская народная кумулятивная сказка // Монголика IX. СПб.: Петербург. Востоковед., 2010. С. 84–89.
- Пропп В. Я.* Кумулятивная сказка // Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. 322 с.
- Саглар* ээжин туульс (Сказки бабушки Саглар) (на калм. яз.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 44 с.
- Толстой И. И.* Обряд и легенда афинских буффоний // Советский фольклор. 1936. № 4–5. С. 251–264.
- Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки* / сост., пер., вступ. ст. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 239 с.

УДК 398.21

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

**НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КАЛМЫЦКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК:
ЛОКАЛЬНЫЕ, КОНТАМИНИРОВАННЫЕ И ОБРАМЛЕННЫЕ СЮЖЕТЫ***Б. Б. Горяева*

Своеобразие сказочной и, шире, фольклорной традиции любого народа прежде всего проявляется в ее сюжетном составе. В сюжетах волшебных сказок «национальная специфика ощущается особенно конденсировано: в отборе излюбленных сюжетов, в образах положительного героя, в личинах сказочных чудовищ, в конкретных сказочных формулах» [Померанцева 1963: 71].

Предметом исследования настоящей статьи выступает сюжетный состав калмыцкой волшебной сказки как показатель специфики художественной традиции калмыцкого народа. Материалом для исследования послужили тексты калмыцких народных сказок, которые издавались на протяжении XIX–XX вв. на «ясном письме» (*тодо бичг*), в транскрипции на латинице и в современной калмыцкой орфографии. Из неопубликованных источников были привлечены записи, хранящиеся в Научном архиве Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (далее — КИГИ РАН), и полевые записи автора. Заметим, что использовались также наиболее достоверные в научном отношении публикации калмыцких сказок в русском переводе.

В основу исследования положены историко-сравнительный и историко-типологический методы, которые выступают как наиболее приемлемые для выявления сюжетов калмыцкой волшебной сказки и их соответствий со сказками других народов. При этом анализ сосредоточен на выявлении своеобразия, рассмотрении специфики контаминации¹ и интерпретации международных сюжетов в калмыцкой сказочной традиции, выявлении локальных сюжетов, аналогии с которыми в фольклоре других народов неизвестны.

В калмыцкой фольклористике накоплен определенный опыт в изучении сюжетного фонда волшебных сказок: так, в соответствии с «Указателем сказочных сюжетов по системе Аарне», составленным Н. П. Андреевым, классифицированы сказочные сюжеты сборников «На-

родное творчество Калмыкии» [1940: 296–305] и «Медноволосая девушка» [1964: 265–270]. Рассмотрев калмыцкие сказки по этой системе, М. Э. Джимгиров сделал в свою очередь вывод о том, что часть калмыцких сказочных сюжетов не имеет аналогов в указанном выше указателе [Джимгиров 1970: 23]. Были идентифицированы по «Указателю сказочных типов» А. Аарне — С. Томпсона, «Указателю сказочных сюжетов по системе Аарне» Н. П. Андреева сказки, вошедшие в сборник «Сандаловый ларец» [Сандаловый ларец 2002: 225–229].

В центре нашей работы находится сюжетный состав калмыцкой волшебной сказки, который сопоставляется с восточнославянской сказочной традицией по «Сравнительному указателю сюжетов. Восточнославянская сказка» (далее — СУС) [Сравнительный указатель 1979] с учетом результатов вышеперечисленных исследований. Особое внимание уделено при этом характеристике локальных сюжетов, не нашедших соответствия в СУС, сюжетным контаминациям и обрамленным сюжетам из фольклорного сборника «Седклин күр» («Задушевный разговор») [1960].

Анализ материала исследования показывает, что в состав калмыцкой волшебной сказки входят сюжеты всех семи разделов волшебной сказки по СУС, основанного на международном указателе сказочных сюжетов А. Аарне — С. Томпсона [Томпсон 1961] (см. результаты анализа в таблице).

При сопоставлении с СУС, представляющим более отдаленную в территориальном и культурном смыслах сказочную традицию, удалось установить, что в калмыцкой сказочной традиции в разной степени представлены все семь сюжетных типов из международного указателя. В результате анализа установлены специфика интерпретации и дифференцирующие элементы сюжетов калмыцкой волшебной сказки, связанные со своеобразием художественной традиции калмыцкого народа.

При рассмотрении контаминированных сюжетов совпали лишь два типа

¹ О специфике контаминации в калмыцкой волшебной сказке см. подробно [Горяева 2006: 68–90; 2009а; 2010].

Сюжеты калмыцкой волшебной сказки и «Сравнительный указатель сюжетов»

Раздел СУСа	Сюжеты	Сюжетные контаминации
Чудесный противник (300–399)	301 А, В Три подземных царства; 313 А, В, С Чудесное бегство; 315 Звериное молоко; 318 Неверная жена; 325 Хитрая наука; 327 С Мальчик и ведьма	301 А Три подземных царства + 519 Слепой и безногий; 313 Н* Бегство от ведьмы + 707 Чудесные дети; – 327 В** 24 брата и 24 невесты + 513 А Шесть чудесных товарищей; 329 Елена Премудрая + 554 Благодарные животные
Чудесный супруг (супруга или иной родственник) (400–459)	400, Муж (жена) ищет исчезнувшую жену (мужа); частичное соответствие (409) Мать-рысь	480 Мачеха и падчерица + 403 Подмененная жена; 511 Чудесная корова + 403 Подмененная жена
Чудесная задача (460–499)	460 А Путешествие к богу за наградой; 460 В Путешествие к солнцу (судьбе); 465 А Красавица-жена («Пойди туда, не знаю куда»)	465 А Красавица-жена («Пойди туда, не знаю куда») + 569 Сумка, шляпа и рожок; 480 Мачеха и падчерица + 403 Подмененная жена
Чудесный помощник (500–559)	508 Благодарный мертвец; 513 А Шесть чудесных товарищей; 518 Обманутые лешие; 530 Сивко-Бурко; 531 Конек-горбунок; – 559* Молчаливая царица	510 А Золушка + 409 Мать-рысь; 511 Чудесная корова + 403 Подмененная жена, 511 Чудесная корова + 480 Мачеха и падчерица + 403 Подмененная жена; 530 Сивко-Бурко + 519 Слепой и безногий; 530 Сивко-Бурко + 530 А Свинка золотая цетинка; 551 Молодильные яблоки + 460 В Путешествие к солнцу; 329 Елена Премудрая + 554 Благодарные животные
Чудесные предметы» (560–649)	560 Волшебное кольцо; 563 Чудесные дары; 569 Сумка, шляпа и рожок; – 571* Магическое слово; 612 Оживленная неверная жена	567 Чудесная птица + 518 Обманутые лешие
Чудесная сила или знание (умение) (650–699)	650 В Герой ищет противников сильнее себя; 653 Семь Симеонов; 655 Умные братья; 670 Язык животных; 675 «По щучьему велению»	655 Умные братья + 653 Семь Симеонов; 655 Умные братья + – 559* Молчаливая царица
Прочие чудесные сказки (мотивы) (700–749)	700 Мальчик с пальчик (Горошек, Воловье ушко); 706 Безручка; 707 Чудесные дети; 715 А* Чудесный петушок и царь	

сюжетных контаминаций калмыцкой и восточнославянской волшебных сказок: 511 Чудесная корова + 403 Подмененная жена; 530 Сивко-Бурко + 530 А Свинка золотая цетинка.

Можно заключить, что наиболее частые и традиционные соединения сказочных типов в одном сюжете являются таким же важным показателем специфики сказочного репертуара калмыцкого народа, как и на-

личие или отсутствие в нем тех или иных сюжетов.

Произведения с оригинальными сюжетами составляют особую разновидность сюжетов калмыцких волшебных сказок, не нашедших соответствий в СУС. Их появление обусловлено особенностями истории и духовной культуры калмыков, связанными со своеобразным мировосприятием и мироощущением калмыков. Так, в сказочной традиции калмыков распространен локальный сюжет, не нашедший отражения в СУС. Приведем его краткое содержание:

Хан женится на девушке, родившейся от дикого животного. Поверив козням других своих жен, он приказывает убить молодую супругу. Слуги не выполняют приказа, и девушка после долгих скитаний возвращается к хану. Обман раскрывается, виновные наказываются, а девушка вновь становится женой хана.

В сборнике «Волшебный мертвец» героиней подобного сюжета в сказке «Царица Энгетю-Наран» является дочь лани и отшельника. «Девушка — дочь лани и отшельника; легенды о связи, часто невольной и случайной, отшельников, царей или каких-нибудь других лиц с лесными зверями очень распространен в древнеиндийской литературе», — пишет Б. Я. Владимирцов [Владимирцов 1958: 101].

Отшельник дарит девушке, новой жене хана, четки, наказывая никогда не снимать их. Одна из жен царя подслала девушку-танцовщицу, которая подменила священные четки и, убив царских слона, коня и сына, вымазала их кровью рот новой ханши. Попугай царя рассказывает ему притчу «О пастухе и вороне». Этой притчей попугай предотвратил расправу над царицей. Во второй раз птица рассказала историю «О старухе и мышке»: Женищина, увидев испачканную кровью мышку, подумала, что она загрызла ее ребенка, и убила мышку. Войдя в дом, она убедилась, что ребенок ее спит, а рядом лежит ядовитая змея, убитая мышкой. Рассказав эту историю, попугай сохранил жизнь царице. В третий раз царь не стал слушать попугая и передал жену в руки палачей, которые не смогли убить девушку. Царь и министр узнают правду из исповеди девушки-танцовщицы перед царицей, ставшей йогиней, и наказывают танцовщицу и подлую царицу. Царь оставляет престол и становится монахом [Волшебный мертвец 1958: 97–107].

Сказка «Хан Наран-Арслан» из репертуара А. З. Кутуктаевой сходна по своему сюжету с приведенной выше сказкой [Медноволосая девушка 1964: 90–101]. В архиве КИГИ РАН имеется фотокопия рукописного текста сказки «Нарн хаана тууль» («Сказка о Наран хане») на ясном письме, схожей с вышеуказанными сюжетами [Архив КИГИ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 82].

В ходе анализа материала исследования не было обнаружено ни одного сюжета в СУС, соответствующего «Сказке про мальчика-сиротку и жадного сына хана», записанной И. И. Поповым от Кюгюльтэ Цединова в Донском калмыцком районе (ныне Ростовская область): *Мальчик-сиротка с помощью волшебной жилки проучил жадного сына хана, в руках которого жилка не выполняла желаний.*

Рассмотрим еще один локальный сюжет, имеющий широкое распространение в калмыцкой сказочной традиции и не нашедший соответствия в СУС:

Шулмуска, обманом заняв место ханши, пытается известить детей хана. Слуга хана, пожалев их, отпускает и вместо печени и почек детей приносит мнимой больной шулмуске собачьи печень и почки. Сын и дочь хана спасаются бегством, живут у родственников матери. Повзрослев, сын убивает шулмуску и спасает от смерти отца [Седклин күр 1960: 53–58].

Перевод данной сказки опубликован в сборнике «Медноволосая девушка» [Медноволосая девушка 1964: 160–167]. В четвертом томе «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки») имеется сказка «Жижларам шулм куукн» («Девушка-шулма Джиджларам»), сюжет которой сходен с вышеприведенным [Хальмг туульс 1974: 66–71].

Сказка «Жирклүлдгсн хурдн зеердтэ Жирһлтэ хатр хан» по сравнению с этим сюжетом несколько расширена за счет следующих эпизодов: по совету шулмуски, сестра отправляет брата за табуном из подводного царства; сестру убивают две шулмуски, воткнув в нее цыганскую иглу; ханский сын оживляет ее и берет в жены [Хальмг туульс 1974: 31–40]. Интересно, что в сборнике, составленном Г. Рамстедтом, сказка на этот сюжет приобретает легендарный характер.

Пятьсот шулмусов отдают свои силы одному для того, чтобы известить богиню, благодаря которой ханство пребывало в благоденствии. Шулмус принимает облик

красивой девушки и, став женой хана, пытается известить его детей. Сын Аю Чиктэ, повзрослев, возвращается на родину, убивает шулмуса, который питался человеческим мясом и пил кровь хана [Kalmukische Sprachproben 1919: 211–237].

Помимо локальных сюжетов, не имеющих аналогий в СУС, в калмыцкой сказочной традиции имеются так называемые обрамленные сюжеты, объединенные единой рамочной композицией и также отражающие локальную специфику калмыцких народных сказок.

Термин «обрамленная повесть» введен в научный оборот П. А. Гринцером для обозначения повествовательных произведений (прежде всего индийских), обладающих определенной композиционной структурой: «рамкой» и так или иначе «вставленными» в нее (иногда и друг в друга) сюжетами [Гринцер 1963: 3–5]. В своей работе «Древнеиндийская проза (Обрамленная повесть)» П. А. Гринцер рассматривает в основном четыре индийских литературных сборника: «Панчатантру», «Двадцать пять рассказов Веталы», «Жизнь Викрамы, или Тридцать две истории царского трона» и «Семьдесят рассказов попугая».

В монгольской литературной традиции в том или ином виде были представлены все четыре сборника. Известный востоковед Б. Я. Владимирцов в предисловии к переводу сборника сказок «Волшебный мертвец» отмечал, что среди монгольских народов, в том числе среди калмыков, особенно распространена и любима книжка, известная под названием «Сидди Кюр» («Волшебный мертвец»). Она представляет собой сборник сказок, имеющих близкую родственную связь с «Двадцатью пятью рассказами Веталы» [Владимирцов 1958: 10]. «Ветала, — поясняет академик Б. Я. Владимирцов, — род злых духов, вселяющихся в тела мертвых; также мертвец, в которого вселился ветала; по-тибетски ветала передается словом ро-ланг (ро-лангс), по-монгольски — кюр (кегюр)» [Владимирцов 1958: 8].

«Siditü kegür» («Волшебный мертвец») был первым монгольским обрамленным произведением, о котором узнала европейская наука. Еще в 1804 г. Б. Бергманн опубликовал немецкий перевод 13 сказок из калмыцкой версии этой книги [Bergmann 1805: 247–351]. В дальнейшем не-

однократно издавались оригиналы и переводы различных версий сборника.

Отмечая схожесть индийских «обрамленных повестей» с родственными им образцами монгольской словесности, Ц. Дамдинсурэн и С. Д. Серебряный пишут: «Нечто противоположное произошло с другим индийским „обрамленным сборником“ — „Двадцатью пятью рассказами Веталы“, который у монгольских народов превратился также в „обрамленный сборник“, известный под названием „Волшебный мертвец“. Если „Панчатантра“ дошла до монголов без обрамления, лишь в виде отдельных сюжетов, то от „Двадцати пяти рассказов Веталы“, монголы взяли, напротив, лишь общую структуру обрамления, пересмыслив ее и наполнив другими сюжетами» [Дамдинсурэн, Серебряный 1981: 137].

Единственным «фольклорным сборником, сохранившим обрамление», вслед за Л. Леринцем, считается калмыцкая версия «Седклин кюр» («Задумчивый разговор») [Löginč 1967: 238; Надбитова 2008; 2011; Горяева 2009]. «Калмыцкий сборник стоит к прочим тибето-монгольским версиям «Волшебного мертвеца» примерно в том же отношении, как они сами к своим индийским прообразам: рамка (или ее общая структура) сохранена, но в нее вставлены совершенно новые элементы», — отмечают Ц. Дамдинсурэн и С. Д. Серебряный [Дамдинсурэн, Серебряный 1981: 139].

В 1960 г. ученый-калмыковед Б. Букшаев подготовил и выпустил сборник калмыцких народных сказок, дав ему название «Седклин кюр» («Задумчивый разговор») [Седклин кюр 1960]. Сказки, вошедшие в это издание, были записаны от 60-летнего сказителя Муутла Буринова, жителя Городовиковского района Калмыцкой АССР. Сборник составляют одиннадцать сказочных сюжетов в рамочной композиции, часть из них в переводе на русский язык была позже опубликована в сборнике «Медноволосая девушка».

По свидетельству М. Э. Джимгирова, у калмыцкого писателя Хасыра Сян-Белгина имелась неопубликованная рукопись сказок, рассказанных в обрамлении: «Писатель записывал у сказителей Черноземельского района, что на востоке Калмыкии. Запись во многом отличается от опубликованного варианта „Седклин кюр“ „калейдоскопическим смешением форм, черт и мотивов“. Вступление фольклорного сборника со-

впадает с вступлением «Волшебного мертвеца», однако вместо семи волшебников здесь выведены целых двенадцать. Этот вариант стоит ближе к ранее опубликованным вариантам из цикла „Сидди кюр“, так как две сказки из одиннадцати, как мы отметили, аналогичны сказкам „Сидди кюр“, но они оформлены точно так же, как и типичные оригинальные народные сказки со всеми их особенностями», — отмечает М. Э. Джимгиров, характеризуя цикл сказок, записанный Х. Сян-Белгиным [Джимгиров 1970: 93].

Указывается исследователем и другая сказка «Семеро великих магов», опубликованная Лером, по своему содержанию очень близкая к вступительным рассказам Веталы и «Siditü kegür». В ней вместо Волшебного мертвеца фигурирует живой «святой» по имени Сиддикор, который «так же, как и Ветала, остается при людях и приносит им долголетие. Люди становятся добродетельными, дела их процветают...» [Джимгиров 1970: 88].

На основании вышеуказанного М. Э. Джимгиров делает предположение, что «еще в то далекое время существовало, очевидно, два варианта рассказов Веталы (волшебного мертвеца) и живого святого. Ведь не случайно совпадение, когда почти через столетие записываем сказки «Седклин кюр» и тоже находим «живого святого» Арша Ики Ламу?... В письменной литературе, связанной в основном с буддийской религией, существовал, по-видимому, вариант «волшебного трупа» (Веталы), а в сказках, которые рассказывались и распространялись устным путем, фигурировал «живой святой» [Джимгиров 1970: 88].

Рассказы из литературного сборника «Siditü kegür» широко известны в калмыцком фольклоре, главным образом в виде отдельных, самостоятельных сюжетов без рамочного обрамления: «Знахарь со свиной головой», «Царевич и его друг министр», «Беломордый бычок», «Ловкий гордец и царь», «Сын брахмана, ставший царем», «Царица Энгэтию-Наран», «Лев и бык», «Ананда-плотник и Ананда-живописец», «Царь с ослиными ушами», «Царевичи Наран-Герел и Саран-Герел».

Анализ фольклорного сборника «Седклин кюр» показал, что здесь «обрамляющий» сюжет — это переосмысленное, согласно эстетике народных сказок, «обрамление» литературного сборника мон-

гольских народов «Волшебный мертвец». При этом инокультурные мотивы, образы и реалии переосмыслены или замещены на мотивы, образы и реалии, традиционные для калмыцкой культуры. Вставными сюжетами сборника «Седклин кюр» выступают типично народные калмыцкие сказки (волшебные, богатырские, бытовые) с присущими калмыцкому фольклору персонажами (*мусы, шулмусы, мангасы* и т. д.) и поэтико-стилевой структурой (например, традиционные формулы).

Сказки сборника «Седклин кюр» («Задушевный разговор») имеют следующее обрамление.

У бедных стариков было три сына. Старшие обучались у муса, но как только они овладевали чарами волшебства, то тут же расплачивались жизнью. Младшему удается незаметно познать тайны волшебства и обратиться в прекрасного коня. Отца он предупреждает, чтобы не продавал коня мусу и не отдавал уздечку. Мус через третье лицо покупает коня и держит его в темном месте. В отсутствие отца дети муса из любопытства открыли запретное место и, увидев прекрасного коня, повели его на водопой. Конь вырывается и, превратившись в рыбежку-малька, прыгает в реку. Мус, обратившись в щуку, бросается в погоню, в ходе которой беглец и преследователь постоянно меняют свой облик, превращаясь в разных животных и птиц (утка — ястреб, заяц — сокол соответственно). С помощью буддийского ламы младший брат добывает себе свободу. В устном варианте, как и в книжном, юноша превращается в главный шарик четок. Мус в образе курицы с семью цыплятами начинает склеивать зерна четок, рассыпавшихся и ставших пшеном. В этот момент юноша обретает человеческий облик и убивает курицу и цыплят.

Дабы искупить грех за убийство живых существ лама отправляет юношу за Арша Ики ламой, который рассказывает удивительные сказки и заканчивает их так искусно, что герой, нарушив запрет молчания, восклицает: «Энлм эн!» («То-то и оно!»). После чего «святой» исчезает, и герой снова возвращается за Арша Ики ламой [Седклин кюр: 7–10].

В устной традиции сохранена структура обрамления, но заменены лишь персонажи. Вместо семи волшебников, выступаю-

щих в «Sidity kegür», в обрамляющем сюжете сборника «Седклин күр» появляется мус — персонаж калмыцкой сказочной традиции. Именно к нему ходят учиться волшебству трое сыновей бедняков, тогда как в книжной версии искусство волшебства постигают два царевича. Герою не приходится испытывать те ужасы, которые описаны в «Волшебном мертвце», и отправляется он не за Волшебным мертвецом, а за живым Арша Ики Ламой, но и ему также необходимо доставить «живого святого», не произнеся ни одного слова.

Таким образом, можно заключить, что сюжеты калмыцких волшебных сказок, не нашедшие соответствий в СУС, и являются локальными сюжетами. Существование таких специфических сюжетов в сказочной традиции калмыков, прежде всего, обусловлено особенностями фольклора, связанного со своеобразным мировосприятием монгольских народов. Взаимодействие разных сюжетных типов в рамках одной сюжетной структуры придает калмыцким волшебным сказкам неповторимое своеобразие, так как создаются художественно целостные и законченные национальные произведения.

В процессе адаптации национальным фольклором литературных повествований переосмысливаются или замещаются не свойственные этнической культуре мотивы, образы и реалии. Анализ фольклорного сборника «Седклин күр» показал, что «рамка» устного сборника — это переосмысление обрамления литературного сборника монгольских народов «Sidity kegür» («Волшебный мертвец»), вставные или «обрамленные» сюжеты фольклорного сборника — это типично калмыцкие сказочные сюжеты с присущими калмыцкому фольклору персонажами (мусы, шулмусы, мангасы и т. д.) и художественно-изобразительными средствами.

Литература и источники

Архив КИГИ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 82.

Владимирцов Б. Я. Предисловие // Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки. Изд. 2-ое. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 7–11.

Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки / пер., пред. Б. Я. Владимирцова. Изд. 2-ое. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 159 с.

Горяева Б. Б. Сюжетный состав и художественно-стилевая структура калмыцкой волшебной сказки: дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2006. 150 с.

Горяева Б. Б. Контаминированные сюжеты калмыцкой волшебной сказки // Вестник КИГИ РАН. 2009а. № 2. С. 100–104.

Горяева Б. Б. Сборник «Седклин күр» в калмыцкой сказочной традиции // Единая Калмыкия в Единой России: через века в будущее. Мат-лы Междунар. науч. конф., мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В 2-х частях. Ч. 2. Элиста, 2009б. С. 544–547.

Горяева Б. Б. Контаминированные сюжеты калмыцкой волшебной сказки: сравнительно-сопоставительный анализ // Актуальные проблемы бурятской филологии и культуры: мат-лы Регион. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию кафедры бурят. филологии ИГУ (Иркутск, 23 апр. 2010 г.). Иркутск: Изд-во Иркут. Гос. ун-та, 2010. С. 191–196.

Гринцер П. А. Древнеиндийская проза (Обрамленная повесть). М.: Наука, 1963. 268 с.

Дамдинсүрэн Ц., Серебряный С. Д. «Обрамленные повести» в Индии и у монгольских народов // Литературные связи Монголии. М.: Наука, 1981. С. 130–150.

Джимгиров М. Э. О калмыцких народных сказках. Элиста, 1970. 103 с.

Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки. М.: Наука, 1964. 271 с.

Надбитова И. С. Цикл калмыцких сказок «Седклин күр» («Задуманный разговор») // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: мат-лы Междунар. науч. конф. (Элиста, 9–14 мая 2007 г.). В 3-х частях. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 66–76.

Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилиевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: ЗАО «НПП „Джангар“», 2011. 260 с.

Народное творчество Калмыкии. Сталинград; Элиста, 1940. 315 с.

Померанцева Э. В. Русская народная сказка. М., 1963. 128 с. Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / пер., сост., вступ. ст. Т. Г. Басанговой. Элиста, 2002. 239 с.

Седклин күр. Элст, 1960. 86 х.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский. Л.: Наука, 1979. 438 с.

Хальмг туульс. IV боть. Элст, 1974. 272 х.

Bergmann B. Nomadische Streifereien unter Kalmücken. Band II. Riga, 1805. S. 247–351.

Kalmückische Sprachproben gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster teil. Kalmückische märchen II. Helsinki: Societe Finno-Ougrienne, 1919. 237 s.

Lörincz L. Les «Contes du Cadavre Ensorcelé» dans la literature et le folklore mongols // Acta Orientalia. Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1967. Tomus XX. Fasciculus 2. P. 203–238.

Thompson S. The types of the folktale: a Classification and Bibliography, Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FF Communications, N 3) / Transl., enl. By S. Thompson // FF Communications. Helsinki, 1961. N 184. 542 p.

УДК 398.21

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

СЮЖЕТНЫЙ ФОНД КАЛМЫЦКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК*И. С. Надбитова*

Оригинальность сказочной традиции народа проявляется в ее сюжетном составе, которая в калмыцкой фольклористике исследована в различных аспектах. Так, например, в монографии М. Э. Джимгирова изучены вопросы происхождения, жанрового состава, идейно-тематического содержания калмыцких народных сказок [Джимгиров 1970]. В сюжетном составе проанализированы лишь отдельные сюжетные типы, явления контаминации, традиционные формулы, антропонимия, а также изобразительные средства, используемые в сказках (см., например, труды Т. Г. Борджановой [1983; 2002], Б. Б. Горяевой [2009; 2011], Э. У. Омакаевой [2004], С. С. Бадмаевой [2004] и И. С. Надбитовой [2011]).

В настоящей работе дается общий обзор волшебных сюжетов сказочной традиции калмыков в соответствии с международной классификацией Аарне-Томпсона [Tompson 1961], а также Сравнительным указателем сюжетов [1979]. Основным источником послужили тексты, опубликованные в различных сборниках калмыцких сказок [Хальмг туульс 1961; 1968; 1972; 1974], а также архивные материалы КИГИ РАН и полевые записи автора. Для сравнения были привлечены тексты из сказочной традиции монголоязычных и восточнославянских народов. Сюжетные типы даны в последовательности перечисления международного указателя сказочных типов, однако рамки работы вынуждают ограничить изучение всех имеющихся сюжетов калмыцких волшебных сказок.

Анализируемые калмыцкие волшебные сказки включают сюжетные типы всех семи разделов указателя АТ: 300–399 «Чудесный противник», 400–459 «Чудесный супруг и другие родственники», 460–499 «Чудесная задача», 500–559 «Чудесный помощник», 560–649 «Чудесный предмет», 650–699 «Чудесная сила или знание», 700–749 «Прочие чудесные моменты».

АТ 300–399 «Чудесный противник». В калмыцких текстах сюжетный тип АТ 301 представлен следующим образом: герой в пути встречает необыкновенных людей (искусников), затем все они живут вместе, по очереди готовят еду и ходят на охоту.

Приходит карлик, все съедает, избивает спутников героя. В тот день, когда настает очередь готовить главному персонажу, карлик терпит поражение и убегает. Герой спускается в потусторонний мир, спутники оставляют его в подземелье, но он выбирается оттуда. Например, в сказке «Эркэ Билдр залу» («Мужчина Эркя Билдр») герой побеждает шулмуса, спускается под землю, где его оставляют. Он спасает птенцов птицы Хан Гаруди, которая в благодарность переносит его в мир людей [Хальмг туульс 1974: 18–27].

В соответствии с сюжетом АТ 302 «Место внешней души противника» герой узнает от девушки (или других помощников), где находится душа врага, и уничтожает чудовище. В калмыцких сказках внешняя душа чудовища спрятана в трех птенцах, находящихся в золотом ларце, который в свою очередь помещен в утробу животного (лошади или кабана) [Хальмг туульс 1972: 120–145].

Сказочные тексты калмыков на сюжет АТ 313 I «Бегство с помощью бросания чудесных предметов» представлены несколькими вариантами, каждый из которых состоит из двух условных частей: в первой части родители отправляют дочерей в лес или степь, чтобы избавиться от них; далее дети ищут родителей, встречаются с антагонистом, убегают от него с помощью чудесных предметов. Вторая часть сказки контаминирована с сюжетом АТ 707 «Чудесные дети», где появляется еще один персонаж — хан (или ханский сын), который подслушивает разговор трех сестер, впоследствии женится на младшей, обещающей родить семерых детей с золотой грудью и с золотыми косами. В отсутствии хана завистливые сестры заменяют его письма, в результате чего мать с сыном зашивают в одну бычью шкуру, а остальных шестерых детей в другую и затем всех бросают в океан. Например, сказка «Һурвн күүктэ эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха, у которых было три дочери») [Хальмг туульс 1968: 33–41].

Таким образом, особенностью сюжета АТ 313 I в калмыцких сказках является его контаминация с другим сюжетом

(АТ 707 «Чудесные дети»), что не характерно для восточнославянской традиции.

Надо отметить, что один из текстов на сюжет АТ 313 «Чудесное бегство (с превращениями)» был обнаружен в НА КИГИ РАН под названием «Иван царевич гидг көвүнэ тууль» («Сказка об Иване-царевиче»). Сказка начинается с сюжета АА 222*В «Мышь и воробей». Мышь и воробей ссорятся, не сумев поделить между собой выращенное зерно, в результате чего начинается война птиц и зверей, в которой ранят орла Хана Гаруди. Герой выхаживает его, в благодарность за это родители птицы дарят юноше золотое кольцо, белое яйцо и дверной замок. Царь-птица запрещает в пути пить воду из нового колодца, но герой нарушает запрет, вследствие чего теряет золотое кольцо. Для того чтобы вернуть утерянное кольцо, юноша дает обещание черту отдать то, «чего он дома не знает»¹. Мотив «отдай то, чего дома не знаешь» В. Я. Пропп называет «запродажей» и связывает его с обрядом посвящения, когда еще при рождении ребенок запродался в так называемый «мужской союз», играющий важную роль в жизни племени. При этом отец вносил определенную плату, и с наступлением зрелости мальчика отдавали в союз, где он проходил инициацию [Пропп 1986: 86].

В калмыцком фольклоре известны сказки на сюжет АТ 325 «Хитрая наука», согласно которому родители отдают сына (или сыновей) ламе или бакши (монаху) на обучение волшебству. Чтобы вернуть сына, родители должны узнать его среди заколдованных людей и животных. Они справляются с задачей благодаря подсказке сына, но учитель все равно не отпускает юношу. Они убегают, превращаясь в живые и неживые предметы, в итоге сын возвращается домой. Специфической чертой этого сюжета является обрамляющая композиция.

Еще один вариант этого сюжета представлен текстом «Седкүр бурхни тууж» («История бурхана Седкюр»), записанным

¹ Эта сказка позднее претерпела изменения, на что указывает эпизод, в котором черт предлагает поставить печать на бумаге. Через много лет ее обнаруживает сын Ивана-царевича и решает идти черту. С помощью его младшей дочери выполняет трудные задачи, бежит вместе с ней. От слуг противника они спасаются, превращаясь в семидесятилетнего старика с тысячной отарой овец, старую землянку и беззубую тысячулетнюю старуху, двух плавающих уток. Тогда сам черт пускается в погоню и возвращает дочь. Заканчивается текст сказки мотивом «забытая невеста» [НА КИГИ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 147].

от Санджи Бутаева и состоящим из четырех сюжетных линий. Первая часть является обрамляющей (АТ 325), а вторая относится к сюжетному типу «Спрятавшийся за алтарем отвечает от имени бога», схожим с текстом «Девушка Алтан-Зула» из сборника «Волшебный мертвец». Третий сюжет представлен АТ 653 «Семь Симеонов». После рассказа этих двух сказок герой, не удержавшись, произносит восклицания, и бурхан Седкюр исчезает. В четвертом сюжете повествуется о женщине, убившей хорька, так как она увидела его в крови и заподозрила в смерти малолетнего сына. Узнав, что хорек спас мальчика от ядовитой змеи, женщина раскаивается в содеянном [Буутан Санжин туульс 2008: 21–39]².

АТ 400–459 «Чудесный супруг и другие родственники». В сказках «Моһа көвүн» («Юноша-змея») [Хальмг туульс 1961: 204–206] и «Меклә дүрстэ көвүтэ эмгн өвгн хойр» («Старик и старуха с сыном в лягушачьем облики») [Хальмг туульс 1974: 11–15] на сюжет АТ 400 «Жена ищет исчезнувшего мужа (муж ищет жену)» супруга нарушает запрет (отдает сестрам прежнее одеяние / шкуру, т. е. оболочку мужа, которую они сжигают), в результате чего муж исчезает. Она отправляется на поиски супруга, находит его.

Исходная ситуация в этой сказке заключается в появлении чудесного героя в доме бездетных престарелых родителей. Через некоторое время змей (лягушка) отправляет старика к хану, чтобы засватать его дочь. Перед ним ставятся трудные задачи, например за одну ночь построить мост, разбить сад.

Героиня (падчерица или сиротка) в калмыцких сказках (АТ 403А «Подменная невеста или жена», АТ 511 «Чудесная королева») обладает необычным даром перевоплощения, с помощью которого выходит замуж за ханского сына и получает статус ханши. «Повышение социального статуса с помощью сказочной женитьбы связано не только с возмужанием героя — оно является для героя, „не подающего надежд“, способом преодоления его социальной обездоленности» [Мелетинский 1998: 329].

Заметим, что в некоторых вариантах сказок о падчерице отсутствуют эпизоды

² В русских сказках на сюжет АТ 325 родители отдают мальчика колдуну, старику, купцу, мудрецу или лешему. Герой учится оборотничеству или узнает язык птиц и зверей [Народные русские сказки, II 1957: № 252].

превращения героини (АТ 403 В). Одна из таких сказок хранится в фондах НА КИГИ РАН, записанная в 1984 г. в Яшалтинском районе Республики Калмыкия. Женившись на падчерице, ханский сын обнаруживает под пологом совсем другую девушку, возвращается в хотон, привозит настоящую невесту, через год у них рождается сын. Мачеха хитростью выводит девушку к озеру, сталкивает ее в воду и заменяет падчерицу своей дочерью. После того, как торговцы рассказывают том, что в озере находится красивая женщина, зовущая своего ребенка, ханский сын привозит мальчика к этому месту. Мать выходит из воды и кормит его грудью, муж узнает жену, виновных наказывают [НА КИГИ РАН: Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 88].

АТ 460–499 «Чудесная задача». В СУС 460 В «Путешествие к судьбе (счастью, солнцу)» герой ищет солнце/счастье и т. д., но в нашем материале исследования он отправляется к *заячи* ('хранителю'). По традиционным представлениям калмыков, у каждого человека есть *заячи* — покровитель судьбы (от *заян* 'судьба'). У бурят также существуют поверья, в которых «заяа, заяша первоначально воспринималась как особая сила, которая способствует рождению, а впоследствии поддерживает жизнь. Условно эту силу можно назвать „душа-судьба“» [Галданова 1987: 47]. Калмыцкие варианты текстов на этот сюжет имеют свою специфику, заключающуюся в большом количестве буддийских элементов. Как, например, в сказке «Ах дү һурвна бичкнь» («Младший из трех братьев») [Хальмг туульс 1968: 69–71].

Сюжет о чудесной жене-лебедь (АТ 465 А «Красавица-жена») имеет широкое распространение в мировом фольклоре. К примеру, сказка «Өнчн көвүн Бөк» («Юноша-сирота Бек»), содержащая рассказ о сироте, крадущем одежду у одной из трех купающихся дев, которая затем становится его женой. Ханский сын завидует ему, ставит перед ним трудные задачи (принести молоко тигрицы, принести вещь, у которой нет ни места, ни вида и др.). В этом ему помогает чудесная супруга. В конце этого варианта сказки хан приказывает казнить своего сына, узнав в иносказательном рассказе героя виновных [Алтн зүн темн 1995: 19–22].

АТ 500–559 «Чудесный помощник». Как и в сказках славянских народов, в калмыцких текстах на сюжет АТ 508 «Благодарный мертвец» герой выкупает у людей

мертвеца, не вернувшего при жизни деньги, и хоронит. Чтобы отблагодарить юношу, покойник отпрашивается у Владыки подземного мира, спасает героя от смерти, помогает жениться на ханской дочери. Благодаря помощнику-мертвецу герой выдерживает испытания хана и возвращается домой [Хальмг туульс 1961: 121–127].

В сюжете АТ 513 А «Чудесные искусники» герой встречает людей, обладающих необыкновенными способностями (Слухач, Передвигающий горы, Набирающий в рот много воды), а также человека, который с камнями на ногах ловит сайгаков [Алтн зүн темн 1995: 90–94]. В фольклоре восточнославянских народов такой персонаж не обнаружен.

В калмыцком фольклоре известны сказки на сюжет АТ 519 «Слепой и безногий», где младшему брату удается добыть чудесные вещи и жениться на девушке необыкновенной красоты, а старшие братья (или спутники) из зависти подстраивают западню, лишают его ног. В степи герою встречаются «товарищи по несчастью» — слепой и безрукий, покалеченные также старшими братьями. Они живут все вместе, и через некоторое время к ним приходит девушка и остается жить с ними. Когда в очаге гаснет огонь, девушка выходит из дома на его поиски. Она приходит к медноклювой старухе, которая дает ей огонь и потом по следам находит ее дом. Каждый день в отсутствии братьев медноклювая старуха пьет у нее кровь. Юноши, заметив перемены во внешности девушки, решают по очереди оставаться дома для того, чтобы понять, что с ней происходит. Поймать и наказать старуху удается лишь главному герою. Он заставляет ее вернуть всем прежний вид (Сказка «Три брата» [Сборник калмыцких сказок 1899])³.

В сюжете АТ 530 «Волшебный конь», СУС 530 «Сивко-Бурко» умерший отец дарит младшему сыну три волоска из конской гривы, превращающихся в волшебных коней. В фольклоре разных народов всегда «поминальный обряд исполняет младший сын, он же получает от благодарного покойника чудесное наследство. Только обычай минората, связанный с культом предков может объяснить это» [Мелетинский 1958: 140]. Вариант сюжета АТ 530 можно найти

³ Сказки европейских народов на этот сюжет сначала повествуют о слуге, который помогает царевичу жениться, укрощает жену, за что она приказывает отрубить слуге ноги.

в сказке «Нусха Му» («Сопливый дурачок») [Хальмг туульс 1961: 43–50].

Среди калмыцких сказок имеются тексты на АТ 551 «Лекарство для отца», где сыновья должны «увидеть те земли, которые [отец] не видел», в других вариантах еще и «поесть то, что [отец] не ел», «надеть ту одежду, которую [отец] не носил». После выполнения этих задач к нему возвращается зрение (Сказка «Көгшн Буурл Шатрч хан» («Старый Седой Шатрч хан»))⁴.

АТ 560–649 «Чудесный предмет». В калмыцких текстах сюжет АТ 567 «Чудесная птица» контаминирован с АТ 518 «Обманутые люди». Чудесными птицами в калмыцких сказках являются воробей, курица, петух, утка. В зачине сказки «Йистр» говорится о двух братьях, нашедших серого воробья, производящего золото. Хан приходит в их дом, спрашивает у родителей, почему те перестали брать *бозо* («остатки после перегонки молочной водки») из ханской кухни. Старик и старуха рассказывают о чудесном воробье, после чего правитель решает съесть его. Мальчики вынимают из котла птицу, один съедает голову, другой – правое крыло. Хан приказывает убить детей, которые спасаются бегством. Согласно другому сюжету АТ 518 «Обманутые люди», в пути мальчики встречают троих, которые спорят, кому достанутся волшебные предметы (меч, шапка-невидимка и золотой ковер). Дети предлагают им добежать до перевала, кто первый вернется, тому и достанутся диковинки. Люди начинают соревноваться, а мальчики улетают на волшебном ковре. В конце повествования старший брат становится ханом, а младший — сыном у бездетных родителей [Ramsted 1909–1919: 29–31].

Героем текстов на сюжет АТ 571 «Волшебные слова» во всех вариантах является сиротка («Мальчик Бош со стрелой Тош»). Для того чтобы жениться на дочери хана, он охотится на птиц и приносит их во дворец. По приказу хана его жестоко избивают и бросают в безлюдной степи. К нему приходит Белый Старец (иногда — во сне), который

подсказывает волшебные слова (*прилепись-отлепись*). С помощью этих слов сиротка наказывает хана, женится на его дочери и получает богатство [Хальмг туульс 1974: 54–57].

АТ 650–699 «Чудесная сила или знание». В фольклоре калмыков распространены сказки на сюжет АТ 670 «Язык животных». Один из вариантов сказки был записан в 2006 г. в п. Кетченеры. В этой сказке главного героя — костоправа — змей приносит в пещеру к другой змее, в пасти которой застряла верблюжья кость. Герой помогает змее и в благодарность за это получает способность понимать язык животных. При этом существует запрет, заключающийся в том, что при открытии тайны он перестанет обладать этим даром. Дома герой слышит разговор двух мышей, пьющих молочный напиток, и смеется. Жена начинает расспрашивать мужа, почему он смеется. Герой не рассказывает о причине смеха, а идет в табун, выбирает старую кобылу, чтобы зарезать ее. По очереди с вопросами к старой кобыле подходят сначала *урэ* («трехлетняя лошадь»), затем *дааһн* («двухгодовалый жеребенок») и *унһн* («жеребенок до года»). В опубликованных вариантах этой сказки сообщалось только об одном жеребенке, который советует избить жену [ПМА: исп. Д. Б. Нандышев, 1957 г. р.]⁵.

АТ 700–749 «Прочие чудесные моменты». В фольклоре калмыков можно обнаружить сюжеты АТ 706 «Безручка», АТ 707 «Чудесные дети». По своему происхождению мотив о чудесном зачатии и чудесном появлении детей относится к древней мифологии народов, где нашли отражения верования в рождение человека от тотема-перво-

⁴ В сказках народов Дагестана слепой отец просит сыновей пойти в то место, где он ни разу не был, и привезти золотые листья [Сказки народов Дагестана 1965: 84]. В абхазских сказках на этот сюжет «младший достигает мест, где не бывал его отец, и привозит красавицу. Однако оказывается, что его отцу нужно было не лекарство, а именно эта девушка, и он готов погубить сына, чтобы завладеть ею» [Алиева 1986: 29].

⁵ В бурятской сказке «Мать и сын» юноша шадит змею, та превращается в красивую девушку. Отец девушки дарит герою способность понимать язык животных, однако об этом никому нельзя говорить. По дороге домой юноша слышит разговор двух ворон, узнает о золоте, спрятанном под ивой. Он забирает его, становится богатым. Дома слышит разговор двух мышей. Отличие калмыцкой сказки от восточнославянской традиции состоит в том, что мышь не погибает в сметане, они обе убегают. Второй отличительный признак: герой смеется, когда видит двух дерущихся жеребцов. Жена спрашивает о причине смеха, муж обещает рассказать обо всем дома. Вернувшись домой, парень идет кормить домашних животных, от собаки узнает, что он умрет, если раскроет секрет жене. Слышит слова петуха: «у меня двадцать жен, и я ни одной не раскрываю своего секрета. А хозяин наш имеет всего одну жену и той хочет раскрыть секрет» [Бурятские волшебные сказки 1993: 253]. После этого юноша ничего не рассказывает жене.

предка. Дети с золотой грудью и серебряной задней частью рождаются у обыкновенных родителей или у невинногонимой Безручки.

В сказочном репертуаре калмыков особое место занимают сюжеты, основные мотивы которых восходят к древнемонгольским и древнеиндийским памятникам. Они стали известны калмыкам в период распространения буддизма. Калмыцкие сказочные тексты из цикла «Седклин күр» («Душевный разговор») были записаны от сказочника Мутула Буринова, жителя Городовиковского района, сотрудниками Калмыцкого НИИЯЛИ Б. Букшаевым и Л. Сангаевым и опубликованы в 1960 г. Цикл состоит из 12 сказок волшебного, богатырского и бытового содержания, сказки о животных в калмыцком сборнике отсутствуют, в отличие от «Волшебного мертвеца», где, напротив, нет богатырских сказок, и имеет форму обрамленной композиции [Седклин күр 1960].

В исследуемом материале имеются тексты и с оригинальными сюжетами, не имеющими соответствий в известных каталогах, хотя их отдельные мотивы встречаются в фольклоре других народов. Главными персонажами таких сказок выступают обездоленные сироты, которым помогают чудесные помощники и волшебные предметы, например, сказка «Мальчик-сирота и жадный богач» [Калмыцкие сказки 1962: 21–23].

Итак, исследование сюжетного фонда калмыцких волшебных сказок позволяет сделать некоторые выводы. В исторически сложившемся фонде калмыцких волшебных сказок имеются версии международных сюжетов, а также тексты, основой которых являются сюжеты и мотивы древнемонгольских сборников, и сказки с оригинальными, собственно калмыцкими, сюжетами.

Источники / Полевой материал

- Алти зун темн. Туульс* / Лижин Э. бичж авсн туульс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1995. 120 х.
- Бурятские волшебные сказки* / сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Новосибирск: Наука, 1993. 341 с.
- Буутан Санжэцин туульс* (Сказки Санджи Бутаева) / отв. ред. Н. Г. Очирова, В. Я. Поваева. Элиста: КИГИ РАН. 2008. 308 с.
- Калмыцкие сказки*. Сост. и предисловие Б. Джимбинова. М.: Изд. худож. лит. 1962. 184 с.
- Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (*НА КИГИ РАН*). Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 146.
- НА КИГИ РАН*. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 147.
- НА КИГИ РАН*. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 88.
- Народные русские сказки А. Н. Афанасьева*: в 3-х тт. / подгот. и прим. В. Я. Проппа. М., 1957.

ЛМА: исп. Д. Б. Нандышев, 1957 г. р., уроженец п. Зеед Ворошиловского района Сталинградской области (ныне п. Северный Светлоярского района Волгоградской области).

Ramstedt G. J. Kalmückische Sprachobten. Kalmückische Märchen. 1–2 Teil. Helsingfors, 1909–1919.

Седклин күр. Ясад, барт белдснь Букшан Б. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1960. 87 х.

Сказки народов Дагестана / сост. и автор примеч. Х. Халилов. М.: Глав. ред. вост. лит. 1965. 319 с.

Хальмг туульс. I боть. Барт белдснь Саңжин Б., Саңһан Л. Элст, Хальмг дегтр һарһач, 1961. 220 х.

Хальмг туульс. II боть. Манжин Санжас бичж авснь Бембән Ш. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1968. 264 х.

Хальмг туульс. III боть. Нээрүлж кевледд белдждиглснь: Н. Н. Мусова, Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1972. 250 х.

Литература

- Алиева А. И.* Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 279 с.
- Борджанова Т. Г.* Сказочная традиция калмыков // Сандаловый ларец: калмыцкие народные сказки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 3–38.
- Борджанова Т. Г.* Антропонимия калмыцких народных сказок // Ономастика Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 96–100.
- Галданова Г. Д.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 115 с.
- Горяева Б. Б.* Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: ЗАО «НПП „Джангар“», 2011. 128 с.
- Горяева Б. Б.* Контаминированные сюжеты калмыцкой волшебной сказки // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста. 2009. № 2. С. 99–103.
- Джимширов М. Э.* О калмыцких народных сказках. Элиста, 1970. 103 с.
- Мелетинский Е. М.* Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.: Вост. лит., 1958. 264 с.
- Мелетинский Е. М.* Женидьба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре) // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания / отв. ред. Е. С. Новик. М., 1998. С. 305–317.
- Надбитова И. С.* К возможности применения классификации Б. П. Кербелите (на материале калмыцких волшебных сказок) // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. Ч. 2. С. 106–110.
- Омакаева Э. У., Бадмаева С. С.* Сказка как текст: структура и семантика (на материале сказок монгольских народов) // Молодежь в науке: сб. науч. тр. молод. учен. Вып. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 75–85.
- Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Изд. 2-ое. Л., Изд-во ЛГУ, 1986. 366 с.
- Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка* / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука. 1979. 438 с.
- Tompson S.* The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography, Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen / Translated and Enlarged by Stith Thompson // FFC. Helsinki, 1961. № 184. 542 p.

ББК 82.3 (2Рос=Калм)
УДК 343

**ШИНЖЭНЭ ӨӨРДНРИН ДОМГ, ДОМГ-ҮЛГҮРИН
БОЛН СИДТЭ ТУУЛЬСИН ТУСК ШИНЖЛЛТ
(О мифах, легендах и волшебных сказках ойратов Синьцзяна)**

Осорин Утнасун

Өөрд улс эрт цагас авн хадһлгдсн эврэ өвэрц заң-заңшалта, шажна сүзгтэ келн-эмтн бээсмн. Ут цагин эргцд иим авьяс, шинж, йөрэл, магтал, дуд, үлгүрмүд, келнэ ээдрэ һарһдг үгмүд, харал, йиртмжин һурвнтс, домгуд, домг-үлгүрмүд, баатрин тууль, амн үгин тууж болн нань чигн ардын амн урн үгин үүдэврмүдт тодрха шингрсн мөн. «Эрт цагин моңһлын олн овг ээмгин дунд сидтэ үлгүр, домг, йослын дуулл, йөрэл, магтал болн һээхмр сээхн баатрин туульс бээдг. Эн мет ардын амн урн үүдэвр йир олн зокъягдн тарж, ниит олнд делгрж бээснь дамжг уга. Тиим учрас моңһл туурһтн улсиг дууч, шүлгч гисн ирү сээхн цол олһсн хоосн юмн биш», — гиж эрдмтнрин келсн орта үг гиж үзж болна [Моңһл урн зокъялын түүк 1984: 10].

Өөрд улсин заңшал шингэсн амн үүдэврмүд, өөрд нутгт нутглсн олна бээдл жирһл, санан-седкл, авьяс-бэрц болн йиртмжин туск тээлвриг үзүлсмн. Цагин жисэ дахад, тернь аав, көвүн, ач, жич гийһэд үй залһн амн үгэр келгдж, делгрж ирсн ут удан туужта.

Урн зокъялын онлын халхас хэлэхлэ, урн санан, келнэ билг хойр амн урн үүдэврмүдт зергдэн бээдг учрта. Цагин селгэ дамжад, урн санан болхла, амн үүдэврмүдт байн сээхн аһулһ, келнэ чимг немсэр бээж эндрк өдр мана һарт ирэд, эдлж чилшго сойлын байн зөөр болж үлдсмн. Тер учрар амн урн үүдэврмүд төрл-зүүлэрн олн, аһулһарн байн, урн седкмжэрн өргн, заң-үүлин залһлда хадһлсн үүдэвр гисн үнллтэ.

Эрт цагин күн йиртмжин бээдл болн олна йосиг шинжлх ухана арһар медх кемжэнд күрэд уга, йиртмжин олн нуувчиг таньж медх боломж уга бээсн болжана. Тегэд амн үгин сидэр йиртмжиг тээлх гисн санан домгин үүслт болсмн. Ик эрт цагин урн үгин үүдэврмүдт үгин сидт иткх, йиртмжин олн үзгдлд эм орулж дүрслдгсн болхла, өдгэ цагт иим домг болн домг-үлгүр үүдэгдго болв.

Нарт делкэн олн һазрт номтнр домгин үүслтэс авн утх-санан, төрл-зүүлин туск олн зүүлин шинжллт кеж, тус-тустан тодрха ашлвр кесмн. Шинжллтсин тоһинь

хэлэхлэ, ут тоодан тавн зу күрч йовна. Тиим олн зүүлин шинжллтс дундас — нертэ моңһл номт С. Дулм бичсн дегтриг зааж болжана [Дулам 1999: 3].

Домг йиртмжиг шүтх йосн, заң-заңшал, түүк, эрт цагин урлын шинж илрүлнэ. Тер учрар домг болхла, урн зокъялын шинжлэч, урлгин шинжлэч, сойл шинжлэч, гүн ухантн, түүк болн олн ниит шинжлэчнрт йир соньн жигтэ седв болж ирсмн. Моңһлын сойл шинжлдг номтнр дундас хамгин түрүн болж домгин туск шинжллт кеснь Дорж Банзаров. Эн номтын бичсн дегтртэ эклц болһж домгин шинжллт делгрлт авснь амн урн зокъялын тускар бичсн дегтрмүдин халхет темдгтэ.

Китд орн-нутгт бээсн өөрднрин амн зокъялын дотрк домг, сидтэ тууль болн амн үгин туужиг шинжлх көдлмш бас өрнлт авсмн гиж келж болна. Сойлын зөөрэн иим кевэр делгрүлх өргн чинртэ төр олна оньг авсн шин седв болсн бээдг. 1950-ч жилмүдт билгтэ, амн үгин шүлглэн болн домг үлгүриг меддг көгшдэс Шинжэнэ сойлын көдлэчнр келүлж бичж авсмн. Түүгэн цуглуул диглэд, бичгт буулһад барлсмн.

1978-ч жил сойлын зөөрэн хадһлж харсхиг эркм чинртэ төр гиж үзэд, түүг шунмһаһар олн эмтнэс цуглуулх, барлх, шинжлх керг-үүлулм негалхм хурц өрнлтэ йовдл болсмн. өөрд улсин билгтэ эмтнэс темдглж авад, барт һарһсн амн үлгүр багтасн дегтрмүдин то барг 80 шаху күрч. Тер олн дегтрмүдин дунд домг-үлгүр, сидтэ тууль болн амн үгин тууж баһ биш бээснь эн 80 шаху дегтрмүд темдглсн домг, домг-үлгүр герчлнэ. Амн зокъялын туск, шинжллтсэр кесн олн статьяс барлгдж, амн урн үүдэвр цуглуулхд, барлхд, шинжлхд харһжасн хурц төриг хаһлхд дөң болсмн.

Я. Цүлтэм номт иигж бичнэ: «Сойл болхла, күн-төрлктн үүдэж бүтэсн эдл биш кев-янзта онц ке э сээхн келнэ шинжэр бүрлдсн ниилмл цогц мөн. Тернь делгрнүг утхарн күн төрлктнэ бүкл олна ниит, бүкл эмдрл болн күн болһнд холвгдна» [Цүлтэм 2004: 1].

Олн эмтнэ бүкл сойлын тууж дунд өөрднрин сойл болхла, заң-заңшал, нутг-усна, һазрин өвэрц болн кел-айлһарн, өврм-жэрн йилһрн бүрлдсн онц чинртэ сойл мөн.

«Балр эртнэ овг төрлин олна ниитд монһл туурһтна үүлдврллин күчнэ кир-кемжэн йир дор бээсмн. Эрдм-медрл бас дутмг бээсн учрас, йиртмжин үзгдлг лав-та шинжлх болн тээлврлх арһ уга бээсмн. Тегэд эргндк йиртмжин үзгдл болн амдрлин бээдлг ухаһарн одж тээлврлдг бээж. Тедн йиртмжиг йосн бийэснь һаза күүнэ бийд сүмсн оршж бээдглэ эдл бас нег зүүлин нуувч күчнд закргдна гиж үздг бээж» [Көк-Буйн 1988: 356].

Домг харлһна тускар Шинжэнэ номт Т. Намжл бас иигж келсмн: «Өөрд улсин заң-йосн, үүл-керг, сойлын кев-янзнь, теднэ жирһлин орн мөрин кемжүрлэ залһлдг. Өөрд улс түүгэн мөрдн дахх кев журм болһж йовсн болхар, тер оln зүүлин заң-үүлин харл-үүсл бүрлдж тогтж. Юмн бүкн юу-нас яһж үүсн делгрсн гидгиг амн зокъялын үүдэх арһар тээлврлхиг зөрсн оln-оln домг-үлгүр зокъясн бээнэ» [Намжл 2004: 206].

Үүнэ тускар «Һалв яһж тогтсмнб?», «Теңгр һазр яһж бө болсмб?», «Нарн, сар яһж киртх болсмб?», «Ээж Баба кү кеснь», «Мөрн яһад нисэд чадх уга болсмб?», «Күн нүцкн, ноха үстэ болснь» мет домгудас эн тээлврлх шинжиг медж болна.

Домг үүдэгдснэ дарань домгин сүүр деер домг-үлгүр үүдэгдж. Сидтэ тууль болхла, йовһн үлгүрин дотрк нег төрл-зүүлд ордг бээнэ. Тиим болвчн сидтэ туульд домгин шинж шингэсн эдлцвр тал оln бээдг.

Домг, домг-үлгүр, сидтэ туулин аһулһ болн кев-янзнь хоорндан эдл биш болна. Домг-үлгүр болн сидтэ тууль хоюрн бүр домгин шинж хадһлж бээхмн. Тер төлэд зэрмдэн эн һурвиг нег-негнэснь йилһж медхд күчр болдг учр харһна. Болв нэрнэр шинжлхлэ, эдн тус-тустан нертэ. өмн-өмнэн өвэрц шинжтэ, зүүл-зүүлин кев-янзта болхиг бас йилһж онлар батлж болна.

Мини хэлэцэр, монһлын «домг» гисн нер-томья китд келнд «shen hua», орс келнд «миф» гиж нерэдгднэ. «Домг үлгүриг» болхла, китдэр «chuan shuo», орсар «легенда» болжана. Сидтэ туулиг болхла, китдин келэр «mo fa gu shi», орсар – «волшебная сказка». Амн үгин туужиг китдин келэр «li shi chuan shuo», орсар – «предание».

Иим үүдэврмүдин бүтэц, үүл-йовдл, утх-санаг шинжлхлэ, овг төрлин цагин күүнэ бээдл, ухан-седкл үзүлднэ.

Домг күн-төрлктнэ хамг түрүн нилх цагин үүдэвр болх учрта гиж номтнр то-олдг болхла, домг-үлгүр, домгин хөөн үүссн амн зокъялын нег кев-янз гиж келх кергтэ.

Одахин бээдлэс үзхлэ, оln эмтнэ дунд домг келгддг болвчн урдк цагла дүнцүлхлэ, йир цөн. Домг меддг, келдг күн цаг ирвэс ховрдад йовна. Шинэс домг үүдэгдхэн уурв. Үүдэхэд үлдэсн кезэңк домгуд өдгэ цагт тооһарн цөн болвчн, оln эмтнэ дунд бээхинь домг, домг-үлгүр, амн үгин туужс герч болж чадна. Түүг «Ээж Бава күн кеснь» домгас үзж болхмн.

Ик эрт цагт йиртмжэд усн һалв болад, һазр делкэд амтэ юмн үлдэж уга. Эн цагт Бүтэгч Бурхн ээжэн үүрэд, Сүмбр уулын аһуд ам хорһлна. Кесг цаг давад, һазр делкэ өрмтнэ. Шавр бальчг ээвртэд ирнэ. Эн цагт Ээж Бава үүдхлэрн доран девсж суужасн арһлын арсна хойр бушхар хойр кү уйна. Түүндэн шавр чикэж бээтл, Бүтэгч Бурхн түүг тэрндн ам орулна. Тегэд негнь көвүн, негнь күүкн болж хүврэд, уулас бууһад ээл амтн болсн гинэ. Түүнэс эклэд күн-төрлктн үүссн гинэ, — гиж домгт келгднэ.

Күн яһж үүдснэ тускар тааж цээлһсн иим чинртэ домгуд ода уга. Күүнэ бий-ин үүслтиг үнн шинжллтэр батта цээлһвр кесн үнн герч бэрмтэр тээлнэ. Домг-үлгүрт нурһлж оln улсиг үнмшүлн бишрүлх болн иткүлн дахулх зөрлһтэ бээсн болхла, өдгэ цагин үүдэвр итклго бээхин арһ уга үнн бэрмтэр герч болһсн батлврта.

Амн үгин тууж болхла, нурһлж ямр негн туужин цагт үүдснэ керг, ямр негн һазр-усна онц зүүлэс иш-үндс авдг. Тегэд түүгэн урн санаһарн урлн зокъяһад ахр тууль үүдэнэ. Һол утхарн урднь болсн түүкин үнн күн, үнн үүл-йовдл, туужд нер һарсн, оlnд тодрха таньгдсн ул-син туск төр бичгднэ. Үлгүрлхд, «Шу-нан тууль», «Сетржавин тууль», «Дөрвн өөрд эвдрлцснь», «Йовһн мергнэ тууль», «Һалдмбан тууль» болхла, цугтан иим амн үгин тууждан багтна.

Өдгэ цагт өөрд улс оln һазрт бүүрлжэнэ. Цаг төрин хүврлт болн һазр орна зааг һарсн болвчн, амн үүдэвр оlnа дунд эмлн делгрж бээсиг домг болн домг-үлгүр герчлжэнэ. Энүнэ тускар келхлэ, хамгин түрүнд «ар-дын амн зокъялын» дотрк домгин шинжлт ик чинртэ кедлмшин негнь болна гиж Шинжэнэ номтнр тоолснь теднэ номин шинжллтин кедлмш үзүлжэнэ. Юңгад гихлэ, эрт цагин амн урн үүдэврин негн

төрл болсн домгт эрт цагин күүнэ үзлт, таньлтар ирж орчлң-йиртмж, күн-эмтн, өвсн-урһмл олдн ниит болн сойлын олд үзгдл тээлврлгднэ. Келндэн билгтэ олна урн сананас харсн иим домгуд юмн бүкнд сид урһулсн, йиртмж-делкэд эм орулсн, юмн бүкнэ үүслтиг тээлврлсн сонһн жигтэ төртэ болдгарн ондан төрлин амн үлгүрәс кев-янзарн, чинрәрн йилһрсинь заах кергтэ. Үлгүрлхд, «Нарн, сар яһж киртх болсmb?» гидг домг [Мөңкэ 1988: 60].

Эрдмтэ лам үкдго, мөңкинд бээдг арша бүтәнэ. Лам арша бүтэжәсн цаглань, Араңху гидг юмн ирэд аршаг хулхалад ууж оркад зулна. Лам Араңхуг көөж йовад, нарнла харһдг болна. Араңхуг хамаран зулсиг нарнас сурна. Нарн өргәрн заңһж ламд зааж өгнэ.

Лам сарла харһад сурна. Сар «тенд йовна», — гинэд харарн заңһна. Лам Араңхуг көөж күүэд, очрарн хондрцгар¹ цокад хойр әңглкнэ. Араңхуһин кеңкрдг салад зулна.

Хондрцг болн кеңкрдг тасрсн цагт цацрсн аршан һазр деерк арцн², зеергн, харһа деер тусна. Тегэд арцн, зеергн, харһа мет урһмлмуд дөрвн цагт көкәрн бээдгнь иим учрта, — гинэ.

Хамаран зулсиг зааж өгсн нарн сар хойрас Араңху өшә көөһэд, өргәрн заңһсн нариг һурвн жилд нег дәкж иднэ. Харарн заасн сариг жилд нег дәкж идх болсми гинэ. Араңху белкүсәрн хойр әңг болсн учр деерәс нарн, сариг амарн идэд орквчн, удл уга хондрцгар һарад ирдг болсми, — гиж тәәлнэ.

Энд келгджәсн «нарн өргәрн заңһсн», «сар харарн заңһсн» йовдл йиртмжин үзгдлд эм орулсн домгин шинж гиж үзж болна. Арцн, зеергн, харһа мөңк дөрвн цагт көкәрн бәэх учрнь цәәлһсн домгин ухан. Күн үкдг уга арша бүтәлһнь домгт сид урһалһн.

Нарн, сар киртх учр-шилтәг эрт цагин күн Араңху гидг әәмшгтә юмн нарн, сариг идснәр тоолна. Тегэд нарн сар хойр Араңхуһин кеңкрдгәр орад хондрцгар харна гиснь тәәлвр кесн йовдл гиж үзж болна. Үүнлә әдл «Удан лам йиртмжиг үүдәснь» домг шинжлий [Мөңкэ 1988: 61].

Эн домгиг Шинжәнә Байнһолын Хошуд районд бээдг жирн хойр наста Геедн гидг күн келсн бәәж.

Миңһн нас зүүсн Удан гидг нертә ламин керг-үүл домгт үзүлгднэ. Теңгр болн

һазр хойриг Удан лам салһна. Йисн давхр теңгр, йисн давхр һазр, йисн уул, йисн һол үүдәнә. Тегэд йиртмж-делкә тогтна. Удан лам һанцарн болад, теңгрин хураар, һазрин көрсәр Идм гидг нертә эр кү үүдәнә. Даранднь теңгрин хураар, һазрин көрсәр бас нег Дидм нертә күүкд кү бүтәнә. Идм Дидм хойриг гер-мал болһна. Тер хойр күүнәс дөрвн күн, дөрвнәсн нәәмн... болж өснә. Үзхнь, домгин урн санаһар «хур», «көрснд» сид урһаһад Идм Дидм хойр кү бүтәж, эм орулж тәәлврлсн керг. Эн мет сонһн жигтә домгиг эрт цагин күүнә ухаһар үүдәсн йиртмж болн өүүнә дүрс бээдл домгт тусхагдсми гиж таньж болхми.

Эрт цагин йиртмжин үзгдл, үүслт болн күүнә дүрс бээдлийг домгт тусхадг болхла, делкә-йиртмж үүдснә дарак төлжсн цаг-үйин күүнә ухан-санан, олдн ниитин домг үлгүрт үзүлгднэ. Үлгүрнь, «Хар саната күн болн цаһан саната күн» домг-үлгүр [Дамринжав 1996: 430].

Эн домг-үлгүрт хар саната күн цаһан саната күүг меклнә. Хар саната эврән идхтә, уухта йовна. Цаһан саната күн хар саната күүнд бәәсән өгәд, меклгдәд, сүүлднь нам эврәннь нүд күртл өгәд, сохр үлднә. Эн хоорнд чон арат хойрин күүндвр сонсад, гемтә бәәсн хаана күүкиг цаһан саната күн эдгәж чадхиг медж авна. Тегэд мөлкж йовтл, «тенсиг теңгр хәләнә» гидгәр, Цаһан Аав ирж, цаһан саната күүнә нүднднь хара орулж өгнә. Нүдтә болсн залу хаана герт күрәд, күүкиг эдгәнә. Хан ханад, күүкән, хан сүүрән цаһан саната күүнд өгнә. Эн цагт хар саната күүнд бас хан болх ховдг санан орад, хар алвар нүдән сохлулад, чоннын амнд орад үкнә. Эн домг-үлгүрин дотр нуугдж бәәсн утхнь болхла, олна ниит төлжсн цагин күүнә ухан-седкл, «хар санан бий барна, хад чолун мөр барна» гидг йос учрар медгдв. Ямаран кев-янзар илдксмб гихлә, цаһан болн хар саната хойр күүнә үүл-кергәр урн санан авч, теднд харһсн үүл-йовдлар дамжулад, кергин мөн чинр болсн «кецин усн һууһан дахна, кесн үүл эзән дахна» гисн санаг ил һарһж чадсн болжана.

Цаһан саната гидг үг күүнд дөң-тус болад йовдг сәәхн седклтә күүнә тускар келнә. Хар саната гидгнь күүнд хоран күргдг, му ухата күн. Тиигхлә, домгт һардг хойр күүнә керг-үүләс үзхлә, кен сән, кен му болсн учриг иш-бәрмттә делгж үзүлв. Цааранднь ямаран чилгчд күрсиг «Хар саната күн болн Цаһан саната күн» гидг

¹ Ойрат. *хондрцг* — калм. *ууц*, *ар бий* 'круп'.

² Ойрат. *арцн* — калм. *арц* 'можжевельник'.

домг-үлгүрин Цаһан саната күн хан суусн керг-үүл урнар үзүлнэ.

Ашлхд, домг болн домг-үлгүр йиртмжин олн үзгдлд эм орулн дүрслдг, үгин сидт иткүлх өвөрц шинж багтасмн. Тер уч-рар домгуд, домг-үлгүрмүд болн амн үгин туужин үүдэврмүдэс одн орна, йиртмжин, сойлын, заң-заңшалын, күүнэ үүслтин туск эрт цагин улсин ухаһар тээлсн тээлвр олж болна. Моңһл туурһтн улсин урн сээхн седклин герч домгт үзүлгдснэс, домг болн домг-үлгүрмүдт өөрднрин заң-заңшал, авъяс-бэрц, нутг-усна өвөрц, келнэ шинжиг шингэсн гүн аһулһта амн урн үүдэвр гиж үзж болна.

Олзлгдсн ном

- Дамринжав Б.* Сааль мергн болн Саадг мергн. Пекин: Үндстнэ кевллин хора, 1996. 667 х.
- Дулам С.* Моңһл домг-зүүһин дүр. Көк Хот: Өвр Моңһлын сойлын кевллин хора, 1999. 295 х.
- Көк-Буйн.* Моңһлын заң-үүһин мөрдл. Улан Хад: Өвр Моңһлын сойлын кевллин хора, 1988. 356 х.
- Моңһл урн зокъялын түүк.* Өвр Моңһлын сурһн күмжлин кевллин хора. Көк Хот, 1984. 614 х.
- Мөңкэ Б.* Хан Тенгр. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 1988. № 1. 156 х.
- Намжл Т.* Өөрдин заң-үүл болн амн зокъялын хэрцө-холвана судлл. Шинжэнэ ардын кевллин хора. Үрмч, 2004 ж. 346 х.
- Цултэм Я.* Тээжнр хошуна ардын амн зокъял. Көк Хот: Өвр Моңһлын ардын кевллин хора, 2004. 373 х.

УДК 504.75
ББК 26.23 (2Рос=Калм)

ПРОБЛЕМЫ ВОДОСНАБЖЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ

Э. Б. Габунцина

Северо-Западный Прикаспий (Астраханская область, Республика Калмыкия и Республика Дагестан) относится к одному из самых уязвимых и проблемных регионов в экологическом плане на Юге России. В условиях формирования рыночной экономики одной из важных задач является рациональное использование ресурсов при их недостаточном количестве. Среди природных ресурсов особое и весьма проблемное место занимают запасы питьевой и технической воды, поскольку последняя является необходимым и существенным фактором в жизни аридного региона, к которому и относится Северо-Западный Прикаспий. Наличие водных ресурсов оказывает влияние на экономику региона и вместе с тем является показателем уровня жизни населения.

Настоящая статья посвящена проблемам водоснабжения Северо-Западного Прикаспия. Материалом для их анализа послужили различные информационные доклады и сборники по трем субъектам, входящим в район Северо-Западного Прикаспия [Государственный доклад ... 1998; Доклад ... 1994; 1997; 1999; Чуйков 1993]. С учетом того, что водообеспечение населения в аридных условиях носит актуальный характер, следует рассмотреть вопросы водоснабжения питьевой водой в регионе отдельно по административным территориям Северо-Западного Прикаспия.

Показатель обеспеченности населения исследуемого региона централизованным водоснабжением в последние десятилетия находится на одном и том же уровне и составляет в среднем 40–60 %. При этом показатель потребления воды на душу населения из года в год снижается, о чем свидетельствует отсутствие реконструкции действующих водопроводов и ввода новых систем в строй. Изношенность водопроводной сети доходит до 70 %, что отрицательно сказывается на качестве водопроводной воды.

В отдельных районах региона, особенно в Калмыкии, обеспеченность водой намного ниже установленной нормы, при этом ее качество крайне низкое: повышена

ее минерализация до 10,2 г/л, общая жесткость составляет 18 мг-экв/л, превышаются предельно допустимые концентрации (далее — ПДК) по содержанию отдельных химических соединений.

Астраханская область. Река Волга является одним из основных источников водоснабжения области. Помимо этого, существуют месторождения подземных вод, в том числе и минеральных (например, Баскунчакское месторождение пресных вод). В г. Астрахани вода обеспечивается с помощью Астраханского водопровода с мощностью более 450 тыс. м³ в сутки и протяженностью почти 1 000 км. Многие же населенные пункты области центральным водоснабжением до сих пор не обеспечены.

В связи с массовым загрязнением источников водоснабжения около 23 % населения Астраханской области вынуждены использовать воду для питья, не соответствующую гигиеническим требованиям по ряду показателей. Более половины населения области пьет техническую воду. Изношенность водопроводных сетей составляет около 80 %. Водоснабжение Астраханской области осуществляется из 97 водопроводов, из которых более 50 % не отвечают санитарно-гигиеническим требованиям.

В целом по области в 2000 г. 18,3 % проб водопроводной воды (в 1995 г. эта цифра составляла 22,7 %) и 21 % проб по химическим показателям (в 1995 г. она равнялась 24,0 %) не соответствовали требованиям ГОСТа 2874-82 «Вода питьевая» по микробиологическим показателям. В основном вода не отвечала требованиям ГОСТа по показателям мутности и цветности, хотя небольшой прогресс наблюдался, что, возможно, было связано с реконструкциями водопроводных сетей и климатическими условиями.

Дефицит питьевой воды отмечается в г. Астрахани (Трусовский район), Черноярском, Наримановском, Лиманском, Камызякском, Икрянинском, Приволжском (Яксовская зона) и Енотаевском районах. Здесь население постоянно испытывает недостаток воды не только для питьевых, но и для

производственных и сельскохозяйственных нужд, особенно в весенне-летние периоды.

В последние годы в области ухудшилось качество воды открытых водоемов, используемых в качестве источников централизованного водоснабжения. По данным санитарно-гигиенической лаборатории областного центра, 33,3 % проб по микробиологическим показателям и 15 % по химическим показателям не отвечали ГОСТу 2761-84 «Источники централизованного водоснабжения» [Чуйков 1993: 63].

Республика Калмыкия. На территории Калмыкии запасы водных ресурсов значительно меньше, чем в сопредельных регионах, тем не менее республика располагает поверхностными, подземными и морскими водами.

Здесь имеются десятки водных объектов (водохранилища, пруды, 15 озер), не пригодных для водоснабжения, и практически все они используются для производственных нужд, рекреации или сброса сточных вод.

Значительные водные запасы сосредоточены в озерах Маныч-Гудило, Барманцаг, Ханата, Сарпа, Канурка, Деед-Хулсун, Бузга, Состинское, однако вода в них низкого качества и не может быть использована для питьевого водоснабжения [Богданов 1997: 252–254].

Имеют питьевое значение и используются для снабжения населения питьевой водой Чограйское и Красинское водохранилища. Первое наполняется стоком рек Терек и Кума, вода в которых имеет значительные загрязнения, превышающие по отдельным показателям ПДК. Большую часть стока р. Кумы (65 %) составляют хозяйственно-бытовые и коллекторно-дренажные стоки. В стоке р. Терека содержание опасных загрязняющих веществ превышает допустимые нормы по нефтепродуктам, кадмию, железу, фенолам и др. За 20-летний период эксплуатации Чограйского водохранилища качество воды в нем значительно ухудшилось (минерализация воды составляет 2–2,5 г/л).

Красинское водохранилище заполняется водами р. Бахтемир (рукав р. Волги), а во время нагона — водами Каспийского моря и используется для водоснабжения г. Лагани. Санитарно-эпидемиологическое качество воды достаточно низкое [Богданов 1998: 3–5].

Основными источниками питьевой воды являются подземные воды. На территории республики разведано 28 месторождений подземных вод, но эксплуатиру-

ется всего лишь половина из них. Имеется 1 536 артезианских скважин и 1 879 шахтных колодцев. По качеству подземные воды республики не соответствуют ГОСТу «Вода питьевая». Наиболее крупные эксплуатирующиеся месторождения расположены на Ергенях — Баяртинское, Верхне-Яшкульское, Малодербетовское и др., для которых характерны повышенная минерализация, жесткость и содержание железа. На юге республики подземные воды имеют загрязнение мышьяком естественного происхождения, отмечаются превышения ПДК по фенолам и ароматическим углеводородам. Но даже хозяйственно-питьевой воды низкого качества в республике не хватает, суточный дефицит ее составляет 70 тыс. м³/сутки [Доклад ... 1999: 11].

Из 280 населенных пунктов республики централизованным водоснабжением обеспечены всего 88 (30 %). Техническое состояние водопроводов неудовлетворительное, зачастую аварийное, в результате вода из крана не соответствует гигиеническим нормативам по санитарно-химическим и бактериологическим показателям, происходит вторичное ее микробное заражение уже в водопроводных сетях. Сельское население обеспечивается водой из шахтных колодцев, артезианских скважин, открытых водоемов, каналов оросительных систем, а неблагоприятная экологическая ситуация на территории республики в течение многих десятилетий антропогенного воздействия на природу, влияя на изменение структуры природных комплексов, оказывает негативное влияние не только на поверхность почв, но и на подземные источники водоснабжения [Ташнинова 1993: 200–203].

Республика Дагестан. Территория Дагестана богата уникальным составом водных объектов: это реки, озера, водохранилища, источники подземных вод и Каспийское море.

Подземные воды имеют исключительно важное значение для жизнеобеспечения республики. На их долю приходится 71 % в общем балансе хозяйственно-питьевого водоснабжения по республике. Как источники водоснабжения они имеют ряд преимуществ (определенная степень защищенности от источников загрязнения, стабильность состава и дебита во времени, возможность использования в зависимости от сезонных и прочих потребностей) по сравнению с поверхностными. Потенциальные эксплуатационные

ресурсы подземных вод республики оцениваются более 2 млн м³/сут. Разведанные запасы составляют 0,9 млн м³/сут.

По условиям формирования подземных вод выделяются Терско-Кумский артезианский бассейн (21,2 тыс. км²), занимающий северную часть республики, и Каспийский бассейн стока малых рек (9,7 тыс. км²) в южно-предгорной части. В состав Терско-Кумского артезианского бассейна входят Ногайское, Кизлярское, Бабаюртовское, Сулак-Акташское, Хасавюртовское и другие месторождения. Крупнейшим месторождением пресных подземных вод на Северном Кавказе является Сулакское водохранилище с прогнозными эксплуатационными ресурсами 157 млн м³/год, используемое как природный источник водоснабжения гг. Махачкалы, Хасавюрта, Кизилюрта и др.

По данным региональной оценки, ресурсы по Терско-Кумскому бассейну составляют 1 336,1 тыс. м³/сут, из них 1 262,3 тыс. м³ с минерализацией до 1 г/л, 73,8 тыс. м³ — от 1 до 3 г/л. Таким образом, основная часть ресурсов используется для нужд хозяйственного и питьевого водоснабжения. Качество воды на взморье р. Терека по сравнению с прошлыми годами ухудшилось. Воды оцениваются как очень грязные. Максимальное содержание нефтяных углеводородов составило 7 ПДК, азота аммонийного не превышало 1 ПДК, концентрация фенолов изменялась в пределах от 10 до 13 ПДК, кислорода — от 8,83 до 11,25 мг/л ИЗВ=3,12.

Отсутствие необходимых ресурсов поверхностных вод в северной части республики делает подземные воды этой зоны единственным источником для водоснабжения, обводнения и орошения.

Неудовлетворительное состояние систем водоснабжения и водоотведения обуславливает значительные потери воды и низкое качество очистки сточных вод. Критическое положение с обеспечением населения сложилось в гг. Буйнакске и Кизляре, где вода подается по жесткому графику. В г. Буйнакске отсутствуют сооружения для водоподготовки, вода из накопительных резервуаров обеззараживается и подается потребителям.

Подземные воды являются основным источником водоснабжения многих районов республики. Из общего количества водопроводов около 30 % не соответствует санитарно-гигиеническим требованиям, в том чис-

ле из-за отсутствия зон санитарной охраны (87,4 %), комплекса очистных сооружений (12,6 %). На 38,5 % из них нет устройств для обеззараживания воды [Государственный доклад ... 1998: 15–18].

Проблемы питьевого водоснабжения — это вопросы экологической безопасности населения. Любое загрязнение окружающей среды оказывает негативное воздействие на здоровье человека, в особенности это касается питьевой воды, которую ежедневно употребляет человек. Некачественная питьевая вода может вызвать целый ряд заболеваний, в том числе и таких жизненно-опасных, как желчно-каменные. Уровень заболеваний желчно-каменными болезнями у населения Северо-Западного Прикаспия превышает общероссийский уровень по этим показателям почти в два раза, т. е. население вынуждено платить «биосоциальную плату» за создавшиеся в регионе проблемы водоснабжения [Габунщина 2002: 10–11]. Кроме того, вода, не соответствующая ГО-СТам, может приводить к возникновению вспышек инфекционных заболеваний.

Таким образом, по трем регионам Северо-Западного Прикаспия ситуация, сложившаяся в результате антропогенного воздействия на окружающую среду, требует незамедлительного решения, поскольку вода является самым важным элементом человеческой жизни.

Литература

- Богданов В. П. Вопросы рационального использования и охраны водных ресурсов // Республика на пути к устойчивому развитию: сб. науч. тр. Элиста: АПП «Джангар», 1998. С. 135–145.
- Богданов В. П. Экономика водного хозяйства Калмыкии. Элиста, 1997. 260 с.
- Габунщина Э. Б. Адаптивное лесохозяйственное природопользование в российском Прикаспии: автореф. дисс. ... на соиск. учен. степени д-ра с.-х. наук. Волгоград, 2002. 49 с.
- Государственный доклад о состоянии окружающей среды Республики Дагестан в 1997 году. Махачкала, 1998. 110 с.
- Доклад о состоянии окружающей среды Республики Калмыкия в 1994 году. Элиста, 1995. 69 с.
- Доклад о состоянии окружающей среды Республики Калмыкия в 1997 году. Элиста, 1998. 90 с.
- Доклад о состоянии окружающей среды Республики Калмыкия в 1999 году. Элиста, 2003. 125 с.
- Ташнинова Л. Н. Факторы, влияющие на изменение структур природных комплексов Калмыкии // Структура почвенного покрова. М., 1993. С. 200–203.
- Чуйков Ю. С. Экология Астраханской области: информационный сборник. Вып. 1. Астрахань: Изд-во: АГПИ, 1993. 63 с.

УДК 504.75

ББК 26.23 (2Рос=Калм)

**ЗАГРЯЗНЕНИЕ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА
КАК ПРОБЛЕМА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
(на примере Республики Калмыкия)**

С. В. Габунцин

Экологическая безопасность на современном этапе является важной составляющей в обеспечении национальной безопасности любой страны, которая не может абстрагироваться от проблем экологии. В связи с ухудшением состояния окружающей среды выдвигаются проблемы экологии как приоритетные, решение которых становятся важным показателем прогресса общества. Экологическую безопасность следует не только связывать с парниковым эффектом, разрушением стратосферного озона и глобальным загрязнением, ростом числа и масштабов природных и антропогенных катастроф, но и рассматривать как глобальную проблему обеспечения безопасности человека и общества в процессе его взаимодействия со средой обитания.

Безопасность — это состояние защищенности человека, общества и окружающей природной среды от вредных воздействий любого характера. Она предполагает наличие и сохранение совокупности условий и факторов, обеспечивающих нормальное функционирование системы. Непременным условием устойчивого развития общества является безопасность человека и окружающей среды, их защищенность от воздействия неблагоприятных и опасных техногенных факторов, прежде всего загрязнения среды обитания человека [Шилов 2003: 10].

Загрязнения, причиняющие вред окружающей среде, человеку, имуществу, народному хозяйству, — это явления, носящие антропогенный характер. В плане обеспечения экологической безопасности нельзя допускать загрязнений, их можно и необходимо предотвращать, а не бороться с их последствиями для человека и окружающей среды [Охрана ... 2007: 5].

Проблема безопасности предполагает отсутствие, ограничение или снятие опасности, хотя в этом и заключается парадокс, так как безопасности без опасности не бывает. Другими словами, основным критерием наличия безопасности является чувство опасности, способность человека определять социальные или природные явления,

которые могут нанести ущерб в настоящем и будущем.

На каждом уровне организации система экологической безопасности функционально состоит из трех стандартных модулей (комплексной экологической оценки опасности, ее экологического мониторинга и принятия управленческих решений), логически дополняющих друг друга и только в своем единстве составляющих саму структуру [Шмаль 2005]. При этом нужно иметь в виду, что эффективность работы системы экологической безопасности определяется, прежде всего, эффективностью ее управления.

Современное состояние окружающей среды в Российской Федерации характеризуется, прежде всего, крупномасштабным загрязнением атмосферного воздуха. Не является исключением в этом отношении и Калмыкия. Конечно, по уровню загрязнения республику нельзя сравнивать, например, с Волгоградской областью, промышленно развитым регионом. Но тем не менее, помимо существующих в республике техногенных проблем антропогенного характера, проблема загрязнения атмосферного воздуха усугубляется и природными факторами (резко-континентальный климат, пыльные бури зимой и летом, высокие температурные показатели, трансграничное загрязнение со стороны сопредельных регионов). Все это влияет на уровень загрязнения атмосферы в Республике Калмыкия.

Экологическая проблема загрязнения атмосферного воздуха становится фактически угрозой номер один в республике, высокий уровень загрязнения атмосферы сохраняется из года в год, оставаясь предельно высоким. Эмиссия в атмосферу только от стационарных источников, расположенных на территории Республики Калмыкия, в конце 1990-х гг. составила около 5 000 тонн вредных веществ, в 2001 г. — более 5 000 тонн, в 2006 г. — уже более 8 000 тонн, в том числе и веществ с достаточно высокой токсичностью. В атмосферу без очистки поступили такие загрязняющие вещества, как аммиак, меркаптаны, фенол и др.

Необходимо отметить, что в основном промышленные предприятия Республики Калмыкия сосредоточены в г. Элисте, где значительная часть предприятий расположена с наветренной стороны (господствующие ветра — восточные) по отношению к жилой застройке города, часть из них находятся в жилой зоне. Концентрация вредных твердых взвешенных частиц

(силикатная пыль, пыль цемента, песка, сажа и др.) превышает предельно допустимые концентрации в 1,6–3,4 раза, окислов азота — в 2,8 раза, формальдегида — 10–14 раз (см. подробнее таблицу 1, где представлено распределение валового выброса вредных веществ в атмосферу от стационарных источников за 2001–2006 гг.).

Таблица 1. Выбросы наиболее распространенных загрязняющих атмосферу веществ, исходящих из стационарных источников (тыс. тонн)

Загрязняющие вещества	Выбросы загрязняющих веществ					
	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Твердые	0,416	0,368	0,288	0,246	0,090	0,155
газообразные и жидкие вещества	5,015	2,857	2,780	2,542	2,748	7,905
из них:						
диоксид серы	0,242	0,346	0,297	0,187	0,196	0,134
оксид углерода	2,248	1,418	1,571	1,501	1,374	1,863
оксиды азота	0,277	0,269	0,231	0,203	0,206	0,869
углеводороды (без летучих органических соединений)	2,193	0,725	0,572	0,579	0,914	4,900
летучие органические соединения (тонн)	27,692	52,984	32,363	51,146	52,339	120,564
прочие газообразные и жидкие соединения	0,028	0,046	0,076	0,022	0,005	0,018
Всего:	5,431	3,225	3,068	2,789	2,838	8,060

Организованными источниками выброса загрязняющих веществ в атмосферу являются вытяжные вентиляционные системы технологического оборудования (пыль древесная, пыль мездры, аэрозоль хлорида натрия, пары гидролизного спирта, фтористые соединения, хромовый ангидрид, аэрозоль сульфанола и др.).

Теплоснабжение предприятий осуществляется котельными, при сжигании выделяющими в атмосферу пыль золы, окись углерода, сернистый ангидрид, двуокись азота. Вклад предприятий жилищно-коммунального хозяйства в загрязнение атмосферы города и республики составляет более 50 % от общего количества вредных веществ от стационарных источников загрязнения. В структуре экономики Республики Калмыкия загрязнителями являются также предприятия газонефтедобычи и транспортировки, выбросившие за 1997 г. (73,059 тыс. тонн) [Доклад ... 1998: 5–6].

Динамика выбросов загрязняющих веществ от стационарных источников в атмосферу Республики Калмыкия за 5 лет представлена в таблице 2, где четко прослеживается тенденция к увеличению объемов веществ (от 4,868 тонн в 1993 г. до 8,674 тонны в 1997 г.).

Основными причинами выбросов являются слабая техническая оснащенность предприятий, устаревшее оборудование, отсутствие средств на реконструкции, ремонт и обновление. На низком уровне поставлена экологическая работа на предприятиях, мероприятия по охране среды финансируются по остаточному принципу или вообще не финансируются [Охрана ... 2007: 52–55].

Уровень загрязнения атмосферы, обусловленный высокой антропогенной нагрузкой на атмосферу, связан с эксплуатацией передвижных источников (автотранспортных средств), объектов электроэнергетики,

Таблица 2. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников в 1993–1997 гг. (тыс. тонн/год)

Загрязняющие вещества	Выбросы загрязняющих веществ				
	1993	1994	1995	1996	1997
твердые	1,447	2,066	1,516	1,281	1,299
сернистый газ	0,403	0,373	0,337	0,373	0,393
окись углерода	2,165	2,386	2,389	2,477	2,477
окислы азота	0,376	0,377	0,294	0,300	0,432
углеводороды	0,458	2,964	2,863	2,223	3,813
прочие газообразные и жидкие вещества	0,019	0,040	0,046	0,042	0,250
Всего:	4,868	8,206	7,445	6,696	8,674

нефтегазодобывающих предприятий, предприятий стройиндустрии, перерабатывающей промышленности [Доклад ... 1995: 7–9].

На предприятиях осуществляется снижение выбросов в атмосферу, на некоторых из них действительно наблюдается некоторое их уменьшение. Однако на большинстве же предприятий оно связано чаще всего с остановкой или их банкротством, а с возобновлением их работы уровень загрязняющих веществ по-прежнему остается достаточно высоким и стабильным.

Обобщенные данные по результатам государственного экологического мониторинга содержат сведения о выбросах загрязняющих веществ в атмосферу в 2002 г. от 67 промышленных предприятий, отчитывающихся по форме федерального государственного статистического наблюдения, — 73 062 ед. передвижных источников загрязнения. Валовый объем выбросов от всех стационарных источников загрязнения и автотранспорта в целом по республике в 2002 г. составил 85,565 тыс. тонн. От стационарных источников в атмосферный воздух поступило 4,675 тыс. тонн вредных примесей, от автотранспорта — 80,896 тыс. тонн (95,2 % от суммарного выброса стационарных источников и автотранспорта).

Основная масса выбросов приходится на автотранспорт. Увеличение выбросов загрязняющих веществ от передвижных источников обусловлено ростом количества частного транспорта, в том числе транзитного, большая часть которого не соответствует стандартным требованиям.

Продолжается загрязнение атмосферного воздуха в результате аварий, ремонтных работ на нефтегазопроводах, степных пожаров. Проблема выжигания растительных

остатков остается актуальной и на сегодняшний день, в результате чего в атмосферу выбрасываются тысячи тонн токсичных веществ, в том числе диоксида азота, серы, окиси углерода, сажа, диоксины и другие вредные вещества, которые оказывают негативное воздействие на окружающую среду, нанося значительный ущерб растительному и животному миру, а также на здоровье людей.

Выбросы наиболее распространенных загрязняющих атмосферу веществ от стационарных источников на протяжении 2001–2006 гг. колебались от 2,789 тыс. тонн до 8,060 тыс. тонн.

Если сравнивать районы и города республики по степени загрязнения, то наибольшие показатели выбросов характерны для г. Элисты, далее по загрязнению стоит Лаганский район. В районах республики большая часть загрязнений выбрасывается в атмосферу без очистки. На очистных сооружениях удерживается незначительное количество загрязняющих веществ, так как состояние очистных сооружений в Республике Калмыкия оставляет желать лучшего [Доклад ... 2003: 12].

Ситуация с выбросами от передвижных источников (автотранспорт, железнодорожный и воздушный транспорты) остается напряженной и с каждым годом усугубляется. Так, в 1993 г. выброшено в атмосферу 76,947 тыс. тонн. В 1993 г. в республике было зарегистрировано почти 43 850 автомобилей, из которых 27 557 — индивидуальные. Отработанные газы двигателей внутреннего сгорания содержат более 200 наименований вредных веществ и соединений, в том числе и канцерогенных. Из 76,947 тыс. тонн выбросов на автотранспорт

приходится 64,808 тыс. тонн углерода, 4,102 тыс. тонн окислов азота и 10,037 тыс. тонн углеводов.

В настоящее время проблема выбросов автотранспорта уже выходит на первый план и связана с ежегодным увеличением количества автомашин общественного и индивидуального пользования. Кроме того, автотранспорт является одним из основных источников шума в городе и причиной теплого загрязнения окружающей среды.

В 1994 г. от передвижных источников выбросы в атмосферу загрязняющих веществ составили 77,0 тыс. тонн, в 1998 г. — 67,352 тыс. тонн, в 1999 г. — 66,005 тыс. тонн. В 2002 г. доля выбросов от транспорта увеличилась до 95,2 %. Объем выбросов от передвижных источников достаточно весом и достигает 90 % от общей массы выбросов [Ташнинова и др. 2009].

Таким образом, налицо факторы, образующие в своей совокупности угрозу экологической безопасности человека, очень важно предотвратить эту опасность, не дать ей превратиться из потенциальной в реальную угрозу, не дать ей достигнуть критического, или порогового, значения. Загрязнение

и деградация окружающей среды с каждым годом все больше влияют на здоровье людей. Отмечается устойчивая корреляция комплексного загрязнения окружающей среды и заболеваемости населения. Это болезни крови и кроветворных органов, психические расстройства, онкологические заболевания, болезни органов пищеварения и дыхания.

Литература

- Доклад* о состоянии окружающей среды Республики Калмыкия в 1994 году. Элиста, 1995. 69 с.
- Доклад* о состоянии окружающей среды Республики Калмыкия в 1997 году. Элиста, 1998. 90 с.
- Доклад* о состоянии окружающей среды Республики Калмыкия в 2002 году. Элиста, 2003. 149 с.
- Охрана* окружающей среды в Республике Калмыкия. Статистический сборник. Элиста, 2007. 7 с.
- Ташнинова Л. Н., Ташнинова А. А.* Экологическая безопасность: техногенные объекты и влияние их на природную среду Калмыкии // Единая Калмыкия в единой России: мат-лы Междунар. конф., мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В 2-х частях. Ч. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2009. С. 464–468.
- Шилов А. С.* Экополитология. М.: Глобус, 2003. 160 с.
- Шмаль А. Г.* Методология создания системы экологической безопасности // Экологический вестник России. 2005. № 7. С. 57–59.

Судьба Калмыкии и калмыков в монографии К. Н. Максимова «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки» (2-ое изд., доп. / К. Н. Максимов; Калмыцкий ин-т гуманитарных исследований РАН. М.: Наука, 2010. 406 с.).

Кто-то из великих очень точно заметил, что «первой жертвой войны становится правда». Эти слова пришли мне на память после прочтения монографии доктора исторических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заведующего отделом истории Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук — Константина Николаевича Максимова «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки».

Читая глубокий научный труд К. Н. Максимова, я ловил себя на мысли о том, как много еще «белых» пятен в истории Великой Отечественной войны и в целом народов Советского Союза, участвовавших в героических и трагических событиях Второй мировой войны.

К. Н. Максимов в монографии убедительно раскрывает, какими античеловеческими доктринами руководствовался А. Гитлер, готовясь к войне, рассказывает о характере политических установок лидера фашистской Германии по уничтожению населения Советского Союза. На основе новых документов, опубликованных в последнее время, автор прослеживает особый характер войны нацистской Германии против Советского Союза. А. Гитлер определил концепцию восточной кампании: «разбить армию, уничтожить государство». В директивах он указывал, что «в этой войне обращение с врагом в соответствии с нормами человечности и международного права недопустимо» [Цит. по: Максимов 2010: 4–5].

Автором анализируется фашистская идеология, которая рассматривала советских людей «как славяно-монгольскую смесь народов», попавших под категорию «недочеловек» и подлежащих уничтожению. В исследовании особенно подчеркивается, что «государственная национальная политика нацистов не оставалась постоянной». Она менялась в зависимости от военной обстановки и целесообразности политической конъюнктуры: «фашистская идеология и политика подвергались коррекции, но не затрагивали сущности и содержания, а

изменялись лишь методы ее реализации по отношению к субъекту», — подчеркивается в работе [Максимов 2010: 6].

В монографии К. Н. Максимова убедительно, на большом фактическом материале рассматривается судьба Калмыкии и ее народов в предвоенные годы, в годы становления советского строя. В исторической ретроспективе анализируются все тяготы и лишения от последствий Первой мировой и Гражданской войн, преодоление разрухи и голода, особенности НЭПа, коллективизации, индустриализации и преобразования в области духовной культуры, массовые политические репрессии, которые пришлось преодолеть народам, проживавшим на территории Калмыкии в предвоенные годы.

В 1920–1930-е гг. в результате самоотверженного труда жителей республики существенно изменился облик Калмыкии, как и всей страны, как пишет автор. Профессор Максимов, используя огромный статистический материал, скрупулезно исследовал созидательную роль народа по развитию экономики и культуры Калмыкии. В Республике к 1940 г. «существенное развитие получила промышленность. Ее продукция к 1940 г. возросла по сравнению с 1922 г. в 18 раз, функционировало 94 крупных предприятий. По сравнению с 1938 г. повысилась их производственная мощность (в среднем одного предприятия с 317 848 руб. до 336 840 руб.) и увеличился выпуск валовой продукции. Если в 1938 г. 79 предприятий крупной промышленности выпустили продукции на 25 млн 110 тыс. руб., то в 1940 г. 94 предприятия — на 31 млн 663 тыс. руб., т. е. рост на одно предприятие составил до 6 %» [Максимов 2010: 25].

Ведущей отраслью Калмыкии, как отмечается в исследовании, являлась рыбодобывающая и рыбоперерабатывающая промышленность союзного подчинения, в систему которой входили 6 рыбных и 2 консервных завода, 23 рыболовецких колхоза, судоремонтная база. В пищевой промышленности, кроме рыбной, в республике значительную

роль занимали предприятия хлебопечения, мясного, маслодельного, мукомольного производства и др.

Однако основной отраслью Калмыцкой АССР оставалось сельскохозяйственное производство. Только за три года (1933–1936) значительно расширились посевные площади колхозов и совхозов (с 73 749 до 167 697 га, под зерновые — на 82 %), укрепилась их материально-техническая база. Тракторный парк увеличился до 662 единиц, комбайнов — до 119 (в среднем на колхоз или совхоз приходилось четыре трактора и один комбайн).

Несмотря на укрепление материальной базы, в связи с низкой агротехнической культурой и энерговооруженностью, урожайность зерновых была очень низкой, но, тем не менее, республика выполняла планы поставки зерна государству. Если в 1933 г. Калмыкия сдала государству хлеба 9,7 тыс. тонн, то в последующие четыре года — 55 948 тонн, т. е. 13–15 тыс. тонн хлеба ежегодно.

В эти годы начинает развиваться орошаемое земледелие. Общая площадь поливных земель в 1937 г. достигла до 5 тыс. га, под хлопок было отведено 1 617 га (в 7,2 раза больше, чем в 1930 г.). В 1938 г. валовой сбор хлопка составил 18,6 тыс. центнеров, в 1939 г. — 23,6 тыс. центнеров [Максимов 2010: 32].

В своей работе автор подчеркивает, что экономика Калмыкии, специализируясь на животноводстве, все более приобретала односторонний характер и превращалась в сырьевой придаток промышленных центров. Прирост поголовья скота во всех категориях хозяйств (колхозах, совхозах, госкоопсекторе, дворах колхозников, семьях рабочих и служащих) к 1940 г. составил 150 % по сравнению с 1937 г.

В предвоенные годы руководство Калмыцкой АССР уделяло большое внимание культурному строительству, развитию агитационно-пропагандистской работы. В Калмыкии к 1940 г. функционировало 140 библиотек, в которых насчитывалось 107 705 экз. книг и журналов, 198 клубных учреждений, в том числе 150 — в сельской местности, 1 музей, 3 профессиональных театра, а также 28 киноустановок (из них 25 в сельской местности). Анализируя кадровый состав учреждений культуры, автор приходит к выводу о том, что по образовательному уровню он был весьма низок.

Преимущественная часть руководителей, специалистов культурно-просветительных заведений имела лишь начальное образование, полученное на краткосрочных курсах, в ходе ликвидации безграмотности. Несмотря на это, во второй половине 1930-х гг. в республике появилась возможность открыть детскую музыкальную школу, государственный драматический театр, создать национальный ансамбль песни и пляски, национальный хор, оркестр национальных инструментов, организовать различные самодеятельные кружки (драматические, хоровые, народных инструментов и др.) [Максимов 2010: 44].

По утверждению профессора К. Н. Максимова, одну из важных социальных проблем Калмыкии в 20-30-е гг. XX века представляло здравоохранение. Автором приводятся следующие данные: «если накануне 1917 г. на территории Калмыцкой степи функционировало 7 маленьких участковых больниц, всего на 53 койко-места, то в 1940 г. в республике действовало 38 больничных учреждений на 530 койко-мест, 37 врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений, 120 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, 9 различных диспансеров, 45 дошкольных учреждений на 1 634 места» [Максимов 2010: 45].

Цифры, приведенные автором, свидетельствуют о том, что в советский период успехи в развитии социальной сферы были значительными. Однако, по мнению К. Н. Максимова, «в республике учреждения здравоохранения, культуры, просвещения были еще далеки от полного удовлетворения их запросов и потребностей. Но если сравнить с тем, что имелось в Калмыцкой степи до Октябрьской революции, то к 1940 г. в социально-культурной сфере произошли существенные перемены, хотя по основным показателям, характеризующим развитие благосостояния народа, она значительно отставала от среднего уровня жизни населения СССР, России» [Максимов 2010: 45]. Так, число койко-мест в медицинских учреждениях на 10 тыс. человек населения в КАССР составляло только 22,5, а в среднем по СССР — 40,2, а в РСФСР — 43,3.

Работа автора «Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки» подкупает глубоким авторским анализом социально-экономических, политических проблем в целом страны и в частности Калмыкии.

К. Н. Максимов не боится делать выводы о том, что «под видом развития социалистической культуры, образования партийно-советские органы пытались окончательно уничтожить какие-либо признаки и очаги религиозности в республике, подорвать веками складывавшиеся нравственные и духовные устои, мораль народа. С июня 1938 по декабрь 1939 гг. Президиум Верховного Совета Калмыцкой АССР принял ряд решений об официальном закрытии в Калмыкии 24 хурулов, церквей, ранее прекративших деятельность под давлением партийных и комсомольских организаций. Только накануне войны, в 1940–1941 гг., Президиум Верховного Совета КАСССР «„по настоятельной просьбе, ходатайству сел и деревень“ ликвидировал последние церкви в шести селах и хурулы в трех сельских советах республики» [Максимов 2010: 50].

В данном исследовании делается вывод о том, что в условиях политических репрессий, гонений на инакомыслие, тотальной борьбы с религией в конечном итоге исчезли легальные формы религиозной деятельности всех конфессий, действовавшие на территории Калмыкии, и значительная часть населения стала записываться в «неверующие». И хотя партия большевиков принудила советский народ формально отречься от Бога, но в душе он оставался верующим, о чем свидетельствуют итоги переписи населения СССР в 1937 г.

В книге на большом документальном материале раскрывается огромная трагедия 1930-х гг., связанная с «большим террором» в СССР, который начался в Калмыкии в 1934 г. (а не с 1936 г., как обычно считается), — доказывает автор монографии, — и продолжался в течение пяти лет до 1938 г. включительно.

К. Н. Максимов обращает внимание читателей на то, что политические репрессии в республике «проводились продуманно, организовано, с помощью выстроенной и отлаженной системы специальных органов, с приданием правовой легитимности проводимой карательной политики. В результате массового террора страна в первой половине XX в. оказалась в постоянном напряжении, обстановке всеобщего страха, воцарились тотальная подозрительность, недоверие. В монографии показывается, что подверглись репрессиям «председатель правительства, второй секретарь обкома ВКП(б), два первых секретаря обкома ВЛКСМ,

наркомы, первые секретари улусных парткомов, председатели улусных исполкомов, рядовые колхозники, рабочие совхозов и предприятий. Больше всего <...> пострадали руководители колхозов, совхозов, МТС, крупных предприятий республики» [Максимов 2010: 63].

Нельзя не согласиться с выводом профессора К. Н. Максимова, который отмечает, что «без преувеличений можно сказать, что к этому времени в результате полной замены кадров, устанавливавших советскую власть и выступавших организаторами социалистической экономики, культуры, в Калмыкии, так же как и во всей стране, произошел „государственный переворот“» [Максимов 2010: 63].

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для всех народов Советского союза, но для Калмыкии и калмыков это война стала в несколько раз трагичнее, хотя население республики активно участвовало в созидательной работе в предвоенные и военные годы, выполняя и перевыполняя задания центральных органов власти.

Начавшаяся война потребовала срочного перевода всех предприятий, организаций, учреждений на военный лад. В книге исследуется организационно-политическая деятельность республиканской власти по мобилизации всех сил и средств для отпора врага. Так, Президиум Верховного Совета КАСССР 6 октября 1941 г. образовали при Элистинском городском Совете, при улусных, поселковых и сельских советах постоянные комиссии по обороне, а в Совнарком республики — Отдел мобилизации. С первых же дней нападения фашистов в Калмыкии, как и во всей стране, местные органы власти занялись организацией подготовки и проведения призыва военнообязанных на фронт. Мобилизация людских ресурсов проводилась с каждым месяцем нарастающими темпами. Эта динамика особенно была заметна в 1941 г. и в первой половине 1942 г. В книге приводятся конкретные статистические данные, которые показывают, что «если в течение первых двух месяцев войны на фронт были призваны более 3 тыс. человек, то в сентябре — более 2 тыс. Помимо того, 278 бойцов, в том числе 60 калмыков, были направлены 10 сентября в г. Ворошиловск для пополнения формируемой 70-й кавалерийской дивизии. К началу октября 1941 г. на фронт были призваны 5 259 уроженцев

(из них 635 добровольцев) Калмыкии, в том числе в качестве рядовых — 4 014 человек, младшего и среднего начальствующего состава 1 231, а также 14 сандружинниц» [Максимов 2010: 70]. В своей монографии автор подчеркивает, что только «в последние три месяца 1941 г. из Калмыкии были направлены в действующую армию 8 390 человек, 129 медицинских работников (47 врачей и 82 медсестры). Таким образом, к концу 1941 г. в боях против фашистов сражались 13 778 человек — уроженцев Калмыкии (почти 25 % лиц призывного возраста и военнообязанных 1896–1924 гг. рождения, или 42 % от состоявших на учете в военкоматах на 31 декабря 1941 г. Вместе с военнослужащими, призванными на действительную военную службу в 1938–1940 гг., на фронтах Великой Отечественной войны находились не менее 18 тыс. представителей Калмыкии. К июню 1941 г. срочную военную службу проходило немало юношей из Калмыкии — 4 432 человека, из них 2 167 калмыков (всего калмыков из всех краев и областей СССР служило 2 747 человек)» [Максимов 2010: 71].

В трудном 1942 г. республика до оккупации части ее территории, т. е. до начала августа, не только скомплектовала дивизию в составе 4 642 человек, но и мобилизовала в другие части воюющей армии 7 575 человек, в том числе 4400 военнообязанных и 3 175 призывников 1923 и 1924 гг. рождения, а также 247 девушек в санитарные службы Каспийской флотилии и 32 девушки в августе — на Сталинградский фронт. Таким образом, Калмыкия направила на фронт с начала войны и до начала августа 1942 г. 27 886 человек.

Профессор К. Н. Максимов не скрывает, что в это время 8 человек пытались уклониться от мобилизации и что среди призывников 21 человек предприняли попытку дезертирства. На 10 августа 1942 г., по подсчетам автора, мобилизационный ресурс республики составлял еще 11 504 человека (в том числе призывники 1925–1926 гг. рождения — 1 744 и 2 826 человек), из них 800 бронированных рыбаков, 6 934 военнообязанных (из них рядовые составили 6 330, начальствующий состав — 421, младший начальствующий состав — 183) [Максимов 2010: 95].

Однако, несмотря на большую и всестороннюю мобилизационную работу, отмечает профессор К. Н. Максимов, «подозревая,

что с врагом могут сотрудничать бывшие помещики, кулаки, представители иных социальных, ранее привилегированных групп, государственные архивы, находившиеся в ведении НКВД СССР, приступили к составлению списков-справочников на „бывших“, на „раскулаченных“ (а также на их детей и внуков), как на „потенциальных врагов народа, предателей“. Архивным отделом НКВД Калмыцкой АССР в 1941 г. были подготовлены два списка-справочника: на „бывших“ — 302 человека, на раскулаченных, находящихся в трудпоселках, — 432 крестьянские семьи. На 1 октября 1941 г. в Калмыцкой АССР на учете в „кулацкой ссылке“ состояли 1 005 человек (в стране около 1 млн), из них 258 мужчин и 353 женщины, 75 подростков от 14 до 16 лет, 319 детей до 14 лет» [Максимов 2010: 69].

В монографии на основе новых документов раскрывается деятельность органов власти в первые годы войны. К. Н. Максимов в своей работе показывает, что в начале 1942 г., «в зимний сложный период, значительное количество тружеников Калмыкии продолжали работать на строительстве железнодорожного полотна Астрахань — Кизляр, оборонительных рубежах на Дону, а с лета еще более 3 тыс. человек участвовали в возведении оборонно-укрепительных обводов Астрахани. В январе 1942 г., в связи с завершением работ на Донском оборонительном сооружении, Калмобком ВКП(б) дополнительно направил на объект Астрахань — Кизляр еще 3 300 человек и 880 подвод (всего там в числе 40 тыс. рабочих уже было 9,5 тыс. человек, а также 3 030 подвод от Калмыкии), 5 автомашин марки ЗИС-5 с прицепами, 9 тыс. руб. на приобретение художественной литературы, 4 кинопередвижки, продовольствие, инструменты и т. п.». Автор отмечает, что «благодаря общим усилиям строительство важного стратегического объекта было завершено досрочно. 4 августа 1942 г. открылось сквозное движение по линии Кизляр — Астрахань» [Максимов 2010: 96].

Жители КАССР, как и все советские люди, прилагали все силы, увеличивая поставки фронту. Только за первые 2,5 месяца Калмыкия направила в Фонд обороны: 9 050 лошадей, 1 364 повозки с упряжью, 2 415 седел, 20 легковых автомобилей, 143 грузовых, 40 тракторов, в том числе 2 гусеничных; население сдало 505 тыс. руб., 214 тыс. облигациями, 600 тыс. руб. на строительство подводной лодки. С пер-

вых дней войны жители республики, проявляя патриотизм, участвовали в сборе теплых вещей для фронтовиков, собирали средства в фонд обороны. За первые месяцы войны они собрали и отправили бойцам 4 159 пар валенок, 652 полушубка, 3 696 шапок-ушанок, 3 205 пар шерстяных варежек, 9 696 рубашек, 964 меховых жилета, 4 162 пары меховых рукавиц, свыше 5 тыс. пар шерстяных носков, 1 564 шт. кальсон, 1 442 пары шерстяных портянок, 4 073 пары летних портянок, 3 500 ватных фуфаяк, 7 789 ватных брюк, 1 023 свитера и джемпера, 1 002 шерстяных одеяла, 3 490 полотенец, 276 тулупов, 75 пар кожаных сапог, 92 шинели, 1 458 теплых шарфов, простыни, подушки, наволочки и другие вещи [Максимов 2010: 97].

В исследовании показаны проблемы и трудности эвакуации колхозов, совхозов, предприятий, учреждений. Профессор делает вывод о том, что основные причины неудовлетворительной организации эвакуации людей, скота, имущества хозяйств республики, в результате чего врагу досталось большое количество животных, продукции сельскохозяйственного производства, материально-технических средств, заключались во многих факторах, преимущественно субъективного характера. Главной из них, повлиявшей на проведение и итоги эвакуации, по мнению автора монографии, стала неподготовленность в психологическом отношении работников партийных и государственных органов Калмыцкой АССР к возможному вторжению противника в Калмыкию. Профессор отмечает, что «запоздалое решение республиканских партийных и государственных органов о начале эвакуации и неподготовленность к ней наркоматов, ведомств, райкомов партии, советов имели катастрофические последствия для хозяйств Западного и Яшалтинского улусов» [Максимов 2010: 111].

Большое мужество, научная честность и принципиальность потребовались от К. Н. Максимова, чтобы раскрыть особенности временной оккупации части территории Калмыцкой АССР. Автор исследует формы и методы деятельности оккупантов на территории Калмыкии. Германскими военными частями было захвачено 54 % территории, на которой проживало почти 60 % населения республики.

В книге рассказывается, что с первых дней оккупации фашистская пропагандист-

ская служба организовала массовую идеологическую обработку населения. На захваченной территории выпускались газеты на русском языке «Свободная земля» и на калмыцком языке «Теегин һэрд», выходили ежедневные радиопередачи на русском, калмыцком и немецком языках. В результате массовой пропаганды население оккупированных районов не знало действительного положения на фронтах и в стране в целом [Максимов 2010: 151].

В работе анализируются причины возникновения административного коллаборационизма. В своей книге ученый высказывает мысль о том, что коллаборационизм — это сложное явление, которое нельзя однозначно определять как осознанное предательство, как измену и приравнивать коллаборационизм к квислингу.

Читатель найдет рассуждения профессора К. Н. Максимова о том, что «нацисты принуждали под страхом смерти идти к ним на службу» и что в условиях оккупации сотрудничество отдельных наших граждан носило вынужденный характер на бытовом уровне и не причиняло вреда коренным интересам Родины. Однако переход отдельной части населения Калмыкии к административному сотрудничеству представлял собой одну из форм коллаборационизма. И в этом сотрудничестве не было однозначного предательства. Думается, что прав Константин Николаевич, который констатирует, что «среди старост и полицейских были антисоветски настроенные, и их намерения, действия являлись осознанными желаниями добросовестного служения врагу, и это «сотрудничество» было добровольным предательством, изменой родине. Но среди старост и полицейских были осознанно согласившиеся пойти на службу противнику, но с иными целями — патриотическими, бороться с врагом, облегчить участь односельчан» [Максимов 2010: 166].

На захваченных территориях Советского Союза нацистская Германия попирала элементарные общепризнанные нормы международного права. В книге описывается, как вели себя оккупанты на территории Калмыкии, какими идеями фашисты руководствовались. Приводятся страшные цифры о расстрелах мирных жителей. Только в Элисте за 4,5 месяца гестаповцы совместно с полицией расстреляли более 800 человек, в Яшалтинском улусе — 160, Западном — 79, Приютненском — 30 комсомольцев и

20 партийцев. «В Троицком улусе лишь за один день, 10 сентября 1942 г., с участием полицейских были расстреляны 27 человек. В Сарпинском улусе за небольшой срок оккупации подверглись избиению и пыткам 12 313 человек. В оккупированных улусах и Элисте нацисты с помощью полицейских расстреляли 85 коммунистов, в Яшалтинском улусе — 90 человек партийно-советского актива. Особое рвение, жестокость при расстрелах, экзекуциях даже мирных граждан проявляли полицейские Яшалтинского улуса под руководством начальника полиции А. Г. Миллера и Троицкого улуса под командованием коменданта лейтенанта Белька» [Максимов 2010: 203]. Предательство не оставалось, как подчеркивает автор, безнаказанным: партизаны с первых дней начали уничтожать коллаборационистов [Максимов 2010: 203–204].

Если власть может себя в чем-то упрекнуть, то она всегда будет искать виновных. Об этом свидетельствует сталинская политика в отношении калмыков. Выступая на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г., И. В. Сталин признавался, что «у нашего правительства было немало ошибок, были моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах» [Сталин 1949: 352], но он ни разу не назвал свои ошибки. Поэтому многие проблемы и трудности начала войны сталинское руководство страны решило переложить на плечи отдельных этносов, обвинив их в сотрудничестве с фашистами.

К. Н. Максимов в своем исследовании с болью в сердце рассказывает о той несправедливости, которую пришлось пережить калмыкам-фронтовикам и всему калмыцкому народу. В течение 2,5 лет (июнь 1941 — декабрь 1943 г.), по данным автора, в действующую армию из Калмыцкой АССР были призваны 38 778 человек. С учетом находившихся к началу 1941 г. на сверхсрочной и действительной службе (4 432) и призванных (38 778), на фронтах Великой Отечественной войны сражались 43 210 уроженцев Калмыкии, в том числе калмыков — 21 129, русских — 20 223, представителей других национальностей — 1 858 человек. За 2,5 года войны общие потери уроженцев Калмыкии составили 27 741 (64,2 %) человек [Максимов 2010: 345].

К началу 1943 г. в строю Красной Армии осталось 5 906 калмыков, из них офицеров — 365, политработников — 104, млад-

шего начальствующего состава (сержанты) — 656, рядовых — 4 781 человек. В том же году на фронт были призваны 5 509 калмыков. В 1943 г. на полях Великой Отечественной войны сражались 11 415 калмыков, из них погибли — 586 (20 %), умерли в госпиталях — 217 (4,8 %), попали в плен и пропали без вести — 425 (26,7 %). Общие потери составили 4 524 человека (39,6 %), в том числе безвозвратные — 1 228 (51,5 %), санитарные — 3 296 (48,5 %). Цифры свидетельствуют о том, что воины-калмыки смело участвовали в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны, отдавая свои жизни за всеобщую победу.

Однако стремление руководства страны переложить на плечи малых народов свои ошибки в ходе войны вылилось в трагедию для многих фронтовиков-калмыков и калмыцкого народа в целом. Уже с января и до конца 1944 г. с фронтов сняли 4 150 калмыков и отправили на спецпоселения к семьям: офицеров — 102 (в том числе раненых 45), раненых и больных сержантов — 107, раненых и больных рядовых — 498 человек. Воины, сражавшиеся на фронтах Великой Отечественной войны и отдававшие жизнь за Родину, снимались с боевых участков и направлялись в Широковский исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР «для трудового использования», а по существу это был концентрационный лагерь с колючей проволокой, внешней вооруженной охраной, с жестким режимом работы с 6 часов утра и до позднего вечера, с установленными нормами выработки, от которых зависело скудное питание. Фронтовики, воевавшие с фашистами, жили и работали в тех же условиях, что и военнопленные немцы, изменники родины (власовцы и т. п.), констатирует автор.

Прав профессор К. Н. Максимов, утверждая, что фронтовиков-калмыков, воевавших с первых дней войны на полях сражений, не только морально унизили, но и обрекли на физическое уничтожение, т. к. многие из них погибли из-за наитяжелейших условий работы на Широковской ГЭС и других строительных объектах, шахтах Широклага НКВД СССР.

В монографии подчеркивается, что среди заключенных Широклага были участники Сталинградских боев, обороны Ленинграда, Севастополя, Кавказа, Крыма и т. д. Многие заключенные имели боевые награды за проявленное мужество. Так,

466 сержантов и солдат были награждены орденами и медалями, в том числе орденами Ленина — 1, Красного Знамени — 3, Отечественной войны II и III степени — 8, Славы III степени — 17, Красной Звезды — 47; медалями: «За отвагу» — 141, «За боевые заслуги» — 93, «За оборону Сталинграда» — 105, «За оборону Ленинграда» — 34, «За оборону Кавказа» — 10 [Максимов 2010: 348–349].

Политическое решение об упразднении Калмыцкой АССР и о депортации ее коренного населения руководством советского государства явилось трагической страницей Великой Отечественной войны, и, как справедливо отмечает профессор К. Н. Максимов, «жестокий режим, административный надзор над спецпоселенцами лишили калмыков языкового общения, разрушали их национальную культуру, менталитет, религию, традиции, обычаи, хозяйственный образ жизни. Но калмыцкий народ, сохранив историческую память, которая была не подвластна никаким ухищрениям тогдашнего советского руководства, выстоял, не растворился, не исчез с этнической карты мира, остался единым этносом, сберегшим признаки национальной самоидентификации» [Максимов 2010: 382].

В исследовании значительное внимание уделено визуализации истории Великой Отечественной войны. Представленные карты дают возможность читателю наглядно представить контраст советских войск под Сталинградом, изучить героическую оборону города-героя, проследить оборону Кавказа. В книге опубликованы фотографии, которые дают возможность увидеть документальные образы политического руководства КАССР, Героев Советского Союза, генералов Красной Армии, фашистских офицеров, принимавших участие в оккупации Калмыкии, девушек-матросов и др.

Монография К. Н. Максимова — это глубокая, правдивая и очень трагичная работа, которая адресована широкому кругу читателей не только нашей страны, но и ближнего и дальнего зарубежья, где чтят и сохраняют память о Великой Отечественной войне.

Прав был Наполеон I, который утверждал, что «война состоит из непредусмотренных событий». И каждый, кто возьмет в руки этот труд, сам почувствует, как «непредусмотренные события» политического руководства страны в годы Великой Отечественной войны трагически отразились на древнейшем калмыцком этносе.

Ю. А. Стецура,

д-р ист. наук, проф. каф. истории России
Армавирской государственной педагогической академии,
акад. Международной академии духовного единства народов мира

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

17 января 2011 г. состоялась Научная сессия по итогам работы КИГИ РАН РАН в 2010 г., в рамках которой были заслушаны и обсуждены доклады сотрудников Института по завершённым темам научно-исследовательских работ, отчеты по стажировкам и проектам РГНФ и Программам фундаментальных исследований Президиума РАН.

18 января 2011 г. в КИГИ РАН состоялась презентация фундаментального научного труда «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» (в 3-х тт. Элиста: Издат. дом «Герел»; 2009), в которой приняли участие ученые из Калмыцкого государственного университета и научных учреждений, преподаватели средних специальных учебных заведений и творческая интеллигенция Калмыкии. Выступающими был отмечен высокий уровень труда, его актуальность и практическая значимость. Как отмечается в официальном отзыве Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН, «...представленная работа находится в одном ряду с академическими сводами истории российских республик и народов, опубликованных и подготавливаемых в различных регионах в 2000-х гг.». «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» создавалась на протяжении последнего десятилетия коллективом ученых КИГИ РАН. В состав авторского коллектива входили как известные ученые (К. Н. Максимов, В. П. Санчилов, А. Н. Команджаев, М. М. Батмаев, С. С. Белоусов, Н. Г. Очирова, Э. П. Бакаева), так и молодые сотрудники (У. Б. Очиров, А. Н. Басхаев, В. В. Батыров и мн. др.).

1–8 февраля 2011 г. состоялась Неделя науки, посвященная Дню российской науки. В ее рамках была проведена встреча Главы Республики Калмыкия А. М. Орлова с сотрудниками КИГИ РАН, а также были организованы многочислен-

ные встречи ученых с учащимися школ, ССУЗ-ов и ВУЗ-ов Республики Калмыкия, «круглые столы» по актуальным научным проблемам, Дни открытых дверей. В течение Недели науки широкая общественность и учащиеся г. Элисты и районов республики смогли познакомиться с работой научных учреждений. По итогам проведенных мероприятий состоялся республиканский форум ученых, посвященный Дню российской науки.

18 февраля 2011 г. проведена Региональная научная конференция «Взаимодействие культур народов Прикаспия», посвященная 100-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора Урюбджура Эрдниева Эрдниева. На конференции собралось более 100 ученых из образовательных и научных учреждений республики, соседних регионов и ближнего зарубежья. Ректор Калмыцкого государственного университета Б. К. Салаев, открывая конференцию, отметил значительную роль профессора У. Э. Эрдниева в становлении и развитии исторической науки и исторического образования в Калмыцком государственном университете и в целом Калмыкии. Вкладу профессора У. Э. Эрдниева в развитие Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН был посвящен доклад директора Института Н. Г. Очировой, в котором отмечалось, что и сегодня КИГИ РАН достойно продолжает традиции, заложенные патриархом калмыцкой археологии и этнографии. С пленарными научными докладами выступили профессор университета В. Б. Убушаев, О. Д. Мукаева, П. М. Кольцов, В. Н. Бадмаев и А. Н. Команджаев.

В рамках работы 4 секций были обсуждены вопросы археологии, этнографии, международного сотрудничества и перспективы дальнейшего развития исторической науки Калмыкии.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИГИ РАН

Монографии и книги. В 2011 г. реализован совместный международный проект КИГИ РАН и Восточного отдела Венгерской академии наук по изданию книги «Kalmuk Folklore and Folk Culture in the mid. 19th

Century. Philological Studies On the Basis of Gabor Balint of Szentkatolna's Kalmyk Texts» («Калмыцкий фольклор и народная культура в середине XIX века. Филологические исследования на материале калмыцких тек-

стов, собранных Габором Балинтом из Сент-католны»). Издание вводит в научный оборот полевые материалы венгерского ученого Габора Балинта (записи среди калмыков и монголов 1871–1874 гг.), послужившие основой для «Сравнительной грамматики восточного и западного монгольских языков».

В данной публикации представлены образцы разговорного языка, фольклорной традиции (загадки, пословицы, песни, сказки), а также этнографический материал калмыков. Материалы Г. Балинта даны в виде факсимиле рукописи и сопровождаются предисловием, а также переводом на английский язык калмыцких текстов с объемным комментарием.

Монография «История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг.» посвящена одному из сложных и малоизученных периодов в истории буддизма в нашей стране. Буддийская традиция в регионах на территории бывшего СССР была практически прервана. В работе рассматривается религиозная политика в регионах, где традиционно бытует буддизм, в деле возрождения религии. Издание снабжено многочисленными иллюстрациями, подробным научно-справочным аппаратом и адресовано ученым-религиоведам, преподавателям и студентам, занимающимся изучением истории религии в СССР и России конца XX в., а также всем, кто интересуется современной историей нашей страны.

В серии «Сокровища предков», основанной Институтом в 2010 г., вышел ряд следующих работ.

В книгу «Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня» («Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев») вошли сказки, легенды, предания, пословицы, поговорки, загадки, песни хошут, некоторые приметы и поверья калмыцкого народа, а также устные рассказы, записанные от современного сказителя Шани Васильевича Боктаева.

Издание «Хальмг улсин йөрэлмүд» («Калмыцкие народные благопожелания») представляет собой уникальное собрание калмыцких благопожеланий. В книгу вошли тексты более 400 йорялов на языке оригинала, записанные от 85 информантов — знатоков калмыцкого фольклора сотрудником КИГИ РАН М. Э.-Г. Эрдни-Горяевым в конце XX в. в различных районах Республики Калмыкия.

В книге «Генеалогия икицохуровских хошут» представлены генеалогические схемы, отражающие родословную икицохуровских хошут и составленные по материалам, собранным известным сказителем Шаней Васильевичем Боктаевым. Труд адресован широкому кругу читателей, интересующихся вопросами этнической истории и этногенеза калмыцкого народа, особенностями традиций и обычаев предков, а также тем, кто занимается составлением родословных, изучает свои корни и возрождает духовность.

В 2011 г. вышли в свет монографии И. С. Надбитовой («Сюжеты, образы и стилиевые традиции калмыцких волшебных сказок») и Б. Б. Горяевой («Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система»). В книгах исследованы вопросы поэтики калмыцких волшебных сказок в сравнительно-типологическом аспекте, рассмотрены сюжеты, персонажи и традиционные формулы. В работах представлено большое количество опубликованных текстов, а также архивных рукописных записей, ранее не введенных в научный оборот.

Тематические сборники. В сборник научных статей «Монголоведение» (Вып. 5) вошли статьи по проблемам истории, этнографии, языка, литературы и фольклора монгольских народов. Издание отличается большим хронологическим охватом материала, в него включены работы сотрудников Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, а также ученых, представляющих востоковедческие научные центры разных регионов России, Монголии и Китая.

Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. Ч. 2. Выпуск журнала приурочен к 70-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. В нем представлены результаты новейших исследований исторического, этнологического и социологического характера, проводимых в Институте. В выпуске представлены статьи, в которых отражаются вопросы этнической истории, географии расселения ойратов Монголии и Китая, этнографии калмыцкого народа, представлены результаты исследований по фольклору и языкам монгольских народов, а также социологических опросов.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В первом полугодии 2011 г. археологи КИГИ РАН совместно с германскими археологами из Археологического Ландесамта Земли Шлезвиг-Гольштайн под руководством М. А. Очир-Горяевой продолжили выполнение международного археологического проекта «Поселения в степи прееисторического и средневекового времени в волго-маньчских степях». 15–25 апреля было проведено геофизическое исследование поселения «Башанта» археологической экспедицией КИГИ РАН в сотрудничестве со специалистом Баварского Археологического Ландесамта из г. Мюнхен доктором Йргом Фассбиндером и аспирантом Флорианом Беккером.

С 20 марта по 19 апреля 2011 г. по приглашению руководства Северо-Западного университета национальностей

г. Ланчжоу КНР (Northwest University for Nationalities (NWUN), Lanzhou, P. R. China; далее — СЗУН) Б. А. Бичеев находился в научной командировке в школе монгольской филологии и культуры (Mongolian Language&Culture School, NWUN). Основная цель командировки заключалась в научной консультации по изданию текстов на ойратском тодо бичг 'ясном письме'. Помимо того, была проведена работа с аспирантами монгольского факультета СЗУН (NWUN). С аспирантами третьего года обучения Орунтуя и Легцек (научный руководитель — д. ф. н., профессор Бату), исследующими народные песни монголов, были проведены занятия по вопросам жанровых особенностей, содержания и особенностей создания протяжных калмыцких песен исторического содержания.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ

25 марта 2011 г. на заседании Диссертационного совета Д 212.305.01. при Астраханском государственном университете успешно защитила докторскую диссертацию по теме «Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.)» (по специальности 07.00.02 – Отечественная история) заместитель директора по научно-организационной работе КИГИ РАН *Е. Н. Бадмаева*.

12 апреля 2011 г. на заседании Диссертационного совета Д 212.305.01. при Институте языкознания РАН успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Проблема сложения диалектной системы калмыцкого языка и ее функционирование» (по специальности 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации) старший научный

сотрудник отдела языкознания КИГИ РАН *Н. Н. Убушаев*.

6 июня 2011 года на заседании Диссертационного совета Д 009.001.01 при Научно-исследовательском институте теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств (Москва) успешно защитила докторскую диссертацию по теме «Калмыцкое изобразительное искусство XIX – нач. XX вв. Опыт историко-культурной реконструкции» (по специальности 17.00.04 – «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство, архитектура») старший научный сотрудник сектора этнологии, заведующая Музеем традиционной культуры им. Зая-пандиты Института *С. Г. Батырева*.

Материал подготовил *Е. В. Бембеев*, канд. фил. наук, ученый секретарь КИГИ РАН

К 70-ЛЕТИЮ КИГИ РАН

Очирова Н. Г. Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН: история и современность

Статья посвящена описанию становления и развития академической науки в Республике Калмыкия на примере Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, созданного в 1941 г. Выявлено три этапа развития академической системы, включающих становление академической науки в республике, формирование и развитие науки, трансформацию науки в переходный период. Проанализирована издательская и коммуникативная активность Института.

Ключевые слова: академическая наука, история региональной науки, Республика Калмыкия, переходный период, модернизация.

ИСТОРИЯ

Санчилов В. П. Анонимное «Сказание о дурбэн-ойратах» как исторический источник

В статье рассматривается ойратское сочинение исторического характера «Сказание о дурбэн-ойратах» (XVIII в.), в котором представлены народные интерпретации реальных исторических событий.

Ключевые слова: XVIII век, история ойратов, Джунгарское ханство, Цинская империя, Амурсана.

Трепавлов В. В. Кучумовичи и калмыки: геополитический мезальянс

В статье рассматривается история потомков хана Кучума на рубеже XVI–XVII веков, их взаимоотношения и взаимосвязи с калмыцким народом. Для анализа исторических фактов был привлечен широкий круг источников (архивные материалы, научные труды).

Ключевые слова: хан Кучум, калмыки, тайша Хо-Урлюк, эпоха Кучумовичей, взаимодействие, татарская монархия.

Тепкеев В. Т. Хан Аюка: первые годы правления

Статья посвящена первым годам правления хана Аюки в начале 1670-х гг. На основе уже известных и недавно открытых архивных материалов автор попытался показать в хронологической последовательности первые политические шаги калмыцкого правителя и представить в целом историческую картину русско-калмыцких отношений в этот период.

BY 70TH ANNIVERSARY OF KIH RAS

Ochirova N. Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences: History and Modernity

The article is dedicated to the description of the establishment and development of academic science in the Republic of Kalmykia on the example of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences, founded in 1941. There were revealed three stages of the academic system, which include the establishment of academic science in the republic, the formation and development of science, the transformation of science in the transition period. The author analyzes the publishing and communicative activity of the institute.

Keywords: academic science, history of the regional science, Republic of Kalmykia, transition period, modernization.

HISTORY

Sanchilov V. Anonymous «The Story of Durben-Oirat» as a Historical Source

The article deals with an Oirat historical writing named «The Tale of the Durben-Oirats» which represents folk interpretations of real historical events.

Keywords: the XVIIIth century, the Oirat history, the Dzungar khanate, the Qing empire, Amursana.

Trepavlov V. Kuchumoviches and Kalmyks: Geopolitical Misalliance

The article examines the history of the descendants of Khan Kuchum at the turn of the XVI–XXVII centuries, their relationships and interactions with the Kalmyk people. There was used a wide range of the source base (archival materials, the scientific works).

Keywords: khan Kuchum, Kalmyks, tajsha Ho-Urljuk, Kuchumoviches' stage, interaction, Tatar monarchy.

Tepekeev V. Ayuka Khan: the First Years of the Reign

The article is devoted to the first years of the reign of Khan Ayuka in the early 1670-ies. Based on the known and newly discovered archival material the author tries to show in chronological order the first political steps of the Kalmyk ruler and historical picture of the Russian-Kalmyk relations of that period on the whole.

Ключевые слова: XVII век, калмыки, хан Аюка, Я. Н. Одоевский, К. М. Черкасский, шерть.

Батыров В. В. Этническая группа *деед ламин шевнр*: из истории шабинеровского сословия Яндыковского улуса в XIX веке

В статье рассматриваются вопросы истории этнической группы *деед ламин шевнр* Яндыковского улуса Калмыцкой степи в XIX в. Освещаются проблемы статуса шабинеров казенных улусов Калмыкии.

Ключевые слова: этническая история, история Калмыкии, история буддизма в России.

Максимов К. Н. 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия в военной истории Калмыкии

В статье показана сложная военная обстановка летом 1942 г. на юге страны, где советским войскам на Дону пришлось реализовывать оперативно-стратегическую задачу Ставки Верховного Главнокомандования. В ней уделено внимание формированию 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии, участвовавшей в выполнении задачи Ставки ВГК, и значению ее летнего сражения на Дону в 1942 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, германские войска, советские войска, фронт, командование, армия, 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия, сражение на Дону, защита, сталинградское и астраханское направления.

Белоусов С. С. Государственная власть и деятельность Русской православной церкви на Юге России (1990–2000 гг.)

В статье рассматриваются взаимоотношения органов государственной власти и Русской православной церкви на Юге России в первые постсоветские десятилетия. Автором выявлены особенности государственно-церковных отношений в регионах и дан возможный прогноз будущего их развития.

Ключевые слова: Русская православная церковь, государственно-церковные взаимоотношения, государственная религиозная политика, Юг России.

АРХЕОЛОГИЯ

Очир-Горяева М. А., К. фон Карнап Борнхейм, Кекеев Э. А., Манджикова Л. Д. Поселение «Башанта» с каменными постройками эпохи Средневековья

Keywords: the XVII-th century, the Kalmyks, Ayuka khan, J. N. Odoevsky, K. M. Cherkassky, shert.

Batyrov V. Ethnic Group *Deed Lamin Shevnr*: from History Shabinerovsky Estate of the Yandykovsky Ulus in the 19th Century

This article deals with the history of an ethnic group *deed lamin shevnr* from the Yandykovskiy ulus of the Kalmyk steppe in the XIX-th century. The problems of the status of the shabiner's of owned states uluses of Kalmykia are covered in this research.

Keywords: ethnic history, history of Kalmykia, history of Buddhism in Russia.

Maksimov K. 110th Separate Kalmyk Cavalry Division in War History of Kalmyks

The article is devoted to the description of the difficult war situation in the south of the country during summer 1942 where Soviet troops had to carry out the operationally strategic task of Supreme Headquarters. The author pays special attention to the formation of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division, taking part in performing the task of Supreme Headquarters as well as to the significance of its summer battle on the Don River in the 1942.

Keywords: Great Patriotic War, German troops, Soviet troops, front, headquarters, army, 110th Separate Kalmyk Cavalry Division, battle on the Don River, defense, Stalingrad and Astrakhan directions.

Belousov S. State Authorities and Work of Russian Orthodox Church in the South of Russia (1990–2000)

The article touches upon the problem of mutual relations between state authorities and the Russian Orthodox Church in the South of Russia during the first post soviet decades. The author reveals features of the state and church relations in the regions and suggests the possible forecast of their future development.

Keywords: Russian Orthodox Church, state and church relations, state religious politics, South of Russia.

ARCHEOLOGY

Ochir-Goryaeva M., C. von Carnap Bornheim, Kekeev E., Mandzhikova L. «Bashanta» Settlement with Stone Buildings of the Middle Ages

Статья посвящена описанию результатов первичного изучения поселения эпохи раннего Средневековья «Башанта» в Городовиковском районе Республики Калмыкия. В ходе архелогической экспедиции были обнаружены остатки северо-восточного угла здания на фундаменте из колотого ракушечника средних размеров со стенами из самана. На фундаменте и с его внешней стороны найдены фрагменты керамики, черепицы и костей животных.

Ключевые слова: поселения, эпоха бронзы, эпоха Средневековья, керамика, черепица, саман, тесаные блоки, камень-ракушечник, Евразия, степь, археология, Республика Калмыкия.

Кекеев Э. А. Анализ археологического материала раскопок курганной группы «Восточный Маныч»

Статья посвящена анализу археологических находок, обнаруженных У. Э. Эрдниевым и И. В. Синицыным в ходе раскопок трех курганной групп могильника «Восточный Маныч» в 1965 г. Археологические находки были проанализированы с точки зрения их сохранности, преобладания типа находки и др.

Ключевые слова: Восточный Маныч, спасательные раскопки, курган, погребение, музейная коллекция, археологические находки.

Буваев Д. А. Материалы исследований курганного могильника «Гашунский»

Статья посвящена описанию результатов археологических разведок могильника «Гашунский», расположенного в северо-восточной части г. Элисты. В ходе археологической разведки было выполнено описание современного состояния памятника, составлена археологическая карта могильника с указанием сохранившихся и утраченных курганов.

Ключевые слова: археологические раскопки, курган, могильник, дистанционное зондирование.

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Бакаева Э. П. К проблеме определения шаманства (о современных подходах в религиозно-ведческих исследованиях)

Статья посвящена анализу некоторых подходов в современных исследованиях по шаманству в связи с определением сущности института современных «знающих» (*медлгчи*) в Калмыкии.

Ключевые слова: шаманство, типология, основные концепции, шаманы, практика.

Шараева Т. И. Обряды включения ребенка в социум отца на первом году жизни

The article is devoted to the description of the results of the primary research of the middle age settlement Bashanta in the Gorodovikov District of the Republic of Kalmykia. In the trial trench there were excavated the remains of the building with walls from unburned clay bricks on the foundation from broken shellstone. On the foundation and at its outward side were found a few tens of the pottery, roof tiles and animal bones (sheep and cattle).

Keywords: settlements, epoch of bronze, ceramics, tile, adobe, hewn blocks, coquina, Eurasia, steppe, archeology, Republic of Kalmykia.

Kekeev E. Analysis of Archaeological Material of Excavation of the «East Manych» Mound Group

The article is devoted to the analysis of archaeological finds discovered by U. E. Erdniev and I. V. Sinitsyn during the excavation of the three mound groups burial «East Manych» in 1965. The archaeological finds were analyzed in terms of their safety, the predominance of a type of the find, etc.

Keywords: East Manych, rescue digging, burial mound, entombment, museum collection, archaeological finds.

Buvaev D. Materials of Studies of «Gashunsky» Burial Mound

The article is devoted to the description of the results of archaeological survey of the «Gashunskiy» burial ground located in the north-east part of Elista. While carrying out the archaeological excavations the author fulfilled the description of the present day condition of the given archeological site; created an archaeological map of both the present and destroyed kurgans.

Keywords: archeological excavations, burial mound, sepulchers, materials of remote sounding.

ETHNOLOGY & ANTHROPOLOGY

Bakaeva E. Problem of Definition of Shamanstvo (the current approaches in Religious Studies)

The article is devoted to the analysis of some approaches in the modern researches on shamanism in connection with definition of essence of institute of modern «knowing» (*medlgchi*) in Kalmykia.

Keywords: shamanism, typology, basic concepts, shamans, practice.

Sharaeva T. Ceremonies of Including of Child in the Father's Society for the First Year of Life

В данной статье рассматриваются обряды включения ребенка в социум на первом году его жизни. Социализация ребенка в калмыцких семьях имеет несколько знаковых этапов через наделение его различными атрибутами и организацию жизненного пространства.

Ключевые слова: *ребенок, социум, обряды, атрибуты.*

Балинова Н. В. Структура сельских популяций Икрянинского района Астраханской области (по материалам полевых исследований 2008–2010 гг.)

Настоящая статья посвящена описанию данных, собранных в четырех сельских популяциях Икрянинского района Астраханской области. В результате их анализа было выяснено, что репродуктивный объем изученных популяций (Ne) достаточно высок и варьирует в пределах от 0,4041 до 0,5045, составляя в среднем 46 % от полного объема, а также наблюдаются воспроизводство суженного типа и деформация половозрастной пирамиды, типичная для стареющего населения.

Ключевые слова: *демографическая структура, репродуктивный объем популяции, эффективно-репродуктивный объем популяции.*

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Команджаев Е. А. Законодательные акты как основа формирования правового сознания калмыков в XVII–XVIII веках

Статья посвящена описанию влияния законодательных актов на правовое сознание калмыцкого народа в XVII–XVIII вв. Народные обычаи, монголо-ойратские законы 1640 г., а также последующие дополнения к ним оказали существенное воспитательное воздействие на сознание калмыцкого народа и сформировали основные принципы общежития.

Ключевые слова: *калмыки, формирование правового сознания, правовые нормы, народные обычаи и традиции, монголо-ойратские законы.*

Гунаев Е. А. Проблемы государственного и общественно-политического развития Республики Калмыкия в начале 1990-х годов в зеркале решений съездов калмыцкого народа и народа Калмыкии

В статье рассматриваются роль и значение съездов народа в общественно-политической жизни Калмыкии начала 90-х гг. XX в. Автор приходит к выводу, что съезды народа способствовали выявлению наиболее значимых для того периода в Республике Калмыкия проблем различного характера.

The article discusses the rites of including of the child in society during the first year of his/her life. The socialization of the child in the Kalmyk families has several sign-oriented stages through the allowance him/her with different attributes and the organization of living space.

Keywords: *child, society, rites, attributes.*

Balinova N. Structure of Rural Populations of Ikryaninsky District of the Astrakhan Region (based on field studies 2008–2010)

This article is devoted to the description of the data collected in four rural populations of Ikryaninsky district of the Astrakhan Region. There were found out from analysis that the reproductive capacity of the studied populations (Ne) is rather high and varies within limits from 0.4041 to 0.5045, averaging 46 % from the total amount; reproduction of the narrowed type and deformation of a sexual-age pyramid, typical for the growing old population are also observed.

Keywords: *demographic structure, reproductive capacity of the population, effective reproductive capacity of the population.*

JURISPRUDENCE

Komandzhaev E. Law Documents as a Basis of Forming the Kalmyk Legal Consciousness in the XVII–XVIII Centuries

This article is devoted to the description of the influence of the law documents on the legal consciousness of the Kalmyks in XVII–XVIII. National customs, mongolian-oyrat laws of 1640 and following additions exerted essential educational influence on the kalmyk consciousness and formed the basic principles of the social intercourse.

Keywords: *Kalmyks, forming of the legal consciousness, law standards, national customs and traditions, Mongolian-Oirat laws.*

Gunaev E. Problems of State, Social and Political Development of the Republic of Kalmykia in the Early 1990-s in the Mirror of Decisions of Congresses of the Kalmyk People and the People of Kalmykia

The article considers the role and the importance of the congresses of people in the social and political life of Kalmykia of the early 90-ies of the XX century. The congresses of the people helped to identify the most significant problems for the Republic (political, economic, ethnic, cultural) at that period.

Ключевые слова: съезд калмыцкого народа, съезд народа Калмыкии, Конституция, национально-культурное возрождение, межэтнические отношения.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бадгаев Н. Б. О некоторых особенностях системы вокализма и консонантизма среднемонгольского языка: к проблеме унаследованного и приобретенного (на материале словаря «Мукаддимат ал Адаб»)

Статья посвящена исследованию некоторых фонетических особенностей средневекового монгольского языка в контексте языковых контактов и лингвогеографического анализа. В центре внимания автора находятся вопросы, связанные с разработкой проблем исторической фонетики в области вокализма и консонантизма, в частности феномена фонетических изменений и модификаций.

Ключевые слова: фонетические особенности, среднемонгольский язык, лингвогеографический анализ, языковые контакты, гласный, согласный, дифтонгизация, спирант.

Бурькин А. А. Эрцес ~ Иртыш. К этимологии эпического и исторического гидронима

В статье содержится комментарий к топонимам, представленным в песне XI калмыцкого героического эпоса «Джангар», среди которых присутствует гидроним *Эрцес Бумба*, по научной традиции идентифицируемый как река Иртыш. Автор приводит контексты с гидронимом *Иртыш* из «Сокровенного сказания монголов» и хроники Рашид-ад-дина. Анализируя этимологии гидронима *Иртыш*, автор впервые в научной литературе указывает, что гидроним *Иртыш* происходит из енисейских (кетского и других) языков.

Ключевые слова: *Иртыш*, гидронимы, эпос, монгольские языки, тюркские языки, енисейские языки, кетский язык.

Лиджиев А. Б. Материалы к изучению устаревшей военной лексики калмыцкого языка

Данная статья посвящена изучению и реконструкции устаревшей лексики военной тематики в калмыцком языке. Для сравнения лексических единиц были привлечены различные источники и данные из других монгольских языков.

Ключевые слова: калмыцкий язык, монгольские языки, историзмы, архаизмы, устаревшие слова, военная лексика.

Бембеев Е. В. К вопросу о частицах калмыцкого языка (историко-сравнительный аспект)

Keywords: *the congress of the Kalmyk people, the congress of the people of Kalmykia, the Constitution, ethnic and cultural revival, interethnic relations.*

LINGUISTICS

Badgaev N. Some Features of Vowel and Consonant Systems in Mid-Mongolian Language: towards a Problem of Inherited and Acquired (based on the Dictionary «Mukaddimat Al Adab»)

The article deals with some of the phonetic features of medieval Mongolian language in the context of language contacts and linguo-geographical analysis. The author focuses on the issues related to the development problems of historical phonetics of vowel and consonant, in particular the phenomenon of phonetic changes and modifications.

Keywords: *phonetic peculiarities, the Middle Mongolian language, language contacts, vowel, consonant, diphthongization, spirant.*

Burykin A. Ertsets ~ Irtysh. For the Etymology of the Epic and Historical Hydronym

The article contains the comment to the proper geographic names, presented in the songs of Kalmyk heroic epos «Dzhangar» among which there is the hydronym Ertsets Bumba, by scientific tradition identified with the river name Irtysh. The author gives some name indications of the given hydronym in «the Secret History of Mongols» and the chronicle of Rashid-ad-Din. Analyzing the etymologies of Irtysh hydronym, the author for the first time in the scientific literature shows that Irtysh hydronym originates from the Yeniseic (Ket and others) languages.

Keywords: *the Irtysh river, hydronyms, epos, Mongolian languages, Turkic languages, Yeniseic languages, Ket language.*

Lidzhiev A. Materials for Study of Outdated Military Vocabulary of the Kalmyk Language

This article is dedicated to study and reconstruction of outdated military vocabulary in the Kalmyk language. For comparison of lexical units the different sources and data of other Mongolian languages were analyzed.

Keywords: *Kalmyk language, Mongolian languages, historicisms, archaisms, outdated words, military vocabulary.*

Bembeyev E. On the Particles of Kalmyk Language (historical and comparative aspect)

Статья посвящена описанию и структурно-семантическому анализу частиц калмыцкого языка в историко-сравнительном аспекте на основе текстового материала XVIII–XX вв. Историко-сравнительный анализ этой части речи выявил, что, несмотря на то, что некоторые частицы исчезли под влиянием разных факторов, в современном калмыцком языке их количество и функции значительно расширены.

Ключевые слова: *грамматика, служебные слова, частицы, современный калмыцкий язык, старописьменный калмыцкий язык.*

Омакаева Э. У. Глагол как доминанта в свете модельного описания предложения-высказывания в монгольских языках (проблемы классификации)

Статья посвящена исследованию узловых проблем, связанных с осмыслением принципов глагольной классификации и теоретического статуса глагола как доминанты предложения, направленным на преодоление понимания глагола-сказуемого как чисто реляционной сущности, лишенной семантического содержания, и разработкой методики модельного описания базового компонента синтаксиса как системы ядерных глагольных конструкций.

Ключевые слова: *глагол, синтаксическая доминанта, коммуникативная организация, семантика, предикат, предложение, высказывание, текст, монгольские языки.*

Очирова Н. Ч. О деепричастиях и деепричастных оборотах в романе К. Эрендженова «Галан хадл» («Береги огонь»)

Статья посвящена выявлению различных форм выражения субъекта деепричастий и деепричастных оборотов в прозе К. Эрендженова. В ходе анализа материала исследования было выяснено, что деепричастия и деепричастные обороты в романе играют ведущую роль в создании индивидуального стиля писателя.

Ключевые слова: *деепричастие, деепричастный оборот, субъект, подлежащее, придаточное предложение.*

Мулаева Н. М. Сравнения в произведениях Л. Инджиева *Харалта өдрмүд* («Проклятые дни») и *Большевикүд* («Большевики»)

Статья посвящена анализу сравнительных конструкций в калмыцком языке на материале повестей Л. Инджиева «Проклятые дни» и «Большевики». Были выявлены наиболее частотные послелогии, участвующие в образовании сравнительных конструкций, а также их семантические группы и структура.

The article is dedicated to the description and structural&semantic analysis of the particles of the Kalmyk language in the historical and comparative aspect based on text materials XVIII–XX centuries. The historical and comparative analysis of this part of speech revealed that in spite of disappearing some particles under the influence of different factors their quantity and functions are considerably expanded in the modern Kalmyk language.

Keywords: *grammar, functional words, particles, modern Kalmyk language, old written Kalmyk language.*

Omakaeva E. Verb as a Dominant in the Light of the Model Description of the Sentence-Utterance in the Mongolian Languages (classification problems)

The article is devoted to the research of the key problems connected with principles of verbal classification and the theoretical status of a verb as a dominant of the sentence, directed on overcoming of understanding of a verb-predicate as purely relational essence deprived of the semantic maintenance, and working out of a technique of the modeling description of a base component of syntax as a system of nuclear verbal constructions.

Keywords: *a verb, syntactic dominant, the communicative organization, semantics, a predicate, the sentence, the utterance, the text, the Mongolian languages.*

Ochirova N. About Gerunds and Participial Constructions in the K. Erendzhenov's Novel «Galan Khadgl»

The article is devoted to revealing of the various forms of expression of the subject of the gerunds and participial constructions in the K. Erendzhenov's prose. There were found out that gerunds and participial constructions in the novel play a lead part in the creation of the individual style of the writer.

Keywords: *gerund, participial construction, subject, subject, relative clause.*

Mulaeva N. Comparative Constructions in the L. Indzhiev's Writings «Haralta ödrmüd» and «Bolshevikyd»

The article is devoted to the analysis of comparative constructions in the Kalmyk language based on stories by L.Indzhiev «Proklyatyet dni» and «Bolsheviki». The author revealed the most frequent postpositions used in formation of comparative constructions, as well as their semantic groups and structure.

Ключевые слова: калмыцкий язык, сравнение, послелог, структура сравнительных конструкций, семантические группы сравнительных конструкций, антропоцентризм.

Куканова В. В. Архитектура метаописания Национального корпуса калмыцкого языка
Статья посвящена описанию архитектуры метаописания текстов, образующих Национальный корпус калмыцкого языка. Автор анализирует ряд стандартов, существующих для описания метаданных, и создает на основе их контаминации и модификации свою собственную систему атрибутов, релевантных функционированию калмыцкого языка.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, Национальный корпус калмыцкого языка, метаразметка, или метаописание, тэги.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Музраева Д. Н. «Сутра о мудрости и глупости». Литературная судьба буддийского канонического сочинения в монголо-ойратском мире XVI–XX веков

В данной статье автор прослеживает литературную судьбу популярного памятника буддийской литературы «Сутры о мудрости и глупости» (тиб. *'Dzangs blun zhes-bya-ba thegpa chen-po'i mdo*) вплоть до XX в. на материале источников на тибетском, старописьменном монгольском и ойратском языках, а также востоковедной литературы.

Ключевые слова: сутра, канон, письменные источники, монгольские и ойратские переводы.

Кукеев А. Г. О биографии Кункен Жамьян Шадба I

Статья посвящена освещению некоторых фактов биографии Кункен Жамьян Шадба I, автора учебных пособий монастыря Дрепунг Гоманг, основателя монастыря Лабран.

Ключевые слова: Жамьян Шадба, Дрепунг Гоманг, Лабран.

Борлыкova B. X. Хальмг амн үгин зокъял Даван Гэрэн «Алтма» поэмд (Элементы фольклора в поэме Г. Даваева «Алтма»)

В данной статье рассматриваются характер взаимодействия фольклорных элементов и их функциональная нагрузка в идиостиле поэта Гари Даваева на материале поэмы «Алтма». В ходе анализа было выявлено, что данные элементы выполняют композиционную, текстовую и другие функции, а также обогащают язык художественного произведения, создавая национально-самобытный колорит.

Keywords: Kalmyk language, comparison, postposition, structure of comparative constructions, semantic groups of comparative constructions, anthropocentrism.

Kukanova V. Architecture of Metadescription in the National Corpus of the Kalmyk Language

The article is dedicated to the description of meta-description's architecture of the texts forming a National Corpus of the Kalmyk Language. The author analyzes a number of standards existing for description of metadata, and creates on the basis of contamination and modification their own system of attributes which are relevant to the functioning of the Kalmyk language.

Keywords: corpus linguistic, National corpus of Kalmyk language, metarazmetka, or metaannotation, tags.

ЛИТЕРАТУРА

Muzraeva D. «The Sutra of Wise and Fool». Literal Destiny of Buddhist Canon Writing in the Mongolian and Oirat World of the XVI–XX Centuries

The author describes a literary destiny of popular monument of Buddhist literature «The Sutra of Wise and Fool» (*'Dzangs blun zhes-bya-ba thegpa chen-po'i mdo*) until 20th century on the materials of Tibetan, Old Mongolian and Oirat written sources.

Keywords: sutra, canon, written sources, Mongolian and Oirat translations.

Kukeev A. About biography of Kunken Jamyang Shadpa I

The article is devoted to the description of some facts of biography of Kunken Jamyang Shadpa I Ngawang Tsondu, the author of manuals of Drepung Gomang monastery, the founder of Labrang monastery.

Keywords: Jamyang Shadpa, Drepung Gomang, Labrang.

Borlykova B. Folklore in the G. Davaev's Poem «Altma»

The article examines the character of interaction of folklore elements and their functional load within the idiostyle of poet Gary Davaev on material of the poem «Altma». The author revealed that these elements perform several functions: compositional, textual and others, and also enrich the language of artistic work, creating national-original colour.

Ключевые слова: поэзия, поэма, фольклор, исторический рассказ, песня, триады, благопожелание, восхваление.

Зумаева Д. Ю. Философская парадигма Востока в современной русскоязычной поэзии Калмыкии (на примере цикла стихов Р. М. Ханиновой «В тени Конфуция»)

Статья посвящена анализу содержания поэтического цикла Р. М. Ханиновой «В тени Конфуция», в котором разворачивается диалог с философом. Автор приходит к выводу, что особая значимость всего цикла заключается в том, что поэт не просто переосмысливает идеи древности, но и задает определенное направление в прочтении образцов китайской дидактики.

Ключевые слова: учение, мораль, древность, память, мудрость, истина, восточная философия.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Убушиева Д. В. Песня «О битве богатыря Алого Хонгора с Авланги ханом» в записи от Бадмы Обушинова (к вопросам текстологии)

В статье освещается ряд текстологических вопросов, решение которых необходимо для научно-адекватной подготовки свода калмыцкого фольклора. Материалом для анализа данной проблематики послужила песня «О поединке богатыря Алого Хонгора с Авланги ханом» в записи от донского калмыка Б. Д. Обушинова.

Ключевые слова: архив, фонд, запись, текст, перевод, текстология, эпос, сказитель.

Селеева Ц. Б. Динамические и статические свойства пространства и времени в калмыцком героическом эпосе «Джангар»

В статье рассматриваются статические и динамические свойства категорий пространства и времени эпической картины мира калмыков. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что данные базовые категории преломляются в таких сакральных точках пространства и времени, как центр мира, начало времен и др.

Ключевые слова: эпос «Джангар», пространство, время, центр мира, время творения.

Басангова Т. Г., Манджиева Б. Б. Калмыцкая кумулятивная сказка: проблемы классификации и сохранности текста

Keywords: poetry, poem, folklore, historical stories, songs, triads, good wishes, praise.

Zumaeva D. Philosophical Paradigm of the East in Modern Russian Poetry of Kalmykia (based on the R. M. Haninova's cycle of poems «In the shadow of Confucius»)

The article is devoted to the analysis of the poetic cycle «In the shadow of Confucius» by R. M. Khaninova where the dialogue with the philosopher is described. The author comes to the conclusion that the special significance of the whole cycle is not only in poet's reconsidering ideas of antiquity but also in creating a certain way for reading the samples of Chinese didactics.

Keywords: a doctrine, morality, antiquity, memory, wisdom, truth, orient

FOLKLORISTICS

Ubushieva D. Song «About the Battle of the Epic Hero Ulan Khongr with Avlangi Khan» Recorded from the Don Kalmyk B. D. Obushinov (to issues of textology)

The article deals with a number of textual problems which are necessary to solve for scientifically adequate preparation of Kalmyk folklore collection. The Song recorded from the Don Kalmyk B.D. Obushinov «About the battle of the epic hero Ulan Khongr with Avlangi khan» was taken for analysis.

Keywords: archive, fund, recording, text, translation, textology, epos, narrator (of folk tales).

Seleeva Ts. Dynamic and Static Attributes of Space and Time in Kalmyk Heroic Epos «Dzhangar»

The dynamic and static attributes of categories of space and time of the epic world-view of Kalmyks are considered in the article. The analysis allows to draw a conclusion that the given basic categories reflect in the sacral points of space and time such as center of world, beginning of times, etc.

Keywords: epos «Dzhangar», space, time, center of world, time of creation.

Basangova T., Mandzhieva B. Kalmyk Cumulative Fairy-tale: Problems of Classification and Integrity of Texts

Статья посвящена особенностям калмыцких кумулятивных сказок, их классификации. Рассматриваются три разновременные записи текста кумулятивной сказки «Сарин сарулла йовж йовад» («Шла я светлой лунной ночью»). Полное синоптическое сопоставление трех вариантов текста показало, что их сюжетно-повествовательная основа сохранила линию повествования, несмотря на наличие стихов, которые различаются в этих версиях.

Ключевые слова: сказка, кумуляция, синоптический анализ, сохранность, вариации, устойчивые элементы.

Горяева Б. Б. Национальная специфика калмыцких народных сказок: локальные, контаминированные и обрамленные сюжеты

В статье рассматривается национальная специфика калмыцких народных сказок, представленная в локальных сюжетах, в сюжетных контаминациях и обрамленных сюжетах. Их анализ показывает, что калмыцкие волшебные сказки отражают своеобразие мировосприятия монгольских народов и этнической картины мира калмыков, сложившейся в определенном природном окружении и специфических условиях кочевой культуры.

Ключевые слова: калмыцкая сказочная традиция, волшебная сказка, локальные сюжеты, сюжетная контаминация, обрамленные сюжеты.

Надбитова И. С. Сюжетный фонд калмыцких волшебных сказок

Статья посвящена сюжетному составу калмыцких волшебных сказок. Анализ показал, что в калмыцкой фольклорной традиции имеются международные и локальные сюжеты.

Ключевые слова: сюжет, калмыцкая волшебная сказка, международные сюжеты, локальные сюжеты, фольклорная традиция

Осорин У. Шинжэнэ өөрднрин домг, домгулгүрин болн сидтэ туульсин туск шинжллт (О мифах, легендах и волшебных сказках ойратов Синьцзяна)

Устное народное творчество синьцзянских ойратов, которое впитало в себя традиции и обычаи предков, отражает их архаическое мировосприятие. Мифы, легенды и сказки относятся к тем жанрам фольклора, которые раскрывают древнейшие представления о происхождении мира.

Ключевые слова: фольклор, мифы, легенды, сказки, традиционное мировосприятие, сюжет.

The article is dedicated to the peculiarities of the Kalmyk cumulative fairy-tales, their classification. Three temporal text records of the cumulative fairy-tale «Sarin sarulla jovdge jovad» is analyzed. Complete synoptical comparison of three types of text has shown that the basis for plot and narration managed to follow the narrative line in spite of the presence of the verses which distinguish in these versions.

Keywords: fairy-tale, cumulation, synoptical analysis, storing, variations, settled elements.

Goryaeva B. National Peculiarities of the Kalmyk Folk Fairy-tales: Local Plot, Plot Contaminations and Framed Plots

The article considers the national peculiarities of the Kalmyk folk fairy-tales represented in the local plot, in plot contaminations and framed plots. Their analysis shows that the Kalmyk folk fairy-tales reflect the peculiarities of the Mongolian peoples' perception of the world and ethnic world-view of Kalmyks formed in certain natural conditions and specific terms of nomadic culture.

Keywords: Kalmyk fairy-tale tradition, magic fairy-tale, local plot, plot contamination, framed plots.

Nadbitova I. Plot Body of the Kalmyk Fairy-tales

The article is devoted to the plot body of the Kalmyk fairy-tales. The analysis has shown that there are international and local plots in the Kalmyk folklore tradition.

Keywords: plot, Kalmyk fairy-tale, international plots, local plots, folklore tradition.

Oсорin U. About Myths, Legends and Fairy-tales of Oirats of Xinjiang

The folklore of the Oirats of Xinjiang which absorbed the traditions and customs of the ancestors, is reflected their archaic world perception. The myths, legends and fairy-tales are folklore genre, revealing the ancient view about the origin of world.

Keywords: folklore, myths, legends, fairy-tales, traditional world perception, plot.

ЭКОЛОГИЯ

Габунцина Э. Б. Проблемы водоснабжения Северо-Западного Прикаспия

В статье приводятся сведения по состоянию водоснабжения населения Северо-Западного Прикаспия по регионам: Астраханской области, Республики Калмыкия и Республики Дагестан. Автор считает, что причинами низкого качества воды являются неудовлетворительное состояние водопроводной системы и антропогенное воздействие.

Ключевые слова: водообеспечение, питьевая вода, превышение предельно допустимых концентраций, желчно-каменные болезни, «биосоциальная плата».

Габунцин С. В. Загрязнение атмосферного воздуха как проблема экологической безопасности (на примере Республики Калмыкия)

В статье рассматривается одна из проблем экологической безопасности, являющейся актуальной и для Республики Калмыкия, — загрязнение атмосферного воздуха. Наблюдается тенденция увеличения объемов выбросов вредных веществ в атмосферу.

Ключевые слова: экологическая безопасность, загрязнение атмосферы, стационарные и передвижные источники, концентрация взвешенных частиц, динамика выбросов.

ECOLOGY

Gabunshchina E. Problems of Water Supply in the North-Western Caspian Region

The article gives information on water supply of the North-Western Caspian in the regions: Astrakhan District, the Republics of Kalmykia and Dagestan. The author considers that the reasons of low quality of water are poor state of the water pipe system and human impact.

Keywords: water supply, drinking water, the maximum permissible concentration, gallstone disease, «biosocial fee».

Gabunshchin S. Air Pollution as a Problem of Ecological Safety (based on material of Republic of Kalmykia)

The article considers one of the problems of ecological safety, being relevant for the Republic of Kalmykia — air pollution. There is a trend of increasing emissions of harmful substances into the atmosphere.

Keywords: environmental security, air pollution, stationary and mobile sources, the concentration of suspended particles, the dynamics of emissions.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Бадгаев Николай Боктаевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Бакаева Эльза Петровна — доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: ebakaeva@yandex.ru.

Балинова Наталья Валерьевна — кандидат биологических наук, научный сотрудник отдела этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: balinovs@mail.ru.

Басангова Тамара Горяевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: basangova49@yandex.ru.

Батыров Валерий Владимирович — кандидат исторических наук, заведующий отделом этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: valerabatyrov@mail.ru.

Белоусов Сергей Степанович — кандидат исторических наук, заведующий отделом социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: sbelousovelista@mail.ru.

Бембеев Евгений Владимирович — кандидат филологических наук, ученый секретарь Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: galdma@yandex.ru.

Борлыкова Босха Халгаевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: borlboskha@mail.ru.

Клаус фон Карнап Борнхейм — директор Археологического Ландес Амта земли Гольштайн (Германия, г. Шлезвиг). E-mail: kigiran@elista.ru.

Буваев Дмитрий Алексеевич — научный сотрудник отдела наземных экосистем Института аридных зон Южного научного центра РАН. E-mail: buvaev_ecolog@mail.ru.

Nikolay Badgaev — Ph. D. of philology, research worker of Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Elza Bakaeva — Ph. D. of history, Deputy Director of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ebakaeva@yandex.ru.

Natalya Balinova — Ph. D. of biology, research worker of the Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: balinovs@mail.ru.

Tamara Basangova — Ph. D. of philology, leading research worker of the Literature, Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: basangova49@yandex.ru.

Valeriy Batyrov — Ph. D. of history, Head of the Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: valerabatyrov@mail.ru.

Sergey Belousov — Ph. D. of history, Head of the Department of Social, Political and Ecological Studies at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: sbelousovelista@mail.ru.

Evgeniy Bembeev — Ph. D. of philology, academic secretary of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: galdma@yandex.ru.

Boscha Borlykova — Ph. D. of philology, junior research worker of Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: borlboskha@mail.ru.

Klaus Borncheym — Director of Archeological Landes Amt Land of Golshtain (Germany, Shlezvig). E-mail: kigiran@elista.ru.

Dmitriy Buvaev — research worker of the Department of the Above-ground Ecosystem of the Institute of Arid Zones at the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. E-mail: buvaev_ecolog@mail.ru.

Бурыкин Алексей Алексеевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург). E-mail: kigiran@elista.ru.

Зумаева Дельгир Юрьевна — младший научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: delgir-82@mail.ru.

Габунщина Эмма Борисовна — доктор сельскохозяйственных наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Габунщин Сергей Валерьевич — кандидат политических наук, генеральный директор Экологической общественной организации «Норматив». E-mail: gsv_67@mail.ru.

Горяева Байрта Басанговна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: baira79@yandex.ru.

Гунаев Евгений Александрович — научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Кекеев Эрдни Анатольевич — аспирант Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, младший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарного института РАН. E-mail: kekeev.kekeev@inbox.ru.

Команджаев Евгений Александрович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Калмыцкого государственного университета. E-mail: komandzhaev@mail.ru.

Куканова Виктория Васильевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

Кукеев Адьян Геннадьевич — младший научный сотрудник отдела письменных памятников и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Alexey Byrykin — Ph. D. of philology, leading researcher worker of Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Sankt-Peterburg). E-mail: kigiran@elista.ru.

Delgir Zumaeva — junior research worker of the Literature, Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: delgir-82@mail.ru.

Emma Gabunshchina — Ph. D. of agriculture, leading research worker Department of Social, Political and Ecological Studies at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Sergey Gabunshchin — Ph. D. of politology, General Director of Ecological social organization «Normativ». E-mail: gsv_67@mail.ru.

Baira Goryaeva — Ph. D. of philology, senior research worker of the Literature, Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: baira79@yandex.ru.

Evgeniy Gunaev — research worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Erdni Kekeev — postgraduate student of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Science, junior research worker History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kekeev.kekeev@inbox.ru.

Evgeniy Komandzhaev — Ph. D. of jurisprudence, senior lecturer, Head of Department of theory of state and law at the Kalmyk State University. E-mail: komandzhaev@mail.ru.

Viktoria Kukanova — Ph. D. of philology, research worker of Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

Adjan Kukeev — junior research worker of the Written Monuments and Buddhology Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Лиджиев Александр Борлаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: alli.pm@mail.ru.

Малек Катарина — научный сотрудник Бохумского университета (г. Бохум, Германия). E-mail: malek@gmx.net.

Максимов Константин Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Манджиева Байрта Барбаевна — кандидат филологических наук, заведующий отделом литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: mbairta@mail.ru.

Манжикова Лариса Дандеевна — директор Городовиковского филиала Национального музея Республики Калмыкия (г. Городовиковск). E-mail: kigiran@elista.ru.

Музраева Деляш Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: deliash@mail.ru.

Мулаева Нина Михайловна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: munini76@mail.ru.

Надбитова Ирина Сергеевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Омакаева Элара Уляевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: elomakaeva@mail.ru.

Осорин Утнаш — младший научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: utnash64@mail.ru.

Очир-Горяева Мария Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: mariaochir@rambler.ru.

Alexandr Lidzhiev — Ph. D. of philology, senior research worker of Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: alli.pm@mail.ru.

Katarina Malek — research worker of the Bochum University (Bochum, Germany). E-mail: malek@gmx.net.

Konstantin Maksimov — Ph. D. of history, professor, Head of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Baira Mandzhieva — Ph. D. of philology, Head of the Literature, Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: mbairta@mail.ru.

Larisa Manzhikova — Director of Gorodovikovsky branch of the National Museum of Republic of Kalmykia. E-mail: kigiran@elista.ru.

Delyash Muzraeva — Ph. D. of philology, senior lecturer, senior research worker of the Written Monuments and Buddhology Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: deliash@mail.ru.

Nina Mulaeva — Ph. D. of philology, research worker of Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: munini76@mail.ru.

Irina Nadbitova — Ph. D. of philology, research worker of the Literature, Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Ellara Omakaeva — Ph. D. of philology, senior lecturer, Head of Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: elomakaeva@mail.ru.

Utnash Osorin — junior research worker of the Literature, Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: utnash64@mail.ru.

Maria Ochir-Goryaeva — Ph. D. of history, leading research worker of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: mariaochir@rambler.ru.

Очирова Нина Гаряевна — кандидат политических наук, доцент, директор Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Очирова Нюдля Четыровна — младший научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: ochir.nudlya@mail.ru.

Санчиров Владимир Петрович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Селеева Цаган Бадмаевна — научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: kigiran@elista.ru.

Стецура Юрий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Армавирской государственной педагогической академии, академик Международной академии духовного единства народов мира (г. Армавир). E-mail: kigiran@elista.ru.

Тепкеев Владимир Толтаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: tv75@mail.ru.

Трепавлов Вадим Винцерович — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (г. Москва). E-mail: trepavlov@mtu-net.ru.

Убушиева Данара Владимировна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела литературы, фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: bib.danara@yandex.ru.

Шараева Татьяна Исаевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. E-mail: sharaevati@yandex.ru.

Nina Ochirova — Ph. D. of politology, senior lecturer, Director of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: n.g.ochirova@gmail.com.

Nudlya Ochirova — junior research worker of Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ochir.nudlya@mail.ru.

Vladimir Sanchirov — Ph. D. of history, leading research worker of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Science. E-mail: kigiran@elista.ru.

Seleeva Tsagan Бадмаевна — research worker of the Literature, Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kigiran@elista.ru.

Uriy Stetsura — Ph. D. of history, professor of Department of History of Russia Armavirsky State Pedagogic Academy, academician of the International Academy of Spiritual Unity of Peoples of the World. E-mail: kigiran@elista.ru.

Vladimir Tepkeev — Ph. D. of history, senior research worker of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: tv75@mail.ru.

Vadim Trepavlov — Ph. D. of history, professor, Director of Centre of history of the peoples of Russia and interethnic relation, the leading research worker of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: trepavlov@mtu-net.ru.

Danara Ubushieva — Ph. D. of philology, junior research worker of the Literature, Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: bib.danara@yandex.ru.

Tatjana Sharaeva — Ph. D. of history, junior research worker of the Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: sharaevati@yandex.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК** для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 17.06.2011):

- история;
- юриспруденция;
- филология;
- экономика.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисуночных подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском и английском языках (с обязательным переводом названия статьи, объемом не более 10 строк); 2) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 3) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 4) внешняя рецензия на статью; 5) ББК и УДК; 6) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

№ 1, 2011

Сдано в набор 21.07.2011. Подписано в печать 28.07.2011. Формат бумаги 60x84 1/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,0. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель: Учреждение Российской академии наук
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

Отпечатано в КИГИ РАН (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8).